

792003

**Ф О Л Ъ К Л О Р
С А Р А Т О В С К О Й
О Б Л А С Т И**

ОБЛАСТЬ • САРАТОВ • 1948

OXM.

Фольклор Саратовской области

КНИГА ПЕРВАЯ

СОСТАВЛЕНА
Т. М. АКИМОВОЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. П. СКАФТЫМОВА

САРАТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1946

792003

УСТНОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Настоящий сборник представляет собою выборку из большого количества фольклорного материала, собранного в саратовском Поволжье за 25 лет. Представляя суммарную картину состояния народно-поэтического творчества одной области, он является необходимым звеном в длинной цепи публикаций фольклора разных краев и областей. Не приходится доказывать необходимости краеведческого изучения народного поэтического творчества. Такое изучение поможет, как говорил М. Горький, лучше „видеть всю страну, чтобы жить жизнью всего нашего необъятного Союза“.

Народы Советского Союза с честью выдержали тяжесть войны 1941—1945 г.г., которая была „не только проклятием. Она была вместе с тем великой школой испытания и проверки всех сил народа“.*

Победное окончание войны вызвало большой подъем творческих сил народа и в хозяйственной, и в культурной жизни. Создается богатый фольклор об Отечественной войне 1941—1945 г.г. Вместе с тем отмечается и возросший интерес к историческому прошлому русского народа, а также и к фольклору, к устному творчеству трудового народа,

* И. В. Сталин. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. Госполитиздат. 1946 г.

которым созданы „наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев“.*

Публикуемый сборник ставит своей задачей дать представление о фольклоре саратовского Поволжья во всем разнообразии как традиционных, так и новых произведений. Данная книга является первой частью и характеризует старый, дореволюционный по тематике и происхождению фольклор в его современном звучании. В отличие от других подобных же сборников, он содержит только те из дореволюционных народно-поэтических произведений, которые были записаны в советское время (с 1919 по 1945 г.г.). Почти все материалы сборника публикуются впервые.

Большинство записей было сделано во время фольклорных экспедиций студентами Саратовского государственного университета. Техника записей стоит далеко не на одинаковом уровне. Фонетические особенности говора отмечались очень редко и только в случаях явного их расхождения с литературным языком. Как правило, записи разных районов не отражают таких диалектических особенностей, как оканье и аканье, так как окающие говоры совпадают с литературным написанием, а говоры акающие, особенно умеренные, приближаются к литературному произношению. Очень часто фольклорные экспедиции, в силу их кратковременности, не могли проводить фонетических наблюдений над языком. Синтаксис же и морфология речи сохранились в записях по возможности точно.

Вступительная статья отмечает местные черты в саратовском фольклоре, а также — те изменения, которые он претерпел за длительный период своего развития.

Много произведений из старого дореволюционного фольклора к настоящему времени исчезло совершенно. За советский период сами собой забылись такие виды народного творчества, как заговоры, поверья и религиозные легенды, а также многие обряды, если они не превратились в игру. От-

* М. Горький. О литературе. М., 1937, стр. 450.

мирание старых верований и связанных с ними фольклорных произведений обуславливается общим подъемом культуры в нашей стране. В 1920 г. проф. Б. М. Соколов, проводивший большую работу по собиранию и изучению народного творчества в Саратовской области, отмечал большую сохранность верований, заговоров и т. п., унаследованных от древней старины. В 1925—1926 г.г., как отмечал проф. В. В. Буш, духовные стихи и заговоры наблюдались в гораздо меньшем распространении. В колхозной деревне этих видов творчества мы уже не найдем. Можно сказать, что за годы советской власти, а особенно в период сталинских пятилеток, изменения в фольклоре произошли в гораздо большем размере, чем за целое предыдущее столетие.

Изменения эти выражаются не только в том, что отмирают жанры народного творчества, которые не находят себе отзвуков в современности, но и в том, что во многих произведениях, созданных задолго до Октябрьской революции и бытующих до настоящего времени, нередко проскальзывают черты советского быта, нового отношения к жизни, к труду, к религии. Чаще всего эти штрихи советской действительности можно наблюдать в сказках записей 1930—1938 г.г. (см., например, сказки П. К. Артемьева в нашем сборнике).

Дореволюционные издания саратовского фольклора настолько малочисленны, что некоторые виды народного творчества—сказки, народная драма, загадки, пословицы и т. д.—совершенно не были известны читателю. Настоящий сборник восполняет и этот существенный пробел. Некоторые же из наших материалов вообще не были до сих пор известны; такова народная драма „Как француз Моску брал“.

Современному, пооктябрьскому фольклору Саратовской области предполагается посвятить вторую книгу.

Саратовский фольклор сложился в своеобразных условиях исторического развития Нижнего Поволжья. Завоевание Казани, борьба первоначальников — русских, мордвы и других против кочевников, производивших опустошительные набеги на окраинное население, организация на Волге вольного казачества, крестьянские восстания под руководством Разина, Булавина, Пугачева, имевшие наибольший размах в Поволжье, — такова тематика исторических жанров нашего фольклора. Вполне вероятно, что некоторые из этих произведений и созданы были здесь, в Поволжье.

Древнейшие же произведения русского народного творчества — былины — были занесены к нам, повидимому, первыми переселенцами, а также бурлаками, которые, гонимые нуждой, ежегодно весной стекались на Волгу из разных мест государства. Здесь они передавали свое искусство друг другу и населению Поволжья. Один из сказителей Саратовской области 89-летний старик, бывший бурлак Воротинов рассказывал в 1925 году, что в молодости он знал много былин и все их заучил от бурлаков. Факты занесения былин по Волге отмечают и первые собиратели саратовского фольклора Костомаров и Мордовцева.

Образ бурлака наделяется в былинах героическими чертами. В одной саратовской побывальщине об Илье-сидне Илья Муромец рисуется сыном бурлака и изображен как богатырь.* Героический образ волжского бурлака встречается в былинах, бытующих не только в Поволжье. В сибирском варианте Садко называется „с Волги удал молодец“, который провел здесь 12 лет и, уходя с Волги, благодарил великую реку хлебом-солью.** Образ героя-бурлака сложился под влиянием и, может

* Запись былины произведена В. П. Розовым в с. Максимовке, бывш. Вольского у., в 1924 г. Хранится в архиве Саратовского областного музея.

** Древние российские стихотворения Кириши Данилова. М., 1938, стр. 181.

быть, при участии самих бурлаков. Особенно вероятно это предположение для былин, бытовавших в самом Поволжье.

Первые записи былин в саратовском Поволжье были произведены в 50—60-х годах XIX столетия проф. Шевыревым, Н. И. Костомаровым и А. Н. Мордовцевой.

Всего в дореволюционных записях известно 12 сюжетов былин, бытовавших у нас. Былины эти очень невелики по размеру—не превышают в среднем 30 стихов; отдельные варианты записывались в виде небольших отрывков. Изложение саратовских былин несколько схематично. В большинстве своем это сравнительно поздние сюжеты, отличающиеся к тому же своеобразной обрисовкой быта и социальных отношений. Саратовские былины изображают не Киевское государство XI—XIII веков, а более позднюю крепостническую Россию с чисто местными чертами низового Поволжья. Образы богатырей близки к героям казачьих и, так называемых, разбойничьих песен. В былинах „Илья Муромец на Соколе-корабле“ и „Застава богатырская“ Илья рисуется атаманом. Первая из них известна по записям, сделанным главным образом в Поволжье (из них 4 в бывш. Саратовской губ.). В некоторых вариантах Илья заменяется волжским атаманом Степаном Разиным. Возникновение этой былины относится большинством исследователей к XVII веку. Историк Костомаров в исследовании о Степане Разине усматривает в ней описание персидского похода Разина. Другие исследователи — Б. М. Соколов, Вс. Миллер—считают, что Илья Муромец этой былины может быть отождествлен с Илейкой Муромцем—терским казаком, активно участвовавшим в крестьянской войне начала XVII в. и действовавшим сначала на Волге, а потом в центре государства, вместе с войсками Болотникова. Может быть, этот поволжский период деятельности казака Ильи и отразился в былине, причем образ терского казака был впоследствии заменен популярной фигурой любимого русского богатыря Ильи Муромца. Понятно, что в такой трансформации образ бога-

тыря был особенно близок и понятен казачеству на Дону и волжскому населению. Местные условия отразились в тексте былины и в том, что Сокол-корабль борется с врагами поволжского населения того времени—татарами и калмыками.

Известны были в саратовском Поволжье также былины „Илья Муромец и разбойники“ и „Илья в ссоре с князем Владимиром“. Былины эти, как и предыдущие, по времени создания могут быть отнесены к XVII веку. Последняя из них вполне соответствует настроению казачества XVII века в период его выступлений против помещичьего и правительственного гнета. Этим же протестом, созвучным настроениям поволжского населения тех лет, следует объяснить и популярность былины в нашей области.

Были у нас известны былины: „Сухман“, „Иван Гостиный сын“, „Добрыня и Алеша“ и „Добрыня и змей“.*

В советское время былины в Поволжье не получили дальнейшего развития. Сохранились лишь некоторые из них—об Иване Гостином сыне, о Сухмане и отрывки былины об Илье Муромце и разбойниках, записанные в 1920—25 годах. Однако эти былины уже утратили своеобразие своего склада. По размеру они ближе к песням, имеют короткий стих и исполняются иногда хором, как песни. Некоторые былинные сюжеты в нашем Поволжье передаются в виде побывальщин или сказок; таковы — „Илья-сидень“, „Илья и Соловей-Разбойник“, „Илья и станишники“ и отрывок сюжета об Илье и Святогоре (встреча Ильи с отцом Святогора), записанный в нескольких вариантах.

* * *

Исторические песни имели в саратовском Поволжье гораздо большее распространение, чем былины. В дореволюционных публикациях им уделялось сравнительно большое внимание. Репертуар исторических песен, бытовавших у нашего кре-

* Б. М. Соколов. „О былинах, записанных в Саратовской губернии“. Научное приложение к журналу „Культура“, № 1. Саратов, 1922.

стьянства, весьма обширен. Однако сохранилось далеко не всё. Забылись песни, содержание которых не связано с историей Поволжья: „Женитьба царя Ивана Грозного“, „Малюта“ (песня об убийстве Грозным своего сына), „О Тушинском воре“, „О Михаиле Скопине“, „О Петре I“. Песни об исторических событиях, происходивших в Поволжье, народ помнит. К содержанию этих песен он относится как к подлинным историческим фактам. В этом смысле историческому фольклору отдается предпочтение перед фольклором неисторической тематики: перед сказками, лирическими песнями, что, несомненно, способствует его большей сохранности.

До настоящего времени у нас известны такие древние исторические песни, как „О татарском полоне“. Наш край нередко подвергался набегам кочевников-татар и ногайцев, которые жгли и разоряли села и города и увозили население в плен. Поэтому песня, сложенная еще в XIV веке, продолжала быть понятной и в XVII—XVIII в.в. Борьба окраинного населения против кочевников воспета не только в русском фольклоре, но и у мордвы, чуваш и других народов Поволжья*. Широкое распространение в Саратовской области имеют песни о взятии Казани. Это событие явилось отправным моментом в истории заселения нашего края и послужило источником не только для песен, но и для многочисленных исторических преданий.

До последнего времени поются песни о волжском атамане Ермаке Тимофеевиче, покорителе Сибири. Но наибольшей любовью пользуется руководитель крестьянского восстания XVII в. Степан Тимофеевич Разин. Так, широко известна песня „О сынке Стеньки Разина“ (№ 13 нашего сборника). Интересный вариант ее записан у мордвы.** Конец песни говорит

* См. мордовскую песню „На опушке леса парень Эрзя дрова рубил“. Мордовский этнографический сборник А. А. Шахматова, стр. 97 и 488. СПб, 1910; а также—Саратовский этнографический сборник под ред. Б. М. Соколова, стр. 167—169. Саратов, 1912.

** Саратовский сборник, т. I, отд. 2, стр. 16. Саратов, 1881. Песня записана Голицыным в с. Мордовская Карагужа, бывш. Хвалынского уезда.

о том, как приходит Степан Разин, разбивает тюрьму и выпускает всех невольников. Песни разинского цикла, записанные и в других краях, довольно хорошо рисуют географические условия саратовского Поволжья, что лишний раз подтверждает создание их на нашей почве:

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала река-матушка Камышенка.
Что вела-то за собою берега круты,
Круты красны берега, луга зеленые.
Она устьищем впадала в Волгу-матушку.
Как по той ли реке-матушке Камышенке
Выплывают ли стружочки есаульские...*

Немало песен о Разине и литературного происхождения; особенно широко известны „Из-за острова на стрежень“ и „Как по саду городскому“—Садовникова.

Восстание Булавина отразилось в песне о булавинском атамане Игнатии Некрасове, действовавшем в наших местах и объединившем под своим началом саратовских повстанцев.

Разнообразно отразилось в саратовском фольклоре крестьянское движение под руководством Емельяна Пугачева. Особенно много сложено о нем исторических преданий. Песни же о Пугачеве часто являются старыми разинскими песнями, в которых имя Разина заменено именем Пугачева.** С именем сына Пугачева связана была песня о чубаром коне,*** которая поется до настоящего времени, но уже без имени Пугачева.

Песен о войне 1812 года в дореволюционное время опубликовано было очень немного, но можно думать, что они имели самое широкое распростра-

* Сб. Д. А. К а ш и н а. Часть 2, М., 1834. Приводится в кн. А. Н. Лозановой „Песни и сказания о Разине и Пугачеве“, №№ 13 и 14. М., 1935.

** „Русская старина“, т. XII, стр. 817, 1874. Песня записана Мясоедовой в бывш. Петровском у., перепечатана в 9 выпуске песен Киреевского, стр. 247, М., 1872.

*** М. Е. С о к о л о в. Исторические песни Саратовской губернии. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, 1908, вып. 24, стр. 140.

нение, т. к. прекрасно сохранились до наших дней. Наибольшею известностью пользуется песня „Про Платова казака“. Песня рисует участника Отечественной войны генерала Платова, как народного героя. Причем Платов-генерал осознается как Платов-казак. Этот герой совершает смелые нападения на армию французов, проникает в ставку к самому Наполеону. Его поступки напоминают действия отважных партизан. В настоящее время поются также песни литературные, сложенные значительно позже самих событий Отечественной войны 1812 года. Таковы сатирические песни „Шут на острове родился“ и „Шумел, горел пожар московский“. Они сильно изменены народной обработкой.

Боевые солдатские песни сборника непосредственно примыкают к историческим. Они близки к ним и по тематике, и по жанру, и по принадлежности к одной, создавшей их социальной среде. Их записано немного, т. к. эти песни не являются принадлежностью крестьянского репертуара обычной мирной жизни и часто хорошо помнятся только певцами из бывших солдат; но в военное время оживают, проникая даже в женскую среду. Солдатские песни своеобразны по форме и не используют традиционных образов и мотивов старой народной лирики; в них лишь можно отметить иногда общие черты со старинными историческими песнями. Известны такие песни, которые из одной военной эпохи переходят в другую, сохраняя в целом весь сюжетный остов и изменяя только собственные имена, приспособляя таким образом содержание к новым событиям. Так, от XVIII века сохранилась песня „Пишет, пишет король шведский государыне в Москву“, которая необычайно стойко воскресала в разные войны с некоторыми изменениями: „Пишет, пишет к нам султан турецкий“, „Пишет, пишет король прусский“ и иными подобного рода изменениями. В вариантах начала XX в. эта песня значительно приблизилась по форме к литературной (используется типично литературная рифма и литературный ритм стиха—хорей), обновился и ее несколько архаичный язык. Аналогичной по развитию

является и песня „Поле чистое турецкое“, которая вспоминалась во все турецкие войны.

В боевой и походной военной обстановке бытование старых текстов совершенно закономерно. Иногда солдаты и сознательно обращаются к старым песням, простым и знакомым по содержанию и близким по настроению. Даже в Великую Отечественную войну 1941—1945 г.г. наблюдалось это типичное использование старых военных песен, несмотря на большое количество новой военной лирики.

Вскоре после Октябрьской революции было записано довольно много песен времен первой империалистической войны, напр.: „Под ракитой зеленой русский раненый лежал“, „На горе высокой два дуба стоят, под доской дубовой два друга лежат“, „На возморье мы стояли на германском берегу“, „Ночки темны, тучки грозны по поднебесью плывут“, „Любезный друг, уведомляю, что начат наш кровавый бой“, „Черный ворон, что ты вьешься надо мной“ и другие. Многие свидетельства показывают, что среди окопных песен конца империалистической войны значительное место занимали песни революционные, сохранившиеся от 1905—1907 г.г. Иногда военные песни включали отдельные мотивы этих старых революционных песен, как, например, „Солнце всходит и заходит, а войне конца всё нет“, „Шестьдесят я лет трудился, надрывался над сохой“ и другие.

* * *

Песенная лирика нашего сборника по внутреннему содержанию делится на три части: лирику мужскую, лирику женскую и песни детские. Но это деление выдержано не всегда точно, т. к. такой, например, жанр, как песни рекрутские и солдатские, вовсе не является ни по происхождению, ни по исполнению исключительной принадлежностью мужской части крестьянства. Большое количество рекрутских песен встречается в репертуаре женщин-певиц: Наталии Абрамовой, Мякишевой и Сидантьевой. Преимущественно мужскими являются только боевые, маршевые солдатские песни; преимущественно женскими—любовные и семейные песни; ис-

ключительно женскими—обрядовые: весенние, свадебные, а также причитания. В раздел детских включены специфические песни, исполняемые для маленьких детей—колыбельные, „тутушкальные“, а также и песенки самих детей.*

Песенная лирика саратовского Поволжья высоко поэтична. Некоторые лирические жанры получили свое формирование и развитие именно в Нижнем Поволжье. Я имею в виду прежде всего так называемые разбойничьи песни.

Песни, получившие название разбойничьих, являются старшими из мужских лирических песен Нижнего Поволжья. Как по содержанию, так и по оформлению, они примыкают к разинскому циклу исторических песен. Это наиболее ранние песни общественной тематики, слагавшиеся в период расцвета песенной лирики в XVI и XVII в.в. В условиях своего времени они отражали настроения общественного протеста народа. Они воспевали удалцов, которые не хотели мириться с крепостническим гнетом, которые уходили на берега вольной Волги и здесь либо присоединялись к казачьей вольнице, либо вели бродячую жизнь, наводя страх на судовладельцев. В крепостнической России эти песни пользовались большою любовью. Сложенные большей частью в низовом Поволжье, они были популярны далеко за его пределами. Местом действия в этих песнях почти всегда является

* На первый взгляд, наша классификация не отвечает всем необходимым требованиям. Некоторые разделы песен полностью совпадают с тем, как их обозначают сами крестьяне (песни весенние, песни свадебные); другие, наоборот, не связаны с обозначениями народных певцов и разделены нами по признаку тематическому (песни любовные, семейные, ямщицкие и т. д.). В данном случае пришлось остановиться на наиболее привычном делении. Вопреки установившемуся порядку мы поступили только с песнями позднейшими, литературного происхождения, не выделив их в самостоятельную группу, а поместив в разных отделах, соответственно их тематике. Такое распределение вполне соответствует оценке их народными певцами, которые не отличают порой литературные песни и романсы от песен народных. Таким образом, в целом классификация лирических песен настоящего сборника основана, главным образом, на делении самого крестьянства. Та же масса песен, которая у крестьян не имеет обозначения, распределена по принципу тематическому.

Волга и Поволжье (см. выше примеры разинских песен).

В середине XIX в. разбойничьих песен было записано еще большое количество. Звучавший в них своеобразный социальный протест был понятен народу. Позже они были, повидимому, вытеснены песнями более острыми по социальному звучанию — антикрепостническими и особенно песнями революционной борьбы. Революционные песни, складывавшиеся в эпоху капитализма в городе, в среде пролетариата, получили большое распространение и в деревне в годы буржуазно-демократической революции 1905 года. Их настроения были созвучны своему времени. Старые же разбойничьи песни давно уже отзвучали и позабылись, и лишь иногда отдельные мотивы их воскресали в более поздних песнях, как бы перекликаясь с знакомыми им мотивами социального протеста. Это явление легко проследить на песне Н. Огарева „Арестант“, получившей в 1905 году распространение в Поволжье в народной обработке. В варианте, записанном в 1945 году, узник не барин, как в оригинале Н. Огарева, и просится он на волю не потому, что обессилел от борьбы и хочет уйти „в лес зеленый умирать“, а потому, что ищет борьбы и хочет в этом зеленом лесу „с друзьями погулять“. Также сближает героя-узника с героями старых разбойничьих песен народная обработка известного стихотворения А. С. Пушкина „Узник“.

Высокая культура старой лирической песни в низовом Поволжье видна и в разбойничьих песнях, и в других лирических жанрах. Яркие образцы этого показывают сборники саратовских песен середины XIX в. (часть II сб. Терещенко и особенно сб. Костомарова и Мордовцевой). Прекрасными текстами представлены здесь варианты не только разбойничьих, но и других мужских песен, в частности, рекрутских и солдатских.

Рекрутские и солдатские песни, входящие в следующий раздел, отличаются от солдатских боевых. Это чисто лирические песни, связывающие своей тематикой солдата с жизнью семьи и дома. Темы

этих песен одинаково близки как находящемуся вдали от дома воину, так и его семье. Понятно, что они исполняются не только певцами-мужчинами, но в равной мере и женщинами. (См. репертуары — Лёвина, Парфенова, Абрамовой, Мякишевой и др.). Темы этих песен: разлука, прощанье, проводы мужа или сына, одинокая смерть на чужбине, мысли солдата о своих близких, темы о верности или измене жены, о возвращении и встрече.

Все эти лирические темы живут, не теряя своей жизненной силы, особенно воскресая в военные годы. Летом 1945 года нам удалось записать много таких старых песен, причем и сами крестьяне отмечали их возрождение. Таковы: „Рвала, рвала красавица шелковую травку“ (о смерти полковника), „В Таганроге случилась беда“ (два сокола приносят известие жене о смерти казака, ее мужа), „Пейся, пейся, не пропейся“ (девушка посылает соловья узнать, не убит ли ее милый), „Проходи, денек, скорее, и наступай, ночка, темнее“ (о разлуке и о письме). С той же тематикой песни: „Я день по рощице гуляла“, „Цветет цветочек алый“, „Не пой-ка, млад-соловушек, в зеленом саду“ и другие. Вспомнились старинные песни, полные символических образов. Так, от Грушиной Устиньи, 50-летней женщины, в с. Елшанке, Хвалынского района, была записана „давнишняя“, как она говорит, песня о проводах брата сестрами: как старшая сестра коня вывела, вторая сестра седло вынесла, а третья сестра плетку подала. Не дождавшись брата, сестры пошли его искать — одна рыбкой по морю, другая пчелкой по полю, третья птишкой по лесу. Символические образы этой песни, записанной в 1945 г., древнее публикуемого нами варианта (№ 54 нашего сборника).

Наиболее старыми из публикуемых песен являются: песня о вешем коне, предсказывающем всаднику смерть (№№ 44—45), песня о проводах в армию сына в наказание (№ 54). Повидимому, они существовали как военные до XVIII века, а впоследствии вошли в цикл солдатских и рекрутских. Эти старинные песни насыщены символикой: коню тяжела

ратная сбруя, он опечален, так как чует смерть; „соловьишка“ хочет вернуть соловья, мать — сына (№ 38). В более поздних песнях сопоставления переживаний героя с явлениями природы обычно переносятся в начало песни, чем создается образный лирический зачин песни, определяющий обычно всё ее содержание. Таковы песни: „Уж ты, сад, ты, мой сад“ (№№ 48—49), „Заря моя, зоренька“ (№ 33), „Разливалась Воложка“ (№ 36) и др.

Саратовские варианты старых лирических песен интересны чисто местными чертами. Это не значит, что они и были созданы в нашем Поволжье, как, например, старые разбойничьи песни. В разбойничьей лирике Волга и Поволжье являются основным местом действия. События же солдатских и рекрутских песен рисуются на разнообразном фоне, поскольку они и складывались в разных местах. Говоря о саратовском приуроченье, я имею в виду не просто название места действия песни, например, „В городе Саратове“, „Прощай город, прощай Вольский“ и др. Такие названия механически вставляются или заменяются другими, смотря по тому, где исполняется песня (№№ 37, 42, 43). Большинство саратовских (и шире ниже-волжских) вариантов популярных старинных песен различных жанров включает описание наших мест в виде самостоятельного мотива. В картинах местной природы изображается саратовская степь и Волга во всем ее разнообразии и красоте (№№ 47, 58, 59, 62). Это и весенняя Волга, которая расстается со своим последним тонким ледочком, это и мощная Волга, когда она потопила все „свои берега круты и луга зелены“, это и лоно волжских вод, по которым несется быстрая лодка. Прекрасно владея мастерством старинной песенной техники, наши лучшие певцы создали незабываемые образы любимой на родом реки.

Картины волжского пейзажа чаще всего даются в самостоятельном лирическом вступлении, предвещающем основное содержание песни. Так, поволжские варианты рекрутской песни о том, как отец с матерью выбирают из своих трех сыновей одного

в рекруты, начинаются лирическим зачином о том, как Волга разливалась „во крутые бережки не убиралась, потопляла все горы и доли...“ (см. № 36 нашего сборника и комментарии № 37). Варианты этой песни других мест, сохраняясь в малоизмененном виде, либо не имеют никакого отдельного вступления, либо дают небольшое вступление реалистического содержания.* Известен один вариант с обличительным вступлением,** в котором отражается возмущение крестьян произволом помещиков и их приказчиков во время рекрутских наборов. Каждый из таких зачинов придает особое звучание песне, делая ее содержание то социально-острым, то объективно-повествовательным, то лирическим.

Чисто местный, волжский зачин имеется в песне „Эх вы, горы мои“. Родственники убитого на чужбине воина прилетают в виде ласточек к нему на могилу. Иногда песню называют „Горы Воробьевские“, что говорит о распространении этой песни в центральной России, в то время как родиной ее скорее можно считать юго-восточные степи. (№ 47 нашего сборника). Лирический зачин этой песни, изображающий одинокий ракитовый куст на берегу широко разлившейся Волги, настолько прочно связан с содержанием песни, что сохраняется не только в волжских, но и в других вариантах.

Символический образ Волги — вольной реки встречается даже в весенних хороводных песнях (см. № 74 нашего сборника). Голубь воркует про девичью волю, молодушкам же „воля миновалась“.

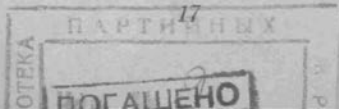
Ох да куда волюшка наша сё девалась?
Ушла волюшка наша да вниз по Волге,
Ох да по широкой реке долгой.

Однако в женских лирических песнях, и тем более обрядовых, такая локализация наблюдается реже.

Среди рекрутских и солдатских песен, сохранившихся до настоящего времени, встречаются

* А. И. Соболевский. Великорусские народные песни. Т. VI, № 80—89.

** Русская баллада, под редакцией В. И. Чернышова. М. 1936, № 79.

песни, значительно отошедшие от старой народной поэтики и оформленные в литературном стиле. Можно отметить, что содержание меньше всего меняется в сюжетной песне, в песне-балладе. Мало обоснованными представляются заявления Н. П. Колпаковой о том, что балладная песня, изменяясь во времени, переходит в чисто лирическую.* Таких примеров нам встречать не приходилось. Старинные баллады, если их содержание продолжает интересоваться и волновать слушателей, живут, полностью сохраняя весь сюжетный остов. Песня может сократиться в объеме, но это сокращение текста происходит не за счет каких-либо мотивов сюжета, а за счет других элементов, в то время как сюжет сохраняется во всех своих эпизодах, но дается более сжато.** Вместе с тем в песнях, сохранившихся до последнего времени, можно наблюдать стремление к обновлению текста. Так, баллада „Служил год, служил два“ (№ 50 нашего сборника) создана очень давно (несаратовские записи известны от начала XIX в.), старые варианты ее отличаются былинным стилем, архаическим языком и обилием символических элементов. В современных вариантах — новый литературный язык, фонетическая рифма, ритм и другие элементы новой техники стихосложения, которыми певцы, повидимому, уже свободно оперируют. В рифмующихся сочетаниях — разные части речи, чего никогда не встречалось в старой народной поэтической технике (см. песню № 50, комментарии № 51 и другие).

Оформление песни меняется не постепенно. Можно думать, что песня обновляется творческими усилиями одного неизвестного певца, и его переделка воспринимается народом. Часто бывает, что обновление старинной песни производит не рядовой певец, а известный поэт. Таковы широко извест-

* Н. П. Колпакова. „Песня на Шуньгском полуострове“. Крестьянское искусство СССР, стр. 130, Л., 1927.

** См. наши песни № 36—37 в сравнении с вариантом Терещенко. Быт русского народа, ч. 2, стр. 404, 1848; № 158 с вариантом Костомарова, стр. 64; № 50 с вариантом Соболевского, т. 1, №№ 70—72.

ные в саратовском Поволжье песни „Ванька-ключник“, обработанная Крестовским и „Степь да степь кругом“, обработанная Суриковым. Народная лирическая песня уже с начала XIX в. стала осваивать новую поэтическую технику, а в языке ее появилось стремление вытеснить все архаические элементы. В народный репертуар проникали литературно оформленные новые песни, к характеру построения которых стали тяготеть и старые песни. Стиль песни явно отходит от символической условности, становясь простым и реалистическим. Иногда старый вариант продолжает жить рядом с новым.

На рекрутских же песнях можно проследить и типичные для народной лирики случаи контаминации песен. Упомянутая выше песня „Служил год, служил два“ в наше время часто соединяется с близкой по тематике песней о проводах солдата „Уж ты, сад, ты, мой сад“. Нам приходилось наблюдать такие варианты, в которых сохранились полностью обе песни, хотя и в несколько сжатом виде. Однако, чаще песни соединяются по иному принципу: только отдельные мотивы одной песни включаются в другую, сохраняющуюся в более полном виде. Такова контаминация этой же песни „Служил год, служил два“ с народной обработкой песни С. Аксакова „Уральский казак“. Здесь (№ 51 нашего сборника) целиком сохранено содержание второй песни и лишь вступление взято из первой.* Необходимо отметить, что объединяются песни только близкой тематики.**

В числе рекрутских и солдатских песен встречаются песни литературные, обработанные народом. Широко известна у нас песня С. Аксакова „Уральский казак“, сюжет которой сохраняется почти без изменений. Меняется только язык песни. Уже народная переделка 50-х годов XIX в.*** отличается

* Такие же примеры см. у Соболевского, т. VI, №№ 512, 513.

** Трудно согласиться с М. И. Костровой в том, что песни соединяются по признаку стиховых созвучий или других формальных признаков. См. М. И. Кострова. Художественный фольклор, 1929, вып. IV—V.

*** Сборник Н. И. Костомарова и А. Н. Мордовцевой, стр. 84—85.

по языку от авторского оригинала. Все славянизмы (священная брань, мать, объемлет, берега и т. д.) заменены современными русскими словами. При большой сюжетной близости с оригиналом народная обработка 50-х годов отстывает от него в развязке: казак не убивает, а только бьет, наказывает жену за измену. В вариантах, записанных в советское время, сюжет мало изменился. Стих в этих вариантах короткий, что при более сжатом объеме придает им характер лирической песни, а не эпической баллады. Народные переделки лиричнее и по содержанию. Приведенный в нашем сборнике вариант кончается мотивом раскаяния казака, убившего свою жену, мотивом достаточно глубоко разработанным. Развитие песен по линии усложнения психологических картин можно наблюдать и в женской лирике.

Ямщицкие и бурлацкие песни сборника представляют собою сравнительно небольшой раздел. По принятой классификации, сюда вошли песни, в содержании которых говорится о жизни ямщиков и бурлаков. Конечно, эта тематика далеко не исчерпывает того громадного репертуара, который в старое время исполнялся в дороге ямщиками, а может быть, частично и создавался в этой среде. Роль ямщиков в развитии песенной лирики, несомненно, была очень значительной; к сожалению, репертуар их не только не изучен, но даже и не учтен. То же самое можно сказать и о песнях бурлацких, которых нам удалось записать очень немного и, главным образом, в отрывках.

Некоторыми исследователями принято выделять раздел песен о крепостничестве. Мы не группируем их. Дело в том, что в народной лирике не имеется специального жанра или хотя бы тематического цикла антикрепостнических песен. Можно говорить об антикрепостнических мотивах, встречающихся в разных лирических жанрах. Такие мотивы присущи и саратовской народной лирике. Встречаются, конечно, и специальные песни, посвященные таким темам. В начале XIX в. была создана так называемая „Просьба, принесенная от крестьян на земский

суд".* Произведение это содержит резкие сатирические выпады на суд и чиновничество. Оно характеризуется своеобразным „раешным стихом“, без размера, что типично для народных жанров юмористической и сатирической тематики. Широкое распространение имела в Саратовской губернии сатирическая песня „Как за барами житье было привольное“.** Вариант ее был записан в соседней Куйбышевской области в 1936 г.*** Песня, повидимому, была создана в период антикрепостнических выступлений крестьян перед реформой 1861 г. Эта песня является очень редким случаем открытой антикрепостнической агитации. Чаще такие мотивы встречаются только попутно в песнях иной тематики и звучат скорее как жалобы, а не как открытый протест. (См. песню в сб. Костомарова, № 76, перепечатанную у Соболевского, т. VI, № 389). Жалобы на угнетенное положение крестьянства звучат иногда и в женских лирических и даже обрядовых песнях. (См. рекрутскую песню с ироническим началом „Расхороша наша барыня“, в которой рисуется ужасающее положение крестьян помещицы Пилюгиной, продававшей своих крепостных в рекруты. № 32 нашего сборника). Можно думать, что таких песен было гораздо больше в то время, когда они звучали не только как отголосок далекого прошлого, а как громкий протест против современного им гнета. Но такие песни не могли в то время получить известности. Да и собиратели того времени или не хотели, или не имели возможности их собирать и печатать.

Массовое распространение революционных песен в деревнях нашего Поволжья началось, главным образом, в период первой буржуазно-демократической революции и непосредственно перед нею. В предании о 1905 годе рассказывается: „Собрались

* Напечатана в Трудах Саратовской ученой архивной комиссии, 1909, вып. 25.

** Н. Л. Бродский. „К воле“, изд. „Польза“, 1911. См. также „Великая реформа“, т. IV, М., 1911.

*** В И. Сидельников и В. Ю. Крупянская. Волжский фольклор, стр. 38—39, Куйбышев, 1937.

революционеры в Макарове и начали марсельские песни петь... оратор ораторствовал, чтобы „вспыхнуло утро“. И в ночь везде загорелись помещики...“ „Тогда крестьяне часто собирались, читали газеты, пели песни. Старикам нравились песни:

Сторонитесь, богачи,
Беднота гуляет!

Лапоть волю берет,
Онучи в почете.*

Революционные песни проникали в народную среду из литературы, и восприняты они были деревней из города, от пролетариата. Революционное звучание получили в эти годы песни „Узник“ Пушкина, „Арестант“ Огарева и другие. Попадая в деревню, эти песни подвергались обработке. Так, в народной обработке пушкинского „Узника“ орел дается как символ прежде вольного узника с его страстным желанием свободы, и оба образа часто сливаются в один, что вполне согласно с законами народной поэтики. Городские варианты обработки „Узника“ (в частности, студенческие) отличны от крестьянских, они близки к оригиналу стихотворения Пушкина, но имеют дополнительное заключение (см. комментарий к № 171 нашего сборника). В народном репертуаре мы встретили только один такой текст (запись М. А. Ванюшиной 1929 г. от хора девушек в с. Лапоть, Золотовского района). Но и этот текст все-таки отличается от городских вариантов более бодрым настроением. Дополнительная строфа в ней помещена предпоследней и вся песня кончается призывом.*

Путь, пройденный от разбойничьей песни к агитационно-революционной, отражает те громадные

* Н. Н. Дурново в своей работе, посвященной анализу народных переделок пушкинского „Узника“ (Пушкинский сборник под редакцией Кирпичникова, стр. 237—254. М., 1900) отмечает отличие народных текстов от оригинала в том, что они изображают орла в темнице. Однако это вопрос спорный. Трудно сказать, какой из авторских текстов был больше известен народу со словами „на воле орел молодой“ или „в неволе орел молодой“, т. к. в печати известны были и тот и другой. Несомненно только то, что народные варианты всегда вносят ясность в этот мотив. Саратовские варианты изображают в начале орла на воле, как большинство изданий Пушкина конца XIX, начала XX века.

сдвиги в социальном сознании крестьянства, которые особенно значительными были в период революционных выступлений. Эти изменения заметны не только в содержании народных песен различных жанров, но и в их оформлении.

Женская лирика в настоящем сборнике представлена весенними, свадебными, любовными и др. лирическими песнями и причитаниями. Наиболее старинными являются обрядовые песни.

Мы не выделяем специально календарно-обрядовых песен, кроме весенних, т. к. в советское время они почти не исполняются или же потеряли свое обрядовое значение. Многие из календарных обрядов еще до Октябрьской революции стали детской игрой и в последующее время частично сохранились только как игра в детской среде. Таково закличание весны с песнями о жаворонках. Мы вынесли песни, связанные с такими обрядами, в отдел детских.

Некоторые из календарных обрядов довольно долго сохранялись у молодежи, но опять-таки как игра. Особенно стойкими явились обряды весенние. В них различаются два цикла—один с элементами сельскохозяйственной магии и другой—цикл песен и игр с тематикой семейно-любовной. Первые из фольклорных экспедиций советского времени еще наблюдали некоторые обряды религиозно-магического содержания, например, проводы весны, исполнявшиеся молодежью в 1923 году.** В начале XX века еще были живы в нашем Поволжье песни о Костроме.***

Экспедиции 1926, 1928 и 1929 г.г. наблюдали заивание венков, похороны весны и другие обряды. Во время этих обрядов исполнялись и старинные песни „Не гуси, не лебеди со лузей подымались“,

* В. В. Буш. О современном состоянии устного поэтического творчества. Записки Саратовского государственного университета, 1926, т. V, вып. 2, стр. 173.

** Б. М. Соколов. По Петровскому уезду. Труды Н.-В. о-ва краеведения, 1926, вып. 34, ч. IV, стр. 14.

*** М. Е. Соколов. Великорусские весенние песни. Гор. Владимир, 1908.

„Уж мы чишу чистили“, „Как по морю, морю синему“ и др. В 1928 году окончен был праздник обычным гулянием по улице с пением разных песен и частушек. Экспедиции 1930-х годов уже не отметили этих обрядов.

Весенние песни пережили обряд. Их помнят и поют до настоящего времени, но уже преимущественно пожилые женщины. Тематика их близка и к песням свадебным и к необрядовым семейным, потому она и не теряет своей актуальности.

В сборнике весенних песен М. Е. Соколова начала XX в. приводятся еще песни магического, заклинательного содержания (№№ 10 и 12). Интересна, напр., такая старинная песня:

Туча с громом соговаривалась, (2)
Пойдем, гром, погуляем, гром (2)
По полю, по татарскому, (2)
Ты с грозой, а я с молоньей, (2)
Ты убьешь, а я выпалю. (2)
Туча с громом соговаривалась, (2)
Пойдем, гром, погуляем, гром (2)
По полю, по Турдакскому, (2)
Ты с дождем, а я с миласью, (2)
Ты польешь, а я выращу. (2)

(Записана в селе Турдаки, бывш. Кузнецкого у.). Песня явно призывает беду на поля старинных русских врагов—татар и, наоборот, закликает благополучие на поля своего села. В советское время мы встретили только раз мотив из приведенной выше заклинательной песни, но он был включен в хорошую тему о девичьей жизни. Девушки выщипали на улице весь шир, но их и судить нельзя: „На девушек нет суду“.

Э, не пыль в поле запылилась,
Э, запылились красны девушки,
Э, румяные моря поднимаются,
Э, туча с громом собираются.
Э, гром говорит: „Пойдем, погуляем со мной.
Э, ты с дождем, а я с молоньей,
Э, ты польешь, а я высушу,
Э, на то село на Григорьевку“.
Э, царь-сударь во поход пошел,
Э, за нем в погонь гонят, и т. д.

Записана песня в 1926 г. в селе Григорьевке, бывш. Вольского у. Конец близок к публикуемому варианту (№ 82), в котором мы видим уже явное забвение магического мотива.

Тематика весенних песен, сохранившихся до настоящего времени, семейно любовная. Потому они часто контаминируются с необрядовыми, более поздними песнями. Интересны саратовские варианты песни о девичьей воле (см. № 74 нашего сборника) с местным приурочением.

Весенние песни сохраняют архаическое оформление. Они имеют симметрическую композицию, изобилуют лирическими повторениями; симметричны они в синтаксических конструкциях. Многие начинаются символическими зачинами (см. №№ 74, 76, 78, и другие).

Темы весенней лирики нашли отражение и в старинных свадебных песнях. Исключительно большое место в них занимают вопросы семьи и дома, что обуславливалось тяжелыми условиями жизни женщины. До самой Октябрьской революции женщина оставалась главной охранительницей старых традиций в жизни и в песенном творчестве. Да и сам свадебный обряд продолжал жить во многих местах до самой Октябрьской революции в неприкосновенном архаическом виде. В полной сохранности жили и свадебные песни. Изменения в них были преимущественно внешне формального порядка. Песни контаминировались с другими свадебными песнями. Отдельные мотивы могли выпадать или выделяться в самостоятельные произведения. (См. песни нашего сборника №№ 98, 107, 130, и 131; 78, 79 и 108). Эта замкнутость сказалась и в том, что часто варьирование шло по линии изменения деталей, замены слов, созвучий при полной неизменности содержания.* В более поздних вариантах можно наблюдать иногда как бы свертывание пси-

* См. песни нашего сборника №№ 106, 126, 153, 154 и соответственно песни сб. Терешенко, стр. 330, 335, 374, 429.

хологического параллелизма. Это способствует большей реалистичности стиля.*

Старинная лирика никогда не изображает внешних черт крестьянского быта. В обрядовых песнях не найти ни курной избы, ни убожества внутреннего убранства жилища, ни бедного крестьянского костюма. Песня дает приукрашенно праздничный бытовой фон.** Древнейшие черты этой идеализации проявляются в стремлении к чисто сказочной фантастике. Так, в саратовских свадебных песнях поется:

Винный мой колодец,
Винный мой глубокий...

или:

Как у нашего князя боярина
Золотые были выходы,
Ступенечки позолоченные...

или:

Уж вы, речушки, речушки,
Вы хрустальные бережки,
По сахару они вытекали
По мелку рассыпчату...

или:

Поля жемчугом сеяны,
Сытою поливаны,
Виноградом горожены...

С другой стороны, невеста в песнях преувеличивает тяготы жизни на чужой стороне:

На чужой на сторонushке
Жить невесело:
Поля горем посеяны,
Горючей слезой поливаны
И кручиной горожены...

* См. песню нашего сборника № 108 и вариант А. А. Минха. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, 1903, вып. 28, стр. 58, а также нашу песню № 107 в сравнении с вариантом Терещенко, стр. 330.

** Об этом см. Де Пуле, "О русской народной лирике". "Филологические записки", 1862, 1; В. С. Миллер. Введение к песням Киреевского, Новая серия, в. 1, 1911; В. Чернышев. "Сведения о говорах"... Изв. ОРЯС, 75 и др. Большинство исследователей в освещении этого вопроса приходило к крупным методологическим ошибкам. См. его интересное решение в ст. Н. Сумцова "Научное изучение колядок и шуриков", "Киевская Старина", 1886, 2.

В дальнейшем песня, сохраняя эту традицию изображать идеально украшенный быт, стремится к некоторому жизненному правдоподобию. Певцы вносят в сказочно-фантастическое* изображение идеализированной среды штрихи быта господствующих классов: браные скатерти, питья медвяные, яства сахарные (для XVII в.), золотая карета, сюртук, башмаки с пряжками и т. д. (для XVIII века). В качестве действующих лиц — князя и бояре (XVII в.); дамы (XVIII в.). Однако точности здесь почти никогда не бывает. Слишком противоречит тенденция к реалистической конкретизации позднейших песен тому магическому значению, которое заключено в древней основе идеализации быта. Часто встречаются в свадебных песнях и прямые несообразности: жених надевает „сертук на правое плечо“, молодая женщина одновременно зовется и „дамой“ и „молодицей“ и т. д. Многие из этих элементов живут в песне очень недолго, и свадебная песня часто возвращается к прежним методам изображения крестьянского быта далекими от реальности, фантастическими чертами.

В вариантах свадебных песен, записанных у нас 100 лет тому назад (см. сб. Терещенко), наблюдается большое количество штрихов современного им дворянского быта. Здесь и „пуховые шляпы“, и „шелковая тафта и ленты“, и „сертук бархатный“, и „жилет розовый“ и „рубашечка канелевая“, и „ленточка букетовая“ и т. д. и т. д.

Современные тексты звучат и древнее и поэтичнее:

Что за дитятко,	Воспородила?
Что за милое	Не часты ль звезды
Уродилось?	Возлелеяли?
Не бела ль зоря	

В некоторых песнях выражались и явно некрестьянские идеалы (песня „Долина, долинушка“, сб. Терещенко, стр. 305).

Женись, женись, дитятко,
Женись, мое милое.
Возьми, мое дитятко,
Князью или барышню
Енеральску доченьку,
Хорошу, пригожую.

Современный вариант поет иначе:

Купеческа доченька тебе не помощница,
Твоим ручкам не работница...

Мать советует сыну жениться на простой девушке:

Она тебе работница и помощница.

Лирические необрядовые, преимущественно женские песни группируются в разделе **семейных, любовных** и других. Этот раздел песенной лирики представлен в нашем сборнике слабее остальных. Материалов по необрядовой лирике саратовского Поволжья собрано очень много и необычайно пестрого по времени и месту его сложения, по соотношению отдельных песен с произведениями литературными, по степени традиционности и т. д. Но в связи с ограниченностью объема сборника пришлось сделать строгий отбор песен и в первую очередь выделить всё наиболее устойчивое. В этой связи и получился несколько односторонний подбор песенного репертуара, главным образом, старшего поколения.

Песни семейные непосредственно примыкают к обрядовым. Многие из них, вероятнее всего, и являются оторвавшимися от обряда песнями. Они рисуют мрачные картины жизни женщины на чужой стороне, в семье мужа. Их можно разделить на две группы. В одних женщина изображается покорно переносящей тяжелую долю и только жалующейся и тоскующей по родным. Это высокопоэтические грустные песни: „Калина с малиною“ (№ 154), „Чтой-то в поле за травынька“ (№ 157), „Черная ягодка, смородинка“ (№ 158), „Летал голубь, летал сизый“ (№ 159). В других же песнях резко меняется тон. В своих неладах с родными мужа невестка сама переходит в наступление и в песнях изображает их сатирически (см., например, песни „Как у наших у ворот“—№ 162, „Затеяла баба хлебы“—№ 156). Последние не лишены резкости выражений и грубоватости образов.*

* Н. Костомаров в работе „Великорусская народная песенная поэзия“ не учел этой особенности семейных песен и потому му неверно их оценил. „Вестник Европы“, 1879, 6.

Неоднократно отмечалось исследователями, что песни в длительном процессе своего бытования и варьирования уменьшаются в объеме. Чаще всего забываются концы их. Факт этот совершенно бесспорен. Однако в нем нельзя усматривать ничего другого, кроме простого забвения. Обычно в таких случаях и сами певцы указывают на то, что песня спета не полностью и что конец ее забыт. Совершенно неверно рассматривать это явление наряду с процессами творческого изменения песен и, в частности, как один из показателей перехода баллады в бессюжетно-лирические песни.

В середине XIX в. в саратовском Поволжье была, повидимому, широко известна песня о муже-разбойнике. Она записана в двух разных редакциях. * В одной из них песня рассказывает, как дочь жалуется, что родители отдали ее замуж за вора-разбойника. Он с вечера коня седлает, в полночь со двора съезжает, „а к свету вор с добром на двор“. Убирая коня и платье, жена узнает, что муж ограбил и убил ее родных. Она упрекает его. Вор убивает и жену. Кончается песня тем, как, убаюкивая своего ребенка, вор говорит, что не он погубил его мать, а погубили „злы товарищи“. Во второй редакции начало гораздо короче:

Собирался разбойничек по вечеру на разбой,
С разбоя ехал, двенадцать коней вел.

Жена узнает по окровавленной рубашке, что муж ограбил и убил ее брата. Она упрекает мужа, а тот ей отвечает, что не он погубил, а „сгубили, погубили его поздни вечера, глуха матушка-полночь“. Эпизода с убийством жены нет. **

Песня о муже-разбойнике продолжает жить до настоящего времени в этих двух редакциях. Современный вариант первой редакции приводится в на-

* Н. И. Костомаров и А. И. Мордовцева, стр. 64 и А. И. Соболевский, т. I, № 197.

** Архив исторических и практических сведений, издаваемых Калачевым, 1860, кн. I, стр. 39. Перепечатана А. И. Соболевским, т. I, № 197.

Исследование об этой песне: В. Н. Перетц, „Современная русская народная песня“. М., 1893.

шем сборнике (№ 158 „Черная ягодка-смородинка“). Вариант второй редакции записан в 1945 году. Оба современных варианта имеют несколько скомканный и укороченный конец. При записи в 1945 году певица отметила, что конец она забыла. Вместе с тем в новых вариантах обеих редакций песня стала лиричнее. Разрабатывается детальнее мотив предупреждения разбойником жены, чтобы она ждала его:

Как со вечера муж коня седлал,
Во глуху полночь со двора съезжал,
Молодой жене все наказывал:
„Молода жена, не гаси огня,
Если огня нехватит, то лучину жги,
А лучины нехватит, то к шабренке сходи“.

В этих словах звучит тревога и настороженность мужа-разбойника, которыми он заражает и жену. Лирически звучит мотив сборов в варианте, записанном в 1945 году:

Собирался ворик на разбой.
Его мать, ворику, не пушала,
Благословленья ему не давала,
Вор не слушает, ворик-разбойник
Своей матери родной.
Собрался ворик на разбой...* (Конец обычный).

Это начало достаточно хорошо показывает, насколько песня отошла от старой баллады с развитым сюжетом и эпически покойным повествованием. Песня приобрела не только типичные черты лирического стиля, но и новое отношение к герою, более мягкое, человеческое. И вместе с этим песня не только не снимает с разбойника вины, но углубляет ее, введя мотив о разрыве его с матерью, не пускавшей его на разбой. Одно и то же повествование дается в старом и современном вариантах с разных точек зрения. Старый вариант** ведет повествование о внешних событиях, изображая их как бы со стороны; в современном варианте события рассматриваются с точки зрения самих героев. То же самое наблюдается и в изменениях первой редакции песни. Но здесь нельзя говорить о переходе

* Записан Е. Шиминой в с. Подлесное, Хвалынского района, от Кудрявцевой, 60 лет.

** А. И. Соболевский, т. 1, № 197.

баллады в бессюжетную песню, т. к. сюжет ее сохраняется.

Любовные песни нашего сборника не многочисленны, в то время как удельный вес их в общем репертуаре народной лирики огромен. Однако старинных среди них встречается не так много. Внешнее оформление любовных песен часто отличается большею новизною, чем песен обрядовых или семейных. Во время экспедиций нам неоднократно приходилось слышать высказывания стариков, которые свидетельствуют о большой новизне любовных песен по сравнению со всякими иными. В 1945 году один старик-певец сказал: „в старинное время, бывало, двенадцать песен пропоют и ни разу миленького не назовут“. Такое наблюдение самих крестьян говорит не о том, что старым народным песням не свойственна любовная тематика. В старых свадебных и других обрядовых песнях тема любви есть, но изображается она исключительно через внешние показатели, главным образом, через сопоставление с явлениями природы. Характерны в этом смысле песни „Уж вы, речушки, речушки“, „Вы, цветы ли, мои цветики“ (№№ 106, 107) и другие, где любовные отношения изображаются через символический мотив „золотой“ игры. Если же в свадебной песне любовная тема стоит в центре внимания, то она дается или не развернуто, или символично. Такова песня „Недолго веночку на стеночке висеть“ (№ 109) и другие.

В любовной лирической песне, в противоположность обрядовой, тема о любви ставится в центр внимания и разрабатывается детальнее и разнообразнее. Вместе с тем эти песни и реалистичнее в своих методах изображения отношений героев. Они показывают внутреннюю жизнь героев без символических сопоставлений. Типичны песни нашего сборника „Можно, можно в роще разгуляться“ (№ 145), „Безо времечка снежки белы выпадали“ (№ 146), „Сижую на лавочке“ (№ 147), „Уж ты, Катя, Катюшенька“ (№ 165) и др. В некоторых еще сохранились остатки старой символики. Но символ уже разрушен, раскрыт. Так, символ ломать виноград — лю-

бить в песне „Сижу я на лавочке“ уже утрачен, ему дано реалистическое толкование: девушка ломает виноград и кидает его милому на кровать, для того „чтобы ему мягче было спать“. Утрачен символ и в песне „Безо времечка снежки белы выпадали“. Существенно меняется в этих песнях героиня-девушка, которая становится более активной и самостоятельной. Чаше начинает появляться в этих песнях „миленький“, который в старой обрядовой лирике был дан объективно, как „добрый молодец“.

Любовная тематика внедряется в старую песню иногда механически, и при этом искажая даже смысл песни. Так, в известной старинной песне „Подуй, подуй, погодушка с высоких гор“, рассказывается о том, как отец зовет девушку домой, где идет „веселая компания“, повидимому, сговор девицы за немилото. В этой песне часто стало изменяться начало таким образом: в веселой компании пьет не батюшка, а миленький, и он зовет девушку. Из-за одного только слова совершенно изменился смысл песни.* Стало непонятно, почему девушка медлит и не идет на зов, тем более, что в этих вариантах снимается мотив насильного просватывания. В саратовских вариантах встречается и „батюшка“ и „миленький“, зовущий девушку на беседу.

Чаше можно наблюдать, как любовные мотивы включаются в старые нелюбовные песни, причем не всегда такая контаминация бывает достаточно удачной. (См. весенние песни нашего сборника „На леду голубь воркует“ № 74, „Летал голубь, летал сизый“ № 159 и др.). Такие примеры встречаются и в записях 40-х г.г. XIX в.**

Усиление любовной тематики в песенном репертуаре сказывается не только в изменениях старых песен, но, главным образом, в распространении любовных романсов литературного происхождения. Любовные песни и романсы западно-европейского типа получили известность уже в песенниках конца

* Лопатин и Прокунин. Сборник русских народных песен, ч. 1, стр. 24. М., 1899.

** Сб. А. В. Терещенко, стр. 380.

XVIII в.* Проникновение этих песен в народный репертуар началось, вероятно, не раньше XIX в., и вначале оно было, повидимому, еще очень робкое. В 40-х г.г. XIX в. в Саратовской губернии была записана песня „Ночною темнотою“, являющаяся обработкой стихотворения Ломоносова, которая произведена соответственно народному пониманию. Амур превращен в чародея—возлюбленного, герой— в героиню. Вместо символического изображения любовного томления, как это было в оригинале, песня показывает простую и понятную народу любовную интригу.

Мы даем очень мало народных обработок литературных песен. Деревня их слышала и перепевала в большом количестве, но не всё сохранялось и приживалось. Эта новая лирика входит целиком в репертуар деревенской молодежи, который от репертуара старшего поколения отличается большой неустойчивостью. У старшего поколения мы наблюдали многие старинные песни в неизменном виде и в целом мало изменившийся репертуар в течение нескольких десятков лет, в то время как у молодежи репертуар коренным образом менялся в каждый новый период.

Особенно интересен в этом отношении Хвалынский район нашей области, который был обследован фольклорными экспедициями три раза: в 1920, 1935 и в 1945 г.г. Репертуар молодежи, главным образом, девушек, от которых преимущественно производились записи, в 1920 г. включал в себя старинные традиционные произведения: здесь были и свадебные, и весенние песни, и лирические необрядовые. Но в то же время от молодежи было записано много и песен литературного происхождения, например, „Ванька-ключник“ (обработка Крестовского), „Меж крутых бережков“ (Ожегова), „Уродился я, что былинка в поле“ (Сурикова), „На берегу сидит девчонка, она шелками платок шьет“ (неизвестного автора), „Я вечер в лужках гуляла“ (Хованского), „Среди долины ровныя“ (Мерзлякова),

* А. А. Веселовский. Любовная лирика XVIII в. СПб., 1909

„С потушенной сигарою“, „Сидел рыбак веселый“ (Лермонтова), „Из-за острова на стрежень“ (Садовникова). Фольклорные обработки песен Хованского и Мерзлякова были записаны и от стариков в 1920 и 1928 г.г. У молодежи, кроме того, бытовали сентиментально-любовные и жестокие романсы мало известных авторов: „На том ли поле серебристом“, „На серебряных волнах“, „Шоколадная конфетка“, „Где эти лунные ночи“ и другие. Частушек в 1920 г. было не так много.

Экспедиция 1935 года отметила в молодежном репертуаре большое количество советских частушек, советских песен и значительно меньше старинных песен и романсов. Первое, что мы услышали в этом году, приехав в Хвалынский район, был марш „Веселые ребята“ И. Дунаевского, который пел хор девушек.

Молодежный репертуар 1945 года совершенно отличается от предыдущих лет. Основной удельный вес его составляют новые советские песни: военные героические, лирические любовные с темами прощания, неожиданной встречи на фронте, дружбы и т. д. Всё это перекликалось с темами старинных песен, получивших в то время особое звучание. Наш сборник не отражает специально молодежного репертуара в типичной его изменчивости и постоянной его подвижности, так как для этого потребовалось бы приводить большой материал.

К разделу женской песенной лирики примыкают в сборнике причитания. Саратовские варианты по своему стилю напоминают южные причитания небольшого объема, с чисто лирическим содержанием и большим количеством возгласов. Основное содержание причитаний составляют традиционные мотивы, обычно хорошо известные каждой женщине еще с детства. Причитать умеет каждая женщина, на этом фоне обычных плакальщиц выделяются мастерицы, исполнение которых долго помнят в селе. Собиратели неоднократно отмечали случаи особо художественного исполнения плачей.

В советское время нам почти не пришлось наблюдать причитаний религиозно-настроенных. Один такой образец мы приводим в комментариях (№ 142).

Типичнее сейчас причитания реалистические, говорящие больше о жизни и достоинствах оллакиваемого. Таково причитание № 138 нашего сборника. Оба причитания являются характерными образцами произведения дореволюционной деревни, далекими по духу современному колхозному крестьянству.

В первые годы после Октябрьской революции похоронные обряды выполнялись со всею традиционностью. В 1925 г. во время экспедиции по бывшему Вольскому уезду нам пришлось наблюдать весенние поминальные обряды на „Семика“ (четверг перед Троицей). Родные приносили на кладбище и оставляли на могилах поминальные кушанья. Многие плакали, причитали, вспоминали умерших родственников. Плакальщица обнимала надгробный крест или просто опиралась на него во время причитания. Несколько лет спустя, мы уже не нашли этих обрядов. Причитания в быту крестьянства частично сохранились и при изменившемся обряде. Отпало религиозное содержание, и причитания являются своеобразной формой выражения душевной скорби. Исполняются они в настоящее время не столько во время самого обряда похорон, на людях, сколько в интимной домашней обстановке, среди родственников или наедине. В 1945 году нам удалось записать причитание, являющееся чистой импровизацией без традиционных мотивов.

Рекрутские причитания с самого начала Великой Октябрьской социалистической революции вышли из употребления.

* * *

Частушки не имели до революции такого распространения в саратовском Поволжье, какое они получили в советское время. К сожалению, публикации саратовских частушек так незначительны, что мы совершенно не имеем возможности судить о том, когда они появились у нас и какие темы затрагивали. В 1906 году была опубликована статья о нижеволжской частушке.* В ней приведено несколько

* Работнов. Низовая частушка. „Живая старина“, № 1, 1906

любовных, рыбацких, рекрутских и бурлацких частушек, и среди них несколько саратовских. Автор говорит, что частушки исполнялись во время гуляний, катанья на лодке; пелись они под гармонику и бубен, перемежаясь припевами, перебором и ударами в бубен. Временами пение прекращалось и исполнялся только перебор. Распространяли частушки судовые рабочие, люди бывалые, собиравшиеся на нижнюю Волгу из разных уголков государства. Бытовала частушка, главным образом, у рабочих приволжских сел, особенно Царицынского уезда. Вглубь же от Волги она еще, повидимому, не проникала. Примеры частушек того времени:

Шишь, мышь, под камыш	или: Ты припой, кавалер,
Куда парусом бежишь?	На саратовский манер,
Я бежала парусом	Я, бывало, припевала,
В Астрахань за гарусом.	Теперь голосу не стало.

На первых порах своего развития частушка встретила самый решительный отпор и осуждение со стороны старших. Пренебрежительное отношение стариков к частушке приходилось отмечать еще и вскоре после Октябрьской революции, да и сейчас она остается жанром исключительно молодежным.

Мы приводим в сборнике частушки, записанные в 1918—1920 г.г., когда в репертуаре их сохранялось еще много дореволюционного. Исполнялись они хором на гулянье и за работой, отдельно мужчинами и женщинами. Девушки редко поют мужские частушки. Кроме напевных частушек, исполнявшихся под гармонику или без аккомпанемента, есть и танцевальные. Танец обычно назывался по частушечному припеву „Волга“, „Сербияночка“. Близкие по тематике двустушия, подбираемые для припева, образуют нечто вроде связного текста. Однако сцепление это непрочно, и отдельные частушки легко могут выпадать из общей цепи.

В 1918—20 годах частушки назывались у нас „припевки“, „пригудки“, „перегудки“, „припой“, реже—„скоморошины“; старики называли их, в отличие от долгих, протяжных лирических песен, „коротенькие“. В 1935 г. впервые мы услышали в деревне литературное название „частушки“.

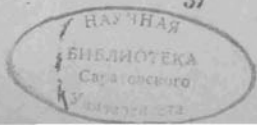
Малым жанрам фольклора—загадкам, пословицам, поговоркам и т. д.—собиратели дореволюционного времени совсем не уделяли внимания. Очень немного записано их и в советское время, между тем материал этот исключительно интересен. Нам известны, например, пословицы местного происхождения: волжско-бурлацкая, повидимому, весьма древняя—„Нечем платить долгу—бегу на Волгу“, пословица о городе Вольске (после застройки его купцом Злобиным)—„Вольск городок—Петербурга уголок“ и другие.

В пословицах, являющихся выражением народной мудрости, народных знаний, заключающих в себе часто итоги длительного опыта и наблюдений над тем или иным явлением, больше чем в каком другом жанре сказывается мировоззрение народа. Понятно, что в советской действительности многие старые пословицы потеряли свой смысл и свое значение. Но вместе с забвением устаревших пословиц идет процесс создания новых, советских пословиц, отражающих мировоззрение нового советского человека.

В связи с недостаточностью и разрозненностью записей пословиц, мы приводим только пословицы и поговорки Я. Г. Парфенова, тесно связанные со всем его творчеством.

Загадкам в сборнике отводится небольшой раздел. Загадки употреблялись на сборищах молодежи как игра, как состязание в остроумии и догадливости. Народные загадки исключительно разнообразны по своей тематике. Они отражают всевозможные стороны быта и жизни крестьянства, взгляды народа на различные явления общественной, хозяйственной и семейной жизни. В связи с ломкой старого быта и ростом сознания крестьянства, организованного в колхозы, меняются и старые загадки: некоторые забываются, утрачивают свое значение, другие создаются вновь.

В настоящее время загадки бытуют преимущественно среди детей, от которых большинство их

и было записано. Наряду со старыми народными загадками, у детей появилось немало и загадок литературных, из книг. Живя в детской среде, загадки выполняют важную задачу в деле первоначального знакомства детей с окружающей действительностью, с явлениями природы, вместе с тем загадки способствуют развитию детской пытливости и воображения.

Совершенно новым по своему содержанию произведением, неизвестном до сих пор в русском устном творчестве, является народная драма „Как француз Москву брал“. Среди печатных материалов саратовского фольклора не встречается текстов драм. В советское время от бывшего солдата Матвея Белкина были записаны два отрывка народных драм „Барин и староста“ и „Лодка“, объединенные в одну сцену. * М. Белкин принес эти драмы с военной службы. Он помнил их наизусть с того времени, как выступал в них на солдатской сцене, повидимому, в 70-х годах XIX века.

Впервые публикуемая драма представляет большой интерес и своей темой и своей композиционной структурой. Чего-либо местного в ней искать не приходится. Так же, как и выше отмеченные драматические сцены, она была принесена бывшим солдатом, Николаем Егоровичем Чуркиным с военной службы, с Кавказа, где она на солдатской сцене (тоже приблизительно в 70-х годах) и разыгрывалась. Чуркин знал наизусть и другую драму, „О царе Максимилиане“.

Обе драмы являются творчеством солдатской среды. Когда Н. Е. Чуркин вздумал поставить одну из них у себя дома, в с. Большие Сестренки, то ему пришлось привлечь к этому делу бывших же солдат из соседнего села Баклуши. И только с их помощью поставил он в своем селе „Царя Максимилиана“. Новый текст народной драмы особенно инте-

* Саратовский Этнографический сборник под ред. Б. М. Соколова. 1922, стр. 163.

ресен тем, что проливает свет на эту малоизвестную область устной народной поэзии. Самая тема ее — Отечественная война 1812 года, действующие лица, язык этой драмы — всё говорит о создании этого произведения в солдатской среде. Отсутствие специальных навыков в театральных постановках не дали ей возможности привиться в деревне, в крестьянской обстановке.

Содержанием же своим комедия „Как француз Москву брал“ очень близка к поэзии народной, крестьянской. Особенно много общего имеет она с фольклором об Отечественной войне 1812 года, главным образом, с народными историческими песнями. Так же, как и исторические песни, она изображает народно-партизанскую войну, в которой немалое участие принимали крестьяне. Одинаково рисуют эти произведения голодание наполеоновской армии в глубоком русском тылу. И в песнях и в драме говорится, что войска неприятеля поедают нечистую, „поганую“, по понятиям русских крестьян того времени, пищу, в том числе раков и картофель.

Своей композиционной структурой и драматической техникой народная комедия о войне 1812 года особенно близка к драме: „О царе Максимилиане“. Можно думать, что новая драма и составлялась по этому наиболее известному солдатским массам образцу. Главное действующее лицо ее „царь“ Наполеон (не император, а царь), как „царь“ Максимилиан в этой, более ранней комедии. Он так же статичен, так же окружен приближенными и вызывает к себе других действующих лиц, с которыми и ведет разговор. В этом и заключается все „действие“ комедии. Сцены с Потемкиным построены так же, как сцена с непокорным сыном Адольфом в „Максимилиане“. Наполеон призывает Потемкина, предъявляет ему свои требования, отсылает его после решительного отказа в тюрьму, чтобы он одумался; снова уговаривает и, наконец, велит казнить. Так же, как Адольф, перед смертью Потемкин произносит прощальный монолог, построенный на цитатах. Но сцены с Потемкиным в новой комедии имеют более народное звучание, в них приводятся отрывки

народных лесен, причитание жены Потемкина. В драме же о Максимилиане включено исполнение модных романсов, литературных цитат. Некоторые действующие лица комедии „Как француз Москву брал“ почти без изменений перекочевали сюда из „Царя Максимилиана“; таковы — доктор, старик-гробовщик, старуха. Особенно близки эти персонажи к соответствующим лицам варианта „Царя Максимилиана“, записанного от Чуркина же. Однако комическая основа этих ролей в новой драме сильно изменена. Только образ доктора, попавшего из западных драм в русские драмы начала XVIII в. и через народную драму „Царь Максимилиан“ в комедию „Как француз Москву брал“, остался в неизменном виде. Образы старика и старухи, несмотря на частичную текстуальную близость, внутренне совершенно отличаются от соответствующих персонажей „Царя Максимилиана“. Старик и старуха в новой комедии изображают представителей русского народа и показаны героически.

Таким образом, совершенно новым в народной драме является сама историческая тема, близкая не только солдатским, но вообще народным интересам, и чисто народная трактовка в изображении действующих лиц и событий. В этом смысле новая драма дает редкий образец подлинно народной драмы, непосредственно не связанной с литературными источниками.

* * *

Значительная часть нашего сборника посвящена прозаическим видам народного эпоса — сказкам и преданиям.

Саратовские сказки почти не были известны в дореволюционное время. В сборнике А. Н. Афанасьева приводится только 13 саратовских сказок. Две сказки приводит А. М. Смирнов в сборнике 1917 г.

Из этих пятнадцати сказок — две представляют собою известные сказки о животных („Лиса-повитуха“ и „Волк и Коза“); остальные сказки волшебные. Некоторые из них бытуют и в настоящее время.

Таковы: „Братец Иванушка и сестрица Аленушка“, „Ивашка и ведьма“, „Чудесная дудка“, „По колено ноги в золоте“ (сюжет „Чудесные дети“ или „Царь Салтан“), „Царевна-лягушка“ и другие. Некоторые из этих сюжетов записаны в советское время в более полных и более художественных вариантах. К сожалению, кратковременные экспедиции с охватом больших районов обычно не позволяли собирателям фольклора разыскать и записать сказки. Из-за отсутствия достаточного материала и сложилось впечатление, что Саратовский край несказочный. Но это не совсем правильно. Достаточно было в экспедициях 1936, 1937 г.г. сосредоточить внимание на записи сказок, чтобы собрать значительное их количество. Всего до настоящего времени записано свыше 300 сказок, считая и варианты.

Географическое распространение сказок в пределах области неравномерно. Северные районы гораздо беднее сказками, чем районы западные, прихоперские. Все лучшие мастера, представленные в настоящем сборнике, — из западных районов. Я. Г. Парфенов — сказочник с. Елшанки, Хвалынского района, — в этих местах был ярким одиночкой. В прихоперских же районах известного сказочника с большим и разнообразным репертуаром можно встретить почти в каждом селе, рядовых же сказочников, владеющих небольшим репертуаром, довольно много. В каждом районе можно отметить и своеобразие репертуара, который довольно стойко сохраняется в течение многих лет. В прихоперских районах, например, широко известны сказочные сюжеты: „Звериное молоко“, „Два брата“ (звери-помощники), „Незнайко“, „Портупей-прапорщик“, „Царевна-лягушка“, „Иванушка-дурачок“ (победитель змея). Из бытовых очень популярны сказки: „О ловком воре“, „О попе и работнике“, „О мальчике-малыше“ и другие. В Хвалынском районе записано очень много антипоповских сказок.

Прихоперские районы Саратовской области первыми были заселены и притом большим массивом сплошных русских поселений; понятно, что здесь более живучи традиции народного поэтического

творчества. Все земли по Хопру принадлежали помещикам, часто очень крупным. Тяжелый экономический гнет прихоперские крестьяне испытывали вплоть до самой Октябрьской революции. Многие батрачили в дворянских имениях, другие арендовали у помещиков земли на тяжелых условиях. В историю этих районов вписано немало страниц активной борьбы крестьян за землю. И не случайно то, что фольклор прихоперских районов больше насыщен антикрепостнической тематикой. Антипомещичьи сказки имеют в своем репертуаре и Алешина, и Артемьев, и Савихин, и Сесин. Притом эти сказочники обычно рассказывают не вообще о помещиках, а о местном, всем в прошлом хорошо известном помещике. Сесин рассказывает о князе Куракине, Артемьев—о барыне Уиковской, Савихин—о Сурковой, Алешина—о макаровском помещике, которому принадлежал ее дед и т. д. Народ крепко держит в своей памяти произведения, направленные против своих классовых врагов; он воспитывает на них молодое поколение, закаляет его ненависть к классовым врагам. Народ по-новому осмысливает произведения, которые достались ему от предшествующих поколений. В записях наших дней тяжелое прошлое оттеняется сопоставлением с радостной и свободной жизнью крестьян в новой советской деревне.

Публикуемые в сборнике сказки очень показательны; хотя они полностью сохраняют лежащие в их основе старые и иногда совсем древние сюжеты, однако центр внимания в них уже значительно перемещен. В современной сказке мы наблюдаем повышенный интерес к сюжетам бытовым и сатирическим. Волшебные сказки потеряли прежнее свое значение. Не трудно заметить, что фантастика сама по себе перестала удовлетворять творчески одаренных мастеров. Сказочная фантастика тускнеет, блекнет и явно идет на убыль. Такие изменения усматриваются в творчестве Алешиной, Артемьева, Савихина и других. Новеллистическая сказка изменяется меньше. В ее развитии характерно повышение интереса к сатире и заострение внимания на вопросах классовой борьбы. Об этом достаточно красноречиво говорит и

сборник „Сказки Саратовской области“ 1937 г. и публикуемый сборник. Главными отрицательными фигурами бытовых сказок продолжают оставаться барин-помещик, поп и богатый мужик — кулак. В бытовой сказке изображаются реальные картины прошлого, социальные отношения старой деревни в их истинном свете. В быличках же рассказываются и подлинные случаи прошлой жизни; это небольшие картинки, яркие и занимательные. Таковы „Антон—озорковатый кучер“, „Как я служил у барыни кучером“, „Про попа“ и т. д.

Современный сказочник является в подлинном смысле творцом. Его творческий элемент обычно высоко расценивается самими слушателями. Мне пришлось в селе Макарово в 1937 г. неоднократно слышать восторженные отзывы об умершем уже сказочнике, которого односельчане называли Яковом Семеновичем. Сосед вспоминал о нем: „Яков Семеныч такой сказочник! Сказывает... сказывает... две ночи подряд может говорить. А потом, глядь, этого примажет в сказку, а потом и другого. Моя старуха раз так вошла, слушает, а он ее и примазал, как она к Кожевникову ходила, как милостыню у него просила, как он ее мукой обсыпал“.* Усиление реалистических тенденций в сказке получило особенно яркое выражение в советское время, но эта линия развития сказки наметилась еще в конце XIX в. и особенно в начале XX в.**

В нашем сборнике приводится очень немного сказочников с более или менее значительным репертуаром. И при этом мы не имеем возможности опубликовать исчерпывающе репертуар каждого из них.

* Кожевников—это богатый макаровский купец, владевший большими землями. Многие из макаровских крестьян батрачили у него в дореволюционное время. Он любил пошутить над бедняками. И однажды, когда к нему пришла батрачившая у него женщина попросить хлеба до „нового“, он обещал ей, а сам обсыпал ее мукой и так и отпустил. Этот эпизод сказочник и включил в повествование своей сказки в тот момент, когда вошла „виноница“ происшествия.

** Д. И. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губернии. 1914, стр. X—XIV, Ю. М. Соколов. Вступит. статья к сб. Карнаухова. Сказки Северного края. 1935.

Все они очень своеобразны и в то же время имеют много общего, так как в своем творчестве несут следы современности. Наибольшим репертуаром представлена сказочница Алешина.

Мария Валентиновна Алешина говорит о своем сказочном багаже как о заученном и воспринятом будто бы без изменений. Мария Валентиновна иногда помнит, от кого она какую сказку переняла. Однако ее сказки, несомненно, подверглись значительной творческой обработке. Это прежде всего женские сказки.* В них всё говорит об этом: и подбор сюжетов, и бытовые подробности, и самый язык, и чисто женский взгляд на жизнь. Повидимому, сказочница сама не замечает своего активного, хотя, может быть, и бессознательного творческого вмешательства в воспринятый ею сказочный материал.

Все сказки ее репертуара достаточно хорошо известны. Однако, своеобразие этого репертуара заключается уже в самом подборе тем и сюжетов. Из двадцати записанных от нее сказок 8 волшебных („Ванюшка-дурачок“, „Безручка“, „Портупей-прапорщик“, „Царевна-лягушка“, „Снегурушка“, „Петух и жерновцы“, „Две дочери“, „Сыночек Ванюшка“), 8 бытовых („Глинка“, „Старик со старухой воевали“, „По вилюлькам“, „Жена самолюбивая“, „Про репу“ и другие). Остальные сказки — новеллистические, но с некоторыми фантастическими мотивами. Казалось бы, репертуар достаточно богатый волшебными сказками. Однако при знакомстве с содержанием их чувствуется явный перевес сюжетов новеллистических. Дело в том, что Мария Валентиновна последовательно отодвигает фантастику на задний план. Ее вариант сказки „Петух и жерновцы“ утратил мотив чудесного свойства жерновов. Взамен этого Алешина начинает сказку чисто бытовым мотивом — описанием жизни стариков-супругов. Старик начал скупиться, не стал давать старухе зайчатины, и они задумали делиться. В раз-

* Своеобразие женских сказок отмечалось исследователями. См. сб. Б. Ю. Соколовых. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915; Н. Е. Ойчук. Северные сказки, 1909; М. К. Азадовский. Сказки Верхнеленского края. 1925.

витии сюжета сказки эта яркая жанровая картина не играет никакой роли. Но это очень характерный для ее репертуара мотив, и она любовно его разрабатывает. (Ни один из известных вариантов этой сказки не имеет такого начала). В сказке „Португей-прапорщик“ сказочница передает фантастический эпизод похищения чудовищем царской дочери в совершенно реальном плане. В сказке „Безручка“ также в реальный план переносится мотив о воспитании детей зверями. В сказке „Про несчастного сына“ царевну уносит не сказочное чудовище, а иноземный царь.

Вместе с сокращением элементов чудесного в сказках Алешиной разворачиваются мотивы бытовые, которые составляют, пожалуй, основной фон ее сказок.

В сказках Алешиной изображается не только крестьянская среда, но и купеческая и чисто сказочная, царская. Однако социальные различия героев, кажется, не интересуют сказочницу. Ее героям присуще преимущественно крестьянское мировоззрение. Мир показан с точки зрения женщины-крестьянки, жены, хозяйки дома. Поэтому мы не видим в ее сказках острого разрешения вопросов классовой борьбы, хотя этих вопросов она и не избегает, а по-своему их разрешает. В сказке „Про Зеленого“* М. В. Алешина повествует о том, как богатый купеческий сын хочет жениться на дочери мужика. Он объявляет об этом снохам. Те возмущены: „Да будет смеяться! Это крестьянку-то возьмешь? Мы-то у твоих братьев купеческие дочери“. — „А что? Крестьянку нельзя барышней сделать? Хоть науки она небольшой, ну она умная“. — „Ну, это и мы науки-то не больно большой!“ Ну, сбил он их. Поехали два брата и две снохи (сватать...)“ В сказке „Безручка“ о бедных крестьянских детях, на которых хозяйка постоялого двора кричит: „Они брешут, щеняты.“ — царь говорит: „Как так щеняты? Они хоть и крестьяне, да тоже люди.“ В ее сказках почти исключительно изображается

* Сказка „Про Зеленого“, как и некоторые другие, в нашем сборнике не приводится за недостатком места.

сельский быт, даже и тогда, когда говорится о богатых купцах. Приезжие люди останавливаются в частном доме, странника хозяин велит провести на „белую куфню“ и т. д.

Но в центре внимания Алешиной стоят не эти картины быта и не внешние перипетии сюжета, а внутренняя жизнь героев. Ей свойственно особо гуманное отношение к людям, сострадание и сочувствие к угнетенным, резко отрицательное отношение к обидчикам. Стиль ее повествования не объективно эпический, а ярко эмоциональный. Герои, которым она сочувствует, называются ласкательными именами: Безручка, Ванюшка, Федя, солдатик и т. д. В сказке „Про несчастного сына“ герой ищет похищенную жену. „Он приехал... взял на пристани одну лодочку. Он едет на лодочке по речке и увидел промывинку под крепостью. „Стой! Промывинка, не попаду ли я в крепость!“... Интересно в этом отношении начало сказки „Снегурушка“ (см. № 362). Спокойное повествование ее, полное теплоты в отношении к положительным героям, нередко прерывается эмоциональными вопросами, восклицаниями или обобщающими замечаниями. В маленьких сатирических сказках мы видим иной язык и иной общий тон. („По вилюлькам“, „Жена самолюбивая“, „Старик со старухой воевали“, „Ванюшка“ и др.) Высмеивая в этих сказках отрицательные стороны быта и семейных отношений, Алешина не стесняется и грубых выражений.

В композиционном отношении сказки М. В. Алешиной распадаются на две части: большие волшебные и новеллистические сказки (чаще же всего включающие и те и другие мотивы), с одной стороны, и маленькие, иногда почти бессюжетные, но необычайно колоритные бытовые сказки юмористического или сатирического содержания. В сказках первого типа М. В. не боится сложных контаминированных сюжетов, которые у ней обычно стройно слажены. При этом Алешина не особенно придерживается сказочной обрядности. Она часто ее сознательно разрушает, внося в сказку комический элемент. „В некотором царстве, в некотором

государстве, на ровном месте, как на бороне, жили-были..." или: „Жили-были старик со старухой. У них детей не было, только третий Ванюшка-дурачок.“ И дальше повествование ведется о всех трех братьях.

Все сказки Алешиной, невзирая на их жанровые различия, посвящены одной теме — семье, семейным отношениям, супружеской любви и верности. Можно удивляться, как различные по сюжетам сказки в ее передаче приобретают перевес содержания обязательно в эту сторону. Начиная сказку, она обычно сразу вводит слушателей в семью, в семейные и хозяйственные отношения одного дома. „Жил старик со старухой, а у них хозяйство было..." („Петух и жерновцы"). „Старик женился на другой старухе, и у них обоих по дочери. Вот эта старуха над стариковой дочерью издевается..." („Две дочери"). „Жили-были отец с матерью, и был у них один сын..." („Сыночек Ванюшка") и т. д. Четыре ее сказки вводят слушателя в жизнь купеческой семьи. И только две ее сказки переносят слушателей „в некоторое царство, в некоторое государство, за тридевять земель в царский дворец".

Перенося центр внимания во внутренний мир интимной жизни семьи, сказочница не ослабляет его до конца повествования. Волшебная сказка „Про Лягушку-царевну" у ней соединена с сюжетом „Муж ищет исчезнувшую жену". В сюжет „Безручки" включен второй сюжет „Оклеветанная жена". Сказки „Про Зеленого" и „Портупей-прапорщик" являются сюжетом о верной жене. Сказка „Про полковника" — сюжетом об оклеветанной жене. Даже чисто фантастическая сказка о Коньке-горбунке в пересказе Алешиной изобилует картинами семейной жизни.

Особенно тщательно рисуются в ее сказках взаимоотношения супругов. Ее занимают комические эпизоды из жизни старой крестьянской супружеской четы — их ссоры, мечты о детях. В сказке „Безручка" эмоционально изображается разлад в семье; так же разворачивается сюжет сказки „Про полковника", причем причины супружеских ссор,

семейные отношения ею мотивируются чисто реалистически, а не так, как это типично для волшебных сказок. Можно сказать, что все сказки Марии Валентиновны представляют одну большую повесть о крестьянской семье, о семейном счастье и разных путях к его осуществлению.

Близок к Алешиной по мастерству сказочник Савихин. При иной тематике в его сказках также выдвигается на первый план внутренний мир героев. Несколько иное у него отношение к фантастике, которой он интересуется, но главное внимание уделяет реальным картинам жизни. Можно думать, что творческая обработка сказок у Савихина происходит, также как и у Алешиной, подсознательно.

Нам известны факты и совершенно сознательного изменения старых сказок. Так, сказочник села Чириково, Турковского района, П. К. Артемьев прямо говорит о том, что чисто фантастическая сказка его не интересует. „Сказки! Да ведь это всё болтовня одна“. Гораздо больше интересуют Артемьева подлинные исторические события. Он рассказал нам целый ряд исторических преданий. В волшебные же сказки он вносит много изменений. Мастер реалистических жанров, Артемьев ищет в сказке прежде всего жизненной правды. Он любит детально характеризовать социальную среду, бытовую обстановку, героев. Сказки Артемьева не могут начинаться обычным: „В некотором царстве, в некотором государстве...“ Он точно определяет место и время действия. „Это было в крепостническое время“ („Жестокая барыня“), „У попа было в обычае прокатываться за так на работниках“ („Поп и работник“) — вот обычные зачины его сказок. Четкость и точность в характеристике классовой среды соблюдается и на протяжении всего сказочного повествования. В сказке „Жестокая барыня“ Артемьев рисует быт богатых помещиков с многочисленной дворней; работу крестьян на барщине, взаимоотношения помещицы со своими крепостными, помещики даны с характерной для них речью, отличной от крестьянской (вежливая форма обращения на „вы“ и т. д.). В сказке „Гришка и

змея" показана жизнь дворца предреволюционной России, дворцовый быт, взаимоотношения придворных.

Типичны для сказок Артемьева элементы сатиры. Он высмеивает купца, бари́на-помещика; не скрывает своей ненависти к барыне-помещице, жестоко обращавшейся с крестьянами.

У Артемьева, больше чем у других сказочников, проскальзывает элемент сознательных творческих изменений, ярче у него и стремление связать события своих сказок, хотя бы внешне, с советской действительностью.

В поисках той же жизненной правды Артемьев стремится изменить сказки, характеризующие эпоху далекого прошлого. Его не удовлетворяет старое идейное содержание волшебных сказок, выраженное в фантастической мечте о счастье. Рисуя прошлую историческую эпоху, он старается сблизить волшебное с реалистическим, историческим. Начиная сказку, он сразу вводит слушателя в четко исторически обрисованную социальную среду. „Давно еще это было. Железных дорог не было. Барин и поехал в гости за 70 верст на лошадях. А кучер едет, да все и вздыхает. Барин и спрашивает его: „Ты что, кучер, вздыхаешь?“—„Да как же не вздыхать-то? Ты вот сидишь в экипаже и ничего; а я вот сижу, мочусь на дожде. Если бы я имел свою лошадь, я бы замесил ей да лег и лежал бы. А то — вот сиди тут и прозябай, лови ветер да дождик. Север кругом“... Вот начало его сказки „Барин и кучер“.

В этом смысле особенно интересна его сказка „Жестокая барыня“ (№ 377). В ней рассказывается о двух братьях, изгнанных родителями и воспитанных львицей. Сюжет этот широко известен. Самые разнообразные варианты и комбинации отдельных мотивов его особенно популярны в Прихоперских районах нашей области. В соединении с другим сюжетом он записан от сказочника, мастера психологических жанров, Савихина („Два брата-сироты“). Этот же сюжет в соединении с сюжетом „Звериное молоко“ есть в репертуаре М. М. Данилина в

обычном плане чисто фантастической сказки. Близкий вариант этого сюжета был записан от Сесина, типичного сказочника-книжника, может быть вычитавшего эту сказку из лубочных изданий; его вариант очень близок к распространенному в сказочной литературе сюжету Евстафия Плакиды.* Какой из всех этих вариантов был известен Артемьеву, сказать трудно. Его сказка „Жестокая барыня“ совершенно отличается от всех перечисленных. Артемьев использует для нее широко известное в селе Чириково историческое предание о помещице Унковской, владелице д. Агеева (см. № 498 нашего сборника). В этом предании, записанном в соседнем селе Бакулуши, говорится: „Когда приехал Пугачев, то он Енгальчева, чириковского барина, не тронул. Крестьяне сказали, что он хорошо с ними, с крестьянами, обращался. А рядом, в Агееве, была барыня Юнковская, которая очень мучила крепостных. У нее была устроена, нагрунтована насыпь, и она на ней стояла с биноклем в руках и смотрела, кто как работает в поле. И потом задавала порку, кто плохо работал... И вот, как Пугачев пришел в Агеево, все крестьяне и закричали: „Убить ее! Убить ее! Все ее ненавидели...“ Артемьев воспроизвел образ этой жестокой барыни в своей сказке, развил его, показав помещицу во взаимоотношениях не только с крепостными крестьянами, слугами, но и со своими пасынками-детьми.

Нам пришлось наблюдать также и сказочников, которые старались рассказывать сказки так, как их слышали. Это М. Т. Сесин, из с. Куракино и М. М. Данилин из с. Бельщино. Излюбленный их репертуар—большие волшебные сказки, часто контаминированные. Для них типично соблюдение всей сказочной обрядности. Причем в центре внимания у них—сюжет. Но и этим сказочникам не чужда тенденция модернизировать сказку или высказать, хотя бы полутно, свою личную точку зрения на

* Житие Плакиды, повидимому, в сказочной передаче было в 40-х годах XIX в. в самом Саратове, что отмечено Н. Г. Чернышевским в автобиографии. Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. М., 1939, т. I, стр. 637—638.

то или иное событие. Данилин, например, в сказке „Охота“ приводит такой диалог: „Разве ты не слышал в колокола звонят? Королевская дочь за спасителя замуж выходит. Он и думает: „За каково же спасителя, может за вышнего? Да тот далеко больно“. Устами героя здесь рассказчик, несомненно, высказывает свою точку зрения. (См. № 408).

Сказочник М. Т. Сесин—типичный книжник. Он прежде всего стремится соблюсти точность текста. Во время записи он постоянно осведомлялся, успевают ли записывать, точно ли записали и даже просил иногда прочесть запись, чтобы самому ее проверить. Отдельные эпизоды, когда действие переносится в другое место, Сесин отмечает специальными фразами: „Будем говорить об этом сыне, которого унесла львица“, или „Ну, а теперь будем говорить о царе, что в это время было с ним“.

Сказки М. Т. Сесина — типично мужские сказки. Немало в них солдатского. Достаточно сравнить его вариант „Портупей-прапорщика“ с вариантом Алешиной. Эмоциональное повествование Алешиной с картинным бытовым фоном резко отличается от сказывания Сесина. Вот у Алешиной эпизод похищения царевны: „Вдруг такой маленький пароходец подкатился к берегу и ухватил царскую дочку, а эту оставил. И уплыл он с ней, какой-то такой великан. Эта барышня бежит и кричит, что украл царскую дочку кто-то такой и поплыл. Царь спрашивает: „В какую сторону?“—„Вот в эту.“—„Ну, что теперь делать? С ума хоть сходи, одна была дочка, только на свет ее показал, и то ее украли“. Вот и говорит царь всем своим полкам, всем своим солдатам: „Кто ее найдет, замуж за того отдам. Только кто бы нашелся.“ Нашелся один, называется он Портупей-прапорщик“.

Совсем иначе открывает сказку „Портупей-прапорщик“ М. Т. Сесин, передавая тот же эпизод похищения. „У одного царя была дочь и эта дочь пошла купаться с нянюшками и мамушками на речку. И в это время поднялась страшно сильная буря, и она исчезла неизвестно куда. Теперь собирает царь

своих вельмож и говорит им: „Кто только найдет мою дочь, тому отдам ее в замужество и отдам всё свое царство“. Ни один из вельмож не взялся. Тогда царь выстроил свою регулярную армию рядовых солдат и начал им рассказывать всю эту историю. Но никто из солдат не выискался отыскивать его дочь. Тогда царь обносит их по чарке водки. Когда выпили солдаты по чарке водки, один солдат своему товарищу и говорит: „Я сейчас скажу, что я найду!“ Товарищу ему отвечает: „Ты, брат, с одной чарки уже хундыря, а если царь преподнесет тебе другую, то ты совсем одуреешь“. Но этот солдат не послушал своего товарища, вышел и сказал: „Я отыщу царскую дочку, только с тем условием, когда я поеду на корабле... то вы меня повышайте чином и отдайте такое распоряжение, чтобы штабс-капитан корабля подчинялся мне“. Тогда царь дал такое распоряжение, чтобы дать ему звание портупей-прапорщика... И дали Портупею-прапорщику месяц сроку и денег, чтобы он гулял, пока все припасут...“

М. Т. Сесин в центре внимания ставит солдата, вводит мотив повышения его в чин портупей-прапорщика, вводит также мотив специального обращения царя к солдатам регулярной армии и угощения их. В конце эпизода говорится о приготовлениях к отплытию корабля, может быть, специально для того, чтобы ввести мотив пьянства (гулянья) солдата перед отъездом. Военные детали, военнo-бытовые подробности, смакование эпизодов с выпивкой, наконец, солдатский язык—всё это говорит о чисто солдатском стиле сказки, который у Алешиной совершенно не чувствуется, несмотря на то, что оба сказочника, повидимому, восприняли сказку из близких им источников. М. Т. Сесина интересуется в сказке внешняя занимательность, перипетии сюжета и фантастика, т. е. именно то, что в творчестве Алешиной отходит на второй план.

Очень небольшая галерея саратовских сказочников завершается яркой фигурой сказочника-балагура, пожалуй даже скорее анекдотиста, — Якова Григорьевича Парфенова. Парфенов не столько обычный сказочник, владеющий большим tradi-

ционным материалом, сколько весельчак-импровизатор. Его сказочки, анекдоты и прибаутки очень часто не имеют аналогии с известными сюжетами. Парфенов по преимуществу юморист и сатирик; рассказывает свои прибаутки и анекдоты не специально, а приводит их к случаю, к слову, неожиданно вставляя в разговор. В его репертуаре отсутствуют большие сказки, особенно волшебные. Я. Г. Парфенов — мастер слова. Острое и меткое слово, звонкая рифма, ритмическая организация речи в его сказках при краткости формы — делает их необычайно выразительными. Я. Г. Парфенов пересypает свою речь рифмованными прибаутками, поговорками и пословицами. Нередко он сатирически использует церковные темы и мотивы, включая их в свои анекдоты. Конечно, такое перенесение мотивов из торжественно-приподнятого религиозного стиля в упрощенно житейский и притом комический производит сильное впечатление. На рифме построены многие его анекдоты. Особенно любит он окончить сказку рифмой: „Возьми мой календарь, а грыжу то мне отдай“ („Календарь“), „Здорово бы я тебя наказал, когда б ты эдак не сказал“ („Поп и псаломщик“), „Поп услышал эти слова, спрыгнул с плеч и пустился бечь“ („Как воры напугали попа“). В его репертуаре эти элементы понижают всю основную художественную ткань произведений.

Необходимо сказать несколько слов о сказке детской, роль которой не только в жизни, но и в творчестве детей была до Октябрьской революции очень большой. Отсутствие достаточного количества школ, не говоря уж о других детских культурных учреждениях, которых совсем не было в дореволюционной деревне, привязывало детей к дому, особенно зимой. Находясь всю зиму около матерей и бабушек, дети много слушали от них сказок, а потом и сами рассказывали друг другу. Много из этого наследства сохраняется и сейчас и опять-таки в детской среде. Сказочный репертуар ребят обширен и разнообразен. Здесь и сказки о животных, и небольшие фантастические сказки („Братец Ива-

нушка и сестрица Аленушка“, „Снегурушка“, „Лутоня“, „Морозко“, „Чудесная дудочка“, „Жихарко и ведьма“), а иногда и древнейшие сказочные сюжеты. Но главное место в детском репертуаре занимают все-таки сказки о животных, особенно у детей младшего возраста. Дети-подростки (11—15 лет) интересуются и другими сказками: фантастическими, бытовыми; причем в последних они резко выделяют элементы сатиры.

В сказке больше всего интересует детей занимательность сюжета. Поэтому они редко сохраняют сказочную обрядность и подробности, тормозящие развертывание событий. Исключение составляют диалоги действующих лиц, особенно если они даны в стихотворной форме, вставные песни, что в детских сказках сохраняется с большой точностью. Нам приходилось записывать от детей сказки в одном и том же селе в разное время с промежутками в 15 лет; и записи одного и того же сюжета, рассказанного в разное время, были местами текстуально близки. Такие сказки, как „Волк и коза“, „Братец Иванушка и сестрица Аленушка“ и другие, построенные сплошь на диалоге, песенках и ритмически организованной прозе, переходят в малоизмененном виде от поколения к поколению.

Однако для большинства сказок необходимо отметить постоянную изменяемость (но не самого сюжета, а лишь отдельных деталей), что объясняется изменением мировоззрения сказочника. В детской передаче часто сказки приобретают новое, советское звучание. Рассказывая ту или другую сказку, дети нередко дают современную оценку изображаемым событиям, вставляют в сказку отдельные штрихи современного быта. Такие же реминисценции советской действительности встречаются и у взрослых сказочников. В сказке „Безручка“ Алешина, имея в виду Петроград, говорит: „Он (царь) живет в Ленинском граде, а в Китае война подымается“. Несмотря на то, что Мария Валентиновна старалась во всей сказке выдержать приурочение событий к предреволюционному времени, местами она все-таки сбивалась и вставляла современные слова: „Схватили

от медведя ребенка и отнесли к председателю, — рассказывает она о сыне Безручки.

Все эти факты говорят о том, что старые сказки, рассказанные в современной деревне, не могут быть рассмотрены только как творчество прошлого. В какой-то мере их надо расценивать и как творчество нашего времени. В этом смысле сказки сильно отличаются от других жанров, особенно от жанров исторической тематики. Лишний раз подтверждаются народные пословицы: „Из песни слова не выкинешь“, „Сказка—складка, а песня—быль“.

Последним в сборнике дается раздел исторических легенд и **преданий**. Некоторые из них, рисующие бытовые картины прошлого, даны вместе со сказками. Таковы былички Алешиной, Савихина и анекдоты Сесина, несомненно взятые ими из жизни.

В разделе же исторических преданий даны рассказы об истории сел, * памятные странички далекого прошлого, а также предания о крупных исторических лицах и событиях — о Разине, о Пугачеве; ** о событиях в революции 1905 года. Эти предания в сюжетном отношении являются вполне установившимися произведениями, которые сохранились и записаны в очень близких вариантах от разных лиц. Предания о далеком прошлом более художественные и не лишены некоторого вымысла и фантастики. Предания же о недавних исторических событиях обычно документальные, ближе к исторической правде и, в большинстве своем, сухи по форме. Исторические предания больше чем какие-либо другие фольклорные произведения отличаются чисто местным колоритом, и это понятно.

* Исторические предания печатались в большом количестве в Трудах Саратовской ученой архивной комиссии, в „Саратовских губернских ведомостях“ и других местных изданиях.

** См. Библиографию Саратовского фольклора.

Многие из них и по содержанию не выходят за пределы чисто местных тем — истории отдельных сел, воспоминаний о местных деятелях и событиях и т. д. Сами крестьяне смотрят на эти предания как на свою, творимую народом историю.

Такова вкратце картина развития фольклора в Саратовской области, такова характеристика основных видов его, вошедших в наш сборник.

Т. АКИМОВА

БЫЛИНЫ И ПОБЫВАЛЬЩИНЫ

1.

ОБ ИВАНЕ ГОСТИНОМ СЫНЕ

Как у князя, у князя у Владимира
Солучилось пированьице почестное,
Что честная, что хвальная, многорадошная.
Про князьев ли, про боярев, про могучих богатырев,
Не про всю ли поленицу, про удалых молодцов.
Володимир князь по горенке похаживает,
Он во правой руке чарочку понашивает,
Он не малу, не велику—полтора ее ведра,
Полтора ее ведра зеленого вина.
Кто бы бился и рубился об великий об заклад,
Ни обо ста рублей, ни об тысящи,
Об своей-то буйной об головушке.
Уж и кто бы эту чару принял правою рукой?
Выпил бы эту чару за единым духом?
Выбирался сын Гостиный,
Принимает чару да единою рукой,
Выпивает за единый дух.

2.

Ходил-то я гулял по диким степям,
Уж я бил-побивал гусей-лебедей
И одних пропускал серых уток.
И выхожу-то я на общий сырт,
На общем сырту стоит сырой дуб,
Под этим под дубочком сидят воры-разбойнички

И делят они казну монастырскую,
И делят они на три доли:
Первую долю—на божью церковь,
Вторую долю—во царев кабак.
А я натянул-то свой растугой лук,
Положил-то я кленовую стрелу,
И ударил я во сырой дуб.
И разлетелся дуб на мелкие частички,
На ножевые черенъца.

3.

СУХМАНУШКА

Ой как во Киеве во городе,
По киевской большой по дороженьке
Не ясный сокол вылетывал,
Не лютой зверь выбёгивал,
Выезжал Сухан на коне буром Бахмуте,
Поехал он дороженькой.
На нем шапочка бухарская,
Седельце под ним черкасское,
Струменушки булатные,
А уздельцы-поводьца позолочены.
Поехал он дороженькой,
На дороженьке зеленый дуб,
На дубу сидит вешун-птица,
Вешун-птица черный ворон,
И голосит ему весть нерадошну:
Быть тебе, Сухманушка, убитому.
Как пришел туда, так и убился.

4.

ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ И СОЛОВЬЕ-РАЗБОЙНИКЕ

Близко города Киева,
Недалеко от Мурома,
В селе Карачарове
Жил-был старик со старухой;
Был у них единственный
Сын юродивый,

Звать его Илюшенькой,
Крестьянский сынок.
Сидел он сиднем
Тридцать лет
И три года с половиною,
Два месяца на добавочку.
Пошли его родители
Разрабатывать землю-матушку,
Под озимый сев
Ржицу сеяти.
В это время пришел
К Илье Муромцу
Добрый странничек—
Сам святитель Николай,
Говорит Илье речи добрые:
„Уж ты, Илья, ты, Илюшенька,
Ты, крестьянский сын,
Добрый молодец,
Потрудися, встань,
Дай напиться мне!“
А Илюшенька отвечает ему:
„У меня ноженьки не двигаются,
У меня рученьки, как плети, висят,
А головушка не повернется,
Знать имею я грехи тяжкие“.
А странничек все настаивает:
„Встань ты, встань, добрый молодец,
Твои ноженьки подвинутся,
Пойдут они по широкой по дороженьке,
Твои рученьки богатырей побьют,
А головушка полна разума,—
Затемнит она все головы богатырские
И самого князя Владимира“.
Илюшенька послушался,
Его ноженьки стали двигаться,
Крепко-накрепко укрепятся,
А туловище поворачиваться.
Стал тогда Илья по избеночке похаживати,
По сторонешкам поглядывати,
Заглянул он и в красный угол,
Стал кресты он класть по-писаному,
А речи вести по-ученому,

Он со странничком в разговор пошел.
„Ты скажи-ка, ты скажи, добрый странничек,
Кто же ты такой есть:
Сам Иисус Христос?
Аль архангел Гавриил?
Аль святитель Николай?“—
„Я святитель Николай,
Что людей спасаю,
В деле помогаю,
Богатырством наделяю.
Вот теперь я вижу,
Что и ты здоров стал.
Ты поди-ка принеси мне пивушка,
Иль квасочку холодненького“.
Брал Илюша тут ушатик маленький,
Наливал его пивом холодненьким,
Подносил старцу он чару полную,
налитую всклянь.

А старец говорит Илье:
„Ты, Илюшенька, крестьянский сын,
Добрый молодец,
Выпей, выпей-ка прежде ты ее“.
Выпил тут Илюша чару полную,
Пополнялася его тут силушка.
Поднималась его грудь высокая.
Тут спросил его добрый стринничек:
„Полно ли у тебя, Илюшенька,
Твоя силушка богатырская?“
Отвечает ему Илья Муромец:
„Я чувствую в себе силы множество—
Превеликую богатырскую,
Что и если бы утвердили столб
От земли то и до неба,
Я бы мог повернуть
Всю вселенную—
Небеса и землю,
Колесницу всю,
Перевернул бы я
Весь мир этот“.
Ему странник тут говорит слова:
„Илюшенька, Илья Муромец,
крестьянский сын,

Поди принеси еще пивца".
Принес опять Илюшенька
Ушатик пивца, пивца доброго.
Велел странник ему выпить опять.
Илюшенька всё пиво выпил,
А ушатик бросил на дороженьку.
Как стала эта дороженька
Прямехонька-чистехонька.
Тут опять спросил его странничек:
"Сколько силы теперь
Ты в себе чуешь?"
Илюша ему отвечает тогда:
"Поубавилось моей силушки
На целую половинушку,—
Не сверну я теперь вселенную".
Спросил его тут странничек:
"Ты с кем, Илья, поживаешь?
И где же твои родители?"
Тогда Илья отвечает ему:
"Они ушли в зеленый лес,
Вырывать этот лес под пашенку,
Под жнивушку под матушку".
Сказал ему тут старинушка:
"Ты иди-ка к ним, Илюшенька,
Помоги-ка им пахать пашенку,
Расчищать лес под зерновую".
Илья идет на пашенку
Помогать родителям своим.
Пошел Илья во зеленый лес —
Зеленый лес к земле клонится.
Вышел Илья на дороженьку,
Увидала его тут родная мать,
Говорит она тут своему мужу:
"Посмотри-ка, идет наш Илюшенька".
Отец с матерью тогда диву дались,
Не думали они, что их сын идет —
Этот сиднем сидня, юродивый,
Что на печке сидел ровно тридцать лет.
Принес им тут Илюшенька
Два хлебца, пива и картошечки.
Тогда они поверили,
Возрадовались и диву дались.

Отец с матерью сели завтракать,
Отдохнуть, закусить и порадоваться,
Поглядеть на своего на Илюшеньку,
Какой он стал добрый молодец.
Взялси тут Илюша за работу,
Начал лес он дергати,
Вековые дубы поваливати,
Всё равно как конопельку посламливати,
Стал кидать этот лес в Оку-реку.
Завалил Илья всю Оку-реку
Дубовым лесом и сосновым
И травушкой он сорною.
Пока обедали отец с матерью
Илья запрудил всю реку Оку.
Тут блеснула Илье мысль прекрасная —
Через этот мост ехать в Муромский лес.
Слыхал Илья, что в этих лесах
Соловей-Разбойник гнездится,
Мимо этих лесов проехать нельзя,
А пройти-то и подумать нельзя.
В них конный не проедет и пеший не
проходит,
Зверь не прорыскивает, и ветер не свищет.
Нету тут дороженьки,
Нету тут проезжей.
На Муром-то проехать нельзя,
Побывать нельзя в славном городе.
Захотел Илья навестить Соловья,
Он взял, согнул себе сильный лук,
Подобрал коня себе сильного,
Он сделал стрелу очень колкую,
Непроходимую дороженькой
Отправился Илья Муромец.
Подвигаться стал он к Разбойнику,
К Соловеюшку мурманскому.
Увидал Илью Соловеюшка
Со своей вышины за тридцать верст,
И свистнул тогда он во весь свой свист.
Спотыкнулся тогда под Ильею конь.
Говорит Илья своему коню:
„Ты зачем, волчье мясо,
Повинуешься такой гадине?“

Проклятому, пузатому Соловью этому
Разбойнику?*

Начал тогда Соловей шипеть по-змеиному,
И начал реветь по-бычиному.*

Не дрогнул Илья от этого,
Натянул тут он свой сильный лук,
Наложил стрелу и пустил прямо,
И метко попал в Разбойника,
Попал Соловью прямо в правый глаз,
И вышиб его самого из гнезда.

Подъехал Илья, взял его себе,
Привязал его к своему седлу,
В отрока он его накрепче прижал
Ко заднему ко седельшку.
Поехал дальше Илья Муромец
Непроходимую дороженькой
Прямо к стольному граду Киеву,
Ко Владимиру красному солнышку.
Приезжает Илья ко владимиру двору,
У которого был пир горой

Со своими со витязями
И со славными богатырями.
Постучался Илья в ворота двора,
Вышел к нему придворный князь,
Стал он Илью спрашивать:
„Чего надо вам, добрый молодец?“

Отвечает ему Илья Муромец:
„Приехал я сюда повидатися
Со русскими богатырями
И со славными со витязями,
Со киевскими знаменитостями“.

Предложили Илье во дворец тогда,
Увидали Илью—все диву дались:
Кто такой, мол, подъехал сюда,
Выше всех богатырей он русских?
Говорят тогда тут Владимиру
Все русские богатыри:

Алеша Попович, Буслаюшка,
Лукапер, Лука-Луканюшка.
Говорят Владимиру красному солнышку:
„Не приехал ли это витязь какой
Помериться с нами силушкой?“

Как листья они осенние.
Устоял тут один лишь Илюшенька,
Побил Соловья он Разбойника.

5.

ИЛЬЯ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Две дороги. Одна дорога идет так, а другая в сторону. Влево-то—мне живому не быть, а вправо—коню живому не быть. Он подумал, самый вот Илья Муромец-то, подумал, поехал, значит, в правую: „Что будет над моим конем, то и будет“.

А на трех дубах Соловей-Разбойник жил. Он свистом убивал народ, кто там проходил. Как зашвистит, так и покончится.

Он ехал верхом, а за горбом у него был лучок со стрелой. Как он стал подъезжать, Соловей-Разбойник засвистал, его конь и упал на коленки. Илья и говорит: „Что ты экая, какая фигура! Увидел Соловья-Разбойника и на коленки упал!“ Взял, выхватил сзади лучок, натянул, положил стрелу и наметил Соловью в правый глаз. Он слетел и упал на землю. Он его взял да позади седла и привязал и поехал к царю в город.

Въехал. У него бал был, у царя-то. Тут богатыри сидели. И один сидел, больно по многу он съедал. А Илья въехал, привязал коня к столбу, а Соловей на коне, позадь седла, главная вещь. Взошел в царский дворец: „Мир вам на беседе!“ — „К нам просим милости“. Илья и говорит: „Царь, нет ли мне где местечка?“ — „Ишь, бай, какой? Места просит. Чай, можешь и постоять“. А он раздвинул их по обе стороны и сам сел. А этот богатырь, который по многу съедал, глядит на него, и царь глядит. „Кто такой, — говорит, — к нам приехал? Сдвинул, инда кости затрещали“. А этот богатырь, который по многу съедал, и говорит: „Ты не больно разговаривай, а то возьму, положу на ладонь и другой рукой прикончу!“ А тот и говорит: „Эх, ты, несытая кляча! У меня есть на седле Соловей-Разбойник и то он всех вас погубит“. А царь и говорит: „Не ты ли, Илья, появился?“

А он: „Я“,—говорит.—„Как ты это проехал этой дорогой? Тут у нас ни конных, ни пеших Соловей-Разбойник не пропускает“. Он рассмеялся: „Дай,—баит,—я его принесу сюда!“ А царь и говорит: „Ну-ка,—баит,—принеси. Посмотрим Соловья-Разбойника“.

Он его взял и несет с седла-то. „Он,—говорит,—засвищет и вас всех погубит“.—„Ты, Илья, заставь его хоть в полсвиста“. Он приказал Соловью-Разбойнику засвистать в полсвиста. А он взял да еще шибче засвистал—они все и повалились друг на дружку, богатыри-то, а царь брякнулся на диван: оглушил всех. А царь говорит: „Илья, помилуй, вели бросить“. Он: „Брось,—говорит,—Соловей, брось!“ А он не слушает. И взял Илья шашку вынул, отрубил ему башку и решил. А этот, который много съедал, и говорит: „Ты чего наделал? Давай поде-ремся по одиночке“. А царь отудобел. Вышли во двор, на волю, из дома-то. Как Илья полыснул по виску, — у него башка и полетела.

6.

Жил Илья Муромец тридцать лет без рук и без ног. Жил он у своего родителя. Вот в одно прекрасное время приходят к нему два старика вроде нищих. Просят милостыню у него. И он отвечал им на это: „Я, мол, подал бы вам, да я лежу без рук, без ног“. А один из них и говорит ему: „А ну-ка* встань-ка, встань-ка!..“ Вот он и встал, Илюша самый. Стал да пошел и говорит им: „У моего отца нынче помочь. Он пиво варил. Я вас напою пивом“.

Пошел он к подвалу и сказал: „Подайте мне вот эту кружку“. Один из них подал кружку. И он взял из кадушки зачерпнул кружку пива и подносит из них одному. А тот ему и говорит: „Ну-ка вот выпей сам“. Он взял и выпил кружку всеё. Старик и говорит ему: „Что ты чувствуешь в себе?“ Илья Муро-

* Сказитель часто при передаче прямой речи употребляет вводное слово „мол“, которое нами опущено.

мец и говорит: „Если только был бы врытый столб от земли до неба и в нем бы было ввернуто кольцо, то бы я всю святорусскую повернул“. — „А ну-ка, — говорит, — зачерпни другую“. Он зачерпнул, подносит старику. Старец говорит: „Выпей-ка другую“. Он выпил другую. Старец спрашивает его: „Илья Муромец, а что ты теперь чувствуешь?“ — „Я чувствую в себе третьей части того нет, что было“. — „Будет и этого с тебя“.

И взял Илюшенька пошел в подвал. Старики ушли от него. А он взял пятнадцать ведер бочку на себя и чувал пирогов и пошел к отцу своему на помочь. На помочё у него отец Оку-реку прудил. Работники говорят: „Это Илюшенька твой идет“. А отец отвечает: „Какой Илюшенька? Он сидит тридцать лет без рук, без ног...“ В конце концов ближе, ближе, ближе, и на самом деле пришел Илюшенька, принес пятнадцать ведер пива и чувал пирогов. И сказал им: „Ешьте, пейте, закусывайте“. Они напились, наелись, опять пошли.

А Илья Муромец взял у них топоры и все их повтыкал в деревья. Одни только обухи видать. Взял пошел к этому лесу, где они рубили, подергал его из корню и покидал в реку. И Ока-река пошла другим трактом.

Работники встали. Смотрят: что такое? Топоры воткнуты. „Это вот мой топор, а вынуть-то его нельзя“. Подойдет, подергает, подергает, а вытащить — никак. Илья Муромец подойдет к каждому топору, наложит один палец, а он оттоль и выскочит. И отдает хозяину.

Вот Илья Муромец приехал с помочё домой. Стал говорить отцу своему: „Отец мой, я теперь тебе не поилец, не кормилец. Купи мне коня“. Он ему купил коня у одного попа. А коня он так торговал, как Илья сказал отцу своему: „Ты купи мне такого коня, который встречь воды пьет“. Вот он и услышал, что у попа есть такой жеребенок, он встречь воды пьет. Давай его торговать. Купил за триста рублей. Вот он стал его кормить и докормил до той поры, когда он стал из конюшни выпрыгивать у него, из двенадцати венцов.

Вот сел он и поехал по всем государствам искать себе богатырей, которые сильнее его есть.

Одно времечко едет он, попадаетея ему богатырь, среди поля спящий. Сколько-то времени, не знай, спит. А конь его ходит по бояровой пшенице. Вздумал было его победить, опять раздумался: „Какой я буду богатырь, если я убью этого богатыря спящего?“ Вот он проснулся, очнулся. Стоит богатырь. И как он учуял своим духом, что этот, мол, сильнее меня будет. Значит, стал кориться сразу. Стал ему говорить: „Илья Муромец, ты поезжай, там есть один богатырь под названием Обжора“.

Вот он приезжает к нему. У этого Обжоры была беседа. И у него в дому, как вот где сидеть человеку, по обе стороны стояли столбы чугунные, как всё равно в кресла садиться человеку. Ну, как Илья Муромец вошел в избу к порогу, и ему было сесть-то негде. Ему не было креслицев-то этаких. А Обжора подносил вино гостям. Оглянулся назад и говорит: „Какой это есть богатырь? Когда себе сесть не найдет“. А Илья Муромец взял вот этаким родом к первому-то столбу пододринулся, да его и уронил. И они друг за дружкой и повалились все столбы-то. Повалились и гостей-то всех и повалили.

Эти его шутки, Ильи Муромца, показались Обжоре неприличными. Он взял со стола чашку со щами и хотел его ударить этой чашкой. Как только он бросил из рук, на полете Илья Муромец захватил чашку эту между пальцев. Взял шапку снял, ударил этого самого Обжору и пронес его сквозь стены из дому.

Тогда ему и сказал Обжора: „Поезжай вот в такое-то место; там есть богатырь Соловей-Разбойник“. Вот он поехал туда.

Едет путем-дорогой. У Соловья-Разбойника было свито гнездо на трех дубах. Услыхал он сам богатырскую силу и стал свистать. Вот до той поры свистал, Илья Муромец, значит, всё ехал. И от этого шума конь у него удобил и спотыкнулся. Илья Муромец ударил его плетью и сказал: „Что ты, — говорит, — удобил такой мерзости?“ Подскочил под

его гнездо и натянул тугой лучок, сшиб его оттоль с гнезда.

Вот он захватил его, привязал его к себе за стремя и везет его домой.

Увидали его дочери две и говорят одна другой: „Батюшка везет кого-то у стремя“. А* другая говорит: „Нет, батюшку, — говорит, — везет какой-то“. Взяли обе по чугунному песту. Одна встала на тот столб другая встала на этот столб. „Вот мы его убьем, как он поедет“. А он смикитил это дело, увидал их. Тут он натянул тугой лучок и сшиб их обеих.

П Е С Н И И П Р И Ч И Т А Н И Я

Исторические песни

7.

Как за реченькой, как за быстрою
Не огонь горит, пышет молонья,
Это горит-болит сердце девичье
Не по батюшке, не по матушке,
По своём дружке, по дружке Ванюшке.
Злы татарушки города берут,
Города берут, по себе делят.
Кому золото, кому серебро —
Кому цветное бело платьеце.

8.

Грозен царь Иван Васильевич
Как под речкою под Казанью
Семь лет силою стоял.
Мастерочков себе нанимал,
Три подкопа царек подкопал.
Три подкопа мастер подкопал,
Сорок бочек мастер накатал.
Эй, да эти бочки они были не простые,
Эй, да с зельем с порохом да со злом.
Как еще там воры-басурманы
По Казани они гуляли,
Насмеялись царю в глаза:
„Ой да вот не взять тебе, беленький царек,
Наш Казанский славный городок!“

Разгневался царь-ат белый, рассердился,
На своих он славных мастеров.
Ой, да как один-от мастер смелый был,
К царю лично, к царю лично мастер подходил,
К царю смело мастер подходил,
Да с государем речи мастер говорил:
„Давай купим, ай да, беленький только царек,
Да воску ярого с тобой свечи.
Ой да эти свечи с тобой зажгем,
Да из подкопу сами вон пойдем“.
Стали свечки эти догорать,
Зелья бочки стало разрывать,
Ой да Казань-город стало подымать.
Ой да де рука ли, де нога,
Де лежит ли еще нога ой татарска,
Эй, татарска лежит голова...

9.

Над речкой над Казанушкой царек с силушкой стоял,
Царек с силушкой стоял, три подкопа подкопал.
Три подкопа подкопал, много зелья закопал
Со таким, да со благим с зельем порохом-вином.
Все татары по базару, все погуливают.
Насмеялись нашему царечку во глаза:
„Как не взять тебе, не взять наш Казанский городок
Не во сто тебе лет, не во тысячу годов!“
Как на эти словеса царь белый огневался,
Огневался белый царь, мастерочков вешать стал,
Один смелый из них был, к царю близко подходил.
К царю близко подходил с царем речи говорил:
„Уж ты царь, ты наш царь, царь Иван Васильевич,
Давай свечечки зажгем, с подкопа прочь пойдем!“
С подкопа выходили — бочки рóзорвало;
Загорелся, распылался наш Казанский городок,
Расплакался, растужился наш казанский королек.

10.

Соловей кукушку уговаривал:
„Полетим, кукушка, в зелен сад гулять,
Совьем мы, кукушка, тепло гнездышко,
Выведем, кукушка, малых детушек,

Тебе куковенка, а мне соловья,
Тебе для потехи, а мне для петья".
Мальчишка девчонку уговаривал:
„Поедем, девчонка, в Казань город жить,
Казань городочек при красе стоит,
Казанушка речка медом протекла,
Мелки ручейки — сладкая вода,
По бережку камушки самоцветные".
„Врешь, подлый, обманываешь, сама
там была.

Казань-городочек при крутой горе,
Казанушка-речка кровью протекла,
Мелки ручейки горючими слезми,
По бережку камни — солдатские головушки".

II.

Соезжались, ой как собирались добры
молодцы

Они в зелен луг,
Становились братцы-ребятушки
Во единый круг.
Они думали да и гадали
Только думу крепкую:
Ой, да кому у нас во больших быть?
Во больших быть у нас, братцы-ребятушки,
Микитушке Романычу.
Есаулом быть у нас, ребятушки,
Только сё Ермошеньке Тимофеичу.
Не пора ли нам, братцы-ребятушки,
Пошабашить?
Мы пойдем, е-ка, братцы-ребятушки,
На помощь к царю Ивану Васильевичу.
Он, наш батюшка, под Казанью стоит.
Мы пойдемте, братцы-ребятушки,
В Волгу-матушку.
Атаманушку мы своего батюшку
Да мы сведем под руки.
Есаулушка, братцы-ребятушки,
Только он сам сойдет.
Астраханскую мы губернюшку

Да мы пройдем с вечеру.
А Царицынский городочек
Как во глуху полночь.
А Саратовскую мы губернюшку
Да мы пройдем на белой заре.
А Самарушке, нашей матушке,
Да мы ей поклонимся.
В Жигулевских во лесочках
Приостановимся.

12.

Во шестом году восьмой тысячи*
Как в нашем народе правда вывелась,
Вселилось лукавство великое.
Не люта ли змея вывелася,
Возвивалась собачка-пес булатный нож.
Он не на землю пал, он и не на воду,
Он упал царю на белую грудь,
Пал тому царю, пал Димитрию,
Пал Димитрию Ивановичу.
Как убил его Гришка Расстрижка
Растрёпанный, растревоженный,
Он убил его на царском игрище,
Как убивши его, сам на царство сел.
Он не много не мало царем царил,
Он царем царил ровно семь годов.
На седьмом году Гришка жениться стал.
Он берет жену не у нас на Руси,
Не у нас на Руси,—во иной земле.
Он не много, не мало приданого взял,
Не много, не мало—три тьмы тысячи.
А женился он в субботу великую,
Как добры люди идут к обедне, к заутрени,
А Гришка Расстрижка обедать сел,
Воскушает, ест скоромные, молочные.
Все лакеи догадались,
К государыне своей все бросались:
„Уж ты, матушка, наша царица,

* В данном случае имеется в виду 7106 год по старому летоисчислению, т. е. 1598 год.

Твой сын Димитрий царем царит,
Он не закон творит.“—
„Господа ль вы мои, сенаторы,
Моего сына Димитрия давно в живе нет“...

13.

Вниз по матушке по Волге,
Вниз по быстрой по реке
Тут и плыла выплывала
Легка лодочка косна.
Как на этой на лодочке—
Пятьдесят человек,
Посреди лодки — хозяин,
Разудалый молодец,
Он по имени Михайлыч
Стеньки Разина сынок.*
Он воскрикнул, он возгаркнул
Своим громким голосом:
„Подворачивай, ребята,
Ко крутому бережку,
Ко низовой ко сторонке,
К славной к Астрахани“.
Без опаски молодчик
На крутой берег взошел,
По городу пошел.
Серебряной своей тросточкой
Упирается идет,
Разорванный кушачок
На правой руке несет.
Он ни графам, енералам —
Не кланяется никому,
Астраханскому губернатору
И под суд нейдет.
Астраханский губернатор
Из окошка увидал:
„Что такое?“ — Посылает,
Наряжает своих верных слуг:

* Песня понимает не родного сына, а одного из приближенных Стеньки Разина.

„Уж вы слуги, мои слуги,
Слуги верные мои,
Вы пойдите, приведите
Удалого молодца“.
Ровно три полка солдат
Приводили молодца
К новым чановым воротам,
Ко крашеному крыльцу.
Астраханский губернатор
Стал выпрашивать его:
„Уж ты чей таков молодчик?
Чьего матери-отца?“ —
„Я не помню, я не знаю
Чьего рода, племени,
Только знаю я фамилию —
Стеньки Разина сынок“.

14.

Вы пойдемте-ка, братцы,
На горы гуляти.
Поглядимте-ко, братцы,
Вниз матушки Волги:
И что это у нас сделалось на Волге?
Случилось большое несчастье.
Не черным-то черно
В поле зачернелось,
Зачернелось-то на Волге два стружочка.
Два стружочка у нас смоляные,
Смоляные у нас стружочки воровские.
Как на этом стружочке Стенька гуляет,
Не один гулял Стенюшка,
Гулял со ворами,
Со ворами с казаками.

15.

ШАТРИКИ

Далече мое, далече во чистом поле,
Что того подале при долинушке
Как не белые в поле лебеди забелелися,

Не лазоревы цветочки покраснелися,
Забелелися в поле шатры полотняные,
И все шатры-шатрики при долинушке.
Как один-то шатрик при бугре стоит, при бугрике,
В этом шатрике царь наш батюшка Петр Алексеевич;
Он по шатрику похаживает,
Во подзорную трубоньку поглядывает,
Во серебряную сипотычку выговаривает:
„Не прущкой ли король идет в гости к нам?
Уж мы чем бы его, братцы, стали потчевать?
У нас пиво невареное, зелено вино некуренное,
Только есть у нас одно угощенье—
Сухари сушеные.
В Туле сушены, мелко крошены“.

16.

Эх, не сказать ли вам, братцы, про Тихий Дон?
Про Тихий Дон, про донских казаков?
Про казаченька про такого, ой да про вора про
Игнашу.

Ой Игнашенька был он вор-изменщик,
Изменил он службу царскую,
Царя белого—Петра Первого.
Петр Первый только влез на вышечку,—
Со вышечки стал он выхваляться.
Переpravляться Петя стал из городу только в город
Рим,

Ой да только в город Римизон!
Ой да в городе только шатры белые,
Да во шатрах стоит стол дубовенький,
На столике только скатерти браные,
На скатертях стоят вина пьяные.

17.

Нам не дорого хозяйско пиво пьяное,
Дорогая нам беседушка смиренная.
Во беседице сидят люди добрые,
Они бают рассуждают речь хорошую:

Отчего наша каменна Москва загоралася?
Загоралась наша каменна Москва от больших
господ,
От тех господ Шереметьевых.
Выходила их ключница в темные выходы,
Заронила уголёчек в зелено вино.
Оттого наша каменна Москва загорелася,
И остались в ней одни лавки темные.

18.

Пишет, пишет король шведский государыне в
Москву:
„Чтоб российска государыня помирилась бы со мной.
Если не будешь ты со мной мириться, я баталью
с тобой сочиню.
А завтра,—говорит король шведский,—ночевать в
Москву приду“.
Как российская государыня испугалась шведа-
короля,
Ее белые рученьки опустились на маху,
Ее резвы ноженьки подкосились на ходу,
Ее буйная головушка свалилась долой с плеч.
Перед ней стоял сам Румянцев и Краснощеков
генерал.
Они стоят уговаривают, уговаривают все ее:
„Ты не бойся, наша государыня, не бойся шведа-
короля.

Мы шведа-короля пустим посередь поля,
Мы шведу-королю три гостинца поднесем:
Как и первый гостинец—полк Семеновский пошлем,
А второй-то гостинец—полк Ивановский пошлем,
А на третий-то гостинец—саблей голову снесем“.

19.

Как по морю, морю синему плавали, гуляли,
Эх, гуляли полтораста кораблей.
На каждом корабле по пятисот молодцов,
Эх, гребцов песельничков.
Хорошо гребцы гребут, весело песни поют.

Разговоры говорят, все Ракчеева бранят:
„Наш Ракчеев дворянин, все дороженьки изрыл,
Все дороженьки изрыл, все мостами замостил,
Разной краской раскрасил.
Разной краской раскрасил, березками усадил,
Исправивши это дело, начал пить он гулять,
Всё пропивши, промотавши, стал заводы заводить,
Хоромушки становить.
Белокаменны хоромы, стены раменные,
Из хрусталя потолок, позолоченный конёк.
По этому потолку тут речушка протекла,
Не сама речка зашла, неволюшка занесла,
По панта́лам взведена, тут рыбица пущена,
Золотая голова,
Серебряна чешуя.
Тут кровать нова смощена.
На этую на кровати сам Ракчеев почивал,
Эх, он и спать-то мало спит, всё на рыбицу глядит.
Хорошо рыба плывет, весело плеском гребёт“.

20.

У Платова казака небритая борода, нестрижены
волоса.
Чрез закон Платов вступил, усы-бороду обрил,
Усы-бороду обрил, у француза в гостях был.
Его француз не узнал, за купца его считал,
За купца его считал, за дубовый стол сажал.
За дубовый стол сажал, графин водки наливал,
Графин водки наливал, на подносе подавал.
На подносе подносил, его милости просил:
„Уж ты, купчик, мой голубчик, выпей рюмку,
выпей две.
Скажи правду всеё мне про Платова казака.
Если бы его узнал, то с живого шкуру снял.
А кто бы мне указал, то казны бы много дал“.—
„Чем казну терять, его так можно узнать.
Да гляди-ка на меня, как Платов, так и я,
Мы с ним матери одной, только крови не одной“.
Услыхала дочь Арина, из чулана выходила,
С купцом речи говорила:

„Уж ты, купчик, мой голубчик, покажи-ка свой патрет“

Патретик вынимал, на дубовый стол бросал,
На дубовый стол бросал, а сам из палаты бежал.
Он по лестнице бежал, сам записочки бросал,
Выбегал он на крыльцо, шибко-громко засвистал:
„Уж вы, други, мои други, донские казаки,
Подайте мне коня под Платова казака!“
На коня Платов садился, точно сокол возвился.
Он со двора съезжал и с усмешечкой сказал:
„Ты, ворона, ты, ворона, загумённая карга,
Не сумела ты, ворона, ясна сокола держать,
Ясного сокола, Платова казака.
Ты умей, ворона, по чисту полю летать,
По чисту полю летать, с казаками воевать.
Про тебя, ворона, блины напечены,
Блины напечены, пушки заряжены“.

21.

Какой нонешний денечек,
Вечорошний часочек,
Обуяла меня грусть-тоска
Без милого без дружка.
Мне сказали про него,
Что он не жив, не здоров,
Удал без вести пропал.
На легкую лодку пал,
За точены весла брал,
В сине море выплывал.
Посередь моря потонул
И всю Россию вспомянул.
Ты, Россия, ты, Россия,
Ты, Российская земля.
Много славы про тебя,
Не только про тебя,
Про Платова казака.
Платов казак генерал,
Он по армии гулял.
У француза в гостях был.
Француз его не узнал,
За купчика почитал.

Потому он не узнал:
Обрита борода, острижены волоса.
„Ты скажи, купчик, голубчик,
Каков из себя Платов казак?“—
„Похож на меня,
Только не брита борода, не стрижены
волоса“.—

„Покажи-ка мне портрет!“
Свой портрет он показал,
Из палат вон побежал,
Громким голосом скричал:
„Ты, ворона, ты, ворона,
Загуменная карга,
Не сумела ты, ворона,
Ясна сокола ловить,
Не сумела ты, ворона,
Златы перышки щипать,
Только сумела ты, ворона,
В чистом поле полетать,
В поле зернышки собирать“.

22.

Разорена путь-дорожка, разорена далеко.
Кто эту путь-дорожку, кто ее разорил?
Разорил эту путь-дорожку неприятель вор-
француз.

Разоримши путь-дорожку широку,
Во свою землю жить пошел,
Ко Парижу подошел.
Не дошедши до Парижу, там немножко подождал,
Сам подумал-погадал и головкой покачал.
Два словечушка сказал, Париж город восхвалял.
Не хвалился, вор-француз, своим славным

Парижом,
У нас есть в России, есть получше Парижок,
— Есть получше, пославнее распрекрасная жисть-
Москва.

В Москве улица широка, дикарёчком выстлана,
Желтым песком сыпана и на бумажку списана;
В Вольский город прислана, во контору подана,
При базаре читана.

23.

Вы, кусты, мой кусточки,
 Вы, ракитовы кусты,
 Вы скажите-ка, кусточки,
 Всеё правду про сына:
 Где сыночек пьет-гуляет,
 Где надежда мой пребыл?
 Пребывает мой надежда—
 В чужой дальней стороне,
 Во матушке во Москве,
 У француза на войне.
 Уж мы билися, рубилися
 Разосенню темну ночь.
 Разосенни ночи темны, долги,
 Близ четырнадцать часов.
 Как во первом часу ночи
 Сабли-ружья гремели.
 Во втором часу ноченьки
 С плеч головки летели.
 Как во третьем часу ночи
 Кроволитье протекло.
 Протекло же это кроволитье,
 Словно полая вода,
 Заливало же это кроволитье
 Все губернии-города.
 Выходили ж царь с царицей
 На прекрасное крыльцо.
 Они крестились и молились,
 Чтоб это кроволитье унесло.

24.

Вор на острове родился,
 Во французе проявился—
 Первый был Наполеон.
 Много крови в теле пролил,
 Сам он себя беспокоил,
 В Россию взошел.
 Он в Россию вобрался,
 К Москве к нашей подобрался,

Боевые солдатские песни

26.

Было дело под Полтавой,
Дело славное, друзья,
Мы дрались тогда со шведом
Под знаменами Петра.
Наш могучий император,
Память вечная ему,
Сам командовал полками,
Сам и пушки заряжал.
Пули облаком носились,
Кровь горячая лилась...
Вдруг одна злодейка-пуля
В шляпу царскую впилась.
Вдруг еще злодейка-пуля
Полетела на Петра,
Прямо в грудь она летела,
В сердце крепкое царя.
Но, ударив, отскочила
С визгом прочь и без вреда,
На груди его высокой
Чудотворный крест висел.

27.

Поле чистое, турецкое, мы когда тебя пройдем?
Все бугры твои, дороженьки, все места славные,
прекрасные?
На том поле, на том чистом мы сойдемся с
неприятелем,

С такой ордой неверною, с турецким славным
 корпусом.
 На турецкий большой праздничек злые турки
 напивались,
 Злые турки напивались и во хмелюшке восхвалялись:
 „Мы когда тебя, поле, пройдем, мы Россиюшку
 наскрозь пройдем“.
 Грапашкевича* во полон возьмем, стены каменны
 копьем пробьем.
 Граф Пашкевич разговаривал, сам ребятушкам
 наказывал:
 „Вы не бойтесь, ребятушки, новобранные
 солдатушки,
 Послужите верой-правдою“.

28.

Пишет, пишет к нам султан турецкий
 Пишет белому царю:
 „Ты отдай-ка нам, царек, свою землю.
 Если не отдашь ты эту землю,
 Я в разор тебя разорю,
 В каменну Москву жить зайду.
 Я расставлю свои злакументы
 По всей каменной Москве,
 Я сам стану, султан турецкий,
 В николаевском дворце“.
 Расплакался, растужился
 Николай-ат об Москве:
 „Господа ли, вы мои сенаторы,
 Крепки думчивы мои.
 Вы подумайте думу со мной,
 С Николаем, белым царем“.
 Выбирался генерал Бутыркин**
 За дубовым сидел за столом,
 За дубовым сидел за столом,
 Говорил речи с царем:

* Граф Паскевич.

** В других вариантах этой песни чаще упоминается генерал „Пашкевич.“

„Набирай ты силы побольше,
Пойдем с турком воевать,
Летом лагерем стоять“.

29.

Вспомним, вспомним-ка, братцы-ребята,
Севастопольскую, братцы, войну,
Мы не раз и не два „ура“ кричали
В севастопольских горах.
Пули-ядра нас осыпали,
Нам картечь была нипочём.
Заряжайте снова, братцы, ружья.
Встретим француза да мы на штыки.
Распроклятый шельмец англичанин
Стал он шуточки с нами шутить,
Шутил шуточки с нами не малы,
Из барбичи он стал в нас палить.
Все дорожки он нам призаставил,
Хотел с голоду нас поморить.
Мы рогатую свою скотину
Начисто ее перевели,
Стали есть мы, братцы, лошадину.
И варили, жарили, пекли.
Вместо соли мы ее солили
Из патрона мы мелким порошком.
За-Рассиюшку да мы стояли,
За прекрасную да мы Москву.
Да мы трубочки да мы закурили
И простились да мы с табачком.

30.

Было дело в Порт-Артуре
Дело славное, друзья,
Тоги-Ноги, Камимуры
Не давали нам житья.
Как потребовал микадо
От России Порт-Артур,—
„Да ведь он самим нам надо,
Ишь какой он самодур“.—
Так Россия отвечала

На японские слова,
И вот этим рассердила
Желтолицого царя.
Тут микадо рассердился
И такую речь сказал:
„Ведь Россия не желает
Уступать нам Порт-Артур,
Так и бог повелевает
Их загнать за Амур.
Ну-ка, Тоги-Ноги, начинайте воевать,
Ведь у нас снарядов хватит,
Что с Россией воевать!“
И зловещий свист раздался
В день морозный января.
Незаметно флот подкрался
Желтолицого царя.
Комендант Стессель
Про то ничего не знал,
Веселился он с девчонками
И вино он выпивал.
Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда.
Тут Стессель забрал свои червонцы
И давай удирать.
И если б генерал Кондратенко
Не убит был, генерал,
Порт-Артур бы наш не пал.

31.

На возморье мы стояли,
На германском берегу,
На возморье мы смотрели,
Как волнуется волна.
Посулился враг германский
Русско войско погубить.
Врешь ты, врешь ты, враг германский,
Те неотколь взойти.
Как у Руси войска много,
Русский любит угостить,
Угостит свинцовой пулей,
На закуску стальной штык.

Рекрутские и солдатские песни

32.

Расхороша наша барыня,
Что Арина-то Ивановна:
Разорила село теплое Пилюгино,
Раздала крестьян в солдатушки,
Во молоденьки рекрутики.
Охотнички наперед идут,
Невольники позадь тянутся,
Охотнички песню взгаркнули,
Невольнички слезно всплакнули,
Свою сторону вспомянули:
„Сторона ль моя, сторонущка,
Гулливая наша, прохладливая“.

33.

Заря моя, зоренька вечерняя,
Звезда восходяя!
Высоко звезда восходила,
Выше садику, выше зеленого.
Пролежала здесь дороженька,
Дороженька небуёвая,
Солдатиками наторённая.
Тут шли-прошли обозушки,
Обозушки нетяжелые,
Тут шли-прошли солдатики,

Новобраные.

Охотнички песню гаркнули,
А невольнички-то слезно плакали:
„Не сходить вам, матерям,
По белу свету за нами,
Не смочить вам сыру землю,
Не наполнить сине море
Горючими слезами“.

34.

Мимо ельничку, мимо березничку,
Мимо частого орешничку
Пролегала тут у нас дороженька,
Дороженька нетореная.
Никто по ней не прохаживал,
Не прохаживал по ней никто,
Ясен сокол по ней не пролетывал.
Только шли по ней обозушки,
Обозушки прошли нетяжелые,
Нетяжелые прошли, нагруженные,
Со солдатской они со одежею,
Со некрутскою они со обрядою.
Солдатушки песню взгаркнули,
А некрутушки слезно всплакнули,
Свою сторону они вспомянули;
„Сторона ты наша, сторонушка,
Сторона наша гулливая,
Идешь, говорит, прохлажаешься,
Да своей-то женой похваляешься:
У меня ли жена умница...“

35.

У нас нынешний денечек
Выпал беленький снежок,
Засыпал тоненький ледочек.
Как на льду стоят ребята —
Они белы, кудреваты,
На них нанковы халаты,

Черны шляпы с козырями,
Со павлиньими перами.
Говорят речи про Ваню:
„У нас Ванюшка невесел,
Буйну голову повесил,
Черной шляпой принакрылся,
Горючми слезми залился.
Хотят Ванюшку поймати,
Во солдатушки отдати“.
Вот ведут Ваню в солдаты —
Во железо его сковали.

36.

Разливалась Воложка, во крутые бережки не
убиралась,
Потопляла все горы и доли, допочки, луга
зеленые.

Как во этих во лужках не оставалось ничего,
Как остался и остался один част ракитов куст.
Как на этом на кусточке свито гнёздышко,
Гнездо соловьиное и ремезиное.
Как во этом во гнёздышке млад соловушек сидит,
Высоко сидит, далеко глядит,
Жалобно поет и посвистывает.
Подает он голосочек всему городу Москве,
Как в Москву-то с Питерочком, отцу с матерью,
Как отец с матерью за столом сидят, думу
думают,

Они думушку думают за единую:
„Нам которого сыночка во солдатушки отдать.
Нам отдать, не отдать сына малого, неженатого.
Аль отдать, не отдать большего сына?
У него дети малые.
А второго отдать — у него жена умна,
Жена умна - умница и скопидомница,
На ней дом стоит и на ней держится“.
Малый сын был догадливый:
„Ты сходи-ка, батюшка, во зеленый сад,
Ты срежь три прутика,
И вырежь три жеребья,

И пусти их во черну шляпу.
Ты трясина-ка черну шляпу, батюшка,
Ты вынай, родная матушка".
И вылетел жребий сыну малому, неженатому.

37.

Не белы снежки
Рано выпадали,
Выпадали снежки
На талую землю,
На талую землю,
Не на мерзлую.
Как пришел-то указ
Из Саратова,
Пришел-то указ
Про солдатова.
Двоих- троих
Во солдаты брать,
А четверых-семерых
Миновать нельзя.
И пришел-то указ
Ко богатому.
Как богатый мужик
Всю ночь не спит,
Всю ночь не спит,
Впереди сидит,
Впереди сидит,
Думу думает:
„Мне какого сына
Во солдаты отдать?
Мне большого сына отдать —
У него детей много,
А среднего отдать —
У него жена умна,
Жена умна,
Весь дом свела.
Отдать мне не отдать
Сына малого,
Сына малого, любимого".
Малый сын расплакался,

У отца с матерью в ногах валяется:
„Аль я вам не детище,
Аль я вам не тот же сын,
Не тот же сын,
Не кормилец был?“—
„Вы возьмите, мои детушки,
Коня-то не езженного,
Седла-то не седланные,
Узду-то не езженую.
И поезжайте в лес-дубравушку.
Срежьте вы по жеребью:
И которому сыну
Во солдаты итти“.
Досталось сыну младшему —
Сыну младшему, любимому.

38.

Соловей-соловушка, соловей* молоденький
Из саду выпархивал.
Молодая соловьюшка наперед залетывала,
Соловья ворочала:
„Воротись, соловушка, воротись, молоденький,
Без тебя у нас в саду пусто,
Без тебя невесело,
Все пташечки пригунули, крылышки повешали“.
Молодой-то боярин, сын Иван-то Лексеевич
Во службу собирается,
Во службу во царскую, во нужду во крайнюю.
Его мамынька родимая наперед заехала,
Свово сынка ворочала:
„Воротись, сыночек мой, воротись, надеженька,
Без тебя у нас в дому пусто,
Без тебя невесело,
Все слуги не слушают, коней на луг не пушают,
Земчугом не взнуздают...“

39.

Дуйте, дуйте, ветерочки,
Со высоких крутых гор,
Вы снесите, ветерочки,
Черну шляпу с головы,

Черну шляпу с головушки,
С расчесанных кудрей.
Расчесамши кудри, разбумажила
Сударыня родная матушка.
Расчесамши, словечушко сказала,
Словечушко сказала, разнесчастливым меня
назвала:

„Разнесчастное мое дитяtko,
Желанное мое взгляденъице,
Не тебе ли, мое дитяtko,
Во солдатах быть?
В молодых некрутиках
Царю белому служить?“
Мы служили и ни о чем не тужили
Ровнехонько двадцать пять годов.
На двадцать шестом годике
На побывочку я к вам приду.
Только притти не приду,
Вольной пташкой к тебе прилечу.
Вольной пташкой, разгорькой кукушкой,
Раззалетным соловьем.
Сяду, сяду, батюшка,
В твоём зеленом саду.

40.

Долина, ты, моя долинушка,
Раздолье наше широкое!
Ничего ты, матушка-долинушка,
Ничего ты не уродила,
Ни травынъки, ни муравынъки,
Ни лазоревых цветов, ой да цветиков.
Ой да уродила ты, моя долинушка,
Один куст калины.
На кусту на горькой калинушке
Сидит горькая кукушка.
Не кукуй-ка, горькая кукушка,
Во темном лесочке,
Во сыром бору, ой да во борочке.
Нам и так, горевым солдатушкам,
И так на службе тошно, больно грустно.

Да и зачем-то наш православный царь
Загнал нас в ину землю.
В ину землю он на самую границу.
Уморил, поморил он нас, наш православный
царь,
Гладною смертью.

41.

Гулял Ванюшка неделюшку,
Гулял Ваня две.
Не за то ли Ванюшку-дружочка
Во солдаты отдали?
В те солдаты в гренадеры
В гренадерские славны полки.
Испрошел я, Ванюшка-дружочек,
Все губернии - города,
Не нашел я, Ванюшка-дружочек,
Спроть солдатского хуже житья.
Ни в чем мне судьба счастья не дала:
Ни в матушке, ни в батюшке,
Ни в молоденькой жене.
Своих малых деток-малолеток
По чужим людям раздала,
По тетушкам, по дядюшкам,
По двоюродным сестрам:
„Ты сестра ль моя двоюродная,
Сбереги моих малых детей“.

42.

По Елшанушке, по матушке
Все фатерушки поразмечены,
Все солдатушки порасставлены.
Со вечеру приказ отданный —
Все солдатушки призадумались.
Хорошо ли вам, ребята,
Во сраженьице стоять?
Мы стояли на сраженьи
На праваям крыле, на камышевой траве.
Камыш горькая трава

Много горя принесла.
Вы не плачьте, ребята,
Не тужите, молодцы.
До осени доживем, в Россию жить пойдем,
Рекрутиков наберем.
Рекруты молодцы —
От матерей от отцов.
Женатого ведут — с горя песни поют,
Холостого ведут — с горя плачут.

43.

Прощай город, еще прощай Вольский,
Ох да Развсеголодчина славна слобода!
Нам теперь да пришло не до вас,
Из Саратова да пришел указ,
Ох, да во солдаты ведут, гонят нас.
Ох, да прощайте, Сашенька милый, любезный!
Ох, да где мы с миленьким прощались, расставались,
Ох, да слез речка быстрая протекла,
Не широка речушка, глубока,
Ох, да с крутым бережком речка ровна.
Как на этой на быстрой речушке,
Ах, да легка лодочка крашена плыла.
Как на этой на легонькой лодке,
Ох, да двое молодца удалые сидят,
Про разлуку бают, говорят:
Ты разлука, ты наша чижола,
Чужа дальняя шельма - сторона.
Как на этой на дальней сторонке
Не уродилось на ней ничего:
Нет ни травки на ней, ни муравки,
Нет лазоревых алых цветов.
Уродился на дальней сторонке
Один жесткий сухой ковылок.

44.

Уж ты, свет, ты, мой свет,
Конца-краю нет,
Путь-дороженька широкая.

Никто ей не хаживал,
Никто следу не прокладывал.
Только шел-прошел табун коней,
Табун коней разворонных.
А впереди идет сив-чубарый конь,
На коне-то сидит добрый молодец,
Добрый молодец — сын полковничек,
Сын полковничек Иван Федорыч.
Как он сидючи призадумался,
Призадумался, слово молвил коню:
„Уж ты, конь, мой конь,
Конь вороненький,
А что ты, конь, невесел идешь?
Лугами, конь, идешь — травы не ешь?
Озерами идешь — и воды не пьешь,
Али я тебе, конь, я чижол сижущ?“ —
„Не чижол ты сидишь, добрый молодец,
А тяжела твоя сбруя ратная,
Сбруя ратная, служба царская“. —
„Знать наутро коню, быть те убитому,
А мне, молодцу, крепко раненому,
Ко сырой земле быть приклоненному“.

45.

Чем ты, рощенька, разукрашена?
Чем, зеленая, изуряжена?
И калиною, и малиною,
Черной ягодой-самородиной.
Ты одним есть, роша, погатена:
Середь рощи есть полянушка,
Через полянушку есть дороженька,
Никто-то по ней не прохаживал,
Никто следик не прокладывал.
Только шли-прошли три полка солдат,
Три полка солдат на добрых конях.
Эти конюшки все убранные,
Хвосты, гривушки заплетенные,
Они идучи притомилися,
Среди рощи становилися.
Не едали они травы шелковые,

Не пивали воды ключевые.
А наперед идет сив чубарый конь,
На коне сидит млад боярничек —
По заслуге-то млад полковничек.
Говорил полковник своему коню:
„Что ты, конюшка, не весел идешь?
Что нерадошен?
Или я на тебе тяжел сижу?“ —
„Ты на мне не тяжел сидишь,
Тяжела твоя сбруя ратная,
И седелице разбулатное“.

46.

Во поле елочка стоит,
Елочка стоит кудрявенькая.
Как под этой елочкой гусарик убит,
Гусарик убит, конь его стоит.
Конь копытом землю бьет, воды достает.
„Тебе, тебе, конюшка, воды не достать,
А мне, добру молодцу, от земли не встать“...

47.

Эх вы, горы мои, да горы крутые,
Ничего да вы, горы, не спородили,
Породили да вы, горы, бел-горюч камень.
Эх, да из-под камушка течет речка быстрая,
Эх, речка быстрая бежит, да вода чистая.
Как на этой на реке стоит част ракивов куст.
На кусту-то свито тепло гнездышко,
На гнезде-то сидит млад сизой орел,
Эх, да во когтях-то он держал черна ворона,
Черна ворона держал, братца родного.
Эх, он и бить его, да ну, не бьет, сам
выспрашивает:
„Эх, да где-ж ты, ворон, был, где, сизой, полётывал?“ —
„Ох, гулял я, гулял по диким степям.
Ой, видал да я тело белое,
Тело белое лежит, ох, молодецкое.“

Ой, да никто к телу не подвернется.
Ой, подшатнулись к телу три ластыньки:
Как и первая ластынька — родная матушка,
Ой, другая-то ластынька — сестра родная,
Ой, как и третья-то ластынька — молода его жена.
Эх, да маменька плачет — словно реки льет,
Ох, сестра плачет — как ключи текут,
Как жена плачет — роса утренняя.

48.

Уж ты, сад, ты, мой сад,
Сад зелененький!
Что не весел, сад, цветешь,
Осыпaeшьcя?
Сколь далече, милый друг,
Собираeшьcя?
Али в ход, аль в поход,
Аль на службицу?
Он со всей своей семьей
Распрощается.
С молодой своей женой
Все ругается.
Не ругайся, милый мой:
Будeшь каятьcя.
Покаeшьcя, милый мой,
Не воротишьcя.
Воротися, милый мой,
По билету домой:
Молода твоя жена
Весь домок прожила,
Из садов соловьев
Всех повыпустила.

49.

Ой ты, сад, эх осыпaeшьcя,
Эх, куда, мой милой, собираeшьcя?
Тут летела пава через три она поля,
Уронeнa пава ещe пёрышко.
Мне не жаль пера, жалко милого дружка,

Эх, миленький ты мой, расхорошенький,
Ты в солдаты пошел,
Через три ты года на побывку пришел.
Э, что встречала меня родна-матушка:
„Э, ты, сын, ты, мой сын, разбессчастный
мой сын,
Молодая-то жена пропила твоего коня,
Эх, пропила твоего коня со упряжечкою,
Твое милое дитя во приемыш отдала“.

50.

Служил год, служил два,
Служил ровно три годà,
На четвертый-то год,
Мать сыночку письмо шлёт:
„Молодая-то жена весь закон рушила,
Твоих вороных коней из седла продала,
Свое милое дитя во приют отдала“.
Как за этим за письмом
На побывку сын идет,
Он идет и идет, по подарку всем несет.
Тут встречает его мать среди пути,
Его родная сестра — среди улицы,
Молодая-то жена — среди двора.
Подарил он свою мать дорогим платком,
Свою родную сестру — золотым кольцом,
Молодую-то жену — саблей вострою —
Покатилась голова со широкого двора.
Он пошел да и пошел во конюшенку —
Трое вороных коней свеже сено жуют;
Он пошел да и пошел в светлу горенку —
Его милое дитя в колыбели лежит.
„Уж ты, мать, ты, моя мать, зла разлучница,
Разлучила ты меня с молодой женой,
Мое милое дитя с родной матерью“.

51.

Ехали стрелочки
Со службы домой,
Навстречу стрелочкам —

Родитель родной.
„Здорово, папаша!
Здорова семья?“ —
„Семья, слава богу,
Прибавилась;
Жена молодая
Сына родила;
Породивши сына,
Сама чуть жива“.
Стрелок — ни полслова,
Сел он на коня.
Подъезжает к дому, —
Мать стоит, жена.
Мать держит малютку,
Жена — во слезах.
Мать сына просила:
„Прости, сын, жену!“ —
„Тебя, мать, прощаю,
Жену — никогда“.
Закипело сердце
В солдатской груди,
Заблестела шашка
Во правой руке,
Слетела головка
С неверной жены.
„Что я наделал,
Чего набедил?
Жену я зарезал,
Сам себя сгубил,
Малого малютку
Навек осиротил“.

52.

Выходила моя матушка
На быструю реку,
Становилась моя матушка
На крутенький бережок,
Нанимала моя матушка
Купцов она молодцов.

„Вы, купцы ли добры молодцы,
Грядыте с горя с бережку“. —
„Мы бы рады грянули,
Гребцы у нас не могут“. —
„Не легка ли, братцы, лодочка —
Плывет лодка, не стоит.
В этой легкой лодочке
Не сынок ли мой сидит?
Сыночек, ты мой батюшка,
Когда ты ко мне побываешь?“ —
„Побываю к тебе, матушка,
Через двадцать пять лет.
На двадцать первом годике
Я в отставку приду;
Сяду, сяду, моя матушка,
На яблоньку кудряву,
Свистну-гаркну, моя мамынька,
Я кормилица своего батюшку,
Со сна его разбуду,
Родимую матушку —
В слезах ее потоплю“.

53.

Раскалинушка, размалинушка,
А ты стой, не стой на горе крутой,
Не спущай листья во сине море!
По синю морю корабель плывет,
В корабле-то сидят три полка солдат,
Три полка солдат — молодых ребят,
А еще на нем офицер-майор.
Офицер-майор богу молится,
Молодой-то солдат домой просится:
„Ох, офицер-майор, отпусти меня
домой,
Отпусти домой — к отцу с матерью
родной,
К женёнке молодой.
Молодая жена, продавай коня,
Продавай коня — выручай меня!“

54.

Разгневался батюшка на сыночка своего,
Родимая матушка—на любезного.
А у меня-то, добра молодца, три родных
было сестры.

Большая сестриченька коня мне вывела,
Середняя сестриченька коня мне седлала,
А меньшая сестриченька на коня сажала.
Посадимши на коника, слезно всплакала.
Восплакамши, сестриченька возрыдала.

55.

Как сказали сырому дубочку:
„Утром рано мороз будет“.—
„Я морозу, дубок, не боюсь,
Сейчас я развернуся“.
Как сказали молодому солдату:
„Утром рано поход будет“.—
„Я походу, солдат, не боюсь,
Я сейчас пойду соберуся“.
Собирался солдат, снаряжался
И со всеми солдат прощался:
„Вы прощайте, добрые люди,
Может с кем я поругался.“
Поругался солдат, побранился,
С дороженьки воротился.
Зарастайте, мои все тропы-дороги,
Травой-муравою,
Листом-лопухами,
Пестрыми цветами.

56.

Спородила молода дивчина
Хорошего сына.
А где она его спородила?
В зеленой дубраве.
А чем она его наградила?

Лицом — черны брови.
„Развивайся, молодой дубочек,
Завтра, завтра мороз будет!“—
„Я морозу того не боюсь,
Зараз я развернуся“.—
„Собирайся, молодой солдатик,
Завтра, завтра поход будет!“—
„Я походу того не боюсь,
Зараз я соберуся“.
Да зачто нас берут во солдаты?
За черные кудри.

57.

Как за речкою за Невагою, за другой рекой
переправою
Не ковыль-травушка во поле шатается —
Зашаталася, заметалася моя буйная головушка
На чужой далекой на сторонущке.
Я не сам-то сюда зашел, не охотою,
Занесла меня нужда крайняя,
Нужда крайняя—служба царская.
Оставил я свое житье-бытье,
Покинул я и мать и отца,
Покинул, оставил молодую жену,
Детей малых.

58.

Жавороночек размолоденький,
Начто рано вывелся, молод вылетел
На дикую степь, на Саратовску?
Ты воспой, воспой песню новую,
Песню новую, развеселую.
Ты потешь нас, потешь двоих молодцев,
Двоих молодцев, людей бедных,
Людей бедных, солдат беглых,
Солдат беглых, безбилетных,
Безбилетных, беспаспортных.
Ты потешь нас в каменной Москве,
В каменной Москве, в земляной тюрьме
За тремя дверьми за железными.

59.

Уж ты, поле мое, поле чистое,
 Ты раздолье мое расширокое,
 Ничего в поле не уродилось,
 Уродило поле только част ракитов куст.
 Как на этом кусту соловей-пташка сидит,
 Спелы ягодки поклевывает,
 А зеленые выплевывает,
 А под кустик птица посматривает.
 Как под этим под кустом диво дивное,
 Диво дивное—тело белое:
 Не убито и не зарезано,
 Свинцовой пулей грудь прострелена;
 Во ногах его стоит добрый конь.
 Как казак коню он приказывает:
 „Уж ты конь, ты, мой конь, конь
 вороненький,
 Ты бежи-ка, конь, по дорожке вдоль,
 По дорожке вдоль, к моему тятеньке в дом.
 Скажи тятеньке разнижкой поклон,
 Родной мамыньке—до сырой земли,
 А молодой жене—на две волюшки:
 Хоть замуж идешь, хоть вдовой живешь“.

60.

За Кубанью за рекой
 Там казаченька гулял,
 Коня своего сберегал
 И огонечек высекал.
 На огонь он травку-полынь клал.
 Пораскладывал, пораскладывал,
 Он раны свои больные поразвязывал.
 „Ох, вы, раны, мои раны,
 Раны больные, однокровные,
 По всему вы изошли,
 К ретиву сердцу пришли,
 К смертному часу“.
 Прихворамши, казак
 Стал наказывать коню:
 „Уж ты, конь, ты, мой конь,

Конь вороненький,
И беги-ка ты, мой конь,
Вдоль дорожки столбовой,
Не давайся, ты, мой конь,
Неприятелю,
Только дайся, ты, мой конь,
Отцу с матерью,
Отцу с матерью родной,
Иль хозяйке молодой*.
Побежал же мой конь
Вдоль дорожки столбовой,
Прибежал же мой конь
Ко хозяйюшке на двор.
Хозяйюшка молода
Вышла встретила коня,
Овса, сена задала,
За шелков повод взяла
И в конюшню повела.
И стала спрашивать коня:
„Уж ты, конь, ты, мой конь,
Конь вороненький,
Ты скажи-ка, мой конь,
Где хозяин твой?“ —
„А хозяин мой
За Кубанью за рекой:
Он женился на другой, —
Он в подруги себе взял
Саблю вострую,
В головах-то у него
Животворящий живой крест,
А в ногах-то у него
Мать сырая земля,
Под боками у него
Гробовая доска“.

61.

Приехал гусарик к коханочке в гости,
Недавно приехал, опять уезжает.
Моя-то хозяйка всё плачет, рыдает,
Сё плачет, рыдает, ночевать уймаёт:
„Заночуй, гусарик, ночуй у меня“.—

Если заночую, буди меня рано,
Буди меня рано, чтобы не светало".
На дворе беленько, в горенке светленько.
Моя-то любезная по горенке ходит,
По горенке ходит, а меня не будит.
„Что ты, моя милая, надо мной сробила?
Надо мной сробила, навек ты сгубила.
Проспал я, гусарик, коня вороного,
Коня вороного, седельце новое.
Седельце новое — зеленого шелку,
А я сам гусарик — богайского полку".

Ямщицкие и бурлацкие песни

62.

Уж ты, степь моя, степь Саратовска,
Далеко ты, степь, протянулась,
Протянулась моя степь вплоть до Камышина,
Из Камышина вплоть до Саратова.
Ничего во степи не уродилось.
Как по этой по степи никто не прохаживал,
Ни ясен сокол по ней не пролётывал.
Пролегла здесь дороженька,
Никто по ней не прохаживал,
Никто следу не прокладывал.
Как и шли-то, прошли
Большие обозушки.
Как первый-то обоз идет,
Со обрядом со солдатскою,
Второй обоз идет с белой рыбицей,
А третий обоз идет с золотой казной.
Заболел-то, занемог в обозе извозчик,
Извозчик размолоденький.
Заболела у него буйная головушка.
Зашумело у него ретивое сердечушко.
„Уж вы, братцы мои, вы мои товарищи,
Не покиньте вы меня при бедности,
При большой гибели;
Вы кладите-ка меня во повозочку,
Схороните-ка меня между трех дорог—
Между Питерской, Московской,

Петербургской столбовой.
Вы засыпьте меня с гор желтым песком.
Отведите коней моему батюшке,
Разнизкой поклон—моей матушке,
Молодой жене на словах скажите:
Чтоб она обо мне не печалилась,
А с кем по душе—обвенчалась“.

63.

Извозчикам, хвалят, жизнь хороша,
Придет осень—купим мы колёса,
Еще купим шапочку мазанку,
На подбавок большие рукавицы.
И поеду, мальчик, в Еруслань.
Не доехал мальчик до границы,
Порвал шапку, большие рукавицы,
Поднимая тяжелые воза.
На границе долго мы стояли,
Лошадей мы своих проедали,
Пешечком домой пришли.
Дети ползут с печи,
С приездом отца поздравляют,
А жена-то сидит без души,
Спрашивает с меня барыши.
„Ни копейки, жена, денег нету!“—
„Ах ты, муж, ты, мой муж, бездомовник!
Хоть купил бы жене ты повойник,
Хоть пятнадцать рублей заплатил.“—
„Не надейся, жена, на повойник,
Береги свой старенький кокошник,
И его я думаю продать.
С долгами, жена, расплачуся,
На честность с тобой будем жить“.

64.

Мне не жаль-то платка, платка алого,
Только жаль-то дружка, дружка милого.
Покрывала платок аленький, покрывала,
Потеряла не знай де, не знай де.
Мне не жаль-то платка, платка алого,

Только жаль-то дружка, дружка милого;
Хорош миленький уродился,
Во бурлачушки подрядился, —
Во всё лето-летичко до Покрова праздничка.
Ой ли Покров праздничек к нам приходит.
Ой ли все бурлачушки с Волги идут,
А моего-то дружка долго нету.
Ой ли, пойду-то я сразу во светлицу,
Уж и погляжу-то я, погляжу из окошка в
окошко:

Не плывет ли лодочка с Волги?
Уж сверху лодочка завиднелась,
Черна шляпа зачернелась.

65.

Что на Ванюшку-дружка такая победа,
А про Дунюшку—захудалая слава.
В худой славушке Дуня запропала,
Вечор по саду Дуня гуляла,
Платок аленький потеряла.
Мне не жаль платка алого,
А жаль дружка милого.
Как мой милый рассердился,
Жить на Волгу снарядился,
Жить на Волгу не надолго,
На одно лето, на одно теплое.
Теплое летичко проходит,
Покров-ярмарка приходит,
Все бурлаченьки с Дону, с Волги домой
идут,
А от моего милого весточки не несут.
И письмо-грамотку не пришлет,
Знать мой миленький не придет.

66.

ОТРЫВКИ БУРЛАЦКИХ ПЕСЕН

1. Эх, матушка, Волга,
Широкая-долга,
Укачала, уваляла,
У нас силушки не стало.

* * *

2. Волга-матушка река,
Пожалей-ка бурлака.

* * *

3. Вот пошел, так пошел,
Он пошел, да и пошел,
Он и ходом, ходом, ходом,
Ходом на ходу пошел.

* * *

4. Нам с Нижнего начать—
Право нечего сказать.
Не начать ли нам с синя моря,
С косных, с славной Астрахани.
На гребные порядиться
Проть Горянских ворот;
С девчонками покататься
По Кутуму по реке.
Тут есть рыбная ловля.
Тут есть рыбная коса
И Сингилейская гора.

67.*

Как и в нынешнем годочке
Да в Ярославле городочке
Распоставлены поставы
По-тривецки, по-немецки.
Стоят молодцы турецки,
Стоят они у стола,
Да всегда учат мастера.
Подмастерья с мастерами
Тонки шашки мастерили,
Тонки шашки выставляли,
Полотенца вытыкали.
Полотенца тонки, белы,
Челноки, бердечки медны,

* Фабричная песня

А цевочки золотые,
А фабричники молодые.
Заиграли во игру
Да во серебряную.
Потешали, забавляли
Красну девку в терему:
„Не плачь, девка, не плачь, красна,
Не плачь, Саша дорогая,
На те—лента золотая“.
Семнадцати девка лет
Полюбила парня век,
Полюбила парня век,
Что нигде такого нет—
Ни в Питере, да ни в Москве,
Нет ни в Астрахани.
Прочутился, проявился
В Ярославле городе,
В Ярославле городе,
У вдовыньки на дворе.
У вдовыньки у вдовы,
И маёровой жены,
Две дочери хороши:
Одна, бают, беленька,
Отцу с матерью миленька,
А другая черноброва
Завсегда плясать готова.
Я плясать устала,
Про дружка бражку варила,
Красных девушек манила;
„Припожалуйте, подружки,
На поварню на мою,
Я вас пьяных напою“.

68.*

Был на горке, да был я на горе,
На высокой был я на крутой,
Строю фабричек там новый и большой.
В этом фабричке новом, большом

* Фабричная песня.

Собирались братцы-молодцы фабричные.
Молодцы фабричные, братья удалцы
Вдоль по фабричку гулять пошли.
Доходили они до краю
Близ зеленого садика—лужку,
Становились они при дому,
Заставляли соловушку песню петь:
„Ты воспой-ка, воспой, соловей,
Мы к тебе в гости пришли.
Ты воспой-ка, громче просвисти,
Все утехи тебе принесли“.

69.*

Разъезжает наш хозяин,
Наш хозяин дорогой
На своем он добром коне,
На черкасском седле.
Отдает приказ хозяин
Гуртоправам он своим:
„Послушайте, гуртоправы,
Вы приказа моего.
Собирайте всю скотину,
Погонемте на Москву.
Во Москве-то вас хозяин
Рассчитаю, разочту.
Рассчитаю, разочту
И по домам вас разошлю“.
Заревела вся скотина
Об приволье об своем,
Заплакали гуртоправы
Об хорошем об житье.
Заплакал наш хозяин,
На скотину глядячи.

* Гуртовщицкая песня

Весенние хороводные и игровые песни

70.

В сыром бору ёлынька, ёлынька,
По ёлыньке тропинка, тропинка,
По той тропе-тропинке
Шла прошла галынька,
За галынькой соколок.
Соколок галку поймать хочет.
Взмолилася галынька, галынька:
„Пусти меня, соколок, погуляти,
Со галками полетати, полетати“.
В сыром бору ёлынька, ёлынька,
По ёлыньке тропинка, тропинка.
По той тропе-тропинке
Шла-прошла Аннушка,
За Аннушкой Ванюшка.
Иван Аннушку поймал, поймал
За правую рученьку,
За золот-перстенок.
Взмолилася Аннушка:
„Пусти меня, Ваня, погуляти,
С девками поиграти“.

71.

На улице дождик накрапает,
В хороводе красных девок прибывает.
Скачите и пляшите, красные девушки,

А вы, неженатые, не глядите:
Гляденьем вам девушек не взять.
Взять ли вам не взять по любви,
По батюшкиному хлеба-соли,
По матушкиному благословенью,
По братцеву родному приглашенью.

72.

Выходите вы, красны девушки,
Из новых ворот на улицу играть,
Выносите вы, красны девушки,
Все по соловушку.
Как соловушки засвистывали,
Красны девушки заигрывали,
А молодушки заплакали,
Красным девушкам приказывали:
„Вы играйте, красны девушки,
Вы доколе у батюшки,
У сударыни у матушки“.

73.

Выходили красны девушки
Из ворот на улицу.
Выносили соловушку,
Соловья между рукавья.
Заставляли песни петь:
„Попой-ка, баят, соловушек,
Потешь красных девушек.
Припечаль удалых молодцев“.
Стал соловушек посвистывать,
Красны девушки заигрывать,
Молодушки заплакивать,
А стары бабы за них слово молвили:
„Поиграйте, красны девушки,
Докуда своя волюшка
У родимого у батюшки,
У сударыни у матушки.
Не ровно вам шутка пошутится,

Не ровень вам жених присватается:
Либо старого девнивого,
Либо малого щавливого,
Либо ровнюшку игривого.
Я бы старого потешила,
На осину его повесила,
На разгорькую осинушку,
На самую вершинушку;
А малого-то размахнула,
Да в воду бросила;
А ровню бы потешила,
Среди пути встретила.

74.

На леду голубь воркует, сё воркует,
Про нас, девушек, сё толкует: (2 раза)
Кому воля, кому нега. (2)
Воля-нега красным девкам, (2)
Молодушкам миновалась,
Ох да куда волюшка наша сё девалась? (2)
Ушла волюшка наша да вниз по Волге. (2)
Ох да по широкой реке долгой.
Две лебедушки сё летели, (2)
На яблыньку в саду сели, (2)
Громко жалобно пташки сё пропели, (2)
В терем голос ох да подавали, (2)
Мне про милого дружка сказали. (2)
Мой эт милый лежит болен, (2)
Лежит болен, ох да нездоровый, (2)
Он во горенке лежит во новой, (2)
На кроватушке лежит на тесовой,
На перинушке лежит он на пуховой.

75.

Уж ты, улица, улица моя,
Чем ты, улица, уряженная,
Чем, широка, изукрашенная,
Иль гудками, иль волынками,

Молодыми молодушками,
Всеми красными девушками.
За двором, двором за батюшкиным,
За подворьем, за матушкиным
Невеличка птичка-пташечка.
Сине море перелётывала,
Чисто поле перепырхивала;
Садилась птичка-пташечка
Среди моря на камушке.
Она, сидючи, выслушивала,
Как красная девка плакала,
За старого замуж идучи:
„Уж, ты старый, погубитель мой!
Погубил мою головушку
Всею девичью красотушку“.
Уж ты, улица, улица моя,
Чем ты, улица, уряженная,
Чем, широка, изукрашенная,
Иль гудками, иль волынками,
Молодыми молодушками,
Всеми красными девушками?
За двором, двором за батюшкиным,
За подворьем за матушкиным
Невеличка птичка-пташечка
Сине море перелётывала,
Чисто поле перепырхивала,
Садилась птичка-пташечка
Среди моря на камушке.
Она, сидючи, выслушивала,
Как красная девка радовалась,
За ровнюшку замуж идучи:
„Уж ты, ровнюшка, взвеселитель мой,
Взвеселил мою головушку,
Всею девичью красотушку“.

76.

Как по морю, морю синему
Плыло стадо лебединое,
Среди стада лебедушка белая,
Лебедушка с лебедятами,
Со малыми со дитятами.

Где ни взялся млад сизой орел,
Сгубил, сгубил лебедушку белую:
Он кровь пустил во сырую землю,
Он костыньки—во синее море,
Он перышки прибил к бережку,
Он пух пустил во чисто поле.
Собрались красны девушки
Пушок набрать во подушечки,
Милу дружку во перинушку.
Все девушки понабрались— ушли,
Одна девка оставалась,
В лесу осталась, заплуталась.
Шла девка вдоль по улице,
Вдоль улицы, мимо кузницы.
Во кузнице молодые кузнецы
Куют, дуют, чисто выговаривают,
Меня младу уговаривают,
Сулят-дарят мне замочек с ключом.
Не надо мне ни замочка, ни ключа
А надо мне пистолетик со ружьем—
Убить, убить мачеху лиху.

77.

Парашенька пашенку пахала,
Широкие борозды махала.
Садила Параша хрен-капусту,
Уродись, капуста, повилистей,
А ты, хрен, родись попушистей.

78.

Как и стелется репей, расстиляется репей.
Как по этому репью три сестрицы шли.
Как сестра-то сестру стала спрашивать:
„Каково тебе, сестрица, за старым мужем
жить?“ —
„Мне за старым мужем жить — только стариться“.
Как и стелется репей, расстиляется репей.
Как по этому репью три сестрицы шли.
Как сестра-то сестру стала спрашивать:
„Каково тебе, сестра, за младшим жить?“ —

„Мне за младшим жить — только плакаться“.
Как и стелется репей, расстилается репей.
Как по этому репью три сестрицы шли.
Как сестра-то сестру стала спрашивать:
„Каково тебе, сестра, за ровнею жить?“ —
„Мне за ровнею жить — только радоваться“.

79.

По морю, морю по синему
Плавала, плавала лебедушка белая.
Плакала, плакала душа красная девица:
„Ой горе, ой горе, горе мне великое:
Хотят меня, хотят меня за старого замуж отдать.
Нейду я за старого замуж,
Нейду я, не люблю я старого мужа.
Как буду я, как стану я со старым мужем жить?“ —
„Этак-то, этак-то, этак, вот этак.“
По морю, морю по синему
Плавала, плавала лебедушка белая,
Плакала, плакала душа красная девица:
„Ой горе, ой горе, горе мне великое:
Хотят меня за малого замуж отдать.
Нейду я за малого замуж,
Нейду я, не люблю я малого мужа.
Как буду я, как стану я с малым мужем жить?“ —
„Этак-то, этак, этак, всё вот этак.“
По морю, морю по синему
Плавала, плавала лебедушка белая,
Плакала, плакала душа красная девица:
„Хотят меня, хотят меня за ровного замуж отдать.
Пойду я, пойду я за ровного замуж,
Пойду я, люблю я ровного мужа.
Как буду я, как стану я с ровнею жить?“ —
„Этак-то, этак, этак, вот этак!“

80.

Веселитесь, подружки:
К нам весна скоро придет,
С гор покатится вода;
С гор покатится водичка

Во зеленые луга.
В лужках травонька зелена,
Все цветочки расцвели;
Расцветут в поле цветочки
Все раkitовы кусты.
Промежду этих кусточков
Волга-речушка прошла
Как на этой Волге-речке
Есть и есть, ох, крутые берега.
Как на этом бережочке
Куст калинушки растет;
Как на этом на кусточке
Соловей громко поет.
Ты не пой, не пой, соловьюшка,
Не пой рано ты весной,
Не пой рано да не пой грустно,
Возьми горечко с собой.
На воде горе не тонет,
И огнем горе не жгет.
Унеси горе далеко,
Не слыxать бы про него.

81.

Не на месте садик вырос,
Не на месте — под горой,
Под горою, под водой.
У вдовыньки есть две дочки.
На двор девки ходили,
Белы лица холодили.
По улице летел голубь,
Летел сизый, рассизый.
Красным девушкам голубь воркует:
„Кому воля, кому негa?
Воля, негa—красным девицам“.

82.

Не гуси, не лебеди,
Лилё, лилё,
Со лузей они подымались,
Да лилё, лилё.

Да подымались красные девушки,
Да лилѣ, лилѣ,
Со широкого подворьяца,
Да лилѣ, лилѣ,
Со Михайлом Спиридонычем,
Да лилѣ, лилѣ.
Уж и шировая наша улица,
Да лилѣ, лилѣ,
Вся широм была засеяна,
Да лилѣ, лилѣ,
Весь шир девушки выбрали,
Да лилѣ, лилѣ,
Весь шир красны повыщипали,
Да лилѣ, лилѣ.
А пойдем в суд на девушек,
Да лилѣ, лилѣ,
А пойдем в суд на красных,
Да лилѣ, лилѣ,
А к Ивану-то Иванычу,
Да лилѣ, лилѣ.
На девушек нет суду,
Да лилѣ, лилѣ,
На красных нет суду,
Да лилѣ, лилѣ.
Не пыль в поле запылилася,
Да лилѣ, лилѣ —
Эй туман с моря затуманился,
Да лилѣ, лилѣ.
Да царь-сударь во поход пошел,
Да лилѣ, лилѣ,
За ним во погонь гонят,
Да лилѣ, лилѣ.
„Да царь-сударь, воротись назад!
Да лилѣ, лилѣ.
Твоя жена сына рѣдила“,
Да лилѣ, лилѣ.
„Для сына не ворочусь“,
Да лилѣ, лилѣ.
Не пыль в поле запылилася,
Да лилѣ, лилѣ.
Да царь-сударь во поход пошел,
Да лилѣ, лилѣ.

За ним во погонь гонят,
Да лилѣ, лилѣ.
„А царь-сударь, воротись назад,
Да лилѣ, лилѣ,
Твоя жена дочь породила“,
Да лилѣ, лилѣ.
А и царь-сударь на ответ сказал:
Да лилѣ, лилѣ,
„Для дочери ворочусь,
Да лилѣ, лилѣ.
Дочь-то — не домашний гость“,
Да лилѣ, лилѣ.
Ах, не радуйтесь, дубки, осинушки,
Да лилѣ, лилѣ.
Не к вам идут красны девушки,
Да лилѣ, лилѣ.
А пиры давайте, белые березыньки,
Да лилѣ, лилѣ.
Это к вам идут красны девушки,
Да лилѣ, лилѣ,
К вам несут пирожки, яишенки,
Да лилѣ, лилѣ.
Ах только у девушек и праздничку,
Да лилѣ, лиле, —
Семик да и Троица,
Да лилѣ, лилѣ,
Третий батюшка Кузьма Демьян,
Да лилѣ, лилѣ.

83.

А мы чищу чистили, чистили,
Ой диди ладо, чистили, чистили.
А мы просо сеяли, сеяли,
Ой диди ладо, сеяли, сеяли.
А мы просо вытопчем, вытопчем,
Ой диди ладо, вытопчем, вытопчем.
А мы коней выпустим, выпустим,
Ой диди ладо, выпустим, выпустим.
А мы коней поймает, поймает,
Ой диди ладо, поймает, поймает.

84.

Селезень мой, селезень мой,
 Селезень мой сиз-косистый,
 Сиз-косистый, кудреватый,
 Кудреватый, кудреватый,
 Кудреватый, неженатый. (2 раза)
 Встань, послушай, (2)
 Погляди-ка сквозь винограду, (2)
 Как старые бабы пляшут.
 Они эдак, они эдак и вот эдак:
 Сутуляся, согорбся.
 Селезень мой, селезень мой,
 Селезень мой сиз-косистый, (2)
 Сиз-косистый, кудреватый,
 Кудреватый неженатый. (2)
 Встань, послушай, (2)
 Эх, погляди-ка сквозь винограду, (2)
 Как молодые бабы пляшут.
 Они эдак, они эдак и вот эдак:
 Они грудью вперед гуляют.
 Селезень мой, селезень мой,
 Селезень мой сиз-косистый, (2)
 Сядь под грушу, сядь под грушу,
 Встань под грушу, сам послушай. (2)
 Эх, погляди-ка сквозь винограду,
 Как красные девки пляшут. (2)
 Они эдак, они эдак, они вот эдак:
 Сложь ручки ко сердечку. (2)

85.

Ходил Борис
 Вдоль по хороводу
 Да по-молодецки.
 Ищет Борис
 Да ласкового тестя.
 „Будь ты мне, Иван,
 Да ласковым тестем:
 Твоя дочь невеста“.
 Ходил Борис

Да по хороводу.
Ищет Борис
Да ласкову тещу.
„Будь ты, Пелагея,
Да ласкова теща:
Твоя дочь невеста“.
Ходил Борис
Да по хороводу,
Ищет Борис
Милую невесту.
„Будь ты, Евдокия,
Милая невеста“.
Ходил Борис
Да по хороводу.
„Ну, к шуту и тестя,
Да выпимши пива.
Ну, к шуту и тещу,
Да съевши блиночки,
Ну, к шуту невесту,
Да и жимши веку“.

86.

Как у наших у ворот,
Ляли, ляли у ворот,
Стоит девок хоровод,
Ляли, ляли хоровод.
Меня девки кликали,
Ляли, ляли кликали.
Молодушки манили,
Ляли, ляли манили.
Меня свекор не пустил,
Ляли, ляли не пустил.
Хотя пустил, пригрозил,
Ляли, ляли, пригрозил:
„Гуляй, сноха, до поры,
Ляли, ляли до поры
До вечерней до зари“,
Ляли, ляли до зари.
Как зорюшка занялась,
Ляли, ляли занялась,

Ах, млада, поднялась,
Ляли, ляли поднялась.
Подхожу я ко двору,
Ляли, ляли ко двору,
Ходит свекор по двору
Ляли, ляли по двору.
А свекровь-то на печи,
Ляли, ляли на печи,
Ровно сука на цепи,
Ляли, ляли на цепи.
А золовки-колотовки,
Ляли, ляли колотовки,
Они ябедницы.

87.

Как со вечера целочки горят,
Горят, горят, перегаривают.
Мы сойдем с высока терема,
Мы спросим удалого молодца:
„Что на улице светлехонько,
В новой горенке белехонько,
Башмачки не топчутся,
Чулки белы не мараются?“
Пойду, выйду я скорехонько,
Поклонюся низехонько,
Поцелуюсь я милехонько.

(При пении молодежь ходит парами и исполняет то, что поется в песне).

88.

Солетались голубушки
На синее море,
Умывались голубушки
Пеною морскою,
Утирались голубушки
Травой-муравою.
Как по этой по травке
Молодец ходит,

Здесь молодец ходит,
Заводы заводит.
Он заводушки заводит,
Трех барышень любит:
Любит девку во Казани,
Другу в Еруслане,
А барышню-раздушечку
В русском городочке.
Я поеду в городочек,
Куплю по подарку:
Куплю девке алу ленту,
Другой — голубую,
А барышне-раздушечке —
Золото колечко.
Ты носи, носи колечко,
Носи, не хвалися.
Если будешь выхваляться,
Я не буду знаться.
Я не буду знаться,
Давайте прощаться.

(Целуются и расходятся).

89.

Как по лугу, лугу, лугу зеленому
Тут ходил, выгуливал молодой молодчик.
Кличет, выкликает красную девчонку:
„Выйди, выйди, девица, с молодцем бороться!“
Поборола девица молодого парня.
Пошел, пошел молодец, пошел сам заплакал:
„На что ты меня, матушка, на горе родила,
Горьким меня, мамынька, счастьем наделила?“
Белую рубашечку на нем она измарала,
Шелков поясочек на нем перервала.

90.

Уж вы, реки, мои реки,
Реки быстрые мои,
Разливы широкие, потопа глыбокие!
Разливалась широко,
Потопляла глыбоко,

Оставался бережок —
Во саду зелен лужок.
В саду девушки гуляли,
Красавицы цветы рвали,
Цветы рвали, сорывали,
Венки вили, совивали,
На головушку сажали,
Сами себя украшали.
Украшали, уряжали,
Домой итти запоздали,
Припоздали, приустиали,
Отдохнуть под кустик сели.
Под то время, под тот час
Сам приказчик наезжал,
Любе девушке сказал:
„Иди, девка, ко мне смело,
Гляди, мое лицо бело“.
Лицо бело припотело,
Разгуляться захотело.
Пойду разгуляюсь,
С милым повидаюсь.

91.

Как под белою под березою
Муж жену учил, муж угрюмую,
Ой ли, ой люли
Муж — угрюмую,
Да невеселую,
Ой ли, ой люли
Да невеселую.
Как жена мужу
Не корилася,
Ой ли, ой люли
Да не корилася:
„Свекровь-матушка,
Отними меня
От лиха мужа,
От немилого,
Ой ли, ой люли
От немилого“.

92.

Вдоль по речке,
 Вдоль по речке по речистой
 Черный бобер воскупался.
 Воскупамшись, встрепенулся,
 Встрепенумшись, сам заплакал.
 „Что ты, бобер, больно плачешь?“—
 „Как мне, бобру, и не плакать?
 Шили шубу твоему сыну,
 Твоему сыну господину,
 Господину Константину,
 Меня, бобра, на опушку,
 На опушку круг подолу“.

93.

Уж ты, веснушка, моя весна,
 Аль, весна красная моя, прошла?
 А что не в радости, весна, прошла,
 Не в радости, не в любви,
 Во великой сухоте?
 По Москве мальчик гулял,
 Он во скрипочку больно играл,
 К себе девушек красных манил.
 По весне девки плакали-тужили.

Свадебные песни

94.

Залетела вольна пташечка,
Залетела канареечка
Ко соловушку во клеточку,
За серебряну решеточку,
За хрустальну переборочку.
Залетемши, стосковалася,
Сгоревалась, сгорюхнулася
У соловушки во клеточке
Без родимого без батюшки,
Без лебедушки без матушки,
Без подруженек любимых.

(Подруги поют невесте после просватанья).

95.

Разливается полая вода,
Потопляет весь широкий двор.
На дворе-то три кораблика.
Как и первый-то кораблик
С сундуками, со укладами,
А другой-то кораблик
Со купцами, со боярами,
А третий кораблик
Со душою красной девицей —
С душой Анной-то Семеновной.

96.

Уж ты, свахынька приезжая,
Ты зачем рано приехала,
Не дала ты нашей гостье погоститься
У родимого у батюшки,
У лебедушки у матушки?

97.

Сопровожамши меня, родна мамынька
В чужи люди отдала в незнакомые
На чужую сторонущу к свекру,
ко свекровушке,
К деверю, к золовушке.
Посылают меня молоду
В глухую полночь по воду,
Разуту, раздету, по морозу босиком.
Прищипало мои резвы ноженьки,
По ключику ходючи,
Прищипало мои белы рученьки,
Свежу воду черпаючи.

98.

Как у нашего князя-боярина
Золотые были выходы,
Ступенечки позолоченные,
А крыльца-то новоточеные.
В сенях ли сенях новых
Тут стояла кроватушка,
На кроватушке—перинушка,
На перинушке—одеялице,
Под одеялом—красна девица.
Она плачет, как река льется,
Слезы бегут, как ручьи текут,
Во слезах ли слово молвила:
„Ты родимый, родной батюшка,
Нельзя ль думу передумати,
Словечушко перемолвити?“—

„Ты дитё ли наше, дитятко,
У нас дело-то поделано,
Золотая казна принята,
Зеленое вино выпито,
Быть запою, быть девишнику,
Быть и девичьему празднику“.

99.

Что за ноченька, что за темная!
Всю я ноченьку не уснула,
У кровати простояла,
Просила дружка милого:
„Пусти меня на кровать,
На кровать на тесовую,
На перинушку пусти на пуховую,
Под одеяльце пусти под шелковое“.
У моего дружка было сердце каменное,
Дорогим замком было заперто,
Золотым ключом было завернуто,
Золотые ключи были скражены,
В океан-море были заброшены,
Белой рыбе препоручены.
Пойду спрошу рыболовщиков:
„Братцы-рыболовщички,
Запустите шелковой невод,
Вы пымайте белу рыбицу-белужину,
Уж вы выньте из белой рыбицы золоты
ключи“.

100.

Уж ты, сад, ты, мой сад,
Сад зелененький.
Кто его сажал, кто угораживал?
Угораживала, рассаживала свет Настенька.
Моя мамынька родима по сенечкам ходила,
По сенечкам ходила, дочку Настю будила:
„Уж ты встань, проснись, дочка милая,
На дворе у нас несчастье —

Оторвался у нас добрый конь,
Бежал он в зеленый сад,
Поломал он в саду вишенку
И калину со малиною,
Сладку ягодку малиннику“.

101.

Бежит речка, не шелохнется,
Сидит Матринька, не улыбнется.
Ну, к чему ей улыбаться?
Полна горенка гостей сидит,
Нету гостя, нету милого,
Нету батюшки родимого.
Проводить-то ее есть кому,
Благословить-то ее некому.
„Ты родимый размилой братец,
Ты ступай-ка на широкий двор,
Ты возьми-ка шелкову узду,
Обратай-ка коня доброго.
Поезжай-ка вдоль широкой улицы,
Заезжай-ка ко божьей церкви,
Ты ударь-ка в громки колоколы,
Не расступится ли мать сыра земля,
Не расколется ли гробова доска,
Не располыхнется ли тонкий бел саван,
Не встанет ли мой родимый батюшка,
К моему горечку великому“.

102.

Полевая наша ягодка,
Дорогая наша гостюшка,
Погостюй у нас малехонько,
На дворе у нас тихохонько:
Нет ни ветру, нет ни вихрю,
Ни часта дождя осеннего,
Ни осеннего да распоследнего.

(Подруги поют невесте, когда за ней приходит жених) -

А вы, мои подруженьки,
Вы пойдите двери закройте.

Разлучает мой разлучничек
Со всем родом, со всем племенем,
Со любезными подружками.

(Так отвечает невеста).

103.

Не знала я, не ведала,
Ко мне сваха приехала,
Что спесивая, гордая,
Что хвалынская модная.
Она ступит по бархату,
Говорит речь дворянскую:
„Собирайся-ко, Машенька,
Собирайся, Григорьевна,
На чужую сторонушку,
На чужую, незнамую.
На чужой на сторонушке
Там жить весело:
Поля жемчугом сеяны,
Сытою поливаны,
Виноградом горожены“. —
„Не обманывай, свахынька,
Не обманывай, милая,
Я всё знаю и ведаю:
На чужой на сторонушке
Жить невесело:
Поля горем посеяны,
Горячей слезой поливаны
И кручиной горожены“.

104.

Отставала я, лебедушка,
Прочь от стада лебединого;
Приставала я, лебедушка,
К гусям серым.
Не щиплите, гуси серые,
Не сама я к вам пристала.
Завезли меня кони вороны,
Кони вороны, добры лошадушки.

Соберитесь-ка, подруженьки,
К моему горю великому,
Сомечите-ка, подруженьки,
Вы мне круту гору
Среди двора широкого,
Супротив крыльца высокого.
Не пройти бы, не проехать,
Что ни конному, ни пешему,
Ни серым гусям шипучим.

105.

Вечор были на девишнике
У любезной у подруженьки.
Прилетал тут ясен сокол,
Ясен сокол добрый молодец;
Он садился на окошечко,
Со окошечка на причелинку.
Причелинка обломилась,
Ясен сокол вострепехнулся.
Никто во пиру не догадывался,
Догадывалась матушка родная.
„Ты, дитё ли мое, дитятко.
Ты прими-ка добра молодца,
Добра молодца заезжего“.—
„Я бы рада, приютила,
Мое сердце не воротится,
С плеч головушка скатилась,
Белы ручки опустились,
Резвы ножки подкосились“.

106.

Уж вы, речушки, речушки,
Вы хрустальные бережки,
По сахару они вытекли,
По мелкому рассыпчату.
Как на этом на бережке
Тут стояли два шатрика,
Два шатра полотняные,

Полотняные браные.
Как во первом во шатрике—
Разудал добрый молодец,
Что Василий Иванович;
Во втором-то во шатрике—
Раздуша красна девица,
Пелагея-то Яковлевна.
Захотела же Поленька,
Захотела же Яковлевна
Из шатра в шатер пройти,
Из игры игру выиграть.
Проиграла же Поленька,
Проиграла же Яковлевна
Со головушки сетушку,
Из русой косы ленточку,
Все белила-румянушки,
Все девичьи забавушки.

107.

Вы, цветы ли, мои цветики,
Цветы алые, лазоревые,
Голубые, белорозовые,
Что вас много было сеяно,
Вас немножко уродилось?
Вы, подружки красны девушки,
Что вас много было в тереме,
Вас немножко оставалось?
У вас не было изменушки,
Изменушки красной девушки,
Красной девушки Натальюшки:
Не хотела она замуж итти.
Приместился добрый молодец,
Добрый молодец Иванушка,
Да повадилась Натальюшка
Из шатра в шатер похаживать,
Золоты игры поигрывать.
Проиграла тут Натальюшка
Свою буйную головушку—
Не за сто рублей, не за тысячу,
За едину вина рюмочку.

Да расплакалась душа Натальюшка
Перед батюшкой, перед матушкой:
„Да, родимая моя матушка,
Нельзя ли нам дело бросить,
Дело бросить, покончить?“ —
„Да, размила моя доченька,
Нет нельзя уж дело бросить,
Дело бросить-покончить:
Золотая казна забрата“.

108.

Как во лугах, зеленых лугах,
Вырастала трава шелковая,
Расцвели цветы лазоревые,
Голубые, белорозовые,
Да пошли духи малиновые.
Уж я той травой выкормлю коня,
А я выкормлю, выглажу его,
Повезу я коня к батюшке,
К сударыне родной мамыньке.
„Ты, сударыня мамынька родна,
Восприми-ка слово ласковое:
Не отдай меня за старого замуж.
Уж я старого на свете не люблю,
Я со старым гулять не пойду.
Со гульбы приду, постель настелю,
Постель мягкую, пуховую:
А я в три ряда камешки,
Во четвертый крапивы жегучей,
В изголовьице колоду прикачу,
Приодену шубой новою,
Шубой новою — ежовою,
Прибаукою поленом дубовым“.

109.

Недолго веночку
На стеночке висеть,
Недолго Марьюшке

В девушках сидеть,
Недолго Ивановне
В красных сидеть.
Шелковая ленточка
К стеночке льнет.
Петруша к сердечку
Машеньку жмет.
К сердеченьку жмет
И спрашивает:
„Скажи, скажи, Машенька,
Кто тебе в роду мил?
Скажи, скажи, Ивановна,
Кто тебе в роду мил?“—
„А мне мил милешенек
Батюшка родной“.—
„Неправда и Машенька,
Неправда твоя,
Неправда твоя —
Не истинная.
А еще милешенек
Кто тебе в роду?“—
„А еще милешенька
Мне родная мать“.—
„Неправда и Машенька,
Неправда твоя.
А еще милешенек
Кто тебе в роду?“—
„А еще милешенек
Петр Васильевич“.—
„Это всё правда,
Правда твоя“.

(Поется, когда невесту собирают к венцу).

110.

Затрубили трубоньки
По белой заре,
Расплакалась девушка
Об русой косе:
„Бывало мне косыньку
Мамонька плела,

А топеря косыньку
Подружки плетут,
А утром ранехонько
Свахи расплетут.
Разложат косыньку
На две стороны,
Положат косыньку
Поверх головы.
Заложат на косыньку
Воронье гнездо.
Вот тебе, косынька,
Век - вековать.
А тебе, девушка,
Плакать - горевать.

III.

На горе, горе на всей красоте
Стоял городок, город каменный.
Во этом городе сила войска стоит,
При полку майор свет Ванюшенька.
Хотел в полон взять весь городок,
Как хорошу красну девушку —
Душу Манюшку.

112.

Вьюн над водой увивается,
Жених у ворот улещается,
Он просит свое, свое сужено,
Он просит свое, свое ряжено.
Вывели ему доброго коня.
„Это не мое и не сужено,
Это не мое и не ряжено“.
Вьюн над водой увивается,
Жених у крыльца улещается.
Он просит свое, свое сужено,
Он просит свое, свое ряжено.
Вынесли ему что ясного сокола,
Вынесли ему на правой на руке.

„Это не мое и не сужено,
Это не мое и не ряжено“.
Вьюн над водой увивается,
Жених у стола дожидается:
Просит он свое, свое сужено,
Просит он свое, свое ряжено.
„Вы подайте мне мою сужену“
Вывели ему красну девушку-душу.
„Это вот мое сужено,
Это вот мое, мое ряжено“.

113.

Как и по лугу, лужочку, люли, люли,*
По зеленому лужочку,
Вот и ехала карета,
Каретушка не простая,
С золотыми фонарями,
Со земчужными кистями.
Во каретушке сидела,
Душа красная девица.
А Ванюшка с поездом,
Свет Петрович с поездом.
К каретушке подъезжает,
Каретушку открывает,
Маню плакать унимает:
„Ты не плачь-ка, Манюшка,
Не рыдай, Михайловна,
Я тебе ли волю дам,
Я тебе ли негу дам.
Вольнее батюшки родного,
Нежнее матушки родимой.
Ты вставай-ка всех пораньше,
Ты ложись-ка всех попозже,
Ты куда пойдешь — спросися,
Ты отколь придешь — скажися.“ —
„Ну и что это за воля,
Ну и что эта за нега?
У тятеньки жить вольнее,
У мамыньки понежнее“.

* Люли, люли повторяется после каждого стиха до конца песни.

Долина, долинушка, раздолье широкое.
 Как по той долинушке гуляли детинушки,
 Гулял детинушка — Федя-сиротинушка.
 Увидала матушка с высокого терему:
 „Что ты, мое дитятко, невесело гуляешь?“ —
 „Чему, чему, матушка, чему веселиться?
 Все мои товарищи, все поженились,
 А я хожу, матушка, холост, неженатый“.—
 „Женись, женись, дитятко, женись, чадо милое.
 Женись, чадо милое, кто тебе понравится“.—
 „Понравилась, матушка, купческа доченька“.—
 „Купческа доченька — тебе не помощница.
 Тебе не помощница, твоим ручкам не работница“.—
 „Понравилась, матушка, Дусенька Семенова“.—
 „Женись, женись, дитятко, женись, чадо милое,
 Она тебе работница и помощница“.

Во палатах белокаменных
 Перед зеркалом хрустальным
 Обряжался добрый молодец.
 Он чесал кудри, расчесывал,
 Сам с кудрями разговаривал:
 „Уж вы, кудри, мои кудри,
 Кудри русы молодецкие,
 Молодецки простотецкие,
 Прививайтесь к лицу белому,
 К лицу белому, румяному.
 Привыкай, душа свет Верынька,
 К моему ли уму-разуму:
 Спеси-гордости убавити,
 Уму-разуму прибавити.
 Резвым ноженькам быть походчивым,
 Головушке быть поклончивой,
 Ретиву сердцу покорчивому“.
 Привыкать ей не хотелось,
 Хотелось жать у батюшки,
 У лебедушки у матушки.

Пчола белая рябая была,
 Ко сырой земле припадывала,
 Ко сырой земле, к зелено лужку,
 Ко цветочкам ко лазоревым.
 Вы, цветы ли мои цветики,
 Цветы алые лазоревые,
 Вы, души ли, красны девушки-души,
 Вы ступайте на Дуну - реку гулять.
 Вы пымайте белу рыбу на воде,
 Вы снимите с белой рыбы гребешок.
 Расчешите русы кудри молодцу,
 Он поедет вдоль по улице гулять,
 Станет-будет себе сужену искать,
 Себе суженую-ряженую,
 В бело платье обряженную.

117.

Как во горенке лежат гусли,
 Д' уж и некому в них играти.
 А Кузьмы-то дома нету,
 Васильича не случилось:
 Он уехал по уезду,
 Он заехал к теще в гости.
 Ему тещенька очень рада,
 Воротички отворяла,
 За белые руки принимала,
 За дубовый стол сажала,
 Рюмку водочки наливала,
 Своему зятюшке подносила,
 Своему зятюшке говорила:
 „Уж и пей, зятек, не спивайся,
 Над моим дитем не ломайся,
 Не заставь ее разувати,
 Белы рученьки замарати“. —
 „Белы рученьки можно вымыть,
 Золоты перстни можно скинуть“.

Свадебные причитания

118.

(Утром невеста встает раньше всех и будит отца):

Родной батюшка,
Спалась ли тебе, батюшка,
Темна ноченька?
А мне, горькой,
Не спалось мне, не уснулося:
Уж я с вечера
С подружкой пробаяла,
А в глухую-то полночь
Думушку продумала.
Ко белой заре же
Немножко приуснула.
Много во сне видела:
Уж ходила-то я
По крутым горам,
По темным лесам,
По быстрым рекам,
По желтым пескам.
Уж круты горы—
Вся моя кручинушка,
А желты то пески—
Вся моя печалюшка,
Темны-ти леса—
Итти в чужи люди,
Быстры-ти реки—
Мои горючи слезы.

Размилой ты, мой батюшка, лебедушка матушка,
 На чего вы на меня распрогневались?
 Или я вам, матушка, глупо сделала,
 Или я вас, батюшка, в грязь лицом ударила,
 Или я у вас, батюшка, ходила поздно вечером?

*(Так вопит невеста после просватанья.
 Потом обращается к брату):*

Ты, родимый мой, размилой братец,
 Ты сходи-ка на широкий двор,
 Ты возьми-ка с крючка шелкову узду,
 Обратай-ка коня воро́на;
 Ты пыжжай-ка, братец, во темны леса,
 Ты сруби-кася белую березыньку,
 Загороди-ка ты все пути-дороженьки,—
 Осталась бы я в красных девушках.

(Обращается к тетке):

Родимая моя тетушка, на что ты распрогневалась:
 Не пришла ты к моему горю великому.
 Или я тебя не встретила среди пути-дороженьки?
 Только я тебя встретила у батюшки в новой
 горнице.

(Обращается к подругам:)

Лебедушки мои белые, подружки любимые,
 Отходила я с вами на широкую улицу,
 Отпела я с вами громки песенки,
 Отбаяла я с вами, подруженьки, речи тайные,
 Речи тайные невыносные.
 Отшутила я с вами, подруженьки, шуточки
 шутливые.
 Лебедушки мои белые, подружки любимые,
 Запойте-ка, мои подруженьки, громку песенку,
 Разгрустите-ка, мои подруженьки, у батюшки
 ретиво сердце.
 Не ходите-ка, мои подруженьки, ввечеру поздно.
 Не разгрубляйте-ка, мои подруженьки, у батюшки
 ретива сердца.
 Уж как ходила-то я ввечеру поздно,

Разгубила-то я родимого батюшку, лебедушку
матушку,—
Отдают меня во чужи люди.

120.

(Утром невеста будит подруг и отца с матерью):

Уж вы, лебедушки мои,
Лебедушки белые,
Подружки любимые!
Вы вставайте поутру рано,
Умывайтесь ключевой водой,
Утирайтесь белым утиральничком.
А я горькая умываюсь горючими слезами,
Утираюсь горем всё великим.

121.

(Невеста вопит отцу):

Подойди-ка, родной батюшка,
К дубову столу,
Открой-кась, родной батюшка,
Шелкову фату,
Погляди-ка, родной батюшка,
На мою девичью красоту.
Зашатается моя девичья красотушка
По чисту полю,
Зайдет моя девичья красотушка
В дремучий лес,
Натоскуется моя девичья красотушка.
В коробушку положите—
Затоскуется,
В темный лес пустите—
Заплутается.

122.

Лебедушка моя матушка,
Что ты на меня распрогневалась?
Знать-то я, матушка, тебя прогневала

И знать я тебя, матушка, прибесчестила,
И знать я тебя, матушка, лицом в грязь ударила?
Не дала ты мне, матушка, на ноги подняться,
Уму-разуму набратися.
Лебедушка ты моя матушка,
Погляди-ка на моих подруженек:
Мои-то подруженьки веселы-радостны,
А уж я у тебя, матушка, при большой печалюшке.
Мои-то подружки нарядились в цветно платье,
А я-то, горькая, больно при печалюшке.
На подруженьках цветно платье, как жар, горит,
А на мне-то, горькой, цветно платье потускнело.
Мои-то подруженьки пошли по широкой улице,
Запели-то громки песенки,
А у меня-то, горькой, нет снарядушки.
Дубовые-то сундуки не покрываются,
А золотые-то замки не открываются.

(Невеста вопит, встречая подругу-соседку):

Лебедушка ты белая, шабрёнушка ты моя милая,
Не прогневайся ты, шабрёночка, что я тебя не
вышла, не встретила,
Впереди двора широкого, супротив крыльца
высокого,
Только встретила я тебя, мил шабрёнушка, в своей
новой горнице.
Спрошу-то я тебя, мил шабрёнушка, понадеючи,
А ты мне скажи пожалеючи: как жить во чужих
людях?

(Соседка отвечает):

Не ходила ли ты во темные леса,
Не видала ль горькую осинушку?
Не ходила ль в зеленые луга,
Не рвала ли горькую полынушку?
Так жить и во чужих людях.

(Невеста):

Ходила я во темные леса,
Рвала белую березыньку,
В зелены луга ходила я,
Рвала только цветочки лазоревые.

(Соседка):

Пристоятся твои ноженьки
У чуланного-то столбика,
Наслушаются твои ушеньки
Посла грозного.
Не ходила ли ты на Дунай-реку,
Не видала ли гусей сереньких?
Каково-то им, гусям, плыть встречу воды—
Таково-то жить в чужих людях.

(Невеста):

Отсидела-то я во красных во девушках,
Отсидела я впереди на лавочке,
Отпела я громки песенки,
Отглядела-то я во окошечко.
Не гляди ты на меня, мамынька,
Во красных во девушках,
А гляди-ка во бабушках, во молодушках.
Не гляди ты во мое лицо белое, щеченьки румяные.
Глазки-то у меня будут наплаканы,
Щечки принатертые.

(Вечером жених у невесты бывал с гостинцем, наутро она
встает и вопит):

Вставайте вы, мои милы подруженьки,
Поутру ранехонько,
Умывайтесь-ка вы ключевой водой,
Утирайтесь-ка белым полотенцем.
А я вставала-то поутру ранешенько,
Умывалась-то я горючми слезми.
Какие-то, милы подруженьки,
Сны вам приснились?
А я, милые подруженьки, не прилегла и не
приуснула-то:
Со вечера-то я просидела с добрым молодцем,
А в полночь-то думушку продумала,
А по белой-то заре чуть я призагунула.
Приснились мне сны-то нерадошные:
Расплетут-то мне русу косу,
Разложат ее на обе сторонушки,
Распрошусь-то я с милыми подружками.

Не красно солнце на закат всходит,
 А я, горькая, сажусь за дубовый стол.
 Не мне-то сидеть за дубовым столом,
 Сидеть-то родимому батюшке, лебедушке-матушке.
 Лебедушка-матушка, подойди-кась к дубову
 столу,

Погляди-кась, матушка, на мою буйную головушку,
 Моя-то буйная головушка переменится.
 Приду я к тебе, матушка, в дорогой гости.
 Не узнавай-кась меня, матушка, по буйной
 головушке,

А узнавай-кась меня, матушка, по ясным очам:
 Мои-то очи ясные будут наплаканы.
 Родимый ты мой батюшка,
 Поставь-ка ты благословеньице на старо местечко,
 А меня-то пусти погулять в красны девушки.
 Уж не в первой-то мне погулять, в остаточки.
 Красовалась я в красных девушках не год, не
 неделюшку, а один денечек.

Лебедушки мои белые, подруженьки,
 Поиграйте-ка, подруженьки, у батюшки
 В новой горенке, не впервые, во остаточки.

Лебедушки мои белые, подруженьки любимые,
 Запойте-ка громку песенку,
 Разгустите родимого батюшку и лебедушку-
 матушку,

Запойте-ка вы громку песенку сиротскую.
 Родимый ты, мой батюшка, лебедушка-матушка,
 Не подходите-ка вы, батюшка, к дубову столу,
 Не бери-ка, батюшка, золоту казну.
 Золота казна приглядчива,
 А винца рюмочка обманчива.
 Пропили, бают, мою головушку.
 Не за рупь меня пропили, буйну головушку,
 А за рюмку водочки.

Летела вольна пташечка,
 Летела канареечка
 Ко соловушке во клеточку,
 За серебряную решеточку,
 За хрустальную переборочку.
 Залетемши, стосковалася,
 Стосковавшись, сгорюхнулася:
 Ох ти, ох ти мне тошнихонько
 Без родимого без батюшки,
 Без лебедушки без матушки,
 Без подруженек душевных.
 Ты родимый, родной батюшка,
 Ты родимый-размилый братец,
 Ты ступай-ка на широкий двор.
 Ты сыми-ка шелкову узду;
 Ты ступай-ка во конюшенку,
 Обратай-ка ворона коня.
 Ты поезжай-ка во темны леса,
 Ты сруби себе березыньку,
 Ты ступай-ка ко божьей церкви,
 Ты ударь-ка в звонки колоколы;
 Не поступится ли сыра земля,
 Не раскроет ли гробову доску,
 Не встанет ли моя мамынька?
 Провожать-то меня есть кому,
 Благословить-то меня некому.
 Знать, проводят родны сроднички,
 А еще ближни шабрики,
 Да подруженьки любимые.

Величальные песни

126.

Как у чарочки у серебряной
Золотой венок.
Как у сватушки
Дорогой обычай:
Где ни ходит, ни гуляет,
Ночевать домой приходит;
К воротичкам подходит широким,
Воротички растворяет,
Свою жену разбужает:
„Уж ты, Настенька, вставай,
Свет Ивановна, вставай.
Встречай князя молодого“.
Не слуга слугу встречает,
Сына милого качает,
Перемену себе чаёт:
Сноху молодую,
Работницу дорогую.

127.

Ах, кто у нас умен,
Кто у нас разумен?
Как Иван-то умен,
Максими́ч разумен:
По горенке ходит,
Тихо наступает,

Сапог не ломает,
Чулок не марают.
На крыльцо выходит,
К нему коня подводят,
Ему коня подводят,
Конь веселится.
Он плеткой машет,
Под ним конь пляшет.
Со двора съезжает,
Под ним конь играет.
Он улицей идет—
Вся улица стонет.
Лугами едет—
Луга зеленеют.
Садами едет—
Сады расцветают,
Пташки распевают,
Девушки встречают,
Вина наливают,
Ивану подносят.
„Я не пью, молодчик,
Вино зеленое.
Только пью, молодчик,
Сладенький медочек“.

128 .

Д' уж и нет у нас такого старика,
Что Андрея-то Терентьевича,
Он гораздый по пирам ходить,
Он горазд умны речи говорить,
Со князьями, со боярами,
Со людьми, со почтенными.
Вынимает кисет шелковый,
Он и хочет красных девушек дарить,
Не рублями, не полтинами,—
Золотыми пятиалтынными.

*(Величальная песня поется пожилому почтенному гостю
во время свадебного гулянья).*

129.

У садовой сладкой яблоньки
 Прилегли ветви ко сырой земле,
 У удала добра молодца
 Прилегли кудри ко белому лицу.
 Его личко, точно беленький снежок,
 Брови черны, точно тоненький шнурок,
 Щеки алы — в саду розовый цветок.
 Он по горнице похаживал,
 В чисто зеркало поглядывал,
 Надевал сюртук на правое плечо,
 Сам восходил на красное крыльцо.
 Он показывал, наказывал слугам:
 „Вы, слуги, слуги верные мои,
 Оседлайте мне вороного коня,
 Я поеду со широкого двора,
 Я поеду по всем улицам гулять,
 Буду, стану себе сужену искать,
 Моя суженая, ряженая,
 За столом сидит наряженная“.

130.

Как у месяца, как у ясного
 Лучи ясные, лучи ясные.
 У Ивана-то у Ликсандрыча
 Кудри русые, кудри русые.
 В три ряда кудри завивались,
 Как четвертый ряд,
 По плечам лежат.
 Как пошел он
 Ко заутрени.
 Как вставал же он
 На прикрылышке.
 Он молился богу,
 Низко кланялся.
 Все попы - дьяки
 Сдивовались:
 „Что за дитятко,
 Что за милое

Уродилося!
Не бела заря
Воспородила —
Воспородила
Родна матушка.
Не часты звезды
Возлелеяли—
Возлелеяли
Няньки - мамушки,
Сенны девушки,
Воспоил - вскормил
Родной батюшка.

131.

Как у сокола, как у ясного
Болят крылышки, сизы перышки,
Нельзя соколу, нельзя ясному
По садам летать.
Господа ль в саду
Разгулялися,
Красотою его
Дивовалися:
„Что за дитятко
Уродилося!
Не бела ль заря
Его воспроиздила?
Не светел ли месяц
Воспоил, воскормил?“
Воспородила
Родна матушка.
Воспоил - вскормил
Родной батюшка.

132.

Уж ты, трость моя, тростынька,
Трость моя новосеребряная,
Серебряная — позолоченная.
Вы, часы ли, мои часинки,
Часы новы бриллиантовы.
Довелось мимо терему итти;

Мимо красного окошечка.
Из хрустального стеколышка
Увидали его барышни в окно,
Они начали и спрашивать его:
„Скажи, скажи, удалый молодец,
Скажи, холост или ты женат?“—
„Не женат я, красны девушки,
Я не буду здесь жениться,
Я уеду во Питер, во Москву,
Приведу себе невесту хорошу.
Таку барышню хорошую,
Черноброву, черноглазую,
Чтобы тятеньке понравилась,
А мамыньке показалась,
А мне, молодцу, по мысли пришла,
Разудалу добру молодцу,
Что Ивану-то Петровичу“.

133.

По стулечку, стулечку рюмочки гремят,
Позади ли графины говорят.
Аграфена Петровна убирается,
В цветно платье наряжается,
У хозяина в гости просится:
„Ты пусти, пусти, хозяин, погулять,
Со купцами познакомиться“.

(Так поют тетке или другой пожилой родственнице невесты).

134.

Чей березник кудреватый?
А кто у нас ходит холост?
А кто у нас неженатый?
Иван у нас ходит холост,
Иван у нас неженатый.
„На что маменька, жениться?
Родимая, разориться?
Итак меня девушки любят,
Молодушки почитают,
Конфетами угощают“.

Причитания и плачи

135.

Кормилец ты мой, сыночек,
Желанный ты мой, сыночек!
Я тебя зародила.
Ждала тебя, чтоб ты меня поил-кормил,
Чтоб ты меня покоил.
Я на тебя надеялась, на поильца, на кормильца,
А ты меня оставляешь опять
При старости одну горе мыкать.
Остаюсь я старенькая,
К труду неспособная,
Кто меня будет поить-кормить?
Кто меня будет покоить?
Кто обо мне позаботится?
Кому я нужна буду?
На тебя я, мой сыночек, доверилась,
Ты меня поил-кормил, покоил.
Теперь я остаюсь горькая-разнесчастная одна,
Надеяться мне не на кого.
Кто меня будет поить-кормить, покоить?

136.

Родимый ты мой, сыночек!
Угоняют тебя в чужую сторонушку...
За горы высокие, за доли глубокие,

За лесочки темные.
Ну, знать, нам тебя теперь, сыночек, не видывать,
Голосочка твоего не слыживать.
Ну, давайте-ка мы, родные сроднички,
Сызем с него приметушки.
И первую приметушку — его лицо белое,
Вторую приметушку — его кудри русые,
А третью приметушку — его брови черные,
А четвертую приметушку — глаза веселые,
А пятую приметушку — щечки алые,
А шестую приметушку — губки тонкие.
Размилый ты мой, сыночек,
Милый, дорогой гостек!
Погости-ка ты у меня, сыночек,
В первые во остаточки.
И загонят тебя, сыночек,
В чужую сторонушку.
И дадут тебе в руки, сыночек Николенька,
Строево ружье.
А еще-то дадут тебе
Саблю вострую.
Пришли нам, сыночек, с чужой сторонушки
Вестку-грамотку.
Не пером пиши, не чернилами,
А пиши-ка ты, сыночек,
Из очей ясных горячми слезми.
Пропиши-кась ты, сыночек,
Про свое житье-бытье.
Как ты живешь на чужой сторонушке?
На чужой сторонушке
Жить больно тошнехонько,
Тошнехонько, грустнехонько,
Без родимого без батюшки,
Без сударыни без матушки,
А еще без молодой жены,
Без милых детушек.

137.

Не думала я разгорькая,
Что мне этакое горюшко будет,
Не чаяла я, разнесчастная,

Что мне такая заботушка привалит.
Не думамши, не гадамши,
Какое мне горюшко, какая мне заботушка
привалила,

Только я, разгорькая,
Стала свое горе забывать,
А теперь-то мне разнесчастной
Еще больше мне горюшко привалило.
Росли-то мы, горькие,
По чужим отцам-матерям.
Как какие-то горькие кукушечки,
Как какие-то горькие пташечки.
Только я маленько в домку-то определилась,
Только маленько успокоилась,
Теперь мою половину оторвали,
Опять мне разнесчастной гориться.

138.

ПЛАЧ ЖЕНЫ ПО МУЖУ

Милый мой ясен сокол!
На кого ты меня покидаешь
С малыми детками?
Работнички они плохие.
Выйду я на широкий двор,
Посмотрю на все четыре сторонушки.
Везде-то у нас всё чистехонько,
Везде-то у нас всё пустехонько
Без тебя, ясный сокол.
Везде без тебя опустилося,
Везде без тебя обломилося.
А наследнички малехоньки,
И больно еще глупехоньки.
Кто-то их будет на ум-разум наставлять?
Кто-то их будет к работушке приучать?
И с кем-то я, ясен сокол,
Пойду во чисто поле работать?
Стоит моя полосынька
Не скошена, не сжата.
Оболью-то я своими горячими слезми
Эту полосыньку, эту несжатую.

Уж как я ни плачу,
Уж как ни рыдаю,
А все-таки сенушко
Свое убираю.
Как мне было грустнехонько,
Как мне было тошнехонько,
Досталась твоя работушка
Мне вся тяжелая.
Вернулася я с чиста поля
В свою нову горенку,
Рассказала я своим малым детушкам
Про тяжелую эту работушку.
Милые мои детушки,
Склоните свои головушки
Перед родным дядюшкой.
Давайте попросим родного дядюшку,
Не покинул чтоб он нас,
Горьких нас, несчастных.

(Обращение к дяде):

Милый мой дяденька,
Как нам не плакати?
Как не горевати?
При ясном соколе
Я этого не знала,
Ничего не ведала.
А теперь мне приходится
Все знать, всё ведати.
При нем никогда
Не впрягала ворона коня,
А теперь мне приходится
Впрягать воронова коня
И поехать во чисто поле.

(Обращение к матери):

Милая ты моя, матушка,
Зачем ты меня родила?
Не родимши бы лучше меня придавила,
Легче бы мне было.
А теперь-то мне тошнехонько,
А теперь-то мне грустнехонько.

(Мать отвечает дочери и внукам):

Разумильная ты моя, доченька,
Завейся ты сизой голубушкой,
Ты завейся высокохонько,
Полетай-ка далекохонько—
На чужую дальнюю сторонушку.
И сядь-то ты там
К своему братцу милому
На правое плечико,
Заворкуй ка ты, милая моя доченька,
Своим горьким голосом
И скажи-ка ты своему брату,
И скажи-ка ты, поведай,
Про свое горюшко,
Про наше-то великое.
Не увидит он теперича
Своего родного зятюшку,
И не услышит его громкого голосочка.
Провожаем мы своего сокола ясного.
А вашего родимого батюшку
В дальнюю путь-дороженьку,
На дальнюю сторонушку,
И не получим мы от него
Ни письма, ни грамотки.

139.

ПРИЧИТАНИЕ ДОЧЕРИ ПО МАТЕРИ

Кормилица ты, моя мамынька,
Желанница ты, моя мамынька!
Накой ты оставила своих милых детушек,
Малых глупых сиротушек?
Кто их будет покоить,
К кому они подвернутся,
К кому они подкачнутся?
И кто их приласкает,
Кто их примолвит
Без своей маманюшки,
Без своей желаннущки?
Горя много без своей мамыньки!
Милая моя тетенька,
Не встренет ли тебя моя мамынька,

Не встренет ли тебя моя желанинька,
Не спросит ли обо мне об горькой?
Скажи-ка ей сказочку,
Как я живу тут, горюся.

140.

Кормилица ты моя, мамынька,
Начто ты меня зародила,
На горе на великое,
Оставила ты меня гориться, злыдарить?
Что я буду делать без мамы,
Куда я свою головушку приклоню,
К какому берегу?
Никому я не нужна.
Восстань ты, моя кормилица мамынька,
Возьми меня под правое крылышко,
Не заставь меня гориться.

141.

На кого ты меня, матушка, покинула,
На кого ты меня, родненька, оставила
С деточками манехонькими,
Сиротиночками зеленехонькими?
Уж я на могилке наплачуся,
Уж я в людях горя намычуся,
По белу свету наскитаюся.
Горе мое, горюшко,
Горе мне, гореваньице,
Беда, беда мне лютая.

142.

ПРИЧИТАНИЕ ЗАМУЖНЕЙ ЖЕНЩИНЫ
ПО МАТЕРИ

Родима ты моя, лебедушка-матушка,
Скрепила ты свое ретивое сердце крепче
камешка.
Надоело-то, наверное, твоим белым рученькам
лежать на белой груди.

Распахни-ка ты свои белы рученьки
со белой груди,
Прижми-ка меня к своему ретиву сердцу,
как попрежнему.
Открой-ка свои очи ясные,
Разомкни уста сахарные.
Промолви-ка ты со мной хоть одно словечушко.
Не давай мне горе мыкать.
Со младости у тебя не видала радости,
Со младости я с сиротушками горькими,
Намаялась с ними горечка многохонька,
Наделила ты меня, матушка, судьбой несчастною.

143.

ПРИЧИТАНИЕ ПО МУЖУ

Родимый ты мой, разъясен сокол,
На кого это ты больно понадеялся,
Слокинул меня с сиротушкой горькой.
Никому-то я больше не нужнехонька,
Напримаюсь я горечка многохынко,
Нахожусь-то я по чужим людям,
По чужим людям, по чужим углам.
Распахни-ка ты свои белы рученьки
Со своей со белой груди.
Возьми-ка ты меня под свое под право кры-
лышко.
Не давай мне горе мыкати.
Встала-то я поутру рано,
Припасла вкусу сладкого,
А теперича про кого буду я припасать вкусу
сладкого.
Сяду-то я под красное окошечко,
Стану-то я глядеть на все четыре сторонушки,
Из которой ли сторонушки не идет разъясен
сокол,
И стану-то я куковать, как горькая кукушечка,
Стану куковать и день и ночь и глуху полночь,
Кукушечка-то кукует она порою времячко,
теплым летичком;
А я-то, горькая—и день и ночь.

ПЛАЧ МАТЕРИ ПО СЫНУ .

Родимый ты мой сыночек Володенька,
Растила-то я тебя, как садово яблочко,
Не давала на тебя ветру дунути,
Дождю линути.
Не чаяла этого горечка и не думала,
Невзначай-то ко мне горечко прикачнулось
Со всего свету вольного,
А теперь-то ты лежишь впереди на лавочке.
Скрепил-то ты свое ретиво сердце
Крепче камешка,
Открой-ка ты свои очи ясные,
Разомкни-ка ты свои уста сахарные,
Распахни свои белы рученьки
Со белой груди.
Наглядывайтесь-ка, мои очи ясные,
На мово сыночка Воленьку,
Теките-ка вы, горячие слезы, не мигаючи,
Примечайте-ка все с него приметочки.
Первая приметушка—его лицо белое,
Вторая приметушка—его брови черные,
Третья приметушка—его походушка.
Отходил-то он у меня на широку улицу,
Со своими со товарищами,
А теперь я буду смотреть только на его
товарищев.

*Любовные, семейные и другие лирические
песни*

145.

Можно, можно в роще разгуляться,
Ох, да тоску-скуку да развести.
Ох, да пойду, выйду на быстрюю реку,
Да сама сяду на крут бережок.
Ох, да девушка глядела, увидала,
Ох да сень я на воде.
Спрошу речку, ох да спрошу быстру:
„Не бывал ли мой милой?“
А мне речка быстра отвечала:
„Ох, да при мне не было здесь никого“.
Из лесочку милый по лесочку,
Да мил на троечке дружок выезжает.
Мил на тройке, дружок на четверке,
Мил на вороньем на коне.
„Я уеду и опять приеду,
Три подарка тебе привезу:
Да и первый Любушке подарок—
Ох, да на головушку шалевый платок.
Я другой-от Любушке подарок —
Да на шеюшку жемчужный барок,
А я третий Любушке подарок —
Ох, да на рученьку золот перстенок

Безо времечка снежки белы выпадали,
Середь тепла летичка на Петров день.
На Петров денек, на зелен лужок.
Нельзя пташке, нельзя перелетывать,
Нельзя молодцу ко сударушке сходить.
Ко сударушке, ко любимой шабрёнушке.
Вечору пойду—сударушки дома нет,
Ее дома нет—ушла на сиденочки,
На сиденочки, к любимой шабрёнушке.
Середь дня пойду—люди догадаются,
Во полночь пойду—сударушка крепко спит.
Крепко спит она, не проснется, сердцем
 не воротится.
Хоть воротится, кровью всё обольется.

Сижу я на лавочке,
Печаль всё одна,
Народ весь гуляет,
А моего милого нет.
А мой то размиленный
Во кроватушке лежит.
А я молодешенька
Во зеленом саду
Щипала, срывала
Зеленый виноград,
Кидала, бросала
Ко милому на кровать,
Чтоб моему милому
Помягче было спать.
Спишь ли, мой милый,
Али так лежишь?
Думаешь ли думушку
Про женитьбице?
Возьмешь чужестранную,
Чем лучше меня?
Тем она лучше:
Что личиком бела,

И щечки поалей, и глазки почерней,
И походочка поладней.

148.

Чесал милый кудерки, чесал милый русы,
Свои волосы костяной милый расчесочкой.
Расчесамши кудри, расчесамши русы,
Пухову шляпу надел.
Шляпочка на нем пуховая, сапожки козловые,
Венгерочка новая, снарядился милый
и пошел.
Шел милый вдоль по бережку, вдоль по
крутому,
Ко Дунай быстрой реке.
Искал милый жердочку, искал тонку,
Сам по жердочке милый пошел.
Жердочка под ним сломилась, шапочка
свалилася,
Вдоль Дуная поплыла.
Увидала ее девица, увидала красная
Из терема ее, из окна.
Брала девка ведерки, брала новые зеленые,
Сама по воду пошла.
Почерпнула в ведерки, почерпнула в новые
зеленые,
Стала лодку нанимать,
Пронаймавши лодочку, лодочку зеленую,
Стала шляпу догонять,
Не догнавши она шляпу, шляпу нову дорогую,
Стала речку проклинять:
„Распроклята эта речка, распроклата
быстрая
Раздунай быстра река,
Зачем шляпу унесла?“

149.

У ключа было, у ключика холодного,
У колодезя было глубокого,
Там Петенька лошадей поил,
Да Гаврилыч лошадей поил,

А Машенька воду черпала;
Почерпнув, ведра поставила,
С Петенькой разговаривала.
Ручка с ручкой соцеплялися,*
И судьбою назывались.
Увидала ее матушка,
Увидала государыня
Из высокого из терема,
Из хрустального окошечка:
„Ты, дитя ли мое, дитятко,
Дитя милое, родимое,
Что ты долго ходишь по воду?“ —
„Ах ты, мать ли моя, матушка,
Уж ты, мать ли, государыня,
Летели гуси-лебеди,
Возмутили воду свежую,
А я млада дожидалася,
Пока вода устоялася“. —
„Не обманывай, дитятко,
Не обманывай, милая:
Простояла с добрым молодцем,
С добрым молодцем, заезжим“.

150.

Не поучить ли тебя, Ванюшка,
Как ко мне ходить?
Ты не улицей, Ванюшка, —
Позади гумёна.
Ты не голосом кричи, —
Соловьём свищи,
Чтобы я млада-младенька
Догадалася,
Со пиру ли, со беседы
Собиралася.
Уж я батюшке скажу,
Мне мало можется,
Уж я матушке скажу,
Гулять хочется.
От мила дружка
Слезы катятся.

Гарнитуровым платочком
Утираюся.
Мне не жаль того платочка,
Что он носится,
А жаль дружка милого:
С другой водится.

151.

Тошно, скушно мне, красной девчонке,
Потошнее только мне во тереме сидеть-глядеть.
Мне того ли потошнее в окошко сидеть-глядеть.
Мимо этого окошка только шли прохожие двое
хороши.
Двое молодца расхорошие, только моего дружочка
здесь нет.
Мой-от милый, расхороший, он уехал
милый во уезд.
Обещался мой размилый, он во втором часу ночи быть.
Вы часы, мои часочки, вы минуточки, злые лютые!
Я со тех часов минуты, я в дремучий лес уйду.
Ничего в лесу не видно, ничего в дремучем
не слышать,
Только было видно-слышно, гуляет стая гусей-
лебедей.
Все лебедушки, все попарно, только я, горькая,
сизжу сиротой.
Как у этой у сиротки, нет матери, ох, нет у ней отца,
Нет ни тетеньки, нет ни мамыньки,
Ох, и нет ясного у ней соколá.

152.

Стоит село новое, село разореное,
Стоит церковь главная она семиглавая,
На восьмой-то главе крест серебряный,
На кресте-то сидит птичка маленькая.
Высоко она сидит, далеко она глядит,
Через три-то поля, она поля чистые,
Через три-то моря, моря синие,

Через три-то леса, леса темные,
Через три-то сада, садику зеленого.
Во саду-то гуляет красна девушка,
Красна девушка Пелагеюшка.
Ничего-то ей в саду не нравится,
Только нравится один яров хмель.
Уж нарву-то я, нарву хмеля ярого,
Наварю-то я, наварю пива пьяного,
Созову-то я, созову всех гостей-сродничков.
Уж я за батюшкой я коня впрягу,
Я за матушкой я посла пошлю,
А за милым-то дружкой я сама пойду.
Уж я батюшку-то передом почтѹ,
А я матушку—возле батюшки,
А мила-то дружка—я на скамеечку,
А сама-то я на крашѣный стул.
Уж я батюшке да дам пивной стакан,
Уж я матушке—да чайну чашечку,
А милу-то дружку—да винну рюмочку.

153.

Подуй, подуй, погодушка, с высоких гор,
Раздуй, развей, мать-погодушка, калину в саду!
Калинушка да со малинушкой, лазоревый цвет.
Веселая компаньца, где миленький пьет.
Он пить не пьет, голубчик мой, за мной молодой
шлет.

А я млада-младешенька спесива была,
Спесивая, ломливая и замешкалася.
За утками, за гусями, за лебедями,
За вольною за пташечкой за журынькою.
А журынька, журавынька по бережку шла,
Ковыль-травку шелковую пощипывала,
Студеною водицею прихлѣбывала,
На ту дальну сторонушку поглядывала.
На той да на сторонушке лесочек растет.
Эх за тем да за лесочком слободка стоит,
Слободушка стоит не маленькая, четыре двора.
Уж во этом всё во дворике по кумушке есть,
Уж вы, кумушки, вы, голубушки, кумитесь вы со мной,

Кумитесь, любите, любите вы меня.
Пойдете вы в зеленый сад, возьмите вы меня:
Вы станете цветочки рвать, сорвите цветок мне,
Вы станете веночки вить, вы свейте венок мне.
Как все венки поверх воды, а мой потонул,
Как все дружки домой пришли, а мой не пришел.

154.

Калина с малиною
Рано расцвела,
Во ту пору мамынька
Меня родила,
Не вырастя, мамынька
В невесты почла,
Не собравши с разумом,
Замуж отдала.
Отдала же мамынька,
На чужу страну,
На чужу сторонушку,
На незнамую.
Осержусь на мамыньку
На родимую,
Не буду у мамыньки
Ровно три года;
На четвертом годике
Пташкой прилечу,
Сяду, вольна пташечка,
В зеленом саду;
Грустными слезами
Я весь сад затоплю,
Горькими причетами
Я садик посушу.
Мамаынька по сеничкам
Похаживает,
Невесток-голубушек
Побуживает:
„Встаньте вы, проснитесь,
Невестки мои.
Что у нас во садике
За пташка поет?

Где она, залётная,
Причёты берет?
Не моя ли доченька
С чужой стороны?
Чужая сторонushка
Без ветра сушит.
Чужой свекор-батюшка
Без плетки учит,
Чужая свекровь-матушка,
Без вины журит“.

155.

Затопила горенку,
Сосновеньку новеньку.
Затопила, замела,
Сама по воду пошла.
По воду, воду
На Самару на реку.
На Самаре на реке
Гуси-лебеди сидят,
Свежу воду мутят.
Да уж и я ли молода,
Я догадлива была:
Я немножко постояла—
Устоялася вода.
Размахнула широко,
Почерпнула глубоко.
Я со дна песку достала,
Тяжеленько младе стало.
На плечики подняла,
Зашаталась, побрела.
Я брела, я брела
Вплоть до кумова двора.
Как у кумова двора
Стоит кум да кума,
Да еще кумова жена.
Как и кумова жена
Рассмеялась надо мной:
Чья это хатонька
Протопилась весь денек?

Как в пече-то дрова
Переуглились, горя.
Мелки кашечки горшечки
Все полопались, кипя.
А на лямке-то теля
Обревелося, ревя.
В колыбели-то дитя
Надселося, крича.
А свекровь-то на печи,
Ровно сука на цепи.
А свекор на полатях
Как борзой кобелек.
Деверья-сокола
Как борзые кобеля.
А золовки-колотовки
Они ябедницы, наговорщицы.
И кутят они мутят,
Наговаривают.
Не кутите, не мутите,
Сами в люди угодите,
Все горе спознаете,
Меня вспомняете.
Одна тетушка-лебедушка
У печки стоит,
За меня ли говорит.

156.

Затеяла баба хлеба, сама по воду пошла.
По воду, воду на Самару на реку.
На Самаре на реке гуси серые сидят.
Гуси серые сидят, свежу воду мутят.
Тига гуси, тига серы, тига серы со воды,
Не мутите свежу воду на реке.
Распахнула широко, зачерпнула глубоко.
Я со дна песку достала, тяжеленько младе стало.
На плечики подняла, зашаталася, пошла.
На шесточке горшочки надселись, кипуча,
На привязушке телятушки надселись, ревуча,
В колыбелюшке дитя надселося, крича,
На печи свекор, как борзой пес, ворчит,

А свекровь на печи, ровно сука на цепи.
А золовки-колотовки—шельмы ябедницы.
„Не кричите, не мутите, сами в люди выйдете,
Сами в люди выйдете, все дела узнаете.
Все горе узнаете и меня вспомняете“.

157.

Чтой-то в поле за травынъка,
За муравынъка?
Она день растет, ночь шатается,
Ко белой заре трава расстилается.
А на этой на траве всю я ночь спала,
Всю я ночь спала, много во сне видела.
Приснился мне сон, сон нерадостный:
Будто мой терем растворен стоит,
Все окошечки мои распечатаны,
Шитый-бранный положок распахнут висит,
Распостылый мой муж на руке моей лежит,
На руке моей лежит, во глаза глядит,
Во глаза глядит, целовать велит.
Целовать мне его не хочется,
Разретивое сердце не воротится.
Скреплю я свое сердце крепче камушка—
Поцелую, обойму распостылого мужа.

158.

Черная ягодка-смородинка,
Ты когда росла, когда выросла?
Я весной взошла, летом выросла,
По зарям я цвела, в полдень цвет опадал.
Сударь ты мой, сударь батюшка,
Государыня ты моя, матушка,
Не сумели вы меня воспоить, воскормить
Не сумели меня замуж выдать.
Хотя выдали меня за такого за вора,
За такого за вора, за разбойничка.
Как со вечера муж коня седлал,
Во глуху полночь со двора съезжал,

Молодой жене всё наказывал:
„Молодая жена, не гаси огня,
Если огня нехватит, то лучину жги,
А лучины нехватит, то к шабрёнке сходи“.

159.

Летал голубь, летал сизый,
Искал волю, искал негу:
Кому воля? Кому нега?—
Воля, нега красным девкам,
Молодушкам—миновалась,
Лицо бело замаралось,
С пылью, грязью помешалось,
В лице красоты не стало.
И любить милый не стал.
Прошла весна, пришла осень,
Меня милый любить бросил.
Я по горенке ходила,
Своего мужа будила:
„Ты вставай-ка, муж-хозяин,
На дворе-то у нас гости,
Наши гости дорогие:
„Твои шурья, мои братья родные“.—
„Отойди жена немила,
Вся родня твоя постыла“.
Сестра к братьям выходила,
Сестра братьям говорила:
„Вы скажите всем поклон“.
А батюшке с жалобою,
Ко матушке со слезами:
Зачем младу отдавали,
На богатство кидались,
На высокие хоромы,
И на красные окошки,
На двусотенны бумажки.

160.

Из-под двух белых берез вода протекала,
И вода, вода протекала,
Вода ключевая,

Белая она снеговая.
Ах, нельзя, нельзя воду пить,
Нельзя ее почерпнуть.
Эх, у старого у злодея,
Эх, жена была молодая.
Но нельзя же жену бити,
Нельзя ее загубити.
Пропила жена своих уток,
Уток она за похмелье—
Своего она рукоделья.

161.

Мужик пашенку пахал, он пахал,
Печаль-горе свою рассевал:
Ты рассей-кася, ты, печаль-горе,
Ох, да ты не сохни-ка, ты не вянь,
Ты не сохни, ты не вянь,
Ты цветами расцветай!

162.

Как у наших у ворот
Стоит девок хоровод.
Уж ты, парень-паренек,
Твой глупенький разумок,
Закричал во весь народ.
Не кричи во весь народ:
Мой тятенька у ворот,
Кричит меня в огород
Чесночок, лучок полоть,
Черны гряды поливать.
Во правую руку — луку,
Во левую чесноку,
Из городу вон пойду.

163.

Дули ветры, дули буйны,
Все деревца выются,
Болит мое ретивое
Из глаз слезы льются.

Слезы счастьем не помога,
Несчастливая доля.
Разнесчастливая калина,
Кой растет во поле.
Д'уж и кой растет во поле,
В широком раздолье.
Да выростала эта древа —
Березынька бела.
Невеличек ручеечек воды протекал.
Прилетали две сизы голубки
Воду свежую пити,
Они пить-то не напили,
Воду замутили.
Про несчастную вдовицу
Речи говорили.
Разнесчастливая эта вдовица,
Кой живет без мужа.
Уж и кой живет без мужа,
Без ласкова друга.

164.

На зореньке коровушку доила,
Надоимши, молочко цедила,
Нацедимши, дружка Ваню поила,
Напоимши, уговаривала:
„Не женися, дружок Ванюшка,
Ты женишься, переменишься,
Потеряешь свою молодость.
И девушек и молодухек“.
Свет дуброва, свет зеленая моя,
Я ходила, я гуляла по тебе,
Я кликала своо милого,
Я кликала не докликалась.
Показался мне лесок невысок.
Не доходит до милого голосок.

165.

Уж ты, Катя, Катюшенька,
Не могла счастье держать:
Любила молодчика,

Не могла любовь узвать.
Стала любовь узнавать,
Стал мой милый отставать.
Мой размиленный
Со иной Сашей гулять.
Со иной Сашурынькой
Темны ноченьки не спать.
Не спать темны ноченьки,
Под окошечком сидеть,
Сидеть под окошечком,
На светел месяц глядеть.
Ты свети, свети, светел месяц,
Свети новый молодой,
Освети дороженьку,
Куда милый мой прошел.
Прошел мой размиленный
Из улицы во конец.
Прошел мой размиленный
Он во крайний большой дом.
Во этом во домике
Молода вдова живет.
У этой у вдовыньки
Дочь хорошая растет.
Невеличка маленька,
На ней шубка аленька.
Опушка бобровенька,
Маша чернобровенька.

166.

Рано Машенька вставала,
Казaku кашу варила:
„Уж ты, Ванюшка-казак,
Встань — позавтракай!
После завтраку, казак,
Работушку работать,
Черну пашенку пахать“.
Я пашу, пашу, пашу,
Сам на солнышко гляжу.
Стало солнышко с обеда
Соворачивать.

Всем добрым людям женёнки,
Жены завтрак принесли.
А моя подла женёнка
Мне обеда не несет.
Уж я выпрягу пеганку,
Дугу брошу об землю,
Я пойду во куста, уж я вырежу лозу
Про свою шельму жену.
Подъезжаю ко двору,
Жена ходит по двору
Набелена, напудрена, нарумяненная,
В черном браном сарафане
При кисейных рукавах.
Загляделися глаза,
Из рук выпала лоза.
„Уж ты, женушка, жена,
Где ты долго пробыла?“—
„Я была, была, была
У попа на помочи,
За твое, милый, здоровье
Стакан водки выпила,
За свое-то понесла,
Спотыкнулась, пролила,
Светло платье залила“.

167.

Как по саду городскому мимо рубленых ворот
Каждый вечер Стенька ходит, переряженный
купцом.

Заразила атамана, отучила ото сна
Раскрасавица Елена, чужемужняя жена.
Муж ее в ряду гостином за буфетом счет ведет,
А жена его Елена тонки кружева плетет.
Стенька ходит, речь заводит, не скупится на
слова.

У Елены сердце ноет, не плетутся кружева.
„Полюбил тебя я сразу, раскрасавица моя,
Или лаской, или силой, но добуду я тебя“. —
„Что ты делаешь, разбойник, — шепчет молодцу
она,

А не то старик вернется, я ведь мужняя жена". —
„Коль от дому прогоняешь, я уйду через зады,
Переулочком разбитым в виноградные сады.
Город Астрахань спроведать завернул я по пути,
Чтоб с тобой, моя красотка, одну ночку провести".
Вот не спится молодежи, и на ум ей сон нейдет;
Заскрипели половицы: неужели это он?
Не успела „ох" промолвить, кто-то за руку берет.
„Что ты делаешь, разбойник, муж проснется,
заберет". —
„Закричит, так жив не будет, пускай лучше
помолчит,
Мне своей башки не жалко, а его куда ни шла,
Так прощай же, дорогая, не хочу обманывать,
Не купец я—казак вольный Стенька Разин атаман".

Старинные революционные песни

168.

Ни кола, ни двора,
Зипун — весь пожиток,
Ты живи — не тужи,
Умрешь — не в убыток.
По ночам дураку
И с казной не спится,
Бобыль гол, как сокол,
Поет, веселится.
Он идет и поет,
Ветер подпевает,
Сторонись, богачи,
Беднота гуляет!
Рожь стоит по бокам,
Отдает поклоны,
Ты присвистни, бобыль,
Видишь — лес зеленый.
Уж ты плачь, иль не плачь,
В печаль не вдавайся,
Причешись, распахнись,
Шути, улыбайся!
Уж ты плачь, иль не плачь,
Слез никто не видит,
Воробушек загорюет —
Курочка обидит.

Ах ты, доля, моя доля,
 Доля бедняка.
 Тяжела ты без отрады,
 Тяжела, горька.
 Не твою ли, бедняк, хату,
 Ветер пошатнул?
 С крыши ветхую соломку
 Разметал, раздул?
 Не твоя ль жена в лохмотьях
 Ходит босиком?
 Не твои ли это дети
 Просят под окном?
 Не твоя ль вдали могила
 Смотрит сиротой?
 Крест свалился, гроб подмылся
 Ключевой водой.

170.

Ночь темна, считай минуты,
 У тюрьмы стена крепка,
 У двери железной
 Два железные замка.
 Ничего в тюрьме не видно,
 Ничего там не слышать,
 Только видно в коридоре
 Огонечек чуть блестит,
 Часовой по коридору
 Ходит, шпорами гремит.
 А невольник чрез решетку
 Часовому говорит:
 „Часовой, мой друг приятель,
 Притворись, как будто спишь,
 А я мельком* чрез ограду
 В лес гремучий** убегу.
 Мне с родными повидаться

* мигом.

** дремучий

И с женою молодой,
Детей малых малюток
Ко белой груди прижать.
Не под том ли старым дубом
Мне с друзьями погулять?" —
„Нельзя, сударь, невозможно,
Отпустить вас не могу:
Отдадут под суд военный,
И сквозь строю проведут,
И сошлют в Сибирь навечно,
Меня к тачке прикуют“.

171.

Орел молодой по воле летал, добычу искал.
Искавши добычу, в темницу попал.
Сидел за решеткой в темнице сырой,
Кровавую пишу клевал пред окном.
Клюет и бросает, сам смотрит в окно,
Товарищу-другу он машет крылом:
„Товарищ, друг милый, давай улетим,
Нам лететь далеко, за сине море,
За синим за морем — родина моя“.

172.

Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно.
Днем и ночью часовые
Стерегут мое окно.
Как хотите стерегите,
Мы и так не убежём.
Давно хочется на волю,
Цепь порвать я не могу.
Уж вы, цепи, мои цепи,
Вы железны сторожа,
Ни порвать вас, ни порезать,
Нету острого ножа.
Уж ты, ворон, черный ворон,
Что ты вьешься над тюрьмой,

Распускаешь свои когти
Над моею головой?
Ты послушай, черный ворон,
Что я буду говорить:
Ты слетай-ка, черный ворон,
На родиму сторону,
Передай мое почтение,
Отцу с матерью поклон;
Отцу с матерью поклон
И жененке молодой.

173.

Голова ты моя удалая,
Долго-ль буду тебя я носить,
А судьба ты моя роковая,
Долго ль буду с тобою я жить.
Чрез тебя я спознался с тюрьмою,
Для чего родила меня мать,
Для того, чтоб сидеть в этой клетке
И тюремную жизнь испытать.
Много лет просидел в одиночке,
И родных не видал никого,
Только злая тоска грудь сосала,
И тюремная дума всегда.
Знать помру на тюремной постели,
Похоронят меня кое-как,
Тут не простятся со мною родные,
Не поплачет родимая мать.
Похоронят меня, как бродягу,
Не поставят большого креста,
И слетятся со всех сторон пташки
На холодной могиле моей.

174.

От павших твердынь Порт-Артура,
С кровавых манчжурских полей
Калека-солдат истомленный
К семье возвращался своей.
Идет, и в убогом жилище
Ему не узнать ничего:

Другая семья там ютится,
Чужие встречают его.
И дрогнуло сердце тревогой:
„Вернулся я, верно, не в срок,
Скажите скорее вы, братья,
Где мать, где семья, где сынок?“ —
„Жена твоя...— сядь, отдохни-ка,
Небось, твои раны болят...“ —
„Скажите скорее всю правду“, —
„Всю правду?“ — „Мужайся, солдат!
Толпа изнуренных рабочих
Решила пойти ко дворцу,
Защиту искать, с челобитной
К царю, как к родному отцу.
Надевши воскресное платье,
С толпою пошла и она,
И на-смерть зарублена шашкой
Твоя молодая жена...“ —
„Где мать?“ — „Помолиться Казанской
Давно уж старушка ушла,
Избита казацкой нагайкой
До ночи едва дожила“... —
„А где же остался мой мальчик,
Сынок мой?“ — „Мужайся, солдат!
Твой сын в Александровском парке
Был пулею с дерева снят“. —
„Не всё еще взято судьбою,
Остался единственный брат,
Моряк и красавец собою...
Где брат мой“ — „Мужайся, солдат!..“ —
„Ужели и брата не стало?
Погиб знать в Цусимском бою?“ —
„О нет, не сложил у Цусимы
Он жизнь молодую свою.
Убит он у Черного моря,
Где их броненосец стоял,
За то, что вступился за правду,
Своим офицером убит“. —
Ни слова солдат не промолвил,
Лишь к небу он поднял глаза.
Была в них великая клятва
И будущей мести гроза.

Уж ты, горе, мое горе,
 Мужичья нужда!
 Словно немочь приключилась,
 С ног свалила мужика.
 Пятьдесят я лет работал,
 Надрывался над сохой.
 Думал, вырастут ребята,
 Будет в старости покой.
 Первый вырос — на работу
 В город я отдал его.
 Он оттуда не вернулся,
 Там головку потерял.
 Принуждать их стал хозяин,
 Стачку сделали они,
 Казаков на них нагнали,
 Много крови пролили.
 Второй вырос грамотеем,
 Много книжек он читал,
 Всё свободы дожидался
 Но и тот бедный пропал.
 Ночь тиха, жандармы злые
 К нам напали на село,
 Много книг у нас забрали,
 Взяли сына моего.
 Третий вырос парень бравый,
 Молодец из молодцов,
 Он в Германии сражался
 За дворянов и купцов.
 Был он ранен пулей в ногу
 И домой тогда пришел,
 И с тех пор он стал калекой,
 С сумой по миру пошел.
 Но не всю судьбу отняли
 У меня, у старика:
 Дочь-красавица осталась
 При несчастье моем.
 Взбунтовался люд голодный,
 К нам прислали эскадрон,
 Дочь-красавицу украли,
 Я остался бобылем.

От царя пришла бумага,
Чтобы подати собирать,
Кто не выполнит указа,
В арестантски роты взять.

176.

Голова ль ты моя удалая,
До Сибири меня довела.
Не за пьянство и буянство
И не за ночной разбой,
За крестьянские пожитки
И крестьянский люд честной.
Год голодный, год несчастный,
Стали подати собирать
И крестьянские пожитки,
И скотину продавать.
Я — крестьянин с челобитной
Ко царю в Москву пошел,
Да схватили на дороге,
До столицы не дошел.
Очутился я в Сибири,
В шахте темной и сырой,
Там товарища я встретил:
„Здравствуй, друг, и я с тобой!“

Юмористические и плясовые песни

177.

Что же ты, хмелюшка, не родишься?
Без тебя бражка не водится,
Добры молодцы не женятся,
Красны девушки замуж нейдут.
Выбралась Дунюшка, замуж пошла.
Теща про зятюшку пирог испекла..
Обещала теща: семерым пирог не съесть,
Пришел зять, за присест пирог съел.
Теща по горенке похаживает,
На зятюшку косо поглядывает,
Потихонечко поругивает:
„Как тебя, зятюшка, не розорвало?“—
„Как у тебя, теща, язык не отсох?
Розорви, розорви тещу мою,
Тещу мою со свояченою.
Приезжай, теща, на масленицу ко мне.
Я тебя, теща, приупотчиваю
Во четыре дубинушки березовые.
Пятый лозин по бокам тещу возил,
Шестой кнут по заказу вьют“.
Теща бежала до двора,
Не оглянулась ни одна.
„Послушайте, ребята, у ворот кто-то стучит!
У ворот кто-то стучит, да не зять ли идет?
Не зять ли идет, на похмелье зовет?
Скажите, ребята, со вчерашнего я хмельна,

С соли да муки голова, спина болит,
А с сахару, изюму я вся больна“.

178.

На горе калинушка стояла,
Разными цветами расцветала.
Нет того цветику алее,
Нет того милого милее.
Ходит мой миленький гуляти,
Не со мною, со иною,
С чужою мужнею женою.
Чужая жена ничем не лучше,
И личиком не белее,
Черными бровями не чернее,
Только одним она получше,—
Щепетнее моего ходит.
Я бы была барского роду,
Пешком к обедне не ходила,
Все бы мне кони вороные,
Все бы мне коляски золотые.
Были бы у Танюшки подружки,
Взяли бы Танюшку под ручки,
Повели ее бы на рынки,
Где гудки и где волянки,
И где скоморохи молодые,
И где ребята холостые.
Там бы я, Таня, поплясала,
Белыми руками помахала.

179.

Возле лешища,
Возле дубища
Солеталися совые,
Солетались вдовы.
Никто совыньку не сватает,
Никто ее не берет.
Али я косая?
Али я слепая?
А я чернобровая,
А я черноглазая.

Сова моя, совая,
Сова чернобровая,
Курыня, боярыня,
Грозная княгиня.
Полетела совая
Во чистое поле.
А навстречу сове,
Навстречу вдове
Две стаи купчиков,
Сами-то рябеньки,
Носики востреньки.
Стали сову драти,
На клочья мотати.
Сова торопилася,
Назад воротилася,
Подлетела ко двору,
Она села на полу.
Повесила голову
На правую сторону.
Стала молиться богу
На левую ногу.
„Купчик-рябчик,
Московский подрядчик,
Судишь ты, рядишь,
Ничего не знаешь.
Наши-то крестьяне
За морем были,
Сено покосили,
Стога пометали,
Домой прилетали.“
Прилетали к совую,
Прилетали к вдовую
Два луня белые,
Два друга милые,
Стали сову сватать:
„Не пойдешь, совая,
За луня за белого,
За друга за милого.
У луня у белого,
Есть чего пити,
Есть чего ести:
Первое — мышка,

А другое — крыска,
Третье — лягушка,
Верная послушка,
Комар на закуску,
Муха на студень"...

.
Прилетали к совую,
Прилетали к вдовую,
Свадьбу укладати,
Сову отдавати.
Соловушка—в дружки,
Воробьи—петрушки,
Сороки—сватушки,
Ворон —повар,
Кур подбирает,
К стану скликает:
Солетайтесь, куры,
Солетайтесь, дуры,
У нас нынче праздник,
А завтра веселье,
Потом воскресенье.

180.

Уж ты, рак, родной брат,
Пойдем в карты играть.
У ерша три туза,
Ерш выпучил глаза.
Вот ершишка очень смел,
Развернулся, рака съел.
Здесь синьга-рыба была,
Взяла просьбу подала.
Подаю прошение
В киту управление.
Сом с толстой головой
Оправдал со всей рекой
Очки на нос надевал,
Эту просьбу принимал.
Прямо и отважно
Читаю протяжно.
Его верные слуги—

Во реченьке судаки.
Поплыли судаки
Вдоль Московской реки.
А навстречу судакам
Чернопер плывет линь.
„Линь-линек, где ты был?
Где-ты, голубь, пробывал?“ —
„Я бывал, пробывал
У ерша на свадьбе.
Ерш женился, разорился,
Замухряйку-жену взял,
Он лягушкой называл.
Как селедка была мать,
Стала ерша благословлять.
А сазан-размазан
Всех за стол посажал,
В балалайку заиграл.
Щука руку подняла,
Балалаечку взяла.
Надела сапоги,
Ударила в три ноги“.

181.

Не пора ли нам, ребята, чужо пиво пить,
Не пора ли нам, ребята, свое заводить?
У нас солод во овине, вода во долине,
У нас дровцы во дубровце, а хмель на тычине.
На тычине, на калине, на самой вершине.
Тычинушка к земле гнется, а хмель выше вьется.
Тычинушка обломилась, а хмель опустилсЯ,
ОбломилсЯ, опустилсЯ на мать сыру землю,
На мать сыру землю, на траву шелкову.
Уж мы хмель-то собирали, пиво затирали;
Не с того ли у нас пива головка болела?
Болит, болит головушка до самого мозгу,
Щемит, щемит сердечушко, щемит ретивое.
Пойду с горя в чисто поле, в широко раздолье.
Во широком во раздольи растет трава мята,
За что меня милый любит, что я небогата.
Во саду ли, в огороде растет трава верба,

За что меня милый любит, что я во всем верна.
Во саду ли в огороде растет трава дичка,
За что меня милый любит, что я невеличка.

182.

Я с комариком плясала.
Мне комарик ножку отдал, —
Все суставчики повредил.
Я кричала ж матери:
„Ты подай, мати, косыря,
Мне по-русскому топора,
Рубить, казнить комара.
Я срублю ему голову
Я по самые плечи“.
Покатилась голова
Вдоль широкого двора,
За задние ворота.

183.

Как жена мужа продала.
Я за то его продала:
Плетет лапти ковырды,
Оборы вьет, как тяжи,
Оборвутся—навяжи.
Я не дорого взяла
Два с полтиною рубля.

184.

Рукавички заложу,
А масляницу все провожу.
„Масляница-обманщица,
Не ела ли ты хрена, толокна,
Не отбила ли ты Семичку бока?“ —
„Нет, нет, Семичок, возлюбленный женишок,
Я ем блинцы, овсенцы, пшеничны пироженцы
С яишенкою.“ —
„Ох, душа моя, масляница,
Сахарные твои уста,
Перепелиные твои косточки,

Руса коса, тридцатым братьям сестра,
Сорок бабушкам внучка".
У масляницы винца не сустало,
Семичок сердит стал.
Зачал ее Семик журить, бранить,
Зачал ее увещать:
"Пополам у тя половина,
Во рту-то у тея калина.
Белила-румяна, как все равно обезьяна.
У тебя и шубейка, с гнидами фагрейка,
А мне, Семичку, приданства много:
Под печкой сто блох без ног,
Пегой ягненок, вшивый теленок.

У барина Кутузова было земли полкузова.
Приехал поп-кочерга,
Не велел есть яйца до великого четверга,
Для масляного скопу,
Для яичного сбору.
Приеду опять об эту пору.
Прощай, масляница, прощай!
Масляница, масляница,
Блинам попеканщица.

185.

Подралися Катюха с Марюхой,
Война у них была кочерёжна,
Стрельба веретённа,
Завоевали мертвого старика,
Кашу и горох в плен взяли.

186.

Как покровский поп
Он до девушек док.
Он ко девушкам ходил,
Понемножку им носил:
Когда рубль, когда два,
Когда три-четыре вдруг.
Да не стало у попа
Ни алтына, ни гроша,

Одна риза хороша.
Поп ризу скидал,
Анюшеньке отдавал.
Анюшенька не берет,
За собой попа ведет.
Увидали же попа
Три сержанта из окна:
Первый—Жуков да Петров,
Третий—Ванька Шепелев.
Они хлопнули окном,
Побежали за попом
К Анюшеньке во терём.
Анюшенька догадалась,
В чулан попа запирала,
На крылечко выбегала,
Сержантичкам отвечала:
„Сержантики-ямщики,
Вы зачем ко мне пришли?
Я во тереме одна“.—
„Даром, даром, что одна,
Ты подай сюда попа“.
Поп-то видит, что беда,
Он бросался из окна,
Из хрустального стекла.
Поп-то улицей бежал,
Никто его не задержал.
Он к острогу подбежал,
Солдат шпагой удержал.
Солдат шпагой удержал,
Три-четыре плюхи дал,
Путь-дорожку указал.
Ты беги, беги, попок,
Не срони своих порток,
Портки строченные, позолоченные!

187.

Молодка, молодка молоденькая,
Головка твоя победненькая,
Не с кем молодке ночку ночевать,
Не с кем мне, молодке, темну переспать.
Лягу спать одна, да без мила дружка,

Без мила дружка берет грусть-тоска.
Грусть-тоска берет, далеко милый живет,
Далеко-далеко на той стороне, *
На той стороне, не близко ко мне.
Ходит мой милой тою стороной,
Машет мой милой правою рукой,
Ручкой правою, шляпой черною:
„Перейди, сударушка, на мою сторонushку.“—
„Я бы рада перешла, да переходу не нашла;
Жердочка тонка, речка глубока“.
Во этой во речке купался бобер,
Купался, не купался, весь вымочился,
На горку взошел, отряхивался,
Отряхивался, оглядывался.
„Не рыщет ли кто, меня бобра ищет?“
Охотнички рыщут, черна бобра ищут,
Хотят бобра бить, хотят застрелить.
Маше шубу сшить, бобром опушить.
Опушка боброва, Маша черноброва,
Чернобровая, черноглазая,
Белолицая, круглолицая.
Брови черные наведенные,
Глаза серые развеселые,
Щечки алые, расцвеченные.

Детские песни

ПЕСНИ О ЖАВОРОНКЕ

(Встанут на что-нибудь повыше. Кричат дети 12—14 лет).

188.

Жаворонки, прилетите,
Красну вёсну принесите.
Нам зима-то надоела,
И весь хлеб у нас поела,
И дрова все пожгла,
И солому всю пожгла,
Молоко всё унесла.

189.

Жаворонушки, на соломушке,
Прилетите к нам, принесите нам
Лето теплое — соху, борону.
Унесите от нас зиму холодную,
Зиму холодную, — донце с гребнем.
Нам зима надоела,
Весь хлеб поела.

190.

Жавороночки,
Прилетите к нам,
Принесите нам

Весну красну,
Тепло летичко.
Надоела нам зима,
Как горькая редька.
Крепки морозы,
Склизки дороги.

191.

Жаворонушки,
Мои матушки,
Прилетите к нам,
Принесите нам
Весну теплую,
Отнесите от нас
Зиму холодную.
Нам зима надоела,
Много хлебушка поела,
На печке сидеть—
В трубу глядеть.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ

192.

А баю, баю, баю.
Лежит Ваня на краю.
Прибежал волчок,
Схватил Ваню за бочок,
Утащил его в лесок,
Под малиновый кусток.
Малина-то упадет
Прямо Ванюшке в рот.

193.

Качу, баю за зыбою,
Отец пошел за рыбою,
А брат пошел дрова рубить,
А нянюшка—пеленки мыть,

А мать пошла уху варить.
Уху варить, детей кормить.

194.

А баю, баю, баю,
Живет Микон на краю.
Он ни беден, ни богат:
Полна горница ребят,
Все по лавочкам сидят,
Кашку масляну едят.

195.

У кота-веркота
Была мачеха лиха.
Она била-колотила
Приговаривала:
„Не ходи ты, коток,
На чужой на дворок,
Не качай ты, коток,
Чужих детушек“.
Я коту - веркоту
За работу заплачу,
Дам кувшин молока
И кусок пирога.

196.

Прилетели галки
Сели на воротца,
Воротца-то скрип, скрип,
Мой Ваня-то спит, спит.

197.

А ту-ту, ту-ту, ту-ту,
Не вари кашу круту.
Вари мяконькую,
Еще сладенькую.

198.

А котики, котики,
Серы у вас хвостики. *
Вы придите ночевать
Мого Ленюшку качать.

„ТУТУШКАЛЬНЫЕ“*

199.

Тянушки · потянушки,
На зайку потягунушки,
На Сашу растунушки.
Поперек толстунушки,
Вдоль долгунушки,
Ножки ходунушки,
Ручки хватунушки,
Глазки глядунушки.
Носок — сморчок,
Роток — говорок,
Умок — разумок,
Ушки — сл · шки моей матушки,
Батюшки · разбатюшки.

200.

Ах, милая моя,
Распотешу я тебя,
Я на елочке рос,
Меня ветер снес.
Я с елочки упал,
Я упал на пенек,
Стал кудрявый паренек.

201.

Летел петушок
Через бабушкин дворок.

* Народное название песен-забав.

„Подай, бабушка, сапожок!“—
„Мне некогда“.—
„Чего тебе делать?“—
„Коней пасти“.—
„А где кони?“—
„За ворота ушли“.—
„А где ворота?“—
„Огнем сожгло“.—
„А где огонь?“—
„Водой залило“.—
„А где вода?“—
„Быки выпили“.—
„А где быки?“—
„В тростник ушли“.—
„А где тростник?“—
„Девки выломали“.—
„А где девки?“—
„За мужья вышли“.—
„А где мужья?“—
„Мужья померли“.—
„А где могила?“—
„Травой заросла“.—
„А где трава?“—
„Коса выкосила“.—
„А где коса?“—
„На войну ушла“.—
„А где война?“—
„Под хлопочком,
Под ометочком“.

202.

Сорока, сорока,
Где была?
Далеко.
Кашку варила,
Детей кормила,
Гости не бывали,
Кашки не едали.
На порог скакала,
Гостей созывала.
Этому дала на тарелочке,

Этому в блюдечке,
Этому в чашечке,
Этому в ложечке,
А этому не достало:
Ты — мал, круп не драл,
Воды не носил, дров не рубил,
Печки не топил, каши не варил.
Кши!.. Полетели, на головку сели.

203.

Поедем, хозяйюшка, со мной на базар,
Купим мы, хозяйюшка, курочку себе.
Курочка по семечку семечко клюет-клюет.
Поедем, хозяйюшка, со мной на базар,
Купим мы, хозяйюшка, уточку себе.
Уточка с носка — плеска,
Курочка по семечку семечко клюет, клюет.
Поедем, хозяйюшка, со мной на базар,
Купим мы, хозяйюшка, гусыньку себе,
Гусынька: гаги-гаги!
Уточка с носка — плеска,
Курочка по семечку семечко клюет, клюет.
Поедем, хозяйюшка, со мной на базар,
Купим мы, хозяйюшка, индюшку себе.
Индюшка: шулды - булды!
Гусынька: гаги-гаги!
Уточка с носка — плеска,
Курочка по семечку семечко клюет, клюет.
Поедем, хозяйюшка, со мной на базар,
Купим мы, хозяйюшка, барашка себе.
Барашек: шадры - бадры!
Индюшка: шулды - булды!
Гусынька: гаги-гаги!
Уточка с носка — плеска,
Курочка по семечку семечко клюет, клюет.
Поедем, хозяйюшка, со мной на базар.
Купим мы, хозяйюшка, козыньку себе,
Козынька: прыг-прыг,
Барашек: шадры-бадры!
Индюшка: шулды-булды,
Гусынька: гаги-гаги!

Уточка с носка — плеска,
Куручка по семечку семечко клюет, клюет.
Поедем, хозяйюшка, со мной на базар,
Купим мы, хбзяюшка, коровку себе.
Коровка: мик-мик!
Козынька: прыг-прыг,
Барашек: шадры-бадры!
Индюшка: шулды-булды,
Гусынька: гаги-гаги!
Уточка с носка—плеска,
Куручка по семечку семечко клюет, клюет.
Поедем, хозяйюшка, со мной на базар,
Купим мы, хозяйюшка, свинушку себе,
Свинушка: хрук-хрук!
Коровка: мик-мик!
Козынька: прыг-прыг!
Барашек: шадры-бадры!
Индюшка: шулды-булды!
Гусынька: гаги-гаги!
Уточка с носка—плеска,
Куручка по семечку семечко клюет, клюет.
Поедем, хозяйюшка, со мной на базар,
Купим мы, хозяйюшка, собачку себе.
Собачка: паш-паш!
Свинушка: хрук-хрук!
Коровка: мик-мик!
Козынька: прыг-прыг!
Барашек: шадры-бадры!
Индюшка: шулды-булды!
Гусынька: гаги-гаги!
Уточка с носка—плеска,
Куручка по семечку семечко, клюет, клюет.

ПЕСНИ-ИГРЫ

(В хороводе—в круге ходит „Зинька“ и делает то, что поют в песне).

204.

Зайнька, во кружок,
Серенький, во кружок,
Туда-сюда во кружок! (2 раза)

Заинька, вдоль пройдиcя,
 Серенький, вдоль пройдиcя,
 Туда-сюда вдоль пройдиcя! (2 раза)
 Заинька, умой ручки,
 Серенький, умой ручки,
 Туда-сюда умой ручки! (2 раза)
 Заинька, умой личко,
 Серенький, умой личко,
 Туда-сюда умой личко! (2 раза)
 Заинька, причешиcь,
 Серенький, причешиcь,
 Туда-сюда причешиcь! (2 раза)
 Заинька, казачка,
 Серенький, казачка,
 Туда-сюда казачка! (2 раза)
 Заинька, под бочка,
 Серенький, под бочка,
 Туда-сюда под бочка! (2 раза)
 Заинька, трепачка,
 Серенький, трепачка,
 Туда-сюда трепачка! (2 раза)
 („Заинька" выбирает cледующего).

205.

„Заинька, серенький, где ты был?“—
 „В огороде, барин мой, в огороде, душа мой“.—
 „Чем тебя, заинька, били? Чем тебя, серенький, били?“—
 „По спине-то кулаками, по бокам-то кирпичами“.—
 „Чай ты, заинька, схоронилcя, чай ты, серенький, схоронилcя?“—
 „Некуда, барин мой, некуда душа мой“.—
 „Чай ты, заинька, во плетень, чай ты, серенький, во плетень“.—
 „Плетень—паутень, вот и запутаюcь“.—
 „Чай ты, заинька, во бороздку, чай бы ты, серенький, во бороздку?“—
 „Бороздка узка, а я, заинька, низка“.—
 „Чай бы ты, заинька, во овес, чай бы ты, серенький, во овес?“—

„Овес колосистый, а я, зайныка, голосистый“.—

«Чай бы ты, зайнышка, во пшеничку, чай бы ты, серенький, во пшеничку?» —

„Пшеничку будут жать, а мне некуда бежать“.—

„Чай бы ты, зайныка, во лужка, чай бы ты, серенький, во лужка“.—

Лужка будут косить, меня, зайньку, ловить.

ИГРЫ В ПРЯТКИ

206.

— Где стоишь?

— У печки.

— Что продаешь?

— Свечки.

— Почему?

— Пятая.

— Ищи нас так!

(Разбегаются. Стоявший идет искать).

207.

— Где стоишь?

— У кулика.

— Что продаешь?

— Дульный квас.

— Ищи нас!

208.

— Как, как, утена, по лугам ходила?

— Этак, вот этак, этак, вот этак

По лугам гуляла.

— Как, как, утена, гнездо совивала?

— Этак, вот этак, этак, вот этак

Гнездо совивала.

— Как, как, утена, детей выводила?

— Этак, вот этак, этак, вот этак

Детей выводила.

— Как, как, утеня, детей собирала?
— Этак, вот этак, этак вот, серая,
Детей собирала.

(Все действия, о которых поется в песне, воспроизводятся движениями поющих: одни изображают утену, другие ее детей).

209.

Заинька, зайнька, серенький,
Некуда зайньке выпрыгнуть:
Тут городочки турецкие,
А замочки немецкие.
Ну-ка, зайка, соком-боком,
Перед нашим хороводом,
Ну-ка, зайка, повернись,
Девочкам поклонись.

СЧИТАЛКИ

210.

У бы... у бы... у быка
Была яма глубока,
Там мышки живут.
Одна мышка околела —
Много сахару поела.
— Где мои подружки?
— У попа в избушке
В мячики играют.
Собаки хватают,
Собаки-то злые
Попа укусили.
Поп на стол, попадья под стол,
Курица на улицу,
Петух на нашест:
Ку-ка-реку!

211.

Шла кукушка по мосту,
Собирала хворосту,
Истопила баньку,
Вымыла Ваньку.
Посадила в уголок,
Дала сахару комок.

212.

Домик, домик двухэтажный,
На трубе свисток отважный.
Он и свищет и гудёт,
Всех на фабрику зовет.
В этой маленькой фабричке
Есть помада и духи,
Ленты, кружева, ботинки—
Что угодно для души?

*(Последний называет, что ему угодно, после этого
опять пересчитывают, и на кого попало названное слово,
тот вышел).*

ПЕСНИ-ПРИБАУТКИ

213.

Болтушка

Пошел брусок косу точить,
Коса пошла траву косить,
Трава пошла гусей путать,
Гуси пошли червей клевать,
Черви пошли гору точить,
Гора пошла камень валить,
Камень пошел топор зубрить
Топор пошел дубу рубить,
Дуба пошла быков бить,
Быки пошли воду пить,
Вода пошла огонь лить,

Огонь пошел медведя жечь,
Медведь пошел людей ломать,
Люди пошли волков гонять.

214.

- Белый зайчик,
Куда бегал?
- В лес дубовый.
- Чего делал?
- Лыки драл.
- Куда клал?
- Под железную колоду.
- Мышка, выпей воду!

215.

Летел, летел скворец
Через бабушкин дворец,
Уронил сапожок.
— Подай, подай, бабушка!
— Недосуг мне, батюшка:
Я и хлебушки мешу,
И аладушки пеку,
Косырем лапшу крашиваю,
Кошелем воду потаскиваю.

216.

Ты пойдешь, моя радость,
В новую деревню,
Там увидишь, моя радость,
Великое чудо:
Козел муку сеет,
Коза подсеивает,
А барашки-круторожки
В дудочку играют,
А сороки-белобоки
Ножками-то топ, топ,

А совища из углища
Глазами-то хлоп, хлоп,
А вороны—стары жены
Стали прилетати.
Не пора ли нам, ребята,
Песенку кончати?

217.

Да поехал мужичок,
И велик—с кулачок,
Он на сивой на телеге,
На сноповой лошади,
Топорищем подпоясан,
Лычко за поясом;
На шеюшке у него платок,
От онучка поясок,
Во кармане-то другой
От портянки от худой;
Во рученьках тросточка —
Осиновый кол;
На тросточке ленточка мочальненькая;
Это ленточка ала,
Мне сударыня дала,
Дала, дала в честь пожаловала.
Приказала мне сударыня —
По праздничкам носить,
По праздничкам годовым
По масляницам по честным.

218.

„Туру, туру, пастушок,
Калиновый подожок,
Куда стадо гонишь?“—
„От моря до моря,
До красного города.
Во городе именины,
На именинах дуб стоит,
На дубу сова сидит;

Сова-то мне теща,
Воробушек шурин,
Глаз-то пришурил;
Воробья-то жена
Пирогов напекла;
Воробей-то за пирог,
А я ему палкой в лоб.
Пей, воробастый, не лазь в бочку,
Отдай нашу дочку за нашего князя.
У нашего князя трое ворот,
Шелком обиты, бумагой покрыты,
Калитки за калитками,
Столбы точеные, позолоченые".
Вот и сказке конец,
Кто споет, тот молодец.

Ч А С Т У Ш К И

219.

Я по тополю ходила,
Тополь вымочил меня.
Я с богатеньким гуляла,
Бедный выручил меня.

220.

Золото мое колечко
Всё равно, что медное.
Сделал милый предложение,
Не глядел, что бедная.

221.

У нас на завалинке
Цветут цветы аленьки.
Ну никто нас не разлучит,
Мы свыкались маненьки.

222.

Полюбила не на радость,
Погубила свою младость.

223.

Говорила голоску,
Пораздайся по леску.

224.

Како солнышко горяче,
Сквозь ботинки ноги жжет.
Какой миленький хороший,
Издадека письма шлет.

225.

День я жала, день вязала,
День стоянки ставила.
Меня миленький посватал,
Бабёнка расхаяла.

226.

С неба звездочка упала,
Вся любовь моя пропала.

227.

По Биклейской улице
Негде пройти курице.

228.

Свети, месяц, посветлее,
Мне одной итти домой.
Расскажите, звезды ясны,
С кем гуляет милый мой.

229.

Пойду выйду на зады,
Погляжу на озими.
Ну, какая рожь хороша,
Выйду я по осени.

230.

Вот какая рожь густая,
Надо горстку поднажать.
Вот какая свекровь злая,
Надо мамонькой назвать.

231.

Девчоночки, красуйтесь,
В бабью жизнь не суйтесь.
Уж какая бабья жизнь —
Поужинай, спать ложись.

232.

Не ругайте меня дома,
Принесу воды и дров.
Не отдайте за богатого,
Отдайте за любовь.

233.

Растается лёд с водою,
А мы, миленький, с тобою.
Лед с водой опять сойдется,
А нам, милый, не придется.

234.

Я иду — сирень качается,
Наверно упадет.
Подружка к милому ласкается,
Наверно отобьет.

235.

Я на личко некрасива,
А на глазки весела,
Полюбила миленочка —
Нету лучше из села.

236.

Глазки серы у него,
Глазки серы у меня,
Глазки серы у обеих,
Познакомиться не грех.

237.

Будешь, миленький, жениться,
Брось на поле мой платок.
Пусть любовь наша завянет,
Как лазоревый цветок.

238.

Милый пашет, милый пашет
Черную земелюшку,
Подошла, ему сказала:
Запаши изменушку.

239.

Люблю сани с подрезами,
А коня за высоту.
Люблю милого за кудри,
А еще за красоту.

240.

Не летай, голубка, в лес,
Не ломай ты крылышки.
До чего любовь доводит,
До сырой могилушки.

241.

Мы с подруженькой с Марусей,
Шли капусту поливать.
Мы о том с ней толковали,
Чтоб дружков не отбивать.

242.

Подруженька дорогая,
Подруженька скромная.
Вместе с тобой влюблялися,
А любовь неровная.

243.

Мил уехал, мил уехал,
В городочки дальние.
Без него не светит солнышко
И дни печальные.

244.

Пред окошечком у нас
Елка с розынькой свилась.
Рано, рано, подруженьки,
Я любовью занялась.

245.

Через горушку крутую
Соловьи слетались,
Через славушку напрасну
С тобою расстались.

246.

Милый Вася, я снялася,
В белой кофте под ремень.
Не в которой собиралась,
А в которой ты велел.

247.

Милый Вася, я снялася,
Прям на карточке стою.
Если хочешь подарю
На память карточку свою.

248.

Если милый меня бросит —
В море высохнет вода,
В поле камни раздадутся
И посохнут деревья.

249.

Вон оттель затучилось,
Я по милом скучилась.
Скорей бы проведрилось,
Я бы с милым сведалась.

250.

В саду талинки-проталинки,
Вольготный ветерок.
С милым редкое свиданье,
Приходи, мил, на часок.

251.

Тараторочка девчоночка,
Широки рукава.
Не успела познакомиться,
Платочек отдала.

252.

Желтый цветик расцветает
На моей белой груди.
Я сама про то не знаю,
Что разлука впереди.

253.

Хорошо траву косить,
Которая стоячая.
Хорошо девку любить,
Которая горячая.

З А Г А Д К И

О ПРИРОДЕ

254.

Двенадцать орлов,
Пятьдесят две галки,
Триста шестьдесят пять воробьев.
Снесли одно яйцо. (Год).

255.

Тур ходит по горам,
Турица-то по долам.
Тур свистнет,
Турица мигнет. (Гром и молния).

256.

В подполье, подполье
Лежит пирог с морковью.
Есть хочется,
Лезть не хочется. (Рыба в воде).

257.

Пришли воры, людей забрали,
А дом в окошко ушел. (Бредень и рыба).

258.

Без рук, без ног, а стучит. (Ветер).

259.

Все паны скинули кафтаны,
Один пан не скинул кафтан. (Ель).

260.

Черен, да не ворон,
Рогат, да не бык,
Шесть ног без копыт. (Жук).

261.

Летит—воет, а сядет, землю роет. (Жук).

262.

Стоит дурак, на нем колпак —
Не шит, не бран, не вязан,
А весь поярчатый. (Гриб).

263.

На бору, на яру
Стоит старичок,
Красненький колпачок. (Гриб).

264.

Стоит Антошка на одной ножке. (Гриб).

265.

Маленький, удаленький,
Сквозь землю прошел,
Красну шапочку нашел. (Гриб).

266.

Рассыпался горох
На семьдесят дорог.
Никто его не соберет:
Ни царь, ни царица,
Ни красная девица. (Град).

267.

На горе горынской
Стоит дуб таратынский.
Никто его не объедет, не обойдет:
Ни царь, ни царица,
Ни красная девица,
Ни добрый молодец. (Солнце).

268.

Что выше леса,
Что краше света? (Солнце).

269.

Прилетела пава
Села на лаву,
Распустила перья
Для всякого зелья. (Весна).

270.

Идет долгий Антошка
Смотрит в окошко. (Дождь).

271.

На нашем на мосту
Стоит яблоня с версту,
Как на яблоне цвет
Во весь белый свет. (День).

272.

В лесу котелок
Кипит, кипит,
А укипи нет. (Муравейник).

273.

Пришли мужики без топоров,
Срубили избу без углов. (Муравьи).

274.

Черная корова
Весь мир поборол. (Ночь).

275.

Сивый конь через ворота глядит. (Месяц).

276.

Над бабиной избушкой
Висит хлеба каравушка.
Собаки лают,
Достать не могут. (Месяц).

277.

Печь, печь, перепечь,
Полна печь пирогов,
Посередке каравашек. . (Месяц и звезды).

278.

Один пастух тысячу овец пасет.
(Месяц и звезды).

279.

Ежели бы я встала,
До неба бы я достала. (Дорога).

280.

Взгляну я в окошко—
Лежит долгий Антошка. (Дорога).

281.

Красное коромысло
Через реку повисло. (Радуга).

282.

Под ярусом, ярусом
Висит кафтан с гарусом. (Черемуха).

283.

На горе в жупане
Стоит курочка с серьгами. (Овес).

284.

Как во поле, на кургане
Стоит девушка с серьгами. (Овес).

285.

Летят гуськи, дубовы носки,
Поют песню: таты-латы, таты-латы. (Цепы).

286.

Загану загадку:
Закину за грядку,
В год пушу,
В другой выпущу. (Урожай озимой ржи).

287.

Маленький Афанасий
Травкой подпоясан. (Сноп).

288.

Тысяча братьев одним поясом подпоясаны,
На мать поставлены. (Сноп на земле).

289.

Баба-яга, вилами нога,
Весь мир кормит, а сама голодна. (Соха).

290.

Ходит щучка по заводи,
Ищет щучка тепла гнезда,
Где бы щучке трава густа. (Коса).

291.

Белая белянка по полю ходила,
Домой пришла, под сарай, легла. (Коса).

292.

Травы поем—зубы вытуплю,
Песку хвачу—опять наточу. (Коса).

293.

На барышне сорок рубашек
Ветер подует, спина гола будет.
(Курица).

294.

Шкуру носят,
Мясо бросят,
А голову едят. (Конопля).

295.

Тяф, тяфтюлька,
Вставай, завязулька,
Страх у ворот
Телушку уволок. (Волк украл овцу).

296.

Четыре четыреки,
Две растопырки,
Один—помело,
Два, как яхонты, горят. (Корова).

297.

Дваста бодаста,
Четыре ходаста,
Один махтырь,
Два утыльда. (Корова).

298.

Два раза родился,
Ни разу не крестился,
Сам пел,
А умер—не отпели. (Петух).

299.

Не княжеской породы,
А ходит в короне.
Не ратный ездок,
А со шпорами.
Не сторож ночной,
А всех рано будит. (Петух).

300.

Огородный Федот
С длинным носом живет.
Как наклонится,
И сам потечет. (Поливальник).

301.

Кругла, а не месяц,
С хвостом, а не мышь. (Свекла).

302.

Ехал мужик старой,
А сам молодой. (Мужик с тарой).

БЫТОВЫЕ

303.

Иду, иду и конца не найду. (Кольцо).

304.

У нас, у вас поросёночек увяз. (Плетень).

305.

На потолке, в уголке,
Висит сито, не руками свито. (Паутина).

306.

Лезу, лезу по железу,
Вылезу на мясную гору,
А сяду на деревянную беседу. (Седло).

307.

Три ноги, два уха,
Шестое—брюхо. (Лохань).

308.

Весь лес в обрез,
Два дерева выше всех. (Лохань).

309.

Купи, не жалей—
Будет ехать веселей. (Колокольчик).

310.

На печи кочет поет,
Спать Акуле не дает. (Чиркун-сверчок).

311.

Летели три пичужки
Через три избушки.
Одна кричит:
Мне зимой тяжело.
Другая кричит:
Мне летом тяжело.
Третья кричит:
Мне всегда тяжело. (Сани, телега и
лошадь).

312.

Без рук, без ног, а дом стережёт.
(Замок).

313.

Черненькая собачка
Свернулась калачиком.
Не лает, не кусает,
А в дом не пускает. (Замок).

314.

Маленький шарик
Под лавкой шарит. (Веник).

315.

Основа соснова, уток соломенный.
(Соломенная крыша).

316.

Стоит бычище,
Проклёваны боцища. (Дом с окнами).

317.

Сам худ, а голова с пуд. (Безмен).

318.

Зверок с вершок,
А хвост семи верст. (Игла с ниткой).

319.

Конь стальной, а хвост льняной.
(Игла с ниткой).

320.

Синенька, маленька
По городу скачет,
Всех людей красит. (Игла с ниткой).

321.

Два брата спереди бегут,
Два брата сзади догоняют. (Телега).

322.

Утка в море, а хвост на заборе. (Ковш).

323.

Прилетел капитан,
Всех людей напичкал. (Половник).

324.

Вокруг прорубки,—все голубки.
(Ложки вокруг горшка).

325.

Родился монах
В каменных горах,
Крестился монах
В огненных реках. (Горшок).

326.

Родился на кружале,
Рос—вертелся.
Живучи парился,
Живучи жарился.
Помер—выкинули в поле.
Там его зверь не ест
И птица не клюет. (Горшок).

327.

Молод был—людей кормил;
Стар стал—пеленаться стал.
Умер—его кости негодящие.
Выкинули в яму,
Собаки не гложут. (Горшок).

328.

Есть свято,
С липы снято,
По краям тпрусеньки,
А по середине тпру. (Сито).

329.

Сивая кобыла
По полю ходила,
По дворам бродила.
К нам пришла,
По рукам пошла. (Сито).

330.

Чем в избу воды не принесешь?
(Решетом).

331.

Куточка с хохлом—
Каждому поклон. (Рукомойник).

332.

Встану рано,
Пойду к барану—
Пустой голове. (Рукомойник).

333.

Стучит, гремит, вертится,
Ходит весь век,
А не человек. (Часы).

334.

Уточка ныряла,
Хвостик потеряла. (Челнок).

335.

На палочке
Две галочки. (Коромысло).

336.

Старик над водой
Трясет головой. (Коромысло).

337.

Стоит котелок на маленьких ножках,
Он дышит и дышит, а души нет.
(Самовар).

338.

Сидит Матрёшка на ложке,
Свесивши ножки. (Лапша).

339.

Без рук, без ног, а рубашку носит.
(Подушка).

340.

Путано, перепутано,
Без узла завязано. (Оконная рама).

341.

Мать толста,
Дочь красна,
Сын—бобёр
На небеса попёр. (Печь, огонь, дым).

342.

Два колесика подряд,
Их ногами вертят. (Велосипед).

343.

Желтая собака, беленькие щенятки.
(Самовар, чашки).

344.

Чугунный ток, яровая настилка.
(Блины).

345.

Не бьет, не ругает, а от него плачут.
(Лук).

346.

Сидит дед, во сто риз одет,
Кто его раздевает,
Тот слезы проливает. (Лук).

347.

Синее море,
Стеклянные берега,
Плавает утка—
Горит голова. (Лампа).

348.

Пять овечек стожок подъедают,
Пять овечек прочь убегают.
(Веретено и пряжа).

О ЧЕЛОВЕКЕ

349.

Лежит доска на болоте
Не гниет, не плесневеет. (Язык).

350.

Два брата через дорогу живут,
А друг друга не видят. (Глаза).

351.

На стол ее не кладут,
Ножом ее не режут,
А от нее питаются. (Грудь).

352.

Деревяшка везет,
Сечка сечет,
Емельян на возу поворачивает.
(Ложка, зубы, язык).

353.

Деревяшка несет,
Костяшка сечет,
Мокрый Мартын подкладывает.
(Ложка, зубы, язык).

354.

Беленьких овец
Полон хлевец. (Зубы во рту).

355.

Срубить—срубишь,
А не расколешь. (Волосы).

356.

Маленькие вожжишки
На всё поле хватают. (Глаза).

357.

Чго на свете мягче всего? (Рука).

358.

Полон проулок
Белых голубок. (Зубы).

Н А Р О Д Н А Я Д Р А М А

359.

КАК ФРАНЦУЗ МОСКВУ БРАЛ

Действующие лица:

1. Наполеон.
2. Адъютант.
3. Генерал.
4. Потемкин.
5. Жена Потемкина.
6. Старик-гробокопатель.
7. Старуха.
8. Доктор.
9. Коленкур.
10. Раненные.

ДЕЙСТВИЕ 1-е.

Явление 1-е.

Царь Наполеон. Адъютант!

(Это он кличет дежурного генерала. Он подходит).

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Как, братец, наши литируют?

Адъютант. Отступили на целый марш, ваше величество. Полковой командир меня любил, ежели я какой раз не приду, он меня звал.

Царь Наполеон. Как, братец, мы их победили, новыми лаврами себя наградили, вечером 25 тысяч корпусов взяли.

Адъютант. Сколько их драло, столько и наших побито.

Царь Наполеон. Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Как, братец, дела русских?

Адъютант. Их очень большая войска. А еще боле под командой генерала Раевского.

Царь Наполеон. Да, вот. А где еще мой молодой генерал, который бил своих детей и на жертву мне их отдал и сказал: „Кто верует богу и великому государю, тот последует за ура“, где он? Да и солдаты в это время вынули штыки и крикнули — ура! Я знаю, братец, как вы пуляете большими шрапами, а штыки, — это ужасы! Адъютант!

Адъютант. Что изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Что в России новенького?

Адъютант. В России милостивый манифест.

Царь Наполеон. Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Послать ко мне дежурного генерала.

(Подходит).

Явление 2-е.

Генерал. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Чего есть новенького?

Генерал. Да еще особа графа Орлова-Исменского забрала свои уборы-жемчуги и бриллианты, собрала несколько тысяч денег, отправила к царю для продовольствия русской армии.

Царь Наполеон. Как! И женщины русские идут против меня?

Генерал. Точно так, ваше величество.

Царь Наполеон. Ах они черные державы! Ну вот, где захватите, брить их ко мне в солдаты.

Генерал. Мы, ваше величество, забрали одного в солдаты, а он взял да сам себе отрубил правую руку.

Царь Наполеон. Ах они варварский народ! Необразованный. Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Послать фуражира.

Адъютант. Ваше величество, фуражирную армию разбили и капитана убили наповал. А вот Потемкина мы в плен взяли.

Царь Наполеон. Как, Потемкина в плен взяли?

Адъютант. Точно так, ваше величество.

Царь Наполеон. Потемкин должен через три часа расстрелян быть. Адъютант! Привести ко мне Потемкина! (*Потемкин приходит*).

Явление 3-е.

Потемкин. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Потемкин, ты таперича мой!

Потемкин. Никак нет, ваше величество. Еще война не кончилась.

Царь Наполеон. Потемкин, послушай, ты как служил своему государю Александру Николаевичу*, послужи так и мне. Я тебе прибавлю чин. Дам награды. Ты будешь мой первый любимец.

Потемкин. Не могу, ваше величество. Как я изменю своему государю Ликсандру, так я и вам буду изменник.

Царь Наполеон. Потемкин, я тебя прикажу повесить или расстрелять.

Потемкин. Не мудрено, ваше величество, стами тысяч одного повесить или расстрелять.

(*Он не дорожит своею жизнью*).

Царь Наполеон. Адъютант! Отвести Потемкина в темную темницу, — не утолит ли он свое лютое сердце и не победит ли он своей гордости.

Потемкин. Что за горе, скука и печаль, ни об чем не унывать? Ну только жаль мне жены и детей. Быть по сему, и за правду умираю. Хоть Москва в руках француза, но это право не беда, наш фельдмаршал князь Кутузов их на смерть пустил туда.**

* Имеется в виду Александр I, Павлович.

** Здесь, видимо, пропущена ремарка: Потемкин уходит.

Царь Наполеон. Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Привести Потемкина!
(Адъютант приводит тут Потемкина).

Царь Наполеон. Потемкин! Я вижу ты посмелел. Так не хочешь ли ты мне послужить?

Потемкин. Не могу, ваше величество. Как я изменю своему государю, так и вам буду изменник.

Царь Наполеон. Адъютант! Прочитать Потемкину приговор.

Адъютант (*читает*). Его императорское величество со изволения царя Наполеона приказал пленного Потемкина ранить, потом убрать.

(Тут сейчас по нем выстрел дадут, он упадет и его жена начнет вопить по нем).

Явление 4-е.

Жена Потемкина. Милый ты мой защитник российский, на кого ты меня покидаешь, на кого малых детушек оставляешь? Таперь сгорел у нас во Москве домочек, и не стало у нас ни дома, ни тебя и ничегохонька. Как я буду жить-поживать? Как я без тебя буду век коротать?

Потемкин. Марья, не плачь. Александр услышит, не даст тебе по белому свету скитаться и шататься.

(После этих слов Потемкина убивают).

Царь Наполеон. Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Послать за стариком гробокопателем. Надо прибрать Потемкина тело, чтоб оно по всей земле не тлело.

Явление 5-е.

Старик (*приходит*). Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Когда ты, братец, называешься гробокопателем, то приberi вот Потемкина тело, чтоб оно по всей земле не тлело и не коп-

тело, чтоб его вороны и сороки не клевали, которых мы сами будем есть.

Старик (*потом он говорит*). Старуха, а старуха!

Старуха. А!

Старик. Ты, ведь, у меня делуха?

Старуха. Да, а что?

Старик. Истопи печку, свари ворону да жарь рака с картовью. Мы будем с тобой кушанье варить да его величество Наполиёна кормить.

Старуха. Я нынче печку не топлю и я французов не терплю.

Старик. Старуха, понесем хоронить Потемкина тело, чтоб оно по всей земле не тлело, отдадим ему последнюю честь, чтоб войну с французами с честью, с похвалою снесть, чтобы нам Москву вернуть и Наполиёна из России турнуть!

(*Потом он придет, понесут его*. Потом он** подходит к Наполеону и говорит*):

Старик. Ваше величество, я нездоров.

Царь Наполеон. Садись, братец, здесь. Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Послать главного доктора, излечить сего древнего старика.

(*Приходит доктор и говорит*):

Явление 6-е.

Доктор. Здравствуйте, все почтеннейшие господа! Вот я прибыл из Англии сюда. Узнали ли вы меня? Кто я есть таков: турок, немец или поляк? (*Тут все говорят*).

Все. Поляк!

Доктор. Я не есть поляк, я есть лекарь, искусственных дел аптекарь. (*Тут он обращается к старику*.) Что у тебя болит?

Старик. Голова.

Доктор. Обрить тебя до гола, череп снять, наложить да сшить, он будет опять по-старому служить. Старик, что у тебя еще болит?

* Потемкина.

** старик

Старик. Губы, зубы...

Доктор. Разбить тебе губы и зубы, забить еловую шишку, выпустить крови лишку, а нос твой выкинуть на мороз. На тебе вот страх маморы, положить тебе под пары, на тебе тур-турских, купорос морских, чтобы тебя пронесло и на тот свет унесло. На вот тебе пулю. Из доверия вытолкнуть тебя по шее за двери. Вставай да за лечение денежки давай.

Старик. Ох, батюшка, были тут монеты (*шарит рукою в кармане*) да не те штаны надеты. Когда раздобуду и тебя не забуду.

Царь Наполеон. Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Послать сюда Коленкура. (*Начальник — вроде генерала*).

Явление 7-е.

Коленкур. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Ты, верно, братец, спал?

Коленкур. Точно так, ваше величество!

Царь Наполеон. А я со своими большими планами не могу ни час уснуть.

Коленкур. Бессмертные не спят. И вы к тому подобны, ваше величество.

Царь Наполеон. Как ты, братец, думаешь об раненых? Я их хочу отправить.

Коленкур. Куда, ваше величество?

Царь Наполеон. Во Францию, да, во Францию. Дать им большую пенсию — у меня столько казны не достанет, или заводить военный госпиталь?

Коленкур. А вот что, ваше величество. Надо ли военный госпиталь заводить? А не лучше ли дать им по пилюле и отправить их места Франции на тот свет, а эта тайна будет сохраняться между нами с тобой двоих. По гроб жизни, ваше величество, никто знать не будет. А чем мучиться, лучше, братцы, умереть.

Наполеон. И то дело, принеси-ка да угости-ка. (*Тут приводят раненых. И с завязанными головами, руками, ногами. А Коленкур дает им по*

пилюле. Они тут же падают на пол и умирают. Тут опять Наполеон зовет гробокопателя).

Наполеон. Прибрать солдатские тѣла, чтоб она по всей земле не тлела.

Старик. Ну уж мне и работы много. Всех раненых солдат надо перетаскать. Одному тяжело. Надо опять позвать старуху. Старуха, а старуха!

Старуха. Ау!

Старик. Где ты?

Старуха. В хлеву коровушку дою.

Старик. Не вздумай серого волка молоком кормить, ему и рака хорошо. Вон он что наделал-то. Поди-ка сюда, посмотри-ка.

Старуха. Я сейчас возьму вилы и дам ему в бок три дыры.

(Тут старуха вбегает с вилами и бежит за Наполеоном, который от нее убегает).

С К А З К И

М. В. Алешина

360.

ПЕТУХ И ЖЕРНОВЦЫ

Жил старик со старухой, а у них хозяйство было: собака, ружье, петух и жернова (это вроде того и вправду было, не сказка).

Старик ходит на охоту с собакой, носит зайцев. И начал старик скупиться, старухе своей зайчины не давать. Старик и говорит старухе: „Давай делиться“.

Старуха говорит: „Что ж, давай делиться. А как, старый пес, будем делиться? Чего себе будешь брать?“ — „Я себе возьму собаку и ружье, а ты себе возьми жернова и петуха“. — „А, старый пес, не хочешь меня кормить зайчатами. Берешь себе ружье“.

Разделились старики. Старухе—жернова и петух, старику—ружье и собаку.

Барин признал за старухой жернова и сам послал у нее жернова отнять. Старуха плачет: жернова жалко. Чем же кормиться без жерновов? Петух и говорит старухе: „Ку-ка-реку! Старуха, не плачь! Полечу к барину, отберу у барина жернова“. Старуха говорит: „Петушок, не летай! Он тебе срубит головку и съест“. — „Я ему скорее срублю“.

Петух полетел, сел на ворота к барину и запел: „Ку-ка-реку! Отдай старухины жернова, а то плохо

тебе будет, барин, если не отдашь жернова". Лакей услышал и говорит: "Барин, петух прилетел, просит старухины жернова". Барин велел посадить его в старые книжки. Посадили его в старые книжки. Он их перепутал, перервал и улетел. Улетел из книг петух и закричал: "Ку-ка-реку! Барин, вылетел я из книжек. Всё переведу, и барина переведу, отдай старухины жернова". Лакей услышал и говорит: "Барин, петух опять кричит". "Неужели живой? Посадите его к свиньям, пускай его съедят". Посадили к свиньям. Они его не съели, а он сам всем глаза выклевал и перевел всех, всю скотину. Барин велел посадить его в колодец. Когда петуха в колодец посадили, он и колодец весь выпил и поет: "Ку-ка-реку! Отдай старухины жернова, а то я тебя изведу". Лакей говорит барину: "Ну, барин, и колодец весь выпил, ничего не осталось у вас, кричит: "И вас изведу". Барин говорит: "Поймай и брось его в печку, чтоб он сгорел". Посадили его в печку, в огонь, а он воду вылил, залил всю печку, весь огонь. Барин кричит: "Лакей, лови его, руби ему голову". Поймал его лакей и говорит барину: "А в сундук, в деньги-то мы его не сажали. Вот посадите его туда, он поклюет деньги и подавится". Посадили петуха в деньги. Он их все поклевал, раздулся весь, как клещ, вылетел из сундука и полетел к старухе.

Прилетел к старухиной избушке и кричит: "Ку-ка-реку! Отворяй, старуха, дверь". Обрадовалась старуха: "Ой, милый петушок, прилетел". Отворяет ему дверь. "Ку-ка-реку, — петух кричит, — сажай меня на печь, мотри ноги отморозил". Старуха его сажает на печь. "Ку-ка-реку! Сажай на полати!" Старуха рада услужить, сажает на полати. "Ку-ка-реку! Старуха, расстилай постилку!". Расстелила постилку. Петух начал деньги сыпать. "Старуха, собирай денежки!"

А в это время идет старик. Денег она набрала кучу большую. Старик и говорит: "Старуха, дай мне денежку, хоть щербатенькую. У меня денежки ни одной нет". Она на него: "А, старый пес, ты

мне не даешь лапочку зайчиную пососать, а копеечку-то просишь. Нет тебе ничего!"

Тут петух собирается лететь: „Прощай, старуха, улетаю от тебя“. — „Ой, батюшка, петушок, не улетаю от меня“ — „Жернова-то ведь еще не взял у барина“.

Прилетел к барину, опять сел и кричит: „Ку-ка-реку! Барин, отдай старухины жернова: я у тебя всё извел, и деньги и всё взял, и тебя изведу“. Барин говорит лакею: „Лови его, зажарь мне его! Я его съем, хоть попользуюсь этим“. Лакей поймал его, отрубил ему голову. Сварили барину петуха и подали ему обедать. Барин сел за стол, съел всего петуха и захотел в уборную. Петух-то и кричит в нем: „Барин, я всё перевел и тебя изведу“. — „Лакей, бери топор, руби ему голову!“ Он голову-то спрятал за зад. Лакей как хватит и отрубил барину зад. Барину конец жизни.

А петух вылетел, взял жернова и полетел к старухе с жерновами.

361.

ГЛИНКА

Жила одна старуха и надоело ей всё-всё одной делать. „Эх, никак Глинку себе смазать? Всё поможет что-нибудь сделать“.

Пошла старуха в овраг, принесла себе глины, размочила, обмазала себе Глинку, посадила ее на печку, она сохнет. Так Глинка стала готова, засохла. Начинает ей повелевать.

— Глинка, наруби дровец! — А потом: — Нет, нет, я сама, сама!

Ташит сама дров.

— Глинка тащи воды! — А потом: — Нет, нет, я сама, сама!

Несет сама воды.

— Глинка, собирай на стол, завтрак готов!.. Ох, нет, я сама, сама...

— Глинка, давай ложки!.. Нет, я сама, сама. Подала сама.

Старуха села, позавтракала. Глинка ни с места. Налила мыть посуду.

— Глинка, мой посуду!.. Нет, я сама, сама.

— Глинка, давай мыться!

Поставила ее в корыто. Стала ее водой поливать. Она вся у ней и растаяла.

362.

СНЕГУРУШКА

Были муж и жена вдвоем. Детей не было. Вот поспел снежок, маленький, пушистенький. Муж-то возился на дворе. Какой комочек ни шибнет, он катается и катается на дворе. (Ты, внучек, и сам на дворе играл, снежки шибал, чай помнишь?)

Он приходит:

— Эх, баба, какой снежок-то хороший! Детей у нас с тобой нет. Давай Снегурушку сделаем из снега. Всё на старости лет помощница нам будет.

— Ну, давай сделаем.

Катают, камышками укладывают. Сделали Снегурушку. Она у них стала живая (ну не как Глинка).*

Вот подружки пришли за ней, вздумали в лес за ягодами.

— Дядя Ваня, пустите Снегурушку в лес за ягодами! (Подружки ее признали).

Собрались девочки малые, куст за кустом — так и ушли далеко. И уж подходит ночь. Они идут. Напали на дорожку, незнакомую им. Стоит избушка на звериных лапках, на веретенных пятках. Одна девочка знала это. Слыхала такой разговор, на ней двери нет: „А сейчас скажу — дверь будет“.

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, к нам передом!

Вошли. А там Баба-яга, костяная нога, длинная морда, вилами нога, нос в потолок врос. Лежит попыхивает.

— Здравствуй, бабушка!

* См. сказку „Глинка“.

— Здравствуйте, здравствуйте, молодые вьюноши! Что вы ходите в ночь? Дело пытаете, или от дела лытаете?

— Пустите нас переночевать!

Пустила.

Остались ночевать. Дали ей ягодок по горстке. Баба лежит, ни с места.

Утром говорит:

— Принесите водички, возьмите пшеница и сварите кашу. Позавтракаете и пойдете.

Вот кто за водой, кто за дровами, кто куда. А Снегурушка—никуда. Вот эта Баба-яга встала. И у ней были больнушки. Она их расковыряла, в горшочек напускала и стала в печке варить. Снегурушка и думает: „Это я есть не буду“.

Собрались девочки. Садятся, едят. А Снегурочка не ест. Баба-яга говорит:

— Ты, Снегурушка, не ешь, ты и останешься. Вы идите домой, вот дорога, а ты останешься, меня будешь качать.

Что тут делать Снегурушке? Она ее не пускает. Остаться ей с ней, с больной?

Тащит Баба-яга сани, садится и заставляет Снегурушку качать ее. Снегурушка качает.

— Да ты не так! Ты приговаривай!

Она плачет, плачет.

— Ты не плачь, качай меня!

— Да я не умею, — и плачет.

А ты вот так:

Баба яга,
Костяная нога,
Длинная морда,
Вилами нога,
Нос в потолок врос.

Снегурушка качала, качала и всё плачет. Баба-яга уснула. Села Снегурушка на порожек. Сидит у сеней, плачет.

Бежит заяц.

— Что ты, Снегурушка, плачешь?

— Меня подружки бросили. Оставили у Бабы-яги.

— Бежи по дорожке.

— Я не знаю куда.

— Бежи!

Она побежала. Баба-яга проснулась. Смотрит—нет Снегурушки. Вышла. Села на ступу. Железным пехтелем погоняет. Только стукнула раз, два и догнала Снегурушку. Опять заставила качать. Укачала Снегурушка.

Опять выходит. Идет волк.

— Ты что плачешь, Снегурушка?

— Ходили мы за ягодами. Подружки меня бросили. Меня Баба-яга не пускает.

— Беги по дорожке.

— Она догонит.

— Не догонит, беги!

Убегла было подальше. А Баба-яга проснулась, села в ступу, железным пехтелем погоняет. Стукнула раз, два, три и догнала. Привезла обратно домой.

— Ты сколько же меня будешь мучить? Я буду тебя загонять? Ну, качай крепко!

Она качает, припевает:

Баба-яга,
Костяная нога,
Длинная морда,
Вилами нога,
Нос в потолок врос.

Уснула Баба-яга крепко. Она вышла.

Идет бык здоровущий:

— М-м-уу... Снегурушка, что ты плачешь?

— Да вот Баба-яга оставила меня.

— Садись на меня, мы убежим.

— Да нет, она нас догонит.

— Нет, не догонит. Мы с ней справимся. Садись, держись вот за рога!—Ну, села.

Бык побежал. Долго ли он бежал. И Баба-яга проснулась. Смотрит, нет Снегурушки. Она села в ступу, пестом погоняет, что ни стукнет—всё сто верст. Вот подбегает к быку. Догоняет было. Бык, не будь дурак, заворотил хвост, замазал ей все глаза. Куда бабе деваться? Пошла в озеро, глаза отмыла. Опять догоняет, а бык опять отворотил хвост и опять все глаза залепил. Опять пошла Баба-яга умываться.

А Снегурушка уж у двора. Слезает с быка.
Выходят отец с матерью. Смотрят—Снегурушка.

— Иль мы тебя во сне видим?

— Нет, я приехала.

— Да кто тебя привез?

— Бык.

— Да где он?

— Он у ворот.

Насыпали они ему овса, накормили, напоили.
И стали все жить-поживать да добра наживать.

363.

СТАРИК СО СТАРУХОЙ ВОЕВАЛИ

Жили старик со старухой. Вот старик и говорит:

— Штаруха, давай воевать.

— Давай воевать, старик.

Вот старик из лыка себе сделал цаблю, а ей дал пест, которым пшено на блины толкут, или прядево.

— Ты, штаруха, лезь на печку, а я буду с полу, и давай воевать.

Вот старик хлыщет по ней этой цаблей.

— Ах, старый чорт, ты и взаправду дерешься!..

Хлобысть его пехтелем по лысине, он и с ног свалился и лежит зубы ощерил. А она:

— Ах ты, гнилозубый! И давай его пехтелем по зубам. А он лежит, не двинется, и рот открыт.

— Ах ты, старый чорт, ты еще и смеешься!

А старый, знай себе, лежит.

Тут она догадалась, слезла с печки к старику и сидит вопит:

— Ах ты, мой старичок, кто же будет мне воду носить!..

364.

ПО ВИЛЮЛЬКАМ

Еще муж с женой жили. Жена и говорит:

— Ты бы истопил баню, мужик.

— Ну что же.

Мужик пошел, истопил баню, приходит.

— А дорожку прогрёб? Сделал?

— Нет.

— Ну, сделай мне дорожку.

Дело-то было зимой. Пошел он, прогрёб в снегу дорожку, прочистил, прямо, прямо, как итти в баню. Она выходит.

— Ах ты, злодей, ах, подлец! Ты дорожку-то не эту сделал!

— Как не эту? Какую же тебе дорожку, сумасшедшая баба?

— Ах, подлец, такой-сякой, ты мне не прямую, ты сделай мне по вилюлькам.

— Как по вилюлькам?

— Да вот так, вот так.

Сделал. Она вышла.

Вот она белье приготовила, на стол выложила.

— Бери белье, бери веник.

Он взял белье, взял веник и потихоньку под полу плетку взял захватил. Собрал всё и пошел.

— Ну, иди!

Она идет наперед. Он за ней. Зашла она в баню, разделась, села и говорит:

— Парь-ка меня, негодяй!

— Ну что же!

Взял нагайку и давай ее ходить. Она выскочила и бежать. И уж не по вилюлькам, а как попало, как скорей. Он выбег за ней.

— Ах ты, кол тебе в шею! По вилюлькам?! Этакая, разэтакая, по вилюлькам!..

Приходит в избу. Она сидит дрожит, плачет, изннзанная. А мужики-то ведь какие?

— Этакая, разэтакая, по вилюлькам? Я тебе и такую-то дорожку не буду расчищать! Ты сама дорогу показала. Напрямки через сугробы положила.

365.

ЖЕНА САМОЛЮБИВАЯ

Просто так живут муж с женой двое. Жена у него такая супротивная, самолюбивая. И всегда чего он ни сделает, она всё напротив.

Вот нужно ему завтра ехать в лес, рубить дров, он и говорит своей жене:

— Ты не думай пшена намыть, пшена натоlochъ, блинов напечь.

— Ах такой - сякой, нарочно натолку!

Так и сделала. Намыла пшена. Натолкла.

— Ну, баба, ты не вздумай завтра блинов напечь, да в лес принести, да маслом, сметаной намазать!

— Нет, так и сделаю, принесу!

Муж встал рано. Поехал в лес. Вот она встает, скорей печку затоплять. Напекла стопку блинов, понесла ему. Взяла масла, сметаны, понесла всего.

— На, жри блины!

Садится он есть блины с маслом, со сметаной.

— Ты не вздумай топор брать да дров рубить.

— Нет, нарублю, нарочно нарублю!

Пока он блины ел, она взяла топор, цельный воз нарубила.

Собирается муж домой.

— Ты домой-то пойдешь, по жердочке не ходи!

— Нет пойду, не послушаю тебя!

— Ты не вздумай в подол камней накласть.

— Накладу, нарочно накладу!

Идет по жердочке. Он ей кричит.

— Ты не вздумай там затрястись.

— Нет, затрясусь, нарочно затрясусь!

Стоит на середине и трясется. А речка быстрая да глубокая. Жердочка тонкая. Она тряслась, тряслась. Камни в подоле. Жердочка обломилась, она и упала в воду. Кричит оттуда:

— Мужик, мужик, пымай меня! Не буду этого делать!

А сама подол с камнями держит.

— Ты кинь камни-то!

— Нет, не кину! (И тут не послушала).

— Ну и шут с тобой, тони!

И утонула.

366.

МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК

Старики старые. Детей нет никого. „Давай в кувшинчик дунем“. Да. Так и сделали да в печурочку поставили. „Всё у нас сыночек народится“.

Также старику нужно ехать пахать. Встает утром — поехал. Старуха разбалтывает блины и говорит:

— Э э-эхе-хе-хе-хе! Как плохо без детей. Кто бы был, всё бы понес обед отцу.

Глядь, он из кувшинчика выскакивает.

— Мамка, давай я тятке блинов отнесу!

Навязала ему стопу блинов и кувшин молока — больше его.

— Ты не найдешь.

— Найду, мамка, найду.

Проводила она его. Она ему вслед глядит. Далеко ушел. Он идет, кричит:

— Тятка, блинов несу! Тятка, блинов несу!

Старик услышал. Бросил лошадь. Воткнул соху в межу и смотрит по сторонам.

Вдруг он подходит с блинами.

— Милый сыночек блинов несет.

— Ну, тятка, ешь блины. А я буду пахать.

— Да ты не достанешь.

— Достану. На прыжки буду пахать.

Старик сел на межку. Ест блины. Этот самый их сыночек пашет. За сохой ходит.

Старик сидит на меже. Барин едет с колокольчиками на тройке. А его за сохой-то не видать. „Что такое? Неужели так пристроено у старика, чтобы соха сама пахала? Лошадь пашет, старик ест. А у сохи никого нет“...

— Кучер! Ну-кася, погляди-ка, что за интерес! Посмотри, как так одна соха пашет?

Кучер пошел поглядел. Он полозиеет там, пашет, кучер спрашивает:

— Кто это там пашет?

— А это мой сыночек.

— Какой - такой?

Слезает барин с повозки. Идет к старику.

— Старик, что это у тебя за сыночек? Продай мне его.

— Как же это так продать?

А он ему моргает: „Тять, продай за сотню рублей“.

— Продай, — говорит барин. — Я барыне повезу в подарок.

Барин его в газетку в карман завернул и поехал к барыне.

Едет кучер, потаныкивает. Колокольчики-погремочки гремят. Барин задремал. А он в газетку „гостинцу“ оставил, а сам ушел.

Приезжает барин домой. Входит в дом.

— Барыня, барыня, я тебе подарок привез.

— Что за подарок?

Полез в карман. Раскладывает газетку, развертывает, а там нет ничего.

— Эх, пропали мои сто рублей!.

Приходит сынок к дедушке опять в поле.

— Вот, тятка, я опять к тебе пришел. А ты меня не хотел продавать. Ну уж, тятка, ночь на дворе. Поедем домой. Мамка теперь уж ждет.

Кладут соху на телегу. Запрягают лошадку, поехали домой. Вот он и говорит:

— Тятка, я что надумал сделать...

— Чего?

— Я пойду к попу.

— Зачем, сынок?

— Еще сто рублей добыюсь у попа.

— Как, сынок?

— Так. Пойду. Я уж изгораздуюсь.

— Смотри, сынок, воровать не надо.

— Я не стану воровать — он сам даст.

— Ну, ступай.

Он ушел. У старухи старую гущу взял — и к попу. У попа две девочки были уж взрослые. Он этой квасной гущей перепачкал их и сел на полке за икону. Одна хватилась:

— Маруська, что ты, что ты сделала?!

— Что ты? Это ты, Нюрка.

— Ну, что там такое?

Матушка с батюшкой встают:

— Ах, детыньки, господь нас наказал. Что делать? Господь наказал. Вставайте! Ах, прости, господи!

А он из-под иконы и говорит:

— Давай сто рублей, тогда прощу.

Поп кладет сто рублей на полку. Преспокойно обмылись все и улеглись опять. Вот он взял сто рублей и ушел. Приносит сотню домой.

Старики-то и говорят:

— Вот милый мой сыночек сто рублей нам нажил.

367.

СЫНОЧЕК ВАНЮШКА

Жили-были отец с матерью и был у них один сын Ванюшка. Также ребяташки всходят в хату и зовут Ванюшку в лес. Он тихонько от отца с матерью ушел. Они не видели, как он ушел.

Ходили ребята целый день по лесу. И заплутались. И этого Ванюшку затеряли ребята. Они были побольше, а он меньше всех. Идет Ваня, плутает. Ходил, ходил он по лесу, напал на дорожку.

Шел по дорожке. Стоит избушка. Там сидит утильная одна девушка. И года ее также подвигаются к невестам. Этот Ваня взошел. А это Бабыяги дочка. Она не видала людей никого. Было ей так без людей скучно. С Ванюшкой стало ей весело.

Заявляется Баба-яга и говорит:

— Доченька, кто у тебя? И зачем пригласила?

— Я не пригласила. Он сам пришел.

— Ну, ладно. Тебе нечего с ним долго-то тут рассусоливать. Давай мы его зажарим и съедем.

Натопила печку и говорит:

— Ванюшка, тебе нужно попариться.

— Как попариться?

— Да вот в печке.

Парень был все-таки смывленный.

— Вот, лезь в печку. Я тебя закрою. Ты там и попаришься.

— Да я не умею.

— Да ты вот так сядешь, мы тебя и сширнем.

А он и говорит:

— Ну-ка, Машка, сядь на лопату. А я посмотрю, как сидеть надо.

Вот эта Машка на лопатку села, согнулась совсем, как можно. Он, не будь дурак, ее и сширнул. И припер эгой лопатой. Ужасный был жар в печке. Она завернулась, завернулась.

— Эй, Ванюшка, ты отпусти, отпусти. Я не буду этого делать.

— Нет, сиди там.

Вышел на двор. Возле избы стояли две березы, высокие и толстые. „Куда,— говорит,— мне деться? Зайду, на березку залезу и буду там сидеть. Она меня и не найдет“.

А Бабы-яги дочка зажарилась. Баба-яга прилетела на своей ступе — дочки нет. Кинулась в печку: „Вот дочка мне Ванюшку зажарила. Я его съем“. А о дочке и не скажет. Про дочку и не хватится, что где же ее взять? Вот скушала. Косточки собрала, выносит под березку, кладет и катается:

Покатаюсь,
Поваляюсь—
По косточкам
По Ванюшкиным.

Вдруг, это еще не разобрала, и смотрит, глаза распялила, смотрит, кто говорит? Подняла голову. Увидала — Ваня сидит на березке. Она давай березку грызть. Он — на другую. Она другую грызть. Он — опять на первую. А она грызет, грызет...

Он так прыгал, прыгал. Березка одна хлопнулась, упала. Остается одна. Немного остается. Куда деваться? Летят гуси. Он кричит:

— Гуси, гуси, сделайте мне по перышку, по крылышку, я полечу с вами!

Гуси дали ему по перышку. Взвился, полетел вместе с гусями. А последняя березка упала на Бабу-ягу и убила ее. А гуси всё летят. Ванюшка уставать начал. Они его поддерживают. И прилетели к ним на двор.

— Что такое за гуси? — соседи бегут.

— Сосед, сосед, да что это у тебя? Где ты?

— Да вот я отдыхаю. Только с поля пришел.

— Выходи, посмотри — стая гусей, и Ванюшка между гусями ходит.

— Ваня, где ты был?

— Некогда говорить, корми гусей!

Ванюшкин тятка насыпал овса гусям. Поели они и улетели. А Ваня остался жить с отцом, с матерью.

ДВЕ ДОЧЕРИ

Старик женился на другой старухе, и у них обоих по дочери. Вот эта старуха над стариковой дочерью издевается. И говорит: „Старик, отвези свою дочь, чтобы не было ее“.

Жалко старику свою дочь отвозить, ну повез все-таки ее в лес. Взял топор. „Ну, дочка, ступай ягоды рви, а я буду дрова рубить“.

Она ягодок нарвала. Он всё рубит. Она еще пошла. Пришла, его нет. Он скорее дров поклял и уехал.

Он уехал. А она по лесу бродила, бродила и добрела до дорожки. Идет по этой дорожке. Стоит избушка на куриных лапках, на веретенных пятках. Стоит поворачивается. Она и говорит избушке: „Обратись к лесу задом, а ко мне передом!“ Входит в эту избушку — косточки валяются, пахнет мерлюгой волчиной. Она испугалась. „Ну, куда же итти? Я и так уж устала“.

Сидит у окошечка. Настал вечер. Медведь идет. „А, здравствуй, красна девка, здравствуй! На вот тебе пшеница, свари кашку. Давай поужинай со мной“.

Раньше девочка слыхала, что ведмедь человека не трогает. И смело с ним обращается. Варит кашку на шесточке. А мышка в печурочке: „Машка, Машка, дай кашки! Машка, Машка, дай кашки!“

Она даст. Та поест и еще: „Машка, Машка, дай кашки! Машка, Машка, дай кашки!“ Она почерпнет ложечку, ей туда в печурочку и положит.

Кашка поспела. Они поели, медведь и говорит: „Ну, вот тебе погромочек, и мы будем играть в жмурки. Ты бегай, звени, а я буду тебя ловить“.

Мышка подходит к Машке и шепчет: „Машка, погромочек на столе оставь, а сама лезь на печку!“

Машка потушила огонек. Мышка взяла колокольчик и в другой угол, чтобы Машка успела забраться на печку. Потом мышка опять в другой угол. Медведь бегал, бегал: „Машка, зажигай огонь, я устал!“ Машка сошла с печки.

Утром Машка спит. Медведь в поход отправился. Тащит ей сундук жестяной, с платьями и говорит: „Ну, Машка, сумела в жмурки играть, еще принесу“. Натолкал ей три сундука, табун лошадей пригнал, стадо коров, стадо овец пригнал. И все это жили в лесу. И всё устраивала, всё прибирала. И чего бы еще было — не знай.

Машка сидит нарядная - нарядная. На руках кольца, в ушах сережки, ожерелья нарядные. Сидит у окошечка, а отец идет. Смотрит: „А ведь это мой отец идет“. Вышла. „Папа, папа!“ — „Ой, доченька, какая ты нарядная!.. Как ты живешь?“ — „Папа, некогда расспрашивать, клади сундуки на телегу и вези! Привяжем одну лошадь — и все лошади пойдут. Привяжем одну корову — и все коровы пойдут. А овец — сами погоним“.

Поехали они домой. Старуха блины печет. А собачка вяхает: „Вях, вях, старик свою дочку везет, в сундуках платья и золото“. Старуха на нее сковородником: „Пошла ты, такая-сякая. А ты вяхай, говори: „Старик в кошелке дочернины косточки везет“. А она опять все вяхает.

Вдруг старик въезжает с дочерью. Сундуки снимают, скот на двор загоняют. Такая стала богатая.

„А, старик, — позавидовала старуха, — вези мою дочь! Она шесть сундуков наживет и по два стада скотины пригонит. Вези мою дочь!“ Ну, просто старуха загалдилась на старика, и галдит и галдит.

Посадил старик дочь старухину и повез в лес. Привез ее в эту избу и поехал домой.

Сидит она у окошечка, медведь идет. Она испугалась. „Ты что, Машка, испугалась? Иль в первый раз меня увидала?“ Катька — ни жива, ни мертва. „Вари кашу, я есть хочу“.

Заварила каши. А мышка: „Катька, Катька, дай каши! Катька, Катька, дай ложечку каши!“ А она: „У, паскуда какая, я тебе дам каши!“ А она опять: „Катька, Катька, дай ложечку каши!“ А эта опять на нее ложкой. Мышка села на печной столб и запела: „Бить Катьке битой, бить Катьке битой!“ Катька слушает, испугалась: „Это что такое?“

Поели с медведем каши, он и говорит: „Катька, ты играй в колокольчик, а я буду ловить“. Вот мышка только и поет: „Быть Катьке битой“. Не успел колокольчик загреметь, медведь ее сгробастал и сгрыз. Оставил одни косточки середь избы.

Вот утром старуха запекает блины: „Старик, езжай за моей дочерью!“ Старик поехал. Приезжает — там одни кости.

Собака вяхает: „Старик старухину дочь везет, в кошелочке косточки гремят“. А старуха: „Ах ты, паскуда! Вяхай: „Старик старухину дочь везет, сундуки полны, добром гремят, табуны, стада идут.“

А собака опять: „Вях, вях, старик старухину дочь везет, в сундучке косточки гремят“.

Старик старухину дочь привез — в кошелке одни косточки. Старуха выбегает и смотрит. И старуха обмерла.

И кончилась сказка этим.

369.

ПРО ВАНЮШКУ-ДУРАЧКА

Жили-были старик со старухой. У них детей не было, только третий Ванюшка-дурачок. Вот которых-то нет — они женаты, а Ванюшка-то дурачок — нет.

Помирают старики, приказывают женатым детям: „Не обижайте Ванюшку, он ведь дурачок!“ — „Ладно, отец, что ему нужно, пусть жрет хлеб“.

И вот гдей-то слышно, что боярская дочка захотела за такого замуж выйтить, который на третьем этаже сумеет снять с нее именной перстень. Разослали везде афишки.

Вот эти женатые и говорят за ужином: „Бабы, вставайте раньше, готовьте завтрак; мы пойдем посмотрим, что там за принцесса сидит на третьем этаже, может поцелуем“. — „Где поцеловать, — говорят бабы, — хоть бы посмотреть!“ — „И я пойду!“ Это Ванюшка-то дурачок. Снохи говорят: „Куда, дурак, пойдешь, нос утри хоть!“

Вот утром позавтракали и пошли. Он идет к невесткам: „Дайте-ка мне лукошко, пойду в лес за грибами“. — „Вот нарвешь поганок каких-нибудь“. — „Ну, они все поганки!“ — „Ну, дайте ему, пусть по лесу мотается! И только ему“. — „Да убыток, портки рвет, рубашку. Ну да ладно, пусть идет“.

Пошел. Так пошел в лес за грибами. Вышел на полянку. На лужок всходит Сивка-Бурка. Он: „Как бы так мне ее поймать? Мне ее поймать тихонечко“. Заполз потихоньку, накинул на нее веревку и повис на ней. Она забила, он за веревку держится, повис на ней. „Пусти меня“, — говорит Сивка-Бурка человеческим голосом. „Нет, никуда не пущу. Домой поведу“. — „Не води домой, лучше скажи, чего прикажешь, всё исполню“. — „Ну, ладно.“ — „Ты вот лезь ко мне в левое ухо, в правое вылезь, ты другой будешь“.

Так и сделал. Полез в правое ухо — в левое вылез. Стал такой красивый парень.

„Ну вот, садись на меня. Мы эту принцессу — не только перстень у нее взять сможем, но и поцелуешь ее“.

Едут. Народу много-много. И много скачут на лошадях. Ну не могут прыжки сделать такие. Вот кричат: „Посторонитесь, ишь какой едет!“

Он прыгнул и не достал только на один венец ее.

„Стойте, стойте, держите!“ А он только сиял кепку, помахал. Приезжает на эту поляну. „Ну, — говорит, — опять в правое ухо лезь, в левое вылезь“. И стал опять дурачок сопливый. Взял он лукошко и пошел домой с грибами.

Жены встречают мужьев, спрашивают: „Ну как, кто достал?“ — „Да вот был один красивый. Скакал — вся земля дрожала. Как лошадь у него прыгнет! И вот это удивление. И все ничего такого не видели“. А Ванюшка лежит на печке: „То-то, я-то!“ — потихоньку. Снохи услышали: „Ах, дурак сопливый, лежи на печи — молчи!“ Братья услышали: „Что он там?“ — „Хвалится: то-то, я-то!“ — „Ну, где ему! Никто его там не видал!“

Помалкивает. Конь его Сивка-Бурка приказала ему молчать. Вот эти братья говорят женам: „При-

готовьте нам раньше завтракать, опять пойдем смотреть принцессу. „И я пойду“. — „Куда пойдешь-то?“ — „Куда вы пойдете, туда и я“. — „Куда тебѣ!“

Тогда спрашивает лукошко. А снохи: „О, глядь, опять поганых грибов нарвешь“. — „А вы что их не жарили?“ — „Да как тебе есть их? Ты, пожалуй, совсем с них сбесишься!“

Ну, все-таки дали. Взял он лукошко и пошел. Взошел в лес. Пошел на ту полянку, крикнул: „Сивка-Бурка, вещая каурка! Встань передо мной, как лист перед травой!.. Сивка-Бурка прибежала. Полез в левое ухо, в правое вылез. Такой же стал вояка, как и прежде.

А там все люди собрались и смотрят: „Это тот-то, наверное, опять прискачет“.

Он скачет. „Скачет! Дальше, дальше. Расшибет! Убьет!“ Прыгнул. И как раз у ней кольцо схватил, за руку потряс и поскакал. Приехал в тот лес и стал опять дураком сопливым. Грибов набрал. скорее братьев пришел. Снохи спрашивают мужьев: „Ну, как там, чего?“ — „Эх, бабы, какой сукин сын, кольцо у ней схватил—и за руку потрѣс ее и поскакал. Кричат вслед ему, а он, батюшки мои, только кепкой помахал“.

Ванюшка пришел, за руку держится. „Невестки, дайте тряпочку, палец завязать. За грибами лез—руку ободрал“. — „Вот надирает тебя! Кабы за хорошим грибом, а то за поганым“. — „Вам всё, черти, поганые“. Взял тряпку. Зажался. Завязал палец, а кольцо-то у него на пальце. Завязал и лежит на печке.

Братья опять собираются. Жены их ругают: „Какого вы шута ходите, на людей бельмы-то пялите! Что бы сделали по домашности“.

Ну, ведь, как это! Надо людей поглядеть и себя показать.

Третий день подошел. Кольцо искать. Готовятся на бал. Вина, водки, закуски, обед чтобы на весь мир приготовить. А Ванюшка лежит на печке, и как про того вояку начнут говорить, то он потихоньку: „То-то, я-то!“ Они: „Вот еще дурак выродился. Нос

вон утри". Потом развязал кольцо поглядеть, оно и засветило во всю избу. „Дурак, чего светишь? Спички пиртишь?“ — „А что же: я одну спичку извело“. (Дурак он дурак, а знает, что сказать).

Вот на четвертый день афишки разослали: приходите на пир все, которые взрослые.

Все сошлись. Столы пособраны. Из тесу столы сделаны. Возле лавки протянуты. Ну, которые ученые, садятся впереди и так дальше, дальше. На последнем столе братья сели, а он в самом углу, в саду на скамью сел. Сел, сидит. Подносили вина. Он у тех брал левой рукой — выпивал. Вот эта барышня говорит: „Папаша, разрешите мне по чарке вина всех-всех обнести“. — „Можешь, дочка, всё в твоём распоряжении“. Так обнесла всех. До него дошла. Он берет левой рукой, она ему левой рукой не дает: „Бери правой!“ — „Она у меня болит.“ — „Ну что ж, я буду лечить. Я врач“. (Какой там врач!).

Развязывает. А перстень — на нем. Братья так и ужаснулись: „Ой, ой, дурак, как это мог ты сделать? Где и коня ты мог взять? А мы и не слышали. Вот тебе и дурак!“

Ну, берет она его за руку и говорит: „Папа, мама, вот мой жених!“ Все удивляются, народ весь собратый. Родители и говорят: „Кто здесь есть нашего жениха в сродстве?“ Братья поднимают руки. „Вы что, братья?“ — „Братья“. — „Он что у вас, глупый?“ — „Глупый“. — „Почему это он глупый? Вы ведь не глупые?“ — „Не сорока. В одно перо не ролятся“.

Ну, что ж? Она утерла своим носовым платочком ему нос. „Братья, здесь оставайтесь на пир!“ Вот он и говорит: „Послушай, барышня, отпусти меня за сад!“ Вышел за сад: „Сивка Бурка, вещая каурка, встань передо мной, как лист перед травой!“ Сивка-Бурка летит — из-под ноздрей дым валит, изо рта пламя пышет. Подбегла Сивка-Бурка к нему. В одно ухо залез, из другого вылез. Потом сел на нее, подъезжает к дворцу и говорит: „Где здесь мои братья? Где мой тесть и сваха, и где нареченная невеста, я готов с ней венчаться!“

Невеста выходит в белом платье на балкон. И он опять на своей Сивке-Бурке поехал, а она в карете.

Повенчались. И свадьба была. И я там была, медлила, по усам текло, а в рот не попало.

370.

ПРО ПОЛКОВНИКА

Жил купец богатый, и у него было три сына, два женатых, один холостой. Вот эти братья ездят везде по иностранным государствам. Ездят. Тоже купцы—торговлей занимаются. А этот брат их младший—никуда. Решительно нипочем.

Вот раз приехали из государства из одного, ну хотя бы сказать из Франции или Америки.

— Эх, чадынько, что же ты сидишь-то? Ты хоть нагрузил корапъ соли и повез бы, там соли нет. Ты привезешь оттуда корапъ золота.

Сидел-сидел, думал-думал: „Давай, правда, поеду“.

Нагрузил корапъ соли. Причалил к берегу. Нанял рабочих, выгребли соль на берег, и сидит он на ней, и как раз на большой дороге. Ходят люди—купцы там, бояре, дворяне—спрашивают: что за такой товар?

— Это,—говорит,—россейская соль.

— А что ей делать?

— Кушанье солить, вкусно будет. Возьмет, покушает. Язык завертел.

— Тьфу, это отравал!

Государь с государыней идут, смотрят:

— Это что у вас такое?

— Россейская соль, ей кушанье солить.

— Это нас хочет уморить, всё государство.

Взял он в карман себе соли всыпал—этот торгаш-то. Повели его в тюрьму. Привели его покамест в поварскую и посадили его в эту поварскую. Он сидит там. Повар готовил кушанья, а потом вышел на минутку. Он взял и в каждое кушанье, в горшочек посолил, помешал, попробовал, по вкусу сделал и сел.

Стали подавать повара. Едят. „Что такое, вкус другой“.

— Эй, повар, чего это ты вкусное наготовил?

— Да нет, я всегда так готовлю.

— Да это что-то особенное, эх вкусное у нас было кушанье. Готовь завтра еще больше. Соберу бал.

Повар старается еще больше собрать кушанье. Всё несоленое. Бал-то собрал, а кушанье то же, что у каждого. А он-то народ собрал и хвастается:

— У меня кушанье особенное, хорошее.

Поели.

— Какое же хорошее? Как у всех.

— Как же это?

А у повара мать-старушка была, не так уж слепенькая. Тут она и говорит сыну:

— Вот какой-то у вас в поварской сидел, а как ты ушел, а он здесь хлебал, чего-то мешал.

Сказал государю. Тут его и вывели. Царь говорит:

— Ладно, повар, готовь всего, еще бал соберу. А ты, молодой человек, стой около плиты, подсаживай, по своему вкусу делай.

Так и сделали. И все говорят, что очень отлично, приятно всё. Хотели все короли там разные, принцессы, разобрать по пуду или как. Государь-то был богатый.

— Нет,—говорит,—я всё себе ссыплю. А вам буду выдавать.

Ну, согласились.

— Ну как ты нам ее отдашь?

— Ну как, ваше царское величество, пуд на пуд. Вы мне пуд золота, а я вам пуд соли.

Государь согласился: пуд на пуд. Пришлось ему жить долго. И познакомился с государевой дочкой. А государь собрал золото. Стали вешать золото. Золота нехватает. Этот государь у соседнего занял два пуда. Он сделал себе золотой корабль. И дочка полюбила его, и он дочку. Согласились на золотом корабле уехать. Гуляла она с горничными своими, и она их не допустила, и села с ним на золотой корабль, и поплыли. Братья его поплыли за три дня

вперед, а он их догоняет. Видят братья, корабль плывет, прямо не взглянешь на него, блестит. Весь из золота. Они, два брата, и говорят:

— Это ведь наш дурак едет. Вот мы его послали—он в сь в золоте и едет.

Он летит, как стрела, они ему кричат: „Брат,— говорят,— спаси нас, ведь мы потонем!“ Он отвязал от корабля легкую лодочку. Подъехал к ним на лодочке. А корабль его всё ближе и ближе. И они его взяли и спихнули. Он в это время ухватился за доску, нырнул с ней, а потом вынырнул и поплыл. А братья пересели на его корабль, а свои привязали к этому. И приехали они к пристани. А он на своей доске остался, и плыл, плыл, и плыл. И на свою он пристань не попал, а за сколько-то там саженьей, как бывают пристани.

А братья пришли к отцу. А этой барышне сказали, что не говори, где этот твой любимец-то!

Отец спрашивает:

— А третий где?

— Да не знай. А вот у тебя дочки нет, а у нас сестры нет. Вот тебе будет твоя дочь, наша сестра.

Свои корабли они опростили, а этот не трогают. Приходит он, как странник, к ужину, в черную. Там кухарка стирает, и она сидит. И, конечно, он ее знает, и она его узнала, а отец не признал его. Потом ей и говорит:

— Дочка, может где и наш скитается Ванюшка, может также нужду терпит. Пойди, странника на белой куфне покорми!

Пришли они на белую куфню, и отец приходит на белую куфню. Вот тут Ваня и жена его стали говорить: „Ваши сыновья его спихнули, и я думала, он утонет.“

Разобиделся отец на своих сыновей и ничего им не дал.

Они взяли жен, детей, за городом поселились. Сделали там себе ларечки, лавочку маленькую, стали торговать. И вот этот Ванюшка стал кататься. Запрягут ему лошадку хорошую, шарабанчик. А они его встречают, принимают, наговаривают ему на его жену. Он начал над ней издеваться.

Бить не бьет и любить не любит, и наговоры всякие. Она мучилась, мучилась и говорит ему:

— Ну, прощай! Ты сам не хочешь жить, издеваешься мною. Я уйду. Ну, папаша, я уйду.

— Ах, подлец он, сын. Что ты от него уходишь?

— Папаша, с ним жить не хочу — он хуже стены стал. К стене припрешься — она не отклоняется, а к нему припрешься, он отклоняется.

Вот пошли из города. Она пошла по этой дороге, а он к братьям зайти хочет. А потом говорит:

— Ты постой, Тося!

— Нет, — говорит, — уйду.

Зашла в один город. Зашла в парикмахерскую и сняла свои волосы.

— Подстригите меня под ерша!

Ну, денег она забрала с собой много и платья мужские и женские. Нарядилась в мужское платье. Зашла в гостиную,* попросила себе соляночки, чайку, и сидит она одна. Встанет, походит. А два мужчины говорят:

— Вот в таком-то царстве наемные все солдаты и помощники и офицеры.

Она послушала и говорит:

— Послушайте, господа! (раньше ведь всё господа), что это я прослышал, что вы говорили, про какое государство?

— Да, правда, вот есть государство, где все наемные от начальника до простого солдата.

— А как можно узнать?

— Да подать телеграмму.

— Вы в кого же хотите?

— Да я хотя бы в полковники.

Написали телеграмму. Не отходя от стола, получили телеграмму: нужен полковник вот в этот полк.

Садится на ямских до машины. И пошел полковник новый. Приезжает в новое государство и стал полковником. Солдаты полюбили его. Как только праздник, полковник вытаскивает бочку ви-

* Гостиницу

на и напойт всех допьяна. И вот все говорят: „Как у того полковника и пьют и едят, а мы у своего полковника ничего не видим“.

Год ли, два ли прошло. И как раз к жене в полк в рядовые солдаты Иван пришел. Ему стало скучно. Вот он прослышал, что в этом государстве нанимают. Вот он и пришел. Про жену уж он поминает, нет ли? Угадать он ее не может, потому что она вся в крестах, вся в палетах* и волосы у ней сняты.

Нужен ей денщик. Она говорит:

— Я вот этого, вот нового солдата себе в денщики беру.

Ну, денщик туда, денщик сюда! Денщик что не угодит — бьет его по щекам. „Чего сам ем, садись со мной ешь“. Денщик не угодил — опять по щекам.

— Денщик, я ложусь к стенке спать. Я боюсь один, так ты на край ложись.

Ну, денщик слушает всё, что он скажет. Денщик, что не угодит — обратно по щекам. Кушает всё с ним, с ним. Другие-прочие ему завидуют.

— Эх, как хорошо тебе. С самим полковником кушаешь, даже спишь с полковником.

— Эх, провались бы этот полковник, у меня все щеки набухли. Мне бы лучше сухую корку.

— Нет, хорошо бы теперь с полковником покушал бы.

Да, полковник задумал кончать свое дело. Заявил расчет, велел выкатить бочку вина. „Ну, — себе думает денщик, — уедет, черный-то его унесет, а я останусь. Может, меня не возьмет“. И как раз на грех-то его опять и посылает.

— Езжай вот в этот город и ищи квартиру — чистую-расчистую, хорошую, а то тебе нагорит много.

Денщик поехал. Квартиру хорошую нашел. Полковник приехал, где-то в углу нашел паутиночку. Хлоп, хлоп по щекам.

— Что ты не мог сам обмести?

Руку под козырек:

— Виноват, ваше благородие!

* * Эполетах.

Так почевали ночку. Едут. Так еще где-нибудь и получше найдут. Заехали в этот город, где его отец. А он так и ждет в родительский дом приехать. Едут на ямских лошадях, потом полковник и говорит:

— Ну, солдатик, где бы этакий домочек найти, лучше отдохнуть, чайку попить?

Доехали напротив отцова дома.

— Ну, это как, хороший дом?

— Да кто его знает.

Не признается, что это его дом.

— Ну, ладно, иди узнай, как там. Приходит.

— Там один старичок живет старенький. Старухи у него нет, там кухарка да хожалка.

— Заезжай сюда!

Слезли у крыльца. Входят.

— Где хозяин здесь?

— Вот, вот, батюшка, это я.

— Хозяин этому дому?

— Да, хозяин.

— Что же, дедушка, кто взрослые-то есть?

— Да, есть.

— А где же у тебя дети?

— Двоих выгнал. Нехорошо поступили. А один с ума сошел.

— Как так?

— Да так. Привез какую-то себе. Не он привез, а сыновья, а я сыновей-то выгнал. Он поженился на этой, которую привез, а потом с ума сошел.

— А живешь-то один что ли?

— Да нет, вот кухарка.

— Ну, а чайку-то можно у вас попить?

— Можно, можно, батюшка, можно.—Там самовар уж готов. Садятся за стол.

— Ну-ка, папаша, садись с нами кушать.

— Да нет, кушайте, кушайте. Я уж старичок старенький, с вами, с молодыми людьми, куда уж!

Отчего-то замешкался этот денщик, он его при папаше хлоп по щеке, хлоп по другой. А отец никого уж не узнает. Отвернулся полковник, надел женский костюм, надел какой-то старинный платок и пришел в эту комнату.

— Здравствуйте, папаша. Здравствуй, мой нареченный!

Он смотрит:

— Ты моя жена?

— Да, я твоя жена.

— А зачем же ты меня била?

— А ты зачем измывался надо мной?

— Ну, давай жить хорошо!

Сделали пир. Но я там была, мед пила, по усам текло, а в рот не попало.

Дали мне синий кафтан. Я иду, а ребята кричат: „Синь кафтан, синь кафтан!“ А я думала: „Скинь кафтан!“ Я взяла его да и скинула.

Дали мне красный шлык. Я иду, а ребята кричат: „Красный шлык! Красный шлык!“ Я его в подворотню шмыг!

371.

БЕЗРУЧКА

Жил купец с купчихой, у них было двое детей: сын и дочь. Сын постарше, дочь помоложе. Когда к старикам смерть подходит, они и говорят: „Дети милые, слушайте друг друга. Ты можешь жениться, ну своей жинке не позволяй обижать сестру“. — „Ладно, папа, мама, исполню вашу просьбу“.

Умерли старики, их похоронили. Через год брат говорит сестре: „Я хочу жениться“. — „Ну-к что ж, женись“. А ей уже 16 лет. Женился брат на какой-то сороке. Через год стала она в положении, родился мальчик.

Ненавидит жена мужнину сестру, врет на нее ему, он всё не верит. Потом она взяла у горничной собачки ногу отрубила и сидит плачет. Муж идет: „Что плачешь?“ — „Да как же не плакать, вот твоя злодейка-сестра собаке ногу отрубила, а ты всё не веришь“. — „Ну об чем плакать, это все дело нажитое, еще найдем, выучим. Еще лучше будет брехать“.

Не удалось жене мужа подбить на сестру. „Как же это так подгонять?“ У него был конь хо-

роший. Она ему ногу подрубила. Он идет обедать, она плачет. „Ты, что плачешь?“ — „Вот злодейка-сестра отрубила ногу коню, а ты всё не веришь“. — „Ну, нашла об чем плакать, лошадь дело наживное, другую купим“.

Неймется жене, всё поливает на сестру. Еще пакость какую наврет, он все не верит. „Что же делать, как же мне сестру погубить, чтобы мне не была на глазах“. Взяла зарезала дитя, положила его середь полу и воеет, как львица. Он идет обедать. „Ты что воешь?“ — „Завоешь, твоя злодейка-сестра ребенка зарезала“.

Он не стал спрашивать сестру ни о чем и говорит: „Сестра, во всем я тебе прощал, а в этом не прошу. Клади руки свои на дровосек я их отрублю“.

Она положила руки, он их ей отрубил по локоть. „Ну, — говорит, — ступай, куда хочешь“.

Она думает: „Куда же мне итти?“ Пошла в барский сад, там яблочки спелы. Она ходит, покусывает их, эти яблочки. Пойдет. Там приобрела себе местечко, ночует там. Покушает яблочки, в уголочек сада пойдет. Садовник догадался: „Что это у меня яблочки окушаны?“ Выгнал ее.

Куда ей итти? По полю итти — ничего не видать. „Дай-ка я пойду в лес, там я всё хоть что-нибудь, траву разгребу, или яблочко дикое, или еще что“. Ходила, ходила по лесу, приобрела себе дуплѣ*. Ночевать—в него лазит в это дупло и, значит, вся уж оборвалась, нагая стала.

Вот в одну такую ночь она там уснула. Царский сын, наследник, заплутался и не найдет дорогу, собачка с ним. Не дошел он до этого дерева, собачка залаяла: „Вях, вях, вях!“ Он ее утешает, а она все: „Вях, вях“. Он подъезжает, думает: „Если зверь какой, то собака не побежит сюда. А то, наверно, не человек ли здесь сидит?“ Он и говорит: „Кто здесь сидит, откликайся, а то стрелять буду!“ А она ему: „Не стреляй“. — „А кто ты такой, женщина или мужчина?“ — „Да из женского полу“. —

* „Не знаю, как говорить: дупло или дуплѣ. Похоже—и ладно“ (замечание сказочницы).

„Ну, выходи“ — „Я не могу“. — „Почему?“ — „Я нагая. Скиньте с себя верхнюю одежду“.

Он скинул, дает ей. „Я не могу взять“. — „Почему?“ — „Я без рук“. — „Как без рук?.. Ну выходи!“.

Ну, она вылезит, он накинул свою одежду. Снова всё она ему рассказала. Он ее спрашивает: „А ты тут давно ходишь?“ — „Было мне лет шестнадцать, а теперь мне уж почти 20“. — „А вот днем ходишь, не заприметила ли ты дорогу: я, барышня, ведь заплутался“. Смотрит на него: непростой человек. Дай, думает, его спрошу. „А вы кто такой“. — „Да я военный человек“. — „Как же так военный человек и заплутались?“ — „Да, барышня, надоть с ума сойти!“

Разговаривают. „Ну, доведите меня до моего дома“. — „Я вашего дома не знаю, а дорожку найду“. Посадил ее на седло, сам сзади устроился. Правит. Вышли на дорогу. Едут. Подъезжают к дому, ко дворцу к царскому. Приводит к себе в кабинет. Значит, живет тама, он ее полюбил. Его интересуется, что она его вывела, он считал себя уже погибшим в лесу-то.

Но секрет ни от кого ни схоронил. „Наш, говорят, наследник какую-то привез — в лесу взял, всё парили в бане. А у ней вся тела была излопанная, лицо вся излопанная, рук нет. Он и приказал ее вымыть в бане по секрету. Но все узнали“.

„Сынок, мы уж пожилые, надо тебе жениться, у нас будешь главным“. — „Так что ж, папа, можно жениться“. — „Ну, что, из какого царства будешь брать?“ А ведь бывало царь на своих подданных не женился, своих было нельзя взять. У нашего Николашки из Италии, а у другого из Германии были. „Да, папа, признаться сказать, у меня дома невеста то есть“. — „Да как так, какая она, сынок, может из нашего класса, может она из воровской природы, может у нищих ты ее взял“. — „Да нет, она хорошая“. Ну, конечно, она уж у него всем так стала белая, хорошая. Отмыли ее, отпарили.

Ну, ладно, отдали. Когда повенчались, через несколько времени начинается война. Он живет в

Лениным граде, а в Китае война подымается. Позвал государь сына: „Ну, сынок, я так думаю, жалко тебе расстаться с молодой женой, вместо меня воевать, да ничего не поделаешь, стар я стал“. — „А что же, папа, я с удовольствием поеду родину защищать“.

Собрался, взял с собой полковников там, офицеров и поехал сам на позиции.

Ну, значит, его жена родила двойню за ним вскоре. Родила двух мальчиков. Государь пишет ему: „Твоя жена родила двоих мальчиков. До тебя крестить аль тебя погодить?“. Написал письмо и курьером посылает. Тогда машины не было, пешком из Германии-то надо.

Так послали солдатика, он взял себе сумочку и бежит, и бежит. И как раз в этом селе постоянный двор у ее брата, у брата безручкиного. Он взошел в это село и спрашивает: „Где у вас постоянный двор?“ Ему и говорят: „Да вот у Василия Ивановича в деревне“. — „Васильев Иванычей много, а как фамилия?“. Ну назвал: Бывалины, как ли.

Приходит: „Можно у вас ночевать?“ — „Можно, можно“. Брат смотрит — это не простой, послан куда-нибудь. Потом эта сноха подделывается: „Послушай, солдатик, откуда идешь?“ — „Да государю письмо несущ“. — „Начто, зачем?“

А солдатик глупый был, всё и объяснил: „У государя жена родила молодая, она безрукая“. Она думает: „Неужели наша безручка попала в царицы?“ Сейчас: „Милый солдатик, далеко идешь, может баньку истопить?“ — „Да можно уж и попариться“. — „Пойди, милый, помойся!“

Солдатик выложил щикатунку и пошел париться. Она живо растребушила щикатунку, прочитала письмо: „Твоя жена родила двоих мальчиков. До тебя крестить, аль погодить?“ — „Ах, сука, это она в царицы угодила!..“ Взяла это письмо, убрала и положила новое: „Вот, сыночек, говорили тебе не женись на этой безрукой-то, родила она двух щенков. Что прикажешь: сейчас их выкинуть или до тебя не трогать?“ Написала так и положила в щикатунку.

Приходит солдат к нему, он * читает. „Это что такое, вдруг от меня щенята родились? Неужели это правда?“ Думает: „Поверить нельзя“. Написал родителям: „Не трогать до меня щенят“.

Этот солдатик опять сюда заходит. Думает: „Попарили меня, напоили, обедом накормили“. Едет обратно опять в этот постоянный двор. — „Ну, как, милый, опять небось запылится? Попарился бы?“ — „Попариться надо“.

Пошел париться, она опять письмо вынимает. Там написано: „Не трогать до меня“. А она взяла и пишет: „Это мне не дети — щенята, немедленно выкиньте их и ее прогнать“.

Приносит родителям письмо: „Неужели правда надо так сделать, повыкидать ребят и выгнать ее?“ Думали старики: „Давай, моя дорогая старушка, вот так сделаем: корзиночку повесим ей на шею и одного ребенка так положим, другого так положим. Они вырастут, будут ей помогать“. Сына ругают.

Ну что ж! Безручка опять пошла в тот лес, где была, места знакомые. А ребята растут не по дням, а по часам. Из корзиночки выпрыгивают, ягодки ей дают... Ну, ей жить-то и легче.

Ходила, ходила и вздумалось ей перейти на тот бок речки. А дети стали как по двенадцати лет — большие. Она и говорит: „Ну, дети, вы не перейдете, я одного перенесу, потом за другим пойду“. Посадила на горб горшком, перенесла одного, пошла за другим, речка быстро бежит, она еле идет. Вдруг слышит: кричат. А в это время одного в лесу схватил медведь ребенка, а другого, которого перенесла на полевую сторону, волк схватил.

Мужики пахали, схватили от волка ребенка. А там мужики дрова рубили и схватили от медведя ребенка и отнесли в село к председателю. А она — „ах!“ — культюшками взмахнула, и у нее руки и стали.

Выходит на эту сторону, на которую хотела перейти, виднеется село. „А, село мое родное, меня

* Царевич.

никто не угадает: когда я уходила, была без рук, а стала с руками“.

Входит она в одну избушку, спросила себе штанишки, мужскую рубашку, шапочку, и ищет себе куда-нибудь на жалование поступить в дворецкие, али дворники.* А про ребятишек она и не знает, где они.

Председатель их кормил, кормил да и собрал сход, говорит: „Ребята глупые, малые еще, давайте посылать их телят пасти, а будут подряд ночевать и кормиться в этом дворе“. И стали они подряд ночевать, к ряду у всех. А она спрашивала: „Где бы мне наняться к помещику, или к кому?“. — „Да помещика нет, а вот есть богатый мужик, он сестре руки отрубил, а сам теперь вот постоянным двором занимается. Нужен ему дворецкий“. А она мужчиной, волосы ершом и одёжа мужская.

Она пришла с братом ладиться: „Ну, сколько, товарищ, сколько возьмешь, в месяц“. — „Ну, сколько, тогда какая жалованья была! — „Ну, пятерку в месяц“. — „Ладно“.

Этот конюх познакомился так с другими, с молодыми людьми. Сказки рассказывает и ребятишки в каждом дворе сказки рассказывают, ночуют. И как раз эту ночь ночевать им у своего дяди, и как раз приехала сюда вся свита государева в 12 человек, сам тринадцатый, на квартиру со своими охотниками. Пошли там, закусили, государь с ними со всеми. Все говорят про войну, про то, про другое, а он думает: „Вот скоро приеду домой, как там жена поживает?“ — „Послушайте, — говорит, — это всё надоело: про войну, да про войну, про что другое бы рассказали“. — „А про что бы такое?“ — „Кто бы хоть сказки сказал“. Хозяйка говорит: „Да вот у нас конюх сказки рассказывает“. А он конюх как раз на пороге стоит и смотрит на своего мужа и думает: „Эх, муж на первом месте сидит, а я на заднем дворе“. — „Вот конюх рассказывает, да вот пастушонки еще умеют“. — „Позвать их сюда, посадить передо мной. Послушаем мы все их сказки“.

* Сказочница не осознает разницы в этих словах.

Призвали: „Ну, ребяташки, умеете сказки сказывать?“ — „Умеем“. — „Ну-ка расскажите нам“. — „Нет, мы так не будем сказывать. А как, если кто будет поперечивать?“ — „Никто не будет поперечивать“. — „Нет, давайте сделаем уговор, пусть все подпишутся: кто поперечит, сначала — четвертной, во второй раз поперечит — полсотни, в третий раз поперечит — сотню и так и дальше сотню и сотню“. Ну, согласились. Подписались и сам царь, и хозяева, и работник. Их ребяташек было посадили, они встали. — „Нет, мы постоим, как вы наш царь — „земной бог“ как люди старые говорят“. Смотрит он на них: „Это что, как мои дети, моей породы“. (А там еще и по розгам, кто поперечит — 25 розог).

„Ну, слушайте, не поперечивать“. — „Нет, нет, как подписали все“.

Начали: „В таком-то селе, назначить мы не можем где, жили купец с купчихой, у них было двое детей. Когда они помирали, приказывали не ссориться, не ругаться, не браниться. Прошло время, брат и говорит: „Сестра, я жениться хочу“. Она и говорит: „Ну что ж“. Женился, жена забеременела. Пришло время — родила и ненавидит она своего мужа сестру. (Ох, дрожит на ней рубаха, она чувствует, скоро дойдет до нее.) Издевалась она сестрой. Он всё сестре прощал, а жене не верил. А вот один раз, когда она собаке ногу отрубила, сидит и плачет, а муж приходит“...

И сноха не дала им договорить: „Врут, стервецы, негодяи, выгнать их“.

И царь говорит: „Молчать! Где подпись вы подписали?“

Положили эту тетеньку кверху спиной и дали ей 25 розог. „Ну-ка давай 25 рублей на стол“.

Отдала.

„Ну, дети продолжайте, мы вас в обиду не дадим.“ — „...Потом взяла коню ногу подрубила“. Ни с места, никто! Государь чувствует, что дело подходит.

„Как так, не смеете! Они брешут, щеняты...“ — „Как так щеняты? Они хоть и крестьяне, да тоже

люди“. Опять 25 розог, и еще 50 рублей муж за нее вложил.

„Ну, говорите, дети“. — „...Это не взялось, это опять сестре прошло. Ну, в другой раз голову дитю отрубила...“ — „Ах, ах, это ложь!..“ Голубушке еще 25 лозанов, и сотню клади на стол. Ну, уж раз государь, и свое берет, и раз тут подписано, — муж кладет сотню.

Продолжают: „Брат сестре говорит: „Ну, сестра, прощай тебе, а сына срубила — не прошу. Подходи ко мне, ложи руки на дровосек“. Сестра положила, он отрубил и прогнал... Зашла в барский сад, ее оттуда выгнали. Зашла она в лес, отерхалась, обгорела, ободралась, зашла и в дупле ночевала. Заплутался наследник, подъезжает к этому дереву, собачка брешет и брешет. Он близко подъезжает, думает, что здесь не зверь, а, наверно, человек. Кричит: „Кто здесь?“ — „Человек“. — „Вылазий оттуда“. — „Я без рук, снимите верхнюю одежду, накиньте на меня“. Так накинуд на нее одежду на плечи. Она вышла, стоит. Наследник спрашивает: „Как, отколы ты?“ Она рассказала. „А дорогу найдешь?“ — „Найду, знаю“. Посадил эту безручку на седло, сам сел сзади, приехал в свой дворец...“ (Его уж зацепляют, он помалкивает, а то сотенку). „...Приказал баню истопить, вымыли ее, нарядили, как царицу, всё при ней, только рук нет. Вот старый государь говорит: „Надо жениться, а то кабы война не открылась, уж поедешь за меня, а я остануся...“ (Выдерживает царь — надо молчать). „...И он, молодой царь, пошел на войну, а тут жена двоих сынов родила. Солдатику письмо дали к молодому царю объявить, что жена народила двух сыновьев, как соколов. Заходит этот солдатик в эту в деревню, как раз в квартире у этого брата безручкиного останавливается. Спрашивает братнина жена: „Чей, ты, откуда ты?“ А он, глупый, всё рассказал, что царица-безручка родила. „Вот несу мужу письмо на войну“. Эта хозяйка с предлогом: „Нельзя ли, милый солдатик, попариться?“, а сама прочитала „...двух сынов“, а написала „...двух щенков“...

„Ах, сволочи этикие, опять забрехали“.*— „Ах, голубушка, опять поперечивать? Клади сотенку!“. Муж кладет. „Всыпьте ей четвертной еще, смеяйте розог, новеньких надо“...

„...Вот несут мужу письмо на войну. Он себе думает: „Не может быть, чтобы жена моя щенят родила“, и отписывает: „Берегите щенят, до моего приезде никуда не девайте“. Заходит солдатик с письмом на эту квартиру, она опять со своими с услугами предлагает, а сама письмо у него взяла, а новое положила: „Немедленно этих щенят выкиньте, а ее проводите туда, откуда пришла“... Сноха опять за свое, начинает ругать ребятишек, чуть не побьет. Ей еще 25 розог, а брат терпит, брат ни слова. С нее еще сотню. А они продолжают: „...Вот эта безручка, со своими детьми, они в кошелочке были повешены один на одну сторону, другой на другую. Стали подрастать. Хватают материнские груди сами руками. Стали из кошелки вываливаться, бегать, ягодками ее кормили. Подошла мама к реке, мы за ней уж ходили, только в кошелочку ягоду кладем, ее кормим. Подходим к реке, вот мама говорит: „Я вас обоих не перенесу, а так, по одиночке. Садитесь один на горб, перенесу“. Вот мама одного перенесла, за другим идет, одного медведь схватил, а другого волк, дальше мы не знаем“.

Вот мать подходит и говорит: „Дайте, ваше величество, я доскажу эту сказку“. Все руки подняли: „Молодой человек, досказывайте!“

„Дети не знают, что у матери стали руки, вот, ваше царское величество, смотрите на ваших детей. Вот ваши дети, а я вам жена“.

Он встает, берет всех троих в обнимку и залился горячими слезами над сыновьями. „Ну-ка расскажи, жена моя, как руки у тебя стали“.— „Руки у меня так стали: когда зашла я середь реки, всплеснула культишками и стали у меня руки“.— „Так всё это вправду! Ну, как-никак на дворе у дядюшки есть сивая кобыла?“ А жена-то говорит: „Есть“

* Здесь сказочница говорит: „Ну, уж извиняюсь, из песни слово не выкидывается“.

Она ведь убирала. „Ну кто там конюх есть?“ — „Есть“. — „Выводи сюда“.

Привязали эту жену братнину и понесло ее. Где, говорит, пенек — от нее сынок, где кочка — там от нее дочка. Всю ее разнесло и ее не стало на свете за то, что она врет. Ну, дядю тоже надо наказывать! — И брата застрелили ее.

Ну, вот собрал своих детей и жену, посадил на повозку, приезжают домой, отец с матерью старенькие встречаются: „Сыночек, батюшка, зачем ты-то написал, как нам твоих детушек жалко, мы были безумные“. — „Ах, родители, взойдите в свое положение, взойдите в свою память“.

Выводит их из кареты к дедушке, бабушке на-лицо. С горьким плачем дедушка, обняли своих внучат, а отец стал всех обнимать: и детей, и жену, и мать с отцом. И стали жить-поживать и добра наживать.

Я тоже была там.

372.

ПРО ЛЯГУШКУ-ЦАРЕВНУ

Когда-то был государь - батюшка. У него было три сына, он уже делается пожилой. Говорит сыновьям: „Дети, дети, время вам жениться“. Дает им по стрелке. „Стреляйте, — говорит, — вверх. А на какой двор стрелка ляжет, там и невеста твоя“.

Стрельнул старший сын, стрелка упала на боярский двор. Второй стрельнул — тоже на боярский двор. А третий стрельнул, упала в болото. Так что эти сыновья стрелки нашли и поженились на боярских дочерях. Сыграли свадьбу. Свадьбы были шикарные.

А третий сын нигде свою стрелку не найдет. Объехал все города, губернии, стрелы нигде не найдет. Шел он пешком край болота и вдруг ему лягушка подает стрелку. „Иван - царевич, на твою стрелку“. — „Неужели ты, лягува, будешь моей женой?“ — „Да, Иван-царевич, буду твоей женой“. — „Когда же мы брак будем сочинять?“ — „Давай

уговоримся, пока мы вместе“. — „Вот, Иван-царевич, скажу тебе: вот в этот день, вот в эти часы, езжайте, идите вон к этой церкви, становитесь на паперти, и я прибуду к вам“.

Как приходит Иван-царевич к своим родителям со стрелкой. „Где нашел?“ — „Да, вон в болоте лягушка отдала“. — „Неужели быть ей твоей женой?“ — „От судьбы не уйти, жить мне с лягушкой“.

В барских домах, в царских дворцах ни брагу варить, ни вино не курить—всё там готово. Собрались они свадьбу играть. Приехали к церковной паперти. Едет лягушка на шестерке. Вся в порзументах, в шелку. Выводят ее сennie девки. Он взял ее и в церковь. Повенчались. Прибывают к царю-батюшке, он их встречает, принимает и говорит: „Батюшки, сын-то мой, на лягушке женился, а она лучше боярской и лучше царской дочери“.

Скоро-скоро у царя-батюшки именины. Купили полотна себе на сорочки, несут снохи. Две снохи—боярские дочери — они дружные были. Принес царь этим снохам материалы. „Нате скройте, сшейте и принесите мне к этому празднику по рубашке“. Несет лягушке: „Нà-кось, доченька, сшей мне рубашку, как можешь“.

Эти снохи с ненавистью вслед за царем, дождались, когда он ушел. Дали ему уйти, и они приходят, что она будет с материалом делать? Смотрят,—она взяла ножницы, изрезала этот материал и выбросила в окошко и говорит: „Все птички, все синички, все воробушки, все голубушки, все соколы, всё птички, соберите лоскутики, сшейте моему папаше рубашку“.

Слетаются птички и собрали эти все шоболики в лапочки, в носики и полетели. Эти снохи перемигнулись, пересмехнулись, пошли домой. Та приходит, давай материал резать, крошить; другая так же. Выбросили в окно шоболочки и кричат: „Птички, синички, галки, воробушки, соберите все лоскутики, сшейте папаше рубашку“. И ни одна птичка не шелохнулась. А лоскутики ветром далеко разнесло, а материал хороший. Идут бабы: „Вот хороший лоскуток, пригодится Митьке на шапку“.

Вот орлиха и летит с этой сорочкой к окну. Крылышком толкнула в стекло, царевна увидела, открыла окно, впустила орлиху и взяла у ней рубаху.

А эти ждали, ждали, никто к ним не летит и не идет. Что делать? До именин два дня осталось. Взяли своего материала, скроили, сшили.

Еще царь-батюшка несет им муки и всякой начинки, ему пирожки делать. Занес сначала к старшим снохам, они от него взяли, от батюшки-царя. Несет к лягушке: „На-ка, дочка - царевна, испеки пирожок хороший, поджаристый“. — „Ладно, папа, испеку пирог хороший, весь мир будет любоваться“.

А снохи тут как тут — смотрят. Вот эта лягушка-царевна берет кадушку, кладет туда и муку, и молоко, и начинку, и яйца — всё. Размешала, а у ней печка топится. Разболтала, разболтала и разлила это тесто по печке. Эти бабы смотрят и при них же лягушка вынимает пирог, что надо. Всем пирог хороший: и вкусом, и на взгляд, и всё на месте.

Снохи сморгнулись, пошли от нее. „Вот как наша царевна, как она скоро пирог испекла, пока мы сидели“. Давай в одну кадушку мешать, вместе все два пая. Всё намешали и давай в печь. И туда и зола и уголь налетели. Всё присохло, и ножом не отковырнешь. Приходит сноха. „У тебя как пирог?“ — „У меня никуда не годится“. — „И у меня тоже“.

Давай муки покупать, свои пироги делать как по-своему. Ставят в печь пироги. Нет, уж их пироги не дошли до лягушкиного пирога.

Накануне именин это всё испекли, понесли. Лягушка-царевна кладет на правую руку пирог, на левую — сорочку и несет и идет так. Лакей ей отворяет двери, подходит она к царю-батюшке и говорит: „Вот, наш царь-батюшка, вот вам к именинам мое рукоделье. Те отстали с пирогами своими; в печке еще сидят пироги-то, а рубашки на живую нитку слепили кое-как.“

Берет он от нее пирог, сорочку и говорит: „Спасибо тебе, моя доченька-царевна, угодила ты мне — и пирог и рубашку“.

Ну, и эти принесли после нее. Царь-батюшка и их поблагодарил и приглашает на именины: „У меня дочь именинница“.

Эти снохи насмеваются над деверем: „Эх, мы пойдем на именины, нарядимся, а твоя лягушка в лягушачьем прискачет“.

Пришли все на именины. Царевна-лягушка отстала, и муж ее ждет. Она свою шкуру сняла и нарядилась. Собрались, оделись снохи, пошли к батюшке на именины. И она вышла нарядней снох. Стали выпивать, стали закусывать. У ней всё хорошо выходит. Стали выпивать, потом плясать, потом обед. (А это мы видели, во дворах всегда там сперва закусывают и пляшут, потом обед).

Да, садятся, каждый со своим мужем. Она хлёбова раз хлебнет, а другую ложку в рукав. И мясо ли, хлёбова ли, она это в правый рукав вольт, а это в левый рукав кладет.

После обеда опять за танцы взялись. А эти снохи смотрели: „Что это такое, давай и мы так же делать“.

Так и сделали. Пошла плясать царевна-лягушка. Правой рукой махнет—во все стороны выходят у ней луга и болота, левой рукой махнет—леса и сады. Эти снохи глядели, глядели, давай тоже так. Махнули правой рукой—свекору прямо в глаза похлебкой, левой рукой махнули—свекору прямо по носу.

Ушли эти снохи с балу, сконфузились. Вот Иван-царевич: „Эх, жена моя лучше всех, и отцу моему понравилась, дай я шкурку сожгу, и она останется так навсегда“. И сжег.

Кончился бал, идут в зал. Смотрит, шкурки нет. „Ты, что-же, Иван-царевич, зачем мою шкурку сжег?“ — „Хотел я такую жену иметь“. — „Ну, дорогой мой, наверно, нам расставаться с тобой. Так не могу я больше здесь жить. Пойду я к Кашею Бессмертному.“ — „Почему?“ — „Да вот осталось полгода шкурку носить. Эта шкурка обречена матушкой мне своей родной. Она меня прокляла. И вот остается мне теперь идти к Кашею Бессмертному. Хочешь мной владеть, приходи к Кашею Бессмертному“.

Собралась лягушка-царевна и пустилась в поход. Он жил долго ли, мало ли, соскучился и её жалко. Ругает себя: „Полгода бы дотерпеть“. Говорит он на отца и мать: „Пойду я к Кашею Бессмертному, жену искать“. — „Да где же ты её найдешь? Кашей Бессмертный, он не допустит, где же ты её найдешь?“ — „Ну, найду, бог не без милости, он мне поможет“.

Так взял себе винтовку, продуктов и пошел. Ну, все-таки он видал, в какую она сторону пошла. Идет лесом, лежит волчиха с волчятами. Он прицелился её убить, она говорит: „Смилуйся, Иван-царевич, не бей меня, я тебе дам волчонка“. Подумал человек: „И вправду, чего я буду её бить, она пригодится“. — „На тебе волчонка“. Взял волчонка, понес. Он растет не по дням, а по часам, стал чижолый. Бросил он его: „Накой он мне“.

Идет он дальше, лежит медвежиха с медвежатами. Она говорит: „Иван-царевич, не бей меня, я тебе пригожусь“. Дала ему медвежонка. Он его понес. А он растет не по дням, по часам, чижолый стал, он и его бросил.

Пошел дальше. Значит еще заяц бежит. Хотел прицелиться, он и говорит: „Иван Царевич, не бей меня, я тебе гожусь“. — „Ну, ладно, годится, нет ли“. Не стал убивать, пошел.

Нужно ему перейти реку на тот берег, всё глабоко. Идет берегом, лежит щука. Хотел ложем её добить, а она говорит: „Не бей меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь“. Ладно, и эту не стал бить.

Летит утка, селезень дикой. Хотел убить, он его упросил, и этого не стал.

Перешел реку на другой берег. Лес огромный, темный. Лесом шел, шел, смотрит — избушка. Входит в эту избушку, царевна-то его сидит в этой избушке. Она ему и говорит: „Эх, Иван-царевич, накой ты сюда пришел?“ — „Да, царевна, я тебя ищу“. — „Кашей Бессмертный тебя съест“. — „Съест или нет, что будет“.

Готовила ему мяса, этому Кашею, и покормила Ивана-царевича. Царевич говорит: „Что-то у меня чешется голова, поищи у меня в голове“. Только

было она его положила к себе на колени, листья с деревьев полетели, ветер ужасный. „Ну, — говорит, — Иван-царевич, Кащей летит, лезь в сундук“. Лег он туда в сундук большой, она его заперла. Кащей влетает. „Что-то русским духом пахнет“. — „Да ты там по лесам-то летал и русского духу нахвтал“. — „Нет, что-нибудь не так“.

Ходил, ходил и учуял. Открывает сундук, а он там. „А-а, царевна, это твой муж?“ — „Да, это мой муж, ты не тронь его, лучше посади его куда“.

Посадил он его в такой подвал: три двери чугунных, повесил три замка. Сидит там одни сутки, сидит другие и думает: „Что же это я тут сижу, когда я помру, меня червь здесь съест; безо всякой помощи я здесь“. И вспомнил: а мне волчиха волчонка-то дала и львиха дала. Вспомнил свою охоту. Слышит, они уже другую дверь грызут. Эту отвортили, и другую отвортили, и кинулись его ласкать. А жена ему сказала, где Кашеева смерть: „Вот тут остров, на острове стоит дуб. На дубу сундук, в сундуке утка, а в утке яйцо, в яйце смерть его“. Так он рассказывает им: „Да, друзья, вы моя охота, помогите мне“.

Подводит их к этому дубу, он им говорит: „Вот в этом дубу Кащей Бессмертного смерть. Как бы нам ухитриться ее взять?“ Волк поплыл, медведь тоже за ним, и тигр поплыл. Лев поплыл, воды набрал, воротился. Приплыли, медведь взял обжал дуб и с корнем его выворотил. Сундук лопнул — выбежал заяц, волк побежал за зайцем, разорвал его. Вылетела утка, утку селезень догнал, налету разорвал ее. Яйцо упало в воду. Все переплыли воду, стоят на берегу горюют, что яйцо упало в воду. Вдруг щука подплывает и дает яйцо: „На тебе яйцо, бей Кащея прямо в лоб, тут и будет его смерть“.

Идет со своей охотой, входит прямо в дом к Кащейю. А Кащей говорит: „Ты еще живой, ты еще не сгинул?“ — „Нет, я пришел биться или мириться“. Показывает ему яйцо. „Ах, вот ты чего?.. Эх, Иван-царевич, давай мириться“. — „Нет, не помирюсь!“ Кинул ему яйцо в лоб, он умер, и охота его рас-

терзала. А царица ему говорит: „Ну, сумел ты меня освободить, пойдем к твоему отцу“.

И охота с ними пошла, радуется, винтует около их. Подошли к воде. Волк посадил царевну и переплыл с ней. А тигр посадил царевича. Переплыли вместе и распрощались, раскланялись. Звери пошли по лесам, по горам, а они пришли к бабушке. Рады, собрали гостей, посидели, побеседовали, а царевич с царевной стали навсегда мужем с женой и устроили пир.

Я-то там была, мед пила, по усам текло, а в рот не попало.

373

ПОРТУПЕЙ-ПРАПОРЩИК

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, жил-был царь-государь, и у него государыня родила девочку, и он подыскивал в своем государстве женщину, которая бы тоже родила девочку; и нашли девочку только что рожденную. Взял он эту девочку от матери. И этих двух девочек вроде как в замок заключили, ну такое здание хорошее, и там у них няньки, мамки; и стали они вырастать.

Вот они уже до совершенных лет доросли и стали большие. А потом стали им носить такие книги, газеты, они стали разбираться, какой есть мир-белосвет. Думали они, что все так живут, как они. Ну, отец всегда навещал их в замке.

Стала они гулять везде: интересуется их вся природа. И пошли они на пристань, пришли, стоят на палубах, интересуются, как вода течет, как что, — всё интересовались.

Вдруг такой маленький пароходец подкатился к берегу и ухватил царскую дочку, а эту оставил. И уплыл он с ней, какой-то такой великан. Эта барышня бежит и кричит, что украл царскую дочку какой-то такой и поплыл. Царь спрашивает:

— В какую сторону?

— Вот в эту.

— Ну, что теперь делать? С ума хоть сходи, одна была дочка, только на свет ее показал, и то ее украла.

Вот, говорит царь всем своим полкам, всем своим солдатам:

— Кто ее найдет, замуж за того отдам. Только кто бы нашелся.

Нашелся один. Называется он Протупей-прапорщик:

— Ваше царское величество, я найду вашу дочку.

Подписывает царь, что если найдут ее, то бери, что хочешь. И говорит прапорщик:

— Нарядите мне полк солдат так, чтобы и полковники и сколько бывает в полку солдат—чтобы все были, и корабль чтоб хороший был.

Сел на этот корабль весь полк и захватили продуктов, может быть, полгода придется странствовать, и на все полгода набрали продуктов. Так плыли, плыли, плыли и доплыли до острова. Протупей-прапорщик и говорит:

— Если хотите дичи, то идите и бейте.—И берет он с собой 12 солдат рядовых.—А вы,—говорит,—оставайтесь все здесь, или, как хотите, расходитесь. А я сам вот пойду, может, что и найду.

Да. Походили по этому острову, по лесу. На этом острове лес. И нашли на земляночку. Входят в земляночку, там котел, где можно варить. Он и говорит:

— Ребята, вот теперь-то мы будем сыты. Давайте бить дичь и варить.

Ну, враз там нащелкали, он их взял, обделал, начали варить. Запас даже есть, не поклат все в котел-то. И вдруг такой входит человек, высокого роста и обширного, и говорит:

— Ах, вот когда-то мы будем сыты, оказывается тут дичь варят.

— Да, мы будем кушать, будем кушать, только не все.

— А, когда так!—берет терку, заворачивает рубашку солдатику и начинает солдатику теркой по спине, аж кровь текет. И весь котел дичи поел и отправился. Солдатику не хотелось показать

себя больным—скорей, скорей наваливает опять котел дичи и опять варит.

Только что сварил, приходит Протупей-прапорщик и одиннадцать солдат и говорит:

— Ну, как ты там, Ванька? Скоро ли это всё? Отдохнули, покушали.

— Запас есть у нас, оставайся, а мы пойдем еще.

— Нет, пускай еще кто-нибудь останется, а я не останусь. Надо держать очередь. Пускай еще кто останется. Остается другой.

— С удовольствием. Я останусь.

Этот тоже заваривает котел дичи. И идет этот великан. Он их так всех двенадцать перебрал. Остается итти прапорщику тринадцатый раз варить.

Варит это. Котел кипит у него. И этот великан приходит.

— А, вот здесь что идет! Можно покушать.

— А разве нет покушать? Только было бы чего выпить, а закусить найдется.

А эти солдаты ходят и друг на дружку взглядывают, и боятся сами про себя сказать.

— Эх, ребята, не знай как кто, а мне что было!

— И мне чего было!

И у всех спины болят.

— Ну, давайте дальше, пускай он ему натрет спину-то!

А прапорщик сидит, попивает. Наливают и закусывают. И водочки достали. Взяли кнопочку нажали в стене, открывается, оттуда водка льется. И говорят:

— Эх, вот где попьем!

Ну, Протупей-прапорщик против него не может ни выпить, ни закусить. А этот великан не может нахлебаться, ни покушать, ни выпить. И сидят.

Этот великан напился и спьянился и свалился, спит мертвым сном.

Приходят солдаты. А Протупей-прапорщик держится как ни в чем. Входят они в эту земляночку, смотрят:

— Это что за человек?

— Это человек, так и так...

— А так и так он нам спину надрал. Ну и мы ему покажем.

Сонного его и застрелили.

А Протупей-прапорщик с него пример взял и по стенкам смотрит. Значит углядел еще кнопочку, нажал, отворилась дверь, и царская дочь сидит под окном.

— А-а!—говорит, вот где царевна-то сидит.

— Да,—говорит,—Протупей-прапорщик, я здесь сижу. Зачем вы пришли? Он вас либо поест, либо побьет.

— Ну, когда-то он нас побьет, а он уже мертвый. Ну-ка, голубушка, собирайся в свое царство, я послан, чтобы найти тебя. Собирайся и пойдем на корабль.

— А нас не захватит тот-то?

— Нет уж. Посмотрите, где он. Его уже и солдаты спрятали.

Навязала она золоту, сколько ей нужно было взять, и пошли к кораблю все двенадцать солдат, Протупей-прапорщик, она четырнадцатая. Протупей-прапорщик обошел весь корабль,—все ли люди здесь? Полковник говорит:

— Все здесь.

Сели, поплыли. Много ли, мало ли они плыли, она хватилась—золотого именного кольца нет, которое дорого стоит, и говорит Протупею-прапорщику:

— Я забыла на окне свое именное кольцо, возвратись на лодке за ним.

Конечно, раз приказ—надо его исполнять. Приходит обратно за ним. Верно. Кольцо лежит на окне. Он его надел на палец и пошел. А когда он поплыл обратно-то, то винтовку не захватил. Он с пустыми руками ходил. Сел он на лодку и поплыл. Нет там никакого корабля, и вернулся назад.

Воротился назад: „Ах, дело-то,—говорит,—плохое мое, и винтовки-то у меня нет. И землянка-то моя не знаю где, перетощал, конец моей жизни“. Ну, он покамест лег на песке, на дороге. Лег и лежит. А корабль поплыл к берегу. Конечно, государь встречает свою дочку. Полковник под руку ее ведет. И

говорит ей (еще на воде): „Я тебя возвратил“. И говорит царю:

— Вот, царь-батюшка, ваш Протупей-прапорщик запьянствовал, а я ее украл.

Ну, она терпит.

А Протупей-прапорщик? Ну, где же ему такое море переплыть безо всякого? (Теперь бросим про то говорить и перейдем к Протупею-прапорщику). Он лежит недвижим. Вдруг едет верховой человек. Собачка у него забрехала, он вскрикнул:

— Кто это здесь лежит? Ты что здесь лежишь недвижим?

— Я отошал, силы потерял, не могу.

Слазит верховой человек, вынимает булку и маленькую посудочку вина хорошего и дает ему. Дает ему с наперсточек винца и немножечко булочки. Посидел возле него и еще дал ему крошечку, и так ему всю булку искормил.

— Ну, вставай на ноги!

Встал на ноги Протупей - прапорщик. Этот человек и говорит:

— Садись на седло, а я за тобой пойду. Только вот что я тебе, дружище, скажу. Есть здесь неизвестный волшебник, и у него в кладовой шинелей разных много. И вот кому какая шинель подойдет: офицерская, рядовая ли, тот тем и будет служить, я сто рублей в год.

Ну он его привел к волшебного замка хозяину. Привел его.

— Ну, чем можешь служить?

— Чем могу служить? Я служил прапорщиком у белого царя.

— Ну, надевай одежды, какая тебе подойдет, такой тебе и будет чин.

И как раз ему такая шинель-то и попалась Протупей - прапорщика. Он им и стал. Живет месяц, живет полгода, хозяин его полюбил. И он его за это, за его храбрость выучил волшебности. Может оборотиться конем, может—чем хочешь.

Прожил он год, и говорит хозяину:

— Я,—говорит,—соскучился, время и мне домой.

— Ладно,—говорит хозяин,—за твою ухватку

даю тебе коня и даю тебе шашку, которую только может поднять богатырь. Во - первых, поедешь ты к лесу. Густой лес. Уж не проползет. А ехать тебе ко двору, вот на тебе три цветка: цветок желтый, цветок белый, цветок бордовый.

Он взял да от цветка-то листочек и оторвал да в карман положил.

Он велел бросить, а Протупей-прапорщик не бросил. Вынимает желтый цветок—лес раздвинулся пополам, и он проезжает. Едет, сзади него лес сдвинулся, а впереди него ужасные горы. Он ему, конечно, сказал, где какой цветок сорвать. Вынимает бордовый цветок—разодвигаются горы. Он опять от цветка листочек оторвал и спрятал, а его бросил. Море подошло. Как его переехать? Вынимает белый цветок—сделался через море мост. Протупей-прапорщик проезжает через мост, а цветочек положил в карман, третий кусточек.

Подъезжает к царскому дворцу, а там крутит полковник государя-батюшку—скорее дочку замуж отдавать. А она держится—не нравится он ей. Заявляется Протупей-прапорщик, и ей сказали, что Протупей-прапорщик явился. Узнает полковник и говорит:

— А, пьянюшка явился!

Она стала смело говорить с отцом:

— Вот кто меня выручил! И показывает именное кольцо.

Ну, у них ни брагу варить, ни вино курить—сделалась сразу свадьба.

Живут месяц ли, два ли, три ли, сколько ли, и вдруг другое государство нападает на этого государя.

— Зачем ты дочь за него отдал? Он чуть ли не рядовой солдат! А почему за моего сына не отдал? Я называюсь государь! И иду на тебя войной!

Она говорит своему мужу:

— Да, милый мой. Вот этот государь собрался с нами воевать, зачем за тебя меня отец отдал, а зачем за сына за его не отдал.

— Пускай, — говорит, — налетит с ковшом на брагу или с косой на камень.

Значит, поднялся тот государь с войсками своими. Значит, выезжает Протупей-прапорщик на своем коне на волшебном и с своей шашкой. Не доехал несколько верст, сюда махнет—как конопель летит, сюда—как осинка валяться. И порубил несколько полков.

И тот государь присылает ей потайное письмо. „Что ты с ним живешь, с рядовым солдатом? Мой сын, по-крайней мере,—государев сын. Чем это он мои войска повалил? Аль у них нечем было отбиться от него и с тем сойтись?“

Она и говорит:

— Ах, милый мой! Чем же это ты? Как же это ты всех порубил за несколько верст? Как же это случилось?

— Я поехал на площадь. Носовым платком помахал—все попадали.

Вот она ему пишет, что у него носовой платок есть, так и так. Государь сам ей отписывает: „Постарайся, отбери от него платок“. Она подходящий платок положила ему в карман, а этот платок отослала.

Государский сын опять посылает ему воевать.

— Милый мой, опять война собирается на папашу, зачем за тебя отдал, а за государя не пошла.

Собирает войска, государь думает, что все платком их покрушит. Она опять:

— Милый мой, собирает войска государь.

— Ну что же,—говорит,—может, с государем будешь жить, может, нет?

Войска сомкнулись. Он садится на своего волшебного коня, берет саблю, туда махнет—ложатся все, туда махнет—опять всех повалил. Всё разрушил у них. Еле-еле государь остался жив.

Возвратился он опять в тестев дворец. Вот государь ей пишет: „Не может быть, чтобы платком. Это уж какая-то насмешка“. Потому что он вышел, этим платком вот уже машет им, вот уж машет как, а войска знай валяются.—Разобиделся государь.—„Что такое, платок? Доберись до него, хорошенько разведай“.

А бабы ведь лестуньи. К мужу, как ласточка:

— Милый, хороший, как же это ты платком всех порубил? Это не может быть.

— Вот глупая-то, пристаёт! Да перчатками.

Она пишет письмо, что перчатки такие есть. „Ну, постарайся, отбери перчатки, а ему потихоньку какие-нибудь другие дай!“ Она так и сделала. Взяла перчатки его, а ему пихнула другие. Отослала, дурочка моя.

Так опять война. Царь выходит с перчатками. И той рукой помашет, и другой помашет, а его войска опять валятся, как конопель, все повалились. Осердясь, государь пишет ей: „Ты, наверное, смеешься надо мной позаправду, а меня хочешь повесить?“

Она опять:

— Милый, хороший, чем ты, как ты?

— Да вот, глупая, вот шашка-то висит.

Она выбрала у отца шашку ржавленную и повесила, а эту отослала ему. Вот опять царь войной собирается: у него войска уже обессилели. Он подъезжает—и шашка его не берет. Хотят уж его взять в плен. Ну конь маху не дает. Вложил уши. Поднялся на воздух и увез его туда, где ему коня дали и шашку. Приезжает туда—конь его принес. Хозяин и говорит:

— Эх, ты какой, поддался с шашкой!

Он говорит:

— Меня жена подвела. Она меня много раз подводи-
ла.

Этот хозяин был волшебник, и говорит:

— Оставайся у меня навсегда!

— Нет, я не останусь.

— А я коня не дам!

— А я пойду пешком, чтобы добиваться мне такой цели, чтобы извести свою жену.

— Не пройдешь лес! Не пройдешь горы! Не переплывеешь воды!

Подходит к лесу: вынимает от цветка листок—раздвинулся лес, он перешел. Подходит к морю—сделался также мост, он перешел. Подходит к горам, горы раздвигаются. Идет в этот город, где

этот государь живет. А там сзади городу избушка плохонькая, и там старичок живет. Он позвал. Старичок откликается:

— Я, батюшка.

— А еще кто?

— Старушка.

— А еще кто?

— Никого нет.

— Ну, дедушка, я тебе поставлю коня. Завтра утром на дворе ты возьми его, уведи его на базар и возьми его продай за сто рублей. И вот тебе награда, пользуйся этими случаями.

Старик встал рано. Старуха ходит там: „Господь нам чего не послал ли?“ Смотрит—стоит конь, и правда. А он так и пляшет, так и пляшет, этот конь. Взял его под уздцы и повел его на базар. Люди говорят:

— Эх, не по тебе конь, дедка, он у тебя вырвется.

— Дедушка, продаешь коня?

— Продаю.

— Сколько просишь?

— Сто рублей.

Ну, в это время трудно было достать и 25 рублей.

Идет государь с государыней своей. Он говорит:

— Эх, конь хорош, дедка! Что стоит конь?

Она говорит:

— Не покупай! Если купишь, я уйду от тебя.

— Будет дурачиться-то.—Отдает сто рублей, покупает.

Входит в зал—она плачет, разливается:

— Зачем ты коня купил? Это мой муж.

— Какой муж?

— А я говорю, муж! Застрели его, жить не буду, застрели его!

Горничная услышала—что такое? Прибежала к конюшне и говорит:

— Эх, конь, какой ты хороший, а тебя хотят стрелять.

А он и говорит:

— Барышня, будь хорошая, будь такая добрая, будь при этом деле. Когда меня будут убивать—

стрелять, зуб вылетит, обязательно этот зуб найди, брось его против балкона.

Идет к нему стрелец стрелять из винтовочки. Эта горничная тут как тут. Когда выстрел сделали — этот зуб упал; она незаметно его взяла в горстку и пошла бросила его под балкон. Наутро выросла такая яблоня — красные яблоки. Другая горничная говорит (а эта помалкивает, вроде ничего не знает).

Сказали государю и государыне, она вышла:

— Это мой муж! Сруби — жить не стану.

— Что ты говоришь? Сто рублей извел, коня убил, а теперь яблоню рубить! Эх же красота!

— Сруби, — жить не стану.

Пришлось рубить.

Горничная услышала:

— Эх, яблоня, какая красота, хотят тебя рубить.

А он и говорит:

— Барышня, как щепка отлетит в сторону, возьми ее и отнеси ее на море и брось в море недалеко.

Она так и сделала эта барышня. Тянули топором. Она щепку взяла незаметно и бросила в море. Вот плавают две лебедушки и лебедь по морю.

И они пошли на море гулять и смотрят:

— А-а, лебедушки! Ах, какие лебедушки! Я сейчас их поймаю.

Разбирается, идет в воду и шашку положил на берегу. А государыня убегла. Он их ищет, хватает, вот, вот... не поймает. Вдруг этот лебедь подплывает к берегу, шашку хватает и делается мужчиной. Идет туда в хоромы. Она сидит в креслах развопливает.

— Ну, что, голубушка, с новым мужем нажилась? Мой меч — твоя голова с плеч!

Срубил ей голову.

А царь стал просить, умаливать:

— Возьми мою жену — не руби меня!

— Не нужна мне твоя жена; раз она твоя стала, а мне не надо.

Царь стал на коленях. Он — раз ему голову. А с горничной повенчались и стали жить поживать и добра наживать.

Дедушка мой был хороший ремесленный человек, хомуты делал, шлеи, седелки. Он и не в свою барщину заказы делал. Вот из чужой барщины придет мужичок: „Не починешь ли шлею? Принесу тебе за работу что-нибудь“. Он и зарабатывал. У него-то хлеба хватало, а у других-то нет.

Вот приходят все крестьяне:

— Яков Ильич, пойдем, попросим у барина хлеба.

— Да у меня есть. Как мне итти просить-то?

А дедушка был умственный старик и сердечный старичок:

— Ну, пойдем. Буду с барином говорить, что будет.

Приходят к дому. Подходят. Сказали лакею. Барин выходит на крылец:

— Вы что?

— Да вот хлебца...

— Еще ты-то, Яшка, без хлеба живешь у меня? И просишь? Да ты только натаскиваешь всех.

За его бодрость и велел обстричь ему половину головы и половину бороды. Так и остался он. Так и ходил.

Дедушка рассказывал о своем барине. Звали его Сергей Андреич. Он крестьян на собак менял. Мою тетку за 12 верст променял в одну сторону, а другую за 30 верст.

Раз барин дедушке говорит:

— Яшка, Валентинку-то надо женить.

— Женить-то женить, да отдайте за него Анютку.

— Какую Анютку? Самую красивую девку за этого сопляка отдам?!

А наш отец был так скудененький. Ну, а дедушка был к барину близок. И начал просить. Барин согласился:

— Ну, хорошо. Только дай мне двенадцать овчин трясков да своей снохе шубу сшей (а тряска—это красивая кудрявая черная овчина).

Женили. Бывало, жена его потом вечером придет. Смотрит, он уснул на печке. Она взваливает его себе на плечи и понесет на постель.

Так за тулуп барину он и взял себе хорошую жену.

Я ведь что ж? Я со слов деда с бабкой. Они ложь, и я тож.

376.

Сказку рассказать,—не за деньги покупать.

Послал барин лакея своего с гусями к барину соседнему в подарок. Идет этот лакей с гусями и ругается: „Ах, чорт бы его побрал. К тому барину как ходишь с подарками, он никогда на чай не дает. А тот барин как своего лакея с подарком пошлет, наш всегда дает на чай“. Рассердился. Пошел и пропил одного гуся.

Пошел к барину. Принес ему гуся. Положил его на стол и дает ему записку. Тот читает записку и говорит:

— Иван, тут написано два гуся, а где же другой-то?

Иван берет в руки гуся, показывает барину и говорит:

— Вот тебе, барин, один гусь, потом переложил его в другую руку и говорит:

— А вот вам другой гусь.

— Да что ты говоришь? Где же второй гусь?

— Да ведь вот же один гусь! Ну, а вот другой, ведь правда? — перекладывает гуся и показывает барину.

Барин ругался, ругался, делать нечего. Написал записку тому барину. Послал к барину с Иваном.

Приходит Иван домой. Барин читает записку и спрашивает.

— Иван, ты куда же гуся девал? Ведь я тебе двух гусей давал?

Тот хлоп на колени:

— Простите, барин, виноват!

-- Да куда ты его дел?

— Да я его пропил.

— Как пропил?

— А так. Когда тот барин присылает к вам с подарком, вы всегда его лакею на чай дарите, через мои же руки проходит. А тот барин никогда ничего не дарит. Я и пропил гуся.

— Неужели правда?

Начто у нас был сердитый барин и то ему ничего не сделал и не сказал.

П. К. Артемьев

377.

ЖЕСТОКАЯ БАРЫНЯ

Это было в крепостническое время. Был богатый барин и овдовел. После жены осталось у него два сына: Коля и Вася. И такие хорошие были ребятенки, очень красивые. Но Вася был похитрее Коли: он был на два года постарше. Отец женился еще раз. А мачеха очень не взлюбила детей. Хотела она их прямо заморить. И у отца с матерью были часто разговоры неприятные. „Что ты ребятишек обижаешь?“ Как сойдутся, так и спор у них и ссора. А она задумала совсем их извести. И вот мачеха раз заболела. И никак не могла поправиться. Барин сильно любил жену. И говорит: „Все для тебя сделаю, чего ты только ни захочешь“. — „Я хочу, чтобы ты зарезал Васю и зажарил сердце и подал мне. И тогда я поправлюсь“.

Он задумался и говорит: „Хотя жалко мне дитя, но без жены я не могу жить“. И решил в конце концов пойти на это дело. Отдал приказ повару, чтобы зарезать Васю и зажарить его сердце. Повар пригласил лакея посоветоваться, что им делать. Лакей был малый догадливый: „Надо, — говорит, — нам проводить мальчиков куда-нибудь подалее, а зарезать щенка, изжарить его сердце и подать“. Так и сделали.

На другой день подходит время обеда, барин и спрашивает: „Вы приказ исполнили?“ — „Исполни-

ли". — „Зарезали?" — „Зарезали и зажарили". — „Ну, подавайте!" Съела она это сердце и говорит: „Я себя совсем хорошо чувствую. А где Коля?" — „Коля, — говорят, — побежал на улицу". — „Коля! Коля!" А Коли нет. „Да шут с ним", — говорит мачеха.

А Коля и Вася забежали в деревушку. Их там расспрашивают, чьи они да откуда. Они не говорят ничего. Вот идут они из этой деревушки лесом, и идет им навстречу львица со львятами. Львята подбежали к ним и заигрались с ребятенками. И львица подошла и вокруг них легла. Так они познакомились.

Потом львица пошла, щенята — за ней. А сама всё оглядывается на мальчиков. „Это она нас зовет, пойдем с ней. Она нам даст чего-нибудь покушать", — говорит Вася. Она их ведет, ведет и завела в такой лес, самый дремучий, где было логово. Ну, и завела, и накормила своих львят, и дает этим ребятенкам. Они приспособились к этому мясу, которым она их кормила. Так с ней и жили.

И вот пошла львица за продовольствием. А Вася и говорит: „Давай с тобой, Коля, отсель уходить". — „Да куда мы пойдем?" — „А хоть в поселок." И пошли. Щенята — за ними. Ходили, ходили — щенята не отстают. А львица пришла — никого нет.

Подходят они к деревне и щенята с ними. Собаки на них брешут, кидаются, но щенят тронуть боятся. Зашли они к одной старушке и говорят: „Бабушка, нет ли у тебя чего покушать? Мы очень долго были в лесу. И к нам щенята пристали". Она смотрит: „Да это щенята-то львицы!"

Пошли из этой деревни дальше. Опять лес. Пришлось им запоздать в этом лесу. Сбились с пути, не знают, куда деваться и что делать. Легли спать, а щенята остались на охране. Вот они спят, и подошла к ним тигрица. Тигрята к ним побежали, а она боится, слышит человеческий дух и львиный. И сумели мальчики достать себе пару тигрят. А потом достали и пару волчат и медвежат, и стала у них полная большая охота. И пошли они домой.

Задумали они вернуться на родину. Мысль у Васи была одна — как бы известить мачеху. Заявились

они в свое родное село, но их там не стали угадывать, так они изменились. И нанялись они пасти мирское стадо. И вся эта охота при них.

Отец с матерью выезжали свою барщину смотреть. Ездил он всегда с женой. И вот увидели они, как мачеха издевалась над крестьянами: тут не так, там не чисто жнут, и за каждую малость наказывала. А чтобы лучше смотреть, она становилась на бугор. Стоит под зонтом и во все стороны смотрит.

Увидала она пастухов и пошла смотреть, как они пасут, может быть, им придется вложить хорошенько. Подходит. „Вы чьи будете?“ — „Да мы из дальней деревушки. Нанялись к вам пасти“. — „А что вы так плохо пасете? Где у вас скотина? Ах вы мерзавцы! Это что у вас за охота? Откуда вы сумели ее набрать?“ — „А это вот львица дала нам двух львяток, тигрица двух тигрят, а волчиха двух волчат. Все, даже звери, привечают сирот. Только вы хотите сирот погубить и порезать“. — „Кто резал?“ — „Да вы велели нашему отцу Васю резать, чтобы его сердце съесть. А за это мы натравим нашу охоту“. И натравили. Звери ее растерзали.

А муж там ждет, ждет, нет барыни. Поехал искать. Спрашивает: „Не видали вы, не проезжала ли тут барыня?“ — „Какая барыня?“ — „А вот моя жена“. — „Нет, мы барыню не видали. А вот людоедку мы затравили“. — „Какую людоедку?“ — „А ту, которая велела детей зарезать“. — „Да откуда вы знаете?“ — „А разве вы не видите, что мы ваши дети? Это вот Коля, а это Вася“.

Натравили они охоту на отца. Затравили и его. А сами поехали в именье. Стали жить. Всех крестьян отпустили на волю.

Они и сейчас живут, только неизвестно где.

378.

ПОП И РАБОТНИК

У попа было в обычае прокатываться за так на работниках. У него были с ними такие договора, которые если не исполнишь, так и смерть. Но в то время и работник нарвался такой. „Я все-таки отучу

попа эксплуатировать так мужиков". Ну, и пошел к нему работник Иван наниматься. Поп ему и говорит: „Ну, если тебе что не понравится и ты раньше срока уйдешь, то смерть. Должен год прожить". Иван согласился. — „Ну, а если ты, батюшка, прогонишь меня, нарушишь договор? Тогда что?" — „И меня так же". — „Ну, ладно".

Нанялся работник. Живет. У попа была дочь убогая. Каждый ужин работник выносил ее на двор. И каждый раз он оставался без ужина. Принесет ее, а ужин-то весь уже съели. Однажды он решил: „Вынесу ее, а сам пойду ужинать". Вот в мясоед он так и сделал. Вынес ее. Посадил на плетень: „Сиди, говорит, держись за плетень, а я пойду ужинать". Она то, другое. А он знай свое твердит и пошел.

Пришел. Сел ужинать. Ему говорят: „Ты что? Где же дочь-то?" — „А она там осталась. Сидит на плетне, звезды считает". — „Вот это, — говорит, — моя звезда, вот это тятенькина, это маменькина, а это вот работникова". Кончили ужинать. Вышли на двор, а она там уже замерзла.

После этого стали поп с попадьею работника бояться, решили они от него отделаться. Долго не могли ничего придумать. Наконец, поп и говорит попадье: „Давай пошлем его на озеро через лес на старую мельницу рожь перемолоть. И дадим ему старую клячу. Там, в лесной чаще, старый медведь живет. Вот этот медведь встретит его и съест". Ну, и говорят работнику: „Иван, ты запрягай лошадь, садись и вези на мельницу рожь молоть. Возьми старую клячу". А он говорит: „Чего мне на кляче-то делать? Я запрягу жеребца хорошего".

Запрег и поехал. В лесу он поймал двух зайцев. Доезжает он до этого дупла, где живет медведь, и полысть палкой по берлоге. Тот и выскочил и начал жеребца ломать. Наломал, начал есть. Ел, ел, съел до шеи, повернул было итти, а работник его как хлоп кнутом, тот рванулся и прямо в хомут головой так и попал. И потащил воз по дороге.

Приехали они на озеро. А мельницы-то там нет, она сломана давно. Вот Иван скрутил веревку и давай в озере воду мутить, чертей гонять. Вылез к нему чертенок и спрашивает: „Что тебе надо?“ — „А вот что. Сделайте мне мельницу. Рожь перемолоть надо“. — „Подожди. Я сейчас пойду, у дедушки спрошу“. Пошел и говорит: „Дедушка, тут приехал один, спрашивает, почему мельницы нет? Он молоть приехал, говорит, чтобы мы мельницу построили“. — „Ты скажи ему, что тогда мельница будет построена, когда он перегонит тебя“.

Чертенок вышел к Ивану и говорит: „Дедушка сказал, мы тогда мельницу построим, когда ты обгонишь меня“. — „Ну, давай, — говорит Иван, — только ты обгони сначала моего сына“. Вынимает из кармана зайца и говорит: „Беги вот с этим мальчишкой!“ Поставил их рядом и пустил. Заяц как ф-и-ить, и побежал в лес. Чертенок, высуня язык, прибежал к Ивану, а у него другой заяц в руках. „А мой мальчишка давно прибежал“.

И опять свое требует: „Ну, стройте мельницу“. Чертенок побежал опять к дедушке и говорит: „Дедушка, он и догонять меня не стал. Его сынишка меня враз обогнал. Я вернулся, а он уже у него на руках“. Тогда дедушка и говорит: „Ну, ладно, мы построим мельницу. Только тогда ее построим, когда он тебя поборет“.

Вышел чертенок и говорит: „Мы тогда тебе мельницу построим, когда ты меня поборешь“. — „Ну, где тебе со мной тягаться? Ты попробуй сначала моего старичка побороть“. И послал на него медведя. Медведь и начал чертенка ломать. Этот чертенок и так и сяк, а медведь знай ломает. Чертенок чуть жив вырвался от него и мырк! „Ну, дедушка, придется делать мельницу. Он меня совсем было сломал“. — „Ладно. Ты скажи иди последний договор — кто резче свистнет“.

Вышел чертенок и говорит: „Ну, Иван, давай, кто резче свистнет?“ — „Давай. Ну, свисти ты первый!“ Чертенок свистнул так, что с дубов ветки посыпались. А тот говорит: „Ну, теперь я свистну. Только ты завязывай глаза, а то они у тебя по-

выскочат". Чертенюк завязал глаза. А работник его как трахнет вязовой дубинкой по затылку. У того чуть-чуть глаза целы остались.

Прибегает чертенюк к деду и говорит: „Он так свистнул, что у меня затылок весь затрещал и глаза пришлось завязывать". — „Ну, нечего делать, — говорит дедушка, — приходится ему мельницу строить".

Построили они мельницу, перемололи Ивану муку. Запрет он опять медведя и поехал домой. Приехал ночью. Поп с попадьей испугались: „Батюшки, работник живой пришел". А он: „Куда мне лошадь-то поставить?" — „Да куда? Всё равно, поставь ее на конюшню". А медведь за ночь всех остальных поповых лошадей задрал. Вышел утром поп, а медведь лежит под сараем, не отдышится. Поп еще больше испугался и говорит попадье: „Никуда от него не избавишься. Давай лучше убежим от него". А работник подслушал их разговор.

Стали поп с попадьей готовиться бежать. Напасли целый мешок сухарей и другой мешок белья. А работник вынул сухари и наложил камней, а в другой мешок сам сел. Вот ночью подхватили поп с попадьей мешки и побежали. Бежали, бежали, добегают до пруда. „Давай, — говорят, — отдохнем и перекусим". — Сели, развязали один мешок, а там вместо сухарей камни, а из другого работник сам вылезает. Делать нечего. Измученные, голодные легли отдыхать, а поп с попадьей переговариваются: „Как он ночью уснет, давай ему на шею камень привяжем и бросим в воду".

А он прослышал это и ночью на место попа лег, а его на свое место переложил. И попадью — толк, толк: „Ну, давай бросать". Бросили они попа в воду и легли опять спать.

Утром просыпаются, попадьа смотрит, а попа-то нет. Куда деваться? Приходится это всё попадье переживать. Надо идти домой в обратный путь, жить без попа. Дошли до опушки леса. Сели. Слышат, какая-то шайка едет. Куда деваться? „Давай на дубок!" Влезли на дубок и сидят. А то разбой-

ники ехали. Ехали и вздумали они остановиться. И начали кашу варить.

Работник сидел, сидел на дубу и говорит: „Я, матушка, кашлянуть хочу, терпеть не могу“. — А сам: „кхе... кхе...“ Разбойники встрепонулись: „Что такое?“ Работник опять никак не может. Да как бултых с дерева вниз, в самую середину. Разбойники испугались, вскочили, в разные стороны разбежались.

Слезла попадья. Поужинали они. Взяли всё серебро и золото, которое разбойники оставили, и пошли домой. Стали жить-поживать...*

379.

ПРО КУПЦОВ

В одном городе был богатый миллионер, который производил обмен товаров с границей. Он отправлял сразу по шести пароходов с товарами, а оттуда привозил, которых в городе товаров не было.

Так он торговал несколько лет. И было у него одно дитя — мальчик. Вот достиг мальчик совершенных лет. И заглянул он раз в спальню отца своего, и там ему за занавесью мелькнул необыкновенной красоты портрет барышни. И решил он во что бы то ни стало ее достать. Пошел он к матери, стал проситься, чтобы пустила она его с отцом за границу.

Вот пришел этот купец обедать, а жена ему и говорит: „Николай Васильевич, ты уже старый, надо бы тебе Васеньку нашего брать с собой. Пускай он смотрит, приучается к делу. Надо его натаскать“. Отец согласился. И решили они отпустить сына с приказчиком: „А то будет он дома жить и проживать только, а не наживать капиталы“.

И вот нагрузили они товаров 6 пароходов. Отец ему и говорит: „Ну, Вася, поезжай за границу. От вези туда товары, а другие привезешь обратно. Надо, чтобы ты сам знал всё торговое дело“. А у сына одно на уме: дорого ему посмотреть

* Конец сказки опущен.

только эту самую барышню. Отец ему сказал, где останавливаться в номере, в какой гостинице.

Призывает отец и приказчика старшего: „Ну, вот, Демьян Васильевич, поезжай с сыном, да смотри за всем, как следует“. Тот и говорит: „Ну, меня уж учить не придется. Я знаю всё это торговое дело. И будем мы около торгового же дела вращаться“.

Скоро они собрались и поехали за границу. Приехали. Стали у пристани. Вася и говорит: „Я пойду отыщу номер по адресу отца. А как приду, и будем мы действовать по сдаче товару“. А сам запрятал денег много, капиталу.

Приехал он на ту квартиру и смотрит — в доме напротив вывеска с расписанием: „Кто хочет посмотреть красавицу. До колен посмотреть стоит столько-то, до пояса посмотреть стоит столько-то, а всю, во весь рост стоит вот сколько посмотреть“.

Выходит горничная и спрашивает: „Вам что угодно?“ Он ей рассказывает. Она говорит: „Хорошо“ — и выслала к нему ее отца.

Выходит старый старичок и спрашивает: „Вы что, добрый человек?“ — „Да я, — говорит, — пришел посмотреть по расписанию вот эту барышню“. — „А как вы ее хотите видеть?“ — „Да во всех видах, как указано в расписании“. — „О, это много будет стоить. У вас капиталу нехватит“. — „Хватит“. — „Ну хватит, так хватит, мне ваших денег не жалко“. И он посмотрел на нее на всю, во всех видах, за все свои капиталы. Барышня эта ему очень понравилась.

Пришел он в свой номер, в свою гостиницу и задумался. „Нет у меня теперь ни капиталу, ни товару. Что мне делать?“ А на пристани у приказчиков товар принимают. Они думают, что товар продан, а он на самом деле товар-то не продал, а проглядел весь. И вот пошел он в гостиницу. Заходит в общий зал. Взял себе пару чаю и не знает, что ему делать.

В 12 часов приходит в этот зал одна голышняя. А он сидит, не знает: стреляться ему или вешаться. Подходит к нему один из них и спрашивает: „Что вы, молодой человек, так задумались?“ — „Да нет,

я так сижу, планы составляю своему делу. Я приезжий.“ — „Расскажите, в чем дело, может я вам подсоблю“. Он на него посмотрел: „Как может такой оборванец мне помочь?“ Но все же рассказал. Оборванец этот засмеялся: „Смотри, я вот какой, и каждый день на нее за так смотрю. Для меня даже не интересно смотреть на нее. Вот что. Вы дайте мне только на четверку вина, а я вам всё сделаю и свиданье могу устроить“.

Тот думает: „Пускай хоть поминают меня хорошо“. Вынимает 25 рублей и дает им. Те начали пить. А оборванец и говорит: „Я пойду, скажу ей про тебя“. Купеческий сын всё этому никак не верит. А тот пошел и немного погодя вернулся и говорит: „Она и сама в тебя влюбилась. Не знает, как бы тебя увидеть“. И решил он сделать земельное сообщение. „У меня такие мастера. Они всё умеют“.

Пошел купеческий сын к себе в номер. Через полчаса слышит, к нему стучатся. „Что они решили, меня ограбить что ли? Да у меня все равно теперь уж ничего нет“. Открыл он дверь. Оказывается, что пришли мастеровые с пилкой и топором и стали прорубать отверстие в полу.

Всю ночь работали эти 12 человек. Утром вылезли и говорят: „Еще ночь придется тебе подождать. Мы больше половины прорыли“. А сами пошли в город и рассыпались, кто куда попало — пропитание себе искать.

Вечером все они вернулись. Сели за стол. Купеческий сын дал им опять денег. Они подвыпили, подзакусили и принялись опять за работу. К утру они сообщение сделали. Возвращаются и говорят ему: „Ход сообщения у нас готов. Завтра, с 6 часов до 12, ты будешь с ней на свидании. Ее караулит отец, и всегда ее видеть нельзя. Только на несколько часов он оставляет ее одну“.

Купеческому сыну никак не верится, что всё это может быть так. Сидит, ждет, думал — не дождется никак шести часов. В шесть часов появляется этот мастеровой и повел его в подземный ход. Подходят к какой-то двери. Стукнул он. И смотрит, открывается пол, как у него в комнате.

Она его приняла. Говорит: „Ну, садитесь вот здесь.“ А сама на койку села. И стала рассказывать. „Ваш отец с моим уж 10 лет знакомы, и я. Мне 18 лет. Я вас люблю. И осмеливаюсь предложить: я хочу быть твоей женой“. — „Но я беден. У меня ничего нет. Мне все равно придется погибнуть“. — „У нас деньги есть, — говорит она. — Мы не только твои шесть кораблей, но и еще шесть кораблей купить можем. Но скоро этого сделать нельзя. Видать ты меня можешь. С шести до двенадцати я свободна, а с 12 до утра со мной сидит отец“.

Эти шесть часов пролетели у него за шесть минут. Хоть бы он сидел с неделю, и она ему показала бы за часы. Попрощался он. На прощанье она ему и говорит: „Завтра ты приходи в час ночи, и до шести утра мы будем с тобой вдвоем“.

Приходит он в свой номер и ждет — не дождется, когда настанут его часы. Приходит к нему мастеровой. „Ну как? Был?“ — „Был“. — „Объяснились?“ — „Объяснились“. — „Когда велела притти?“ — „Завтра в час ночи“. — „Это она составляет план побега. Она мне говорила“.

Подходит первый час. И он направляется по ходу к ней. Открывает она ему дверь и сажает его с собой на койку. И вот они беседуют до утра. „Завтра ты придешь в шесть часов утра и до 12 часов будешь сидеть, и мы с тобой договоримся, сколько надо капиталу, чтобы купить двенадцать пароходов для товару, тринадцатый для нас с тобой. Отец уезжает в далекий город. Но мы его опережим и сами свезем“.

И вот он приходит, как она велела. И забирает денег столько, сколько захватить мог. И стал пароходы покупать и товары и нагружал целую неделю. Приказчики удивляются: „Что это наш Василий Николаич сделал? Как он мог такое колесо повернуть, столько товаров закупить и нагрузить?“

Нагрузил он двенадцать пароходов и один легкий, пассажирский.

Вскоре стала она отца провожать. Прощается он с ней и никого не велит без него принимать.

Простился. Запер ее и поехал. А она поставила

к окну чучело, которое ей художник сделал, и ушла тайным ходом. И прямо в номер—к своему Василию.

А отец вышел на улицу. Смотрит в окно, а там чучело на пружине кланяется. Он говорит: „Прощай, дочка, прощай!“ А чучело всё кланяется, кланяется.

Василий с невестой на пароход скорее. Приходит на пристань и отец. Спрашивает: „Куда этот пароход едет?“ Ему сказали. Он попросился, его пустили, довезли до какого ему надо города, и он слез.

Как кончил он свои дела, вернулся домой. Подходит к дому. Смотрит: дочка стоит, раскланивается у окошка. „Здравствуй, здравствуй, дочка!“ Вошел он в дом, отпер дверь, а там чучело стоит, кланяется. Как упал старик, так и умер с испугу.

А Василий с женой к дому подъезжают. Отец вышел встречать, смотрит—ближе, ближе. „Мои, мои,—говорит,—пароходы! А это вон не мои, не знаю—чьи“.

Подъезжают. Выходит старший приказчик, здоровается. „Чьи это пароходы?“ — спрашивает купец. — „Все наши. Это всё Василий Николаевич. Он и сам едет с невестой“.

Вот сходит и сам Василий и говорит отцу: „Ну, вот как я съездил. Сумел наторговать хорошо. И привез еще шесть кораблей. А еще того дороже—я жену привез“.

И вот пошли они в дом, и завелся у них брачный пир, и пировали так долго, до самой Октябрьской революции. Но советская-то власть их разгрузила. Им хвост-то накрутила, что они народ эксплуатировали, людей обирали. Ну, и ходят они теперь где-нибудь, шатаются по миру.

380.

ВАНЮШКА-ДУРАЧОК

Жил-был богатый купец. У него было три сына: два умных, третий глупый. У них был великолепный сад. И в этом саду была одна яблоня, и на ней родились золотые яблоки. И такая она была ценная, что караул стоял и день и ночь.

И как ни караулили, а все-таки яблоки пропадали. И никто вора этого не мог изловить, какие меры ни принимались. Вот купец и назначает в караул сыновей по очереди.

Пошел первый сын караулить: утомился и уснул. Яблоки унесли. Утром отец встает, смотрит: „Вот видишь, все-таки яблоки-то унесли“. Оправдываться было нечем. Он сознается: „Да, я задремал“.

И приходит другая ночь. И пошел другой сын. И ему отец говорит: „Ты так должен караулить, чтобы действительно вора поймать“. Ну, конечно, пришла ночь, и этот не укараулил. Сидит отец за обедом, закручинился. „Кого же мне послать караулить?“ Ваня и говорит: „Я пойду“. Отец говорит: „Куда тебе?“ Но он на своем стоит: „Пойду!“

Как пришел и, значит, засел, дубинку в руки и—концы в воду. Вот в 12 часов прилетает жар-птица, так что весь сад осиял. Подкрался Иван—цоп! А она вырвалась, только одно перо осталось у него в руке. Повернул он перо, и всё осияло огнем.

Утром отец посмотрел и говорит: „Ты, Иван, укараулил, все яблоки целы“. — „Я и вора поймал. Какая-то прилетает птица и весь сад осияла. И я ее схватил, только перо в руках осталось“. Отец смотрит: „Ах, какое перо! Эта птица ценная, надо бы ее во что бы то ни стало найти“.

Поехали они искать. А Иван и говорит: „И я поеду“. — „Ну, куда ты поедешь? Эти братья умные, а ты что?“ — „Нет, я поеду.“ — „Ну, поезжай“.

Едут они большой дорогой. Стоит столб с расписанием: кто поедет вправо — тот одно счастье найдет, кто влево — тот два счастья найдет, а кто прямо — тот несчастье найдет. Умные братья взяли один одну сторону, другой — другую. „А ты, — говорят, — Ваня, поезжай прямо!“

Вот этот Ваня едет. Лес. Встречаются ему два старца. „Ты, куда, Ваня, едешь?“ — „Я иду, ищу жар-птицу“. „А-а, вот ты что хочешь сделать? Нет, тебе не поймать. Она находится в большом саду в клетке. И если ты до клетки дотронешься, сейчас же сделается тревога. Вот по этой тревоге тебя засадят и засудят“. Эти старцы ему посове-

товали: „Ты жар-птицу только бери, а клетку не бери, а то вся стража сейчас же встанет“. — „Ну, спасибо вам, старички!“

И поехал. Приезжает туда, к этому саду. Темная ночь. И от этой птицы свет — полное освещение. Теперь он проходит одни ворота — стража спит. Проходит другие ворота — стража спит. Проходит и третьи ворота. И легко поймал он эту птицу и хотел уходить. Но пожалел он клетку и говорит: „В чем же я ее буду держать?“ И взял клетку. А забыл о том, что ему этого не велели делать. Тут же вся стража проснулась. Везде поднялся звон, крик, и Ивана забрали и повели к хозяину.

Хозяин ему говорит: „Вот в таком-то вот имени, вот за столько-то верст находится конь златогривый. И привези мне этого коня и уздечку“. И у него отобрал эту птицу и клетку, и он пошел. Конь этот был такой ценный, во всем мире.

Теперь Ваня отправляется в хозяйство, где был этот конь, какого не было во всем мире. До этого коня было три двери. Он дождался темной ночи. Пошел. Прошел все двери, вся стража спит. Дошел до коня. Взял за доуздок коня, берет его за гриву и думает: „Возьму я коня на одноуздке“. И седло положил, оседлал. „А что же я, — думает, — уздечку-то оставлю“. Взялся и за уздечку. Но сделалась тревога и набежалась стража, захватила его и представила хозяину. „Ну вот, — говорит хозяин, — если ты выполнишь, что я тебе говорю, то я тебе дам коня со всем седлом и с этой уздечкой. Дстань мне Елену Прекрасную. А если ты мне ее не достанешь, то я снесу тебе голову“.

Ну, поехал он к этому царству. Смотрит — сад, и гуляет Елена Прекрасная. Он из-за загородки на нее поглядывает. „Что же мне теперь делать? Если ее не увезти — все равно меня повесят“. И решил увезть.

Он пошел в село к одной старушке. Старушка его расспросила: кто ты и откуда? Он ей всё рассказал, как он поехал за жар-птицей и за желтогривым конем. „Ну, как же ты ее увезешь? Ты ее возьмешь свободно. Но прежде чем взять ее, тебе

надо приготовить пару коней, на которых ее надо будет везти. А я вот тебе дам капли-зелью, ты дашь ей понюхать, она уснет, и ты ее сонную увезешь“.

Он науку эту получил. Теперь только осталось ему достать коней. Кони были у конюхов в конюшне. Он заходит за эту городьбу и взял у сонных конюхов этих коней. И пошел к Елене Прекрасной. И открывает эту склянку и брызнул на нее, и она вроде как очумела. И он пошел к стражнику. Караульный в будочке спит. Теперь он приготовил коней, привязал, схватил эту Елену Прекрасную, посадил и увез. В тех местах, где был желтогривый конь, она проснулась.

Очнулась и говорит: „Батюшки, где я?“ Он ей говорит: „Ты находишься теперь в моих руках“. И потом ей рассказал, кто он и откуда. И как у отца были золотые яблоки, и как их ела жар-птица.

Она говорит: „Видно, суждено мне быть твоей невестой. Раз ты меня украл, то будь моим женихом. Теперь нам надо думать, чтобы нам желтогривого коня взять и сумею жар-птицу взять и со всеми тремя добычами явиться к твоему отцу“. Он говорит: „Ну, ты теперь за меня думай. Я всегда был тупоумым у отца как Иванушка-дурачок“. Ну, она говорит: „Мне за дурачком жить лучше будет“.

Ну, теперь они составили план, как им дальше быть. „Ты, — говорит, — отдай меня этому купцу за желтогривого коня. А я превращусь в волка и убегу от этого купца“.

Согласился он. Привез он к хозяину Елену Прекрасную, отдал, взял желтогривого коня. Радостно согласился тот хозяин взять Елену Прекрасную. Иван взял этих коней в поводья, сел на желтогривого коня и поехал. Елена же Прекрасная гуляет с хозяином по саду. И сумел он чуть-чуть оглянуться, а она в это время и обратилась волком. Он испугался: „Волк, волк“. Пустили собак, погнали из сада. И он скрылся из видков.

А волк прибежал к Ивану. Сели они на желтогривого коня и поехали туда, где была жар-птица. Доехали они туда, она и говорит: „Отдай меня

вместо желтогривого коня, я в него превращусь, а потом убегу". Он так и сделал. Когда подъехали, он лошадей этих привязал. Она оборотилась желтогривым конем. Он берет этого желтогривого коня и говорит: "Вот, получайте, а мне давайте жар-птицу совсем с клеткой. Ну, ему желтогривый конь был ценнее. Привели его в конюшню. А Иван отнес с собой жар-птицу. Царь пошел в конюшню, оседлал желтогривого коня, он его и понес; чуть было не разнес совсем, стряхнул его, а сам убежал. Превратилась она в Елену Прекрасную и убежала к Ивану. Села с Иваном и поехали они вместе к отцу домой.

На том месте, где братья разъехались, Иван видит, и те братья идут. Они удивились. Их взяла зависть, и решили они его убить, а добро его разделить по себе. И заспорили они, что взять себе, а что Ивану оставить. И то и другое, не соглашались и опять спорят: "Ну, давай ему оставим Елену Прекрасную". И опять не нравится: "Он будет блаженничать, а птица и конь достанутся для общего употребления".

Ну подъезжает ближе и говорит: "Здравствуйте!" Они стали у него просить что-нибудь. А он не дает. "Я,—говорит,—всё достал. Я не отдам ничего".

И вот они порешили его убить. Стали они готовиться ночевать. А Елена Прекрасная и говорит: "Они меня не уведут. Тебя они не убьют и мной не попользуются. Я им представлю вместо себя чучелу. А желтогривого коня и жар-птицу пускай берут. Это мы возьмем после".

Так и сделали. Она подставила им в лик свою чучелу. Они встали ночью. Взяли желтогривого коня, жар-птицу и Елену Прекрасную—чучелу. И решили они его не убивать. "Что он глупый на нас скажет? Ему никто не поверит. А мы возьмем всё и уедем". Ну, украли и уехали.

Утром она приходит и говорит: "Ну, вставай, ты проспал всю свою добычу. Я только и осталась". Ну, сели они на оставшихся коней и поехали. Подъезжают к дворцу. Отец в окно смотрит. А те братья уже во дворце. И разговор такой у них, по-

чему эта барышня не говорит с ними, и ходит и садится, а не говорит. Глядят, а Иванушка дурачок едет и какую-то старушку везет.

Приехал он, вошел со старухой, а у них тут пир горой идет. Ну, отец стал спрашивать его, чего он привез. Братья-то, мол, вон чего привезли и желтогривого коня, и жар-птицу, и Елену Прекрасную. „Да что,—говорит Иван,—это за Елена Прекрасная? Это чучело!“. А она его научила толкнуть тогда эту чучелу, чтоб она рассыпалась. Он толкнул чучелу, она и рассыпалась на одни „святые мощи“.

„Вот,—говорит,—Елена Прекрасная настоящая! Открыл с нее это старье, снял с нее этот облик, и она предстала перед ними во всей своей красе. И тут он открыл им всё, как его братья ограбили. „Это я,—говорит,—достал все эти добычи“. И братьям нечего было делать. Они сознались, что они у Ивана-дурака украли все добычи. И от них отец отвернулся. Понял он их всё дело, и их расстреляли. А Ивана он поженил с Еленой Прекрасной. И стали они жить-поживать.

381.

ПРО НУЖДУ

Ехал купец с кучером. Вот кучер и говорит: „Эх, нужда, нужда!“ — „Да ты что, кучер, все про Нужду говоришь? Какая она такая Нужда?“ — „А охота тебе ее узнать? Ну коли так, нынче ночью я ее тебе покажу. Ее можно в лунную ночь не только видеть, но и поймать в пруду“.

Подъехали они к пруду и остановились. Кучер велел купцу раздеться. Ночь была такая лунная, месячная. Луна в пруду. Кучер говорит купцу: „Сидите так и ждите. Только, что бы вам ни привиделось, что бы ни показалось, что ваше белье будут брать или ваших лошадей уводить, вы не оборачивайтесь, а то Нужду спугнете“.

Залез купец в воду и сидит. А кучер собрал всё его белье, сел на его лошадей и уехал. А купец сидит и думает, что это всё привидение.

Сидел, сидел. Луна выше взошла. Смотрит он, около него тень. Он как схватит ее, а она вывернулась. „Эх, не поймал“.

Оглянулся—ни кучера, ни лошадей—нет ничего. А он уже прозяб сильно. Ну, делать нечего. Пошел искать деревушку, где бы обогреться.

Шел, шел, дошел до деревушки. Смотрит, на плетне сова сидит. Цоп ее, поймал. Взял подмышку и пошел дальше.

Приходит в проулочек, подходит к окну, огонек горит. Смотрит, дьякон сидит с женщиной. Он — стук-стук в окошко. Женщина испугалась: куда-куда дьякона девать? Хлоп и спрятала его под печку. Он снимает с себя всё и под печку.

Видит он* подъезжает ее муж к воротам и стучит. Она его впускает. „Ты стучал?“ — „Я“.

Пока они лошадей распрягали, купец забежал в избу, взял всю дьяконскую одежду, обрядился и вышел как монах. Только они вошли, сели за стол ужинать, он стучит: „Пустите переночевать“. Они пустили. Садится он с ними ужинать, сова у него подмышкой. Хозяин его спрашивает: „Что это у вас за птица?“ — „Это хорошая птица. Я ее называю вещунья-птица“. А сам ее за хвост дерг. Она клювом—щёлк. „Это что же она предвещает?“ — „А то, — говорит, — что у вас в печи гусь есть“. — „Ну, жена, давай, гуся.“ Хозяйке нечего делать, достала она из печки гуся и подала.

А он опять—дерг ее за хвост, а она—щёлк. „А это она что?“ — спрашивает хозяин. — „А она предвещает, что у вас бутылка водки есть“. Хозяин и кричит на жену: „Давай водку!“ Та ежится, отговаривается: „Да где? Нет у нас никакой водки“. Хозяин знай требует. Нечего делать, достала она бутылку водки.

Ну, выпили они винца, всё это скушали. Купец опять сову—дерг, она — щёлк. „Это что она?“ — „Это она предсказывает, что у вас под печкой чорт сидит“. — „Ну-у?“ — „Да. Давайте кипятку, мы его ошпарим“. Приказывает хозяин жене кипятку ски-

* Купец.

пятить. Делать нечего. Пришлось волей-неволей топить печь и скипятить кипятку.

Вот монах (купец-то) и говорит: „Я встану здесь. Плесну кипятком, он оттуда и выскочит. А вы стойте здесь и его кнутом“.

Так и сделали. Купец плеснул кипятком, а дьякон оттуда как выскочит. Хозяин его кнутом: „чорт, чорт!“ А дьякон скорее бегом без оглядки.

Ну, стали ложиться спать. И монах с ними переспал ночь. Наутро просыпаются, позавтракали. Монах собирается уходить, а хозяин его спрашивает: „Продай мне эту сову-вешунью“. — „Купи“. — „Сколько тебе за нее?“ — „Сто рублей“. А сам думает: „Теперь я за эти деньги обуюсь, оденусь“. Продал и пошел.

Шел, шел. Слышит догоняет его кто-то. Он оборачивается, а это хозяин. „Нá тебе,—говорит,—еще 200 рублей. Она мне еще много предсказала“.

Оказывается, она еще выловила любезных хозяйкиных, которые были спрятаны в темных углах.

Сказочник Савихин

382.

ДВА БРАТА

Жили-были два брата, и разделены. Один—богатый—другой бедный. У богатого детей не было никого, а у бедного были дети. Богатый жил великолепно, всего у него было в достатке. А у бедного всего одна лошаденка, и он ездил в лес за дровами. Раз он поехал за дровами. Дело было зимой. Рубит он дрова, а на ветке сидит редкостная птичка. Он ее хотел поймать, она вспыхнула и полетела, но пёрушко оставила. Пёрушко забрал он, взял и привез домой. Брату это понравилось перо. Он сказал: „Продай мне это перо. Я тебе дам 10 рублей“. А он рад, с удовольствием. Получил 10 рублей с него и, значит, направился за хлебом.

Другой раз поехал он за дровами. Она опять там. Он крадилси, крадилси под нее. Поймать не поймал, а перо другое взял и привез. Брату опять перо понравилось. „Вот моей жене на шляпу, как раз с обеих сторон. Продай мне его!“ Послал брату 10 рублей, взял это перо.

„Ну, я теперь немного буду отдыхать до весны“. Пройдя немного время, мужик опять поехал в лес. Видит, она сидит. Он крадилси, крадилси долго, но подкрался и поймал ее. И снял с себя в зимнее время шапку. Не посчитался с тем, что мо-

роз. И все-таки сохранил ее, привез ее домой. Привез домой и посадил ее в клетку. Узнал про эту птицу богатый брат и говорит: „Продай мне ее, к чему она тебе?“ Тот и говорит: „Купи. Сколько дашь за нее?“ — „Ну, ладно. На вот тебе 100 рублей и живи“. Ну, этот рад 100 рублям. Отдал эту птичку и думает: „Теперь маненько поживу“. Купил себе коровку и вроде стал жить средним крестьянином. А тот брат посадил у себя птицу в клетку.

Вот он лег спать и видит во сне, ему во сне чудится: если от этой птицы кто сердце съест, тот ежедневно из-под подушки будет вынимать по два золотых. И он не стал о ней долго думать, наутро зарезал ее и приказал своей жене изжарить и чтобы никто ее не съел. Она изжарила. И вот прибегают братнины дети, повертелись, повертелись и как ловко сделали. Схватили это сердце и съели. Она глянула, что сердца нет и стусевалась. Скорей зарезала цыпленка, взяла сердце, изжарила и положила туда. Подносит ему на тарелке; садится кушать... Съел он эту птичку.

Теперь дело к вечеру, он ложится спать. Наутро встает, глядит—под подушкой ничего нет. Задумался и говорит: „Пропали мои 100 рублей. Чорт побрал, вот и сон мой не сбился!“

Наутро же встают эти ребятки, мать убирает постельку и видит: под головами по золотому. Она подбирает эти денежки, кладет в сумочку и помалкивает. Продолжалось месяца два это дело. Прознался про это дело брат.

Призывает своего брата и говорит: „Слушай, брат, как же это так? Твои дети подружились с нечистым духом, который каждый день посылает им по одному золотому. Сгони их со двора, иначе тебе с ними не посчастливится в жизни. Все равно прахом всё полетит. И ты с ними пропадешь“.

Брат приходит домой, призадумался: „Это дело плохое. Хоть деньги и деньги, но как бы на самом деле не пролететь. Все мы живем под богом“. И он говорит им: „Вы мне не нужны. Как хотите, но мне вас больше не надо“. Мать заплакала. Ей стало

их жалко. Но все же пришлось им подчиниться — уйти.

Идут они. Попадается им на пути лесок. Вот они долго по этому лесу блуждали. Попадается им избушка. Сидит там старичок. „Здравствуй!“ — „Здравствуйте, детки!“ — „Как ты поживаешь, дедка?“ — „Да плохо, детки“. — „А как вы?“ — „Да нас вот родитель прогнал“ — „Ну, тогда оставайтесь со мной. Будете жить тут“.

Они рады. Стоп, теплый уголок попался. Живут с дедом. Каждый день, каждое утро им посылает по одному золотому. „Вот хорошо. Будем жить и хлебец у нас будет. Я вам приобрету что-нибудь“. Стал их водить по лесу. Он купил им обем по хорошему ружью. Выучил их стрелять. И они стали стрелять метко.

И однажды он им говорит: „Теперь я вам проведу экзамен. Вот летят гуси. По бокам вы должны убить по гусю“ — „Ну что же, дедушка“. Подлетают к ним гуси, и они стреляют, с одной и с другой стороны падает по гусю. Стреляет и другой, и так же падает по одному гусю. „Вот теперь будете охотники знаменитые. Я вас теперь проведу в союз.“

И вот стали они ходить по лесу. Однажды увидели они зайца и хотели стрелять. Вдруг заяц им отвечает: „Стойте, не стреляйте в меня! Я вам дам два зайца“. Они остановились, не стали стрелять. „Вот за это, что вы меня оставили спасенного, я вам дам в распоряжение два зайца“. Пошли, и эти зайчишки побежали за ними, как будто они ручные.

Идут дальше, смотрят — лиса. Они прицелились ее стрелять. „Нет, не стреляйте меня! Я вам два лисёнка принесу. Вот вам будет оплата“. И выносит. Идут дальше. И за ними — лисята. Идут все друг с дружкой мирно. И уж имеется их четыре.

Идут дальше. Выбегает волк. Они его стрелять. И этот отвечает: „Не бейте меня! Вместо одного я вам двух приведу“. Они отвечают: „Тащи!“ Тот нырнул и выводит из кустов два волчонка.

Идут дальше. Попадается им медведь. Они и его убить хотели. Медведь говорит: „Нет, не стре-

ляйте! Вместо одного я вам двух медведей дам, и которые будут обслуживать ваши приказания“.

Стало быть, они шли еще и задумались. „Вот интересно,—говорит,—какая вещь! Давай покушаем“. Сели, вытаскивают те продукты, которые были с ними. Звери глядят, они кушать тоже самое хотят. То, что у них оставалось, они отдали им. И говорят: „Это для нас образуется хорошая охота. Только одного нехватает. Еще бы одного зверя—льва“. Тогда бы мы жили как следует. Все бы предохранения были бы у нас“. И вдруг вот видят—лев. Они стали бить его. И он им говорит: „Стойте, не стреляйте в меня! Я дам вам два льва, которыми вы будете интересоваться и пользоваться“. Вынимает и дает им два льва и говорит: „Следуйте за ними и слушайтесь их!“

И вот они последовали за ними. Охота у них была прекрасная. Хотели они возвратиться, один и говорит: „Слушай, брат. Теперь кто нас тронет? Теперь мы где хотим, там и ночуем“.

Шли они, шли, и скучно показалось. Они и говорят: „Много нам придется ходить. Мы еще молодые. А когда-нибудь придется нам все-таки разлучиться“. А когда они пошли от караульного дедушки, он дал им заповедный ножик, который не велел он кидать, а хранить всегда в ножне. „А когда будете расходиться, то воткните его в ножны. А потом, когда друг про дружку не станет слышать, где кто находится, в каком состоянии этот нож вам всё расскажет. Придете, вынете его и посмотрите, какая сторона заржавела. И этот брат или же погибает, или же в тяжелом состоянии. То тогда отыскивайте друг друга“.

И вот они так и сделали. Когда настал момент им расставаться, они воткнули нож и пошли один на юг, другой на север.

Который пошел на север, этому встретился город. Город очень большой и в этом городе царский дворец. Но в этом городе как-то всё тускло. Черные флаги висят... Ему показалось это как-то дико. Заходит он в одну избушку, а там шумят: „Стой стой, а то вас змеи съедят!“ А он говорит: „А что,

у вас такие за черные флаги?" Ему и говорят: „Нынешний день у нас черный змей предъявил царю вывести свою дочку ему на съедение“. По поводу этого самого его величество и вывесил черные флаги. Он должен последнюю дочь отдать змёю“. — „Ну и что же, она пойдет туда?“ — „Да, собирают уже“. — „Ну и кто повезет ее?“ — „Она сама пойдет. Вот тут на горе стоит часовня, и она пойдет туда“. — „Жалко такую вещь“. — „Да, — говорят, — неприятно. Но отстоять не приходилось. Всё он сжигал огнем, этот змей“.

„Надо пойти, — говорит, — попытать, не защищу ли я ее“. И вот пошел и предъявил. „Я, — говорит, — хочу пойти постоять за вашу дочь“. Ну, а царь и говорит: „Если мою дочку защитит, то этот всегда останется моим наследником, а ее женихом“.

Она пошла, и он за ней вслед. Приходит она в часовню, и он туда. „Хочу постоять, — говорит, — за тебя“. А она говорит: „Напрасно, милый человек, многие стояли тут за других, но не устаивали. Получался огонь и всё он сжигал. Вместо твоих жертв уж пускай я одна пропаду“ — „Ну, ничего. Пускай я постою за тебя. Я посмотрю, что за змей. А пока пойду на охоту“. — „Ну ладно, когда так, то будь со мной, мне повеселее“.

И вот через несколько времени слышат шум, визг и вой. Влетает преогромнейший, большой, в несколько голов змей. И толкует: „Вот какой милостивый государь — вместо одной жертвы дает двух. Вот теперь я поем“. — „Ну, что же, если вы двух желаете“. — „А что? Вы подраться хотите? Ну, давай, выходи сейчас“. — „Погоди, — говорит, — я выйду сейчас, только я должен книжку прочитать перед смертью“. — „Ну, хорошо, даю тебе сроку два часа“.

Змей пошел гулять. Вдруг напал на охоту зверей и напугался. Там же лежит и лев, и напугался его. А он в этот момент, этот охотник, прочел эту книгу. И в книге нашел: „Вот в этом месте лежит под чугунной плитой меч, который должен погасить этого змея. И с ним вместе стоят два пузырька с теми напитками. Который выпьет эти напитки, тот свободно будет работать этим мечом“.

Он это сразу, быстренько сделал — всё это употребил и сейчас же свободно берет меч и стал быстро им руководствовать. Ну, подходит эта очередь, и начинают они драться. Змей и говорит: „Ну, ты как будешь драться?“ Охотник и отвечает: „Как хочешь“. — „Ну, я буду драться сверху“. — „Ну я снизу“. Поднялся он и хотел ударить. Но охотник в этот момент выпил из одного пузырька снадобы, которое от этого жара предохраняло. Так что этот жар ничуть не влиял на него. Сразу срубил ему две головы. А тут охота к нему подоспела и начала на него нападать. Он тогда срубил и остальные четыре головы.

Ну, вот покончил он с ним биться. Заходит в эту часовню и говорит: „Я убил его“. А она от радости бросилась на шею: „Спасибо тебе, дорогой человек. Ты меня спас от смерти и давай с тобой пойдем к моему родителю, и он должен выполнить обещание“. Он говорит: „Нет, погоди, я очень устал. Пожалуй, я сейчас с трудом пойду. Я вот лягу здесь и засну. А если вы тоже хотите лечь, то выберите местечко“. — „Спасибо на этом. Но я только боюсь, кабы еще кто на нас не напал“. А он говорит: „У меня есть охота. Она сторожить будет нас“. — „Ну ладно“. И легли. Она легла в одном месте, он в другом, и заснули. Охоте приказал: „Вы караульте меня. Не пускайте никого“.

В этот момент лев тоже самое утомился и приказывает медведю: „Ты будь караульным, а я засну“. А медведь приказывает волку: „Слушай, мол, карауль ты, я немного засну“. А волк тоже пригрелся, захотел спать и сказал лисе, а сам заснул. А та препоручила тоже зайцу. И вот эти все звери, оказывается, основались на одном зайце. Заяц сидел-сидел и говорит: „Теперь все спят, а я тоже хочу“ — и он заснул.

И вот идет прохожий. Увидел этого убитого змея и увидел спящих этих всех людей. А он знал обещание царя. Взял отрубил голову охотнику, разбудил царевну и говорит: „Но ты не говори, что тебя спас охотник, а я. А если ты так не скажешь, то я тебя зарублю сейчас“.

Она на всю охоту надела по бусинке, сняла с себя и одела: „Это для воспоминания и их застоя за нас“. И сама пошла. Но она не видела, что когда охотник погубил змея, то он из каждой головы отрезал языки и завернул в бумажку и положил в карман.

Ну, и она с ним пошла. А этот прохожий порубил этому змею голову еще короче и понес к царю. И взял их все собрал, завязал и принес царю и говорит: „Вот я порубил головы змею, я спас твою дочь“.

Все обрадовались, развеселились. Флаги везде красные повесили и стали готовить свадьбу спасителю.

После этого проснулась охота и видят, что у них хозяин зарубленный. И вот один на другого из них обрушил всю вину. И виновным остался зайчик. Вот лев и говорит ему: „Вот за твою спячку, за твое всё мы тебя разорвем. И если ты его не воскресишь, то ложись с ним“. Зайчик заметался во все стороны и говорит: „Погодите, есть у меня такое озеро, где есть живая и мертвая вода. Я принесу“. И вот принес. Скрылся и убежал, и принес живой воды.

Сбрызнули. И голова приросла, и человек встал. И говорит: „Фу, долго я спал. Никого не осталось даже тут“. А лев и говорит: „Ты и сейчас бы спал, хозяин. Пришлось много хлопотать за тобой. Ты лежал без головы, чуть не был потухши. Вот заяц сбегал за живой и мертвой водой, и мы тебя воскресили“. — „Ну, мы теперь пойдем обратно“. И, значит, пошли они все в город. И видят халупку эту. Видят, совсем новый город, черные флаги сняты, а красные повешены.

Он спрашивает: „Что же, хозяйка, видится сейчас в городе?“ — „А это, когда вы были у нас, то змей на съедение взял дочку цареву, а теперь ее спасли, и царь отдает ее за спасителя“. — „Интересно, — говорит, — что же такой за спаситель?“ — „А очень малый такой мужественный. Он и головы-то все принес на показ. И царь теперь успокоился. И знает, что в жизни его никто не беспокоит“. —

„Хорошо, такая вещь, интересно бы теперь узнать, как проходит в их дворце приготовление?“ — „Ну, ладно, — говорит, — я, пожалуй, сейчас пошлю кого-нибудь“. — Послал зайчика: „Ну, вот, зайчик, ступай во дворец. Пусть она пришлет нам что-нибудь покушать“. Написал и послал.

Заяц побежал. Быстренько забежал в зал. Они пируют, веселятся. Он подбежал и толкнул ей ногу. Она глядит, а на нем ее бусы. Она вспомнила: „Стой, это ведь зайчик, это ведь мои бусы“. Прочитала записку и говорит: „Дайте самые лучшие кушанья и самые лучшие напитки. И вот с этим зайчиком отнесите туда, куда он пойдет“. Это всё сделали, и с этим зайчиком отнесли в эту халупку. Принесли и видят, кругом много зверей опасных. А он говорит: „Не бойтесь, они у меня никого не трогают“.

Стало быть, поели. И послал опять тут лисёнка. Лисёнок сходил и принес ему уже не питание, а принес ему разного рода бумаги для письма. Теперь, значит, очередь отвел, дело подходит к вечеру. А он пока ничего своего не тратит. Послал волка. Когда волк пошел туда, его все собаки испугались, Все бегут. И волк заламывает, идет во дворец и отдает записку. Они ему дают все и отправляют. А посланный-то и спрашивает: „Слушай, господин, как же это у тебя все звери слушаются и всё исполняют? Как же это получается?“ — „А вот как. — Рассказал. — Когда они боролись со змеем, то моя охота подсобила ему. И государыня-то за эти хлопоты подарила их вот этими бусами. И вот теперь она всех их знает. И все бумаги, которые я пишу, они носят“.

Теперь приходит второй день. Во дворце все готовились к свадьбе. И вот он в этот момент не стал никого посылать, послал только медведя со львом. Они пошли. Ну, а знать про них никто не знал, кроме нее. А она по просьбе отпускала всё, что он просил. И за ними за следом она отца попросила: „Запрягите мне карету и положите туда всякие напитки, и я поеду туда, куда поведут эти звери“. — „А зачем?“ — „А затем, что они остались

сиротами. Когда я шла, я их видела. И вот теперь они меня жалеют. И вот за это, за их жаление я им повесила свои бусы. И вот теперь они ко мне льстятся, я пойду их проведать". Ну, она поехала. Увидела его. Обрадовалась, что он жив и рассказала ему: "Он сказал, что зарубит меня, и вот я слушалась. Я при всех клялась, что он меня спас. И в этот момент он пользуется всем интересом перед отцом". — "Ну, ничего. Пускай будет так же. Только в последний момент за столом ты обо мне вспомни".

Хорошо. Это они все сговорились. И потом она от него уехала. И вот время подошло к свадьбе. Пошли к столу. И она говорит своему отцу: "Папа, есть у меня еще один человек, который для меня хороший, но никому незнакомый. Разреши его пригласить". — "Пожалуйста, пожалуйста! У меня всего хватает". И послал за ним.

Он приходит и этого жениха спрашивает: "Как же это у вас дело произошло со змеем? Как это вы не испугались?" — "А так же, — говорит, — счастье ведь играет человеком. Обессилел его, и он покорился. Я, говорит, буду меньшим братом твоим. И я его изрубил на мелкие кусочки". — "А правда это?" — спрашивает охотник. — "Да, это правда". — "А ну-ка принесите эти головы". Моментально принесли эти головы. И интересовались все-все: "Вот, — говорят, — какой враг был нашему государству, и все-таки он убит". — "Теперь верно, — он говорит, — хорошая вещь, что вы его убили. Это заслуживает авторитета во всем царстве. Только что-то у них языков-то нет?" — "У него, — говорит, — не было". — "Ну, как же? У каждой твари на земле есть язык". Он тогда из грудового кармана вынимает эти языки и прикладывает их — и они как раз пришлись, как тут и были.

Тот стушевался, и все гости испугались: "Как это так? Откуда эти языки?" — "Да так, мне тяжело было эти головы отрубить, я и отрубил им языки. Я устал тогда и заснул. А он отрубил мне голову. Ну, а звери мои меня подняли, оживили. А вы, будьте добры, спросить свою дочку, и она: в этом деле подтвердит". Сразу же она и сказала

„Да, это есть, действительно, правда. Он меня под силою оружия, что отрубит мне голову, велел сказать, что он меня спас“.

Ну, тут сразу все сказали, что его снять и отдать по закону, куда он принадлежит. А этого поженить на этой дочке. Так и сделали.

Пожили они много все-таки с ним. Но его охота так и осталась с ним. И всё им хотелось по-своему на охоту. И вот раз видит он в саду лось. Подбежала хорошая-хорошая лось. И он сказал своей жене: „Вот прибежала лось. Я пойду ее убью“. Она его не пускала, но он на своем настоял. И долго они шли — она его провожала.

Дошел он до дуба. Стоит дуб, он задумал возле этого дуба переночевать. Вот вдруг слышит стон. Он посмотрел на все четыре стороны, никого не видеть. Лежит его охота. И вот он посмотрел, сидит старая-старая старуха на дубу и стонет: „Мой милостливый, измучилась я тут“. А он говорит: „Слазь сюда“. — „Я бось твою охоту“. — „Она у меня никого не трогает“. — „На вот возьми прут и хлыстни впереди и позади“. Он взял этот прут, хлыстнул всех, потом и себя, и все обратились хрустальными камнями. Она слезла оттуда, перекатала их в реку и успокоилась.

А тот брат раз и говорит: „Эх, давно я своего брата не видал. И воротился на то место, где был нож воткнут. Приходит и видит, одна сторона вся заржавлена. Обратилась одна сторона чистая, а другая поржавленная. Он и говорит: „Пропал мой брат. Надо его найти. Где ни где найти надо“.

Зашел он в этот город, и его встречает народ, на карете его встречают, будто идет их наследник. А он и знать не знает. Он видит чуду. Везде его слуги. Схватывают его, сажают в караул и ведут во дворец. А там его встречает братнина жена и говорит: „Где же ты пропадал? Я об тебе скучилась“. Он сразу вошел в себя и говорит: „Много я исходил, а ничего хорошего не видал. И вот пришел сюда“.

Дело подошло к ночи. Все стали собираться спать. Он положил между себя меч и сказал ей:

„Слушай, если ночью ты станешь мне что такое говорить, то я засеку тебя. А если я тебе что стану говорить, то ты засеки меня“. Она говорит: „Хорошо. Да этого никогда с нами не было“. — „Но вот я, когда шел, то поклялся одному человеку не трогать тебя“.

Дожили он до утра и он спрашивает: „Слушай, когда я от вас пошел, то куда я пошел?“ Она говорит: „Ты прямо пошел по этой аллее“. — „Ну, ладно, если я прямо пошел по этой аллее, то опять по ней пойду. А то я сбился с панталы“. И шел и шел. И его звери вели по этой дороге, потому что следы еще были свежие и звери чуяли.

И вот тоже самое они дошли до этого дуба и сели около него. Сел он и закусывает. Слышит шум. Он посмотрел на все четыре стороны — никого нет. Он посмотрел наверх и видит старуха сидит и стонет. „Ты что стонешь, бабушка?“ — „Да я всю жизнь тут сижу. А нынешний день хотела слезть. А тут вот ваши звери“. — „Слезь, мои звери не тронут“. — „Нет, ты возьми вот прутик и махни на все четыре стороны“. — „Я тебе говорю, слезь. Я своих зверей не бью и себя не бью. А тебе говорю: ты слезь“. Она не слезает. „А, так ты не слезаешь!..“ Он отрывает от своего пиджака серебряную пуговицу и заложил в ружье и стрельнул в нее и убил ее из ружья — и не погасил ее; она сидит, как не бывало. Он опять стрельнул и опять ничего не мог сделать. Она слетела.

Он взял ее за руки и говорит: „Ну, — говорит, — старая карга, говори, где мой брат и его звери? Иначе я тебя сейчас же уложу“. Долго мучился с ней. Но она все же сказала: „Твой брат и его звери превратились в камни“. — „Ну давай мне их воскрешай!“ Она берет прут и говорит: „На вот этот прут и хлыщи по камням“.

Он взял этот прут и начал хлыстать. И все камни обращались то какими-нибудь зверями, кто охотниками. И хлыстнул и воскресил своего брата. Они обрадовались и обнялись и пошли в город.

Идут они опять в этот город. И вот, который воскресил — брат меньшей, говорит, что его здесь

встретили царь и его дочь. (А тот брат взял убил эту старуху: „Чтобы ты больше этого зла не делала“).

И вот старшего гордость взяла, и говорит: „Как же ты так с моей женой ночевал?“ Вынимает меч и как ударит его и убил. Но у него еще оставался прут. Приезжает во дворец, и вот его опять встречают, но уже слова не те. Он приехал уже как наследник. И жена к нему подходит с таким ужасом и мало с ним говорит. Он спрашивает: „Почему вы со мной не хотите? Или вы обо мне не скучились?“ — „Да как же мне с вами говорить? Когда мы легли спать, то вы говорили, что голову мне отсечете, или, если вы со мной будете говорить, то вам голову отсечь. Как же ваши порядки соблюдать?“ — „Нет, — говорит, — я так не говорил. Я у вас и не был“. Ну она, значит: что такое, чем объяснить? И говорит: „Такой-то день пришел такой человек, как вы. Такие-то слова говорил. И когда мы ложились спать, промежду нас меч положил. И говорил: „Если я буду что говорить, то вы мне отрубите голову, а если вы, то я вам чтобы отрубила“. Тогда он и говорит: „Эх, это ведь мой брат. Я ведь зря зарубил брата, он ведь не виноват“.

Пошел скорее. Труп его еще валялся. Охота его лежала возле него. Приходит. Ударил его этим прутком. Брат его встал и с обидой с такой говорит: „Зачем ты меня воскресил? Я бы уснул немножко“. А тот говорит: „Прости меня, брат, я думал, ты с моей женой был. Я сам был потом дома и всё узнал. А теперь, мол, прости меня за мою к тебе обиду. И давай пойдем ко мне“.

И пошли к нему. Тут их встретили с радостью. Объявили пир на весь мир. И они остались жить-поживать и добра наживать.

383.

ПРО ЦАРЯ И ДВУХ МАСТЕРОВЫХ

В двух городах жили два мастеравые. Один был столяр, другой—слесарь. Вот слесарю задумалось уехать в другой город. А столяр из своего в дру-

гой. Поехали. На дороге встретились и разговорились. Один другого спрашивает:

— Далеко ль едешь?

— Вот в город такой-то.

— Зачем?

— Поступить на работу.

— Напрасно, я оттель. Там не поступишь на работу. Я оттель вот еду.

— А ты зачем?

— Еду тоже поискать работу. Там у нас плохо. Места нет.

Что делать? Один с другим думают и надумали:

— Поедем, — говорят, — в центральный город Москву. Я, — говорит, — слышал, как будто наш царь берет всех мастеровых на учет. Только такое дело: он берет от каждого мастера пробу его изделий.

— Ну, поедем.

И поехали. Приехали. Доложили. Царь им говорит:

— Вот вам срок, сделайте свое изделие и принесите пробу. Вот вам пропуск.

Они идут и думают: „Что же делать?“ И давай один другому пособлять. Давай один другого не бросать. Заходят они в свои квартиры. Один и говорит:

— Вот я буду делать такие вещи. А ты делай мне мотор.

Это быстренько, легонько они сделали. Сделали они пробный аэроплан. Несут пробу. Приносят. А у него там много таких сидит приемателей. Он их спрашивает:

— Ну, что сделали?

Столяр говорит:

— Мое искусство такое...—развязывает, раскладывает и сделал аэроплан.

Другой говорит:

— А мое искусство — вот к этому аэроплану есть мотор.

Ну и что же? Подкрепили они этот мотор к аэроплану и пустили по залу его летать. Все его испугались и говорят:

— Эти люди нам не нужны. Давай их вышлем из пределов нашего государства.

И выслали. А этот аэроплан взяли в собранном виде положили в склад всякого мастерства.

У царя рос сын. Начал вырастать. Начал везде ходить и раз забрел в этот самый музей. Много он там перекидывал вещей, и вот ему из всех вещей понравился аэроплан. И он всю жизнь по младости держал его в виду. Подрастая к 18 годам, царевич заинтересовался посмотреть свое все государство и другие державы. Но вот на чем? Это вопрос. Теперь он коснулся опять этого аэроплана. И все-таки решил сделать судьбу на этом аэроплане — сделать путешествие. И начал просить отца своего.

— Папа, разреши поехать по своей державе, отпусти мне капиталу. Мне хочется посмотреть, где какие богатства.

Держать он не стал, отпустил.

— Поезжай, сын, посмотреть, где какие богатства.

И дал денег много. Он зашел. Взял этот аэроплан, вышел из города и полетел. Но царство их было не так большое. Он быстро с ним мог ознакомиться, и это ему казалось мало. Он пишет письмо отцу своему: „Папа, проехал я свою державу, денег у меня нехватило. Я прошу еще выслать мне с вашим любимым гонцом, а я нахожусь в таком-то месте“. И он стал ожидать. Когда царь получил письмо, взял, отсчитал денег и послал своего гонца, тот ему отвез.

Теперь, когда царевич получил деньги, и удалился дальше в другие державы. Но отец про это не знал. Приезжая в другую державу, видит город. Не долетая до города, остановился в маленькой деревушке. Вдруг все испугались: „Что такое? Прилетел на воздухе, как птица? А из этой птицы вышел человек. Это страшно“. Но близко никто не подходил.

Заходит он в одну халупу. Там жил хозяин с хозяйкой, но детей у них не было. Хозяйка, довольна шустрой, спрашивает:

— Откель, добрый человек?

— Я, — говорит, — из далеких стран. Летел посмотреть вашу местность. А вы мне расскажите, что впереди стоит за город?

— Это, — говорит, — наш столичный город. Тут живет наш царь, нашего государства.

— А вышка какая это в городе стоит?

— Это вышка вот такая. У нашего царя родилась дочь, — начала рассказывать хозяйка, — царю во сне пришлось видать, что дочь его в девушках может родить сына. А вот он поэтому сделал эту вышку и отсадил ее туда, чтобы она никогда не видала мужчин.

Он подумал.

— А что-иль, мол, обязательно не видать мужчин? Ведь она отца своего видала?

— Нет, она не видит и отца своего, никого, кроме своей няни и матери.

Удивительно ему показалось, что она не видала мужчин. И вдруг она в девушках родит, получится такая стихия, то что же с ней будет?

Хозяйка говорит:

— Государь говорит, если окажется, что дочь моя... то я ее при всем народе казнить буду.

Спросил возраст ее. А сам вечером наладил аэроплан. Написал записку и так тихо сбросил ей на балкон. Пишет там: „Послушай, государыня, мне интересна жизнь ваша, когда вы отсажены от людей, вы не знаете половины света“... — и закончил.

Сбросил, а сам отправился опять к хозяевам. Вышла она поутру на балкон, видит — бумажка, берет и читает. И что за дело? Удивляется: „Кто может так писать, когда только я одна могу“. И задумалась и тою же минутою написала записку и пишет: „Интересно увидеть такого человека, который моей науки. Тогда по письму мы можем говорить“. И тоже взяла и положила на балкон.

Вот он опять тихонечко сел на аэроплан, сел на балкон, взял, прочитал записку и написал, что „ты можешь видеть такого человека, только чтоб нас никто не заметил“. Она опять прочла эту записку, радушно обрадовалась и дала согласие, чтоб встретиться с ним.

Когда подходят те часы, он садится на аэроплан и поднимается к ней. И вот они встретились с ней. Ей вперед было страшно. Но с тем же оборотом он ей понравился. И они были с ним немного в секретном положении и случайно пожеились с ним. Но об этом никто не знал. Но только ее стали замечать в секретном положении.

Но все няньки и с ними же мать болели душой о ней, так как они знали приказ царя. И думали, что он ее не допустит до этого, что она нашла дитя, и он за это ее исказнит. Но все-таки долго ли, мало ли — пришлось им сказать царю. Он так рассерженно, так гневно велел построить площадку в своем центральном городе. И на этой площадке он выставит палачей и при всей большой публике он будет казнить дочь свою. Назначил день казни и объявил своему всему народу, которые съехались на этот день. И она объяснила мужу своему, чтобы он посмотрел казнь ее.

Когда собрались люди, вывели на ту площадку ее. Она стояла в тяжестях, бледная, пребледная, увидала людей вокруг себя необъятное множество. И она забыла казнь свою. Ее заинтересовало, что творится в природе. Попросила она слово у отца своего:

— Папа, в последний час и минуту дайте мне слово сказать народу, что я в жизни их не видала никогда.

Разрешил он ей. Она начала говорить, а палачи стояли, ожидая слов конец ее. Им жадно хотелось попользоваться головой ее. Но сказала она несколько слов и только хотела сказать „До свидания, весь народ, я ухожу“, но вдруг тут опустился ее муж на аэроплане, посадил ее и увез.

Все от страху запугались этого. Не могли смотреть отсутствие ее. Даже сам царь сказал: „Наверно, я ее похоронил“.

Спустились они в той деревне, где была его квартира и стали жить-поживать до тех пор, пока родился у них сын. Сына они называли Иван Счастливый и сами отдали его на воспитание этой хозяйке, а сами скрылись. Но при нем оставили неисчислимый денежный капитал и сказали:

— Воспитывай его, учи на что он способен. А что тебе нехватит, мы еще представим больше.

Прилетели домой. Отец его ждет и час и минуты. И когда он увидел их, он от страху умер. Остался он при матери, которая в наследство получила царство.

Когда тот младенец их воспитывался у хозяйки, он закончил ходить в школу, его хозяйка определила в город. Когда он кончил среднее образование, ему заинтересовалось быть военным, и он стал учиться на офицера. Учился хорошо. При нем была, на память повешена, золотая гривна царского знака. Стоял он там на квартире, но часто приходилось прибегать к своей воспитательнице. Но это ему было странно, что его воспитатели живут в деревне. Хотелось ему их увезти в город. Неохотно было старикам ехать туда, но все-таки они желание его исполнили. А тем более старушка уговорила старика: „Будем жить — я стирать, ты дрова колоть. Так и будем жить“. Она надеялась, говорила, что проживем в городе. Но у ней денег было несметное количество, которые им оставил царевич на дитя. Сняли квартиру. Остановились жить. А у него друзья офицеры, которые вместе учились в школе, жили роскошно. Пришел он и говорит:

— Бабушка, мы очень плохо живем. Смотри на моих товарищей, — какие у них костюмы хорошие и квартиры. Как они живут великолепно, и родственники их из себя выглядят интеллигентно. Они посулились в гости ко мне: я у них был. А мне их встретить нечем.

Она отвечает:

— Не заботься об этом, а иди в хороший магазин. Давай извозчика и поедem.

Ему странным показалось:

— Откель чего она возьмет? Стыдно из магазина-то выйти будет.

Она ему говорит:

— Давай едем.

И поехали. Приезжают в магазин самый наилучший. Заходят. Она и говорит ему:

— Слушай, Ваня, подыскивай себе костюм, ко-

торый самый наилучший и самый дорогой, по вашему требованию. Ваня спрашивает костюм. Но невольно не надеялся купить его. Когда надел его, она спросила:

— Хорош? Бери.

— Да, хорош, бабушка.

Уплатила она за него и спросила его:

— Ну, что еще нужно?

И купили ему всю обряду. Тогда он сказал:

— Еще, бабушка, этого мало. В такой обряде я буду обращаться, никто не поверит. Давайте и вам такую обряду.

И они успокоили Ивана Счастливого. Тогда он пригласил всех товарищей к себе на квартиру, угостил их так, как они его. И стали держать экзамен. Все эти ученики, которые учились с Иваном Счастливым, сдали как один.

Но под последнее время ему не понравилось это, он задумал открыть магазин. Попросил у бабушки разрешение, она ему позволила, и он начал торговать. Иван Счастливый торговал совершенно просто. Где получает, где не получает за товары деньги. Но товара у него прибавлялось все больше и больше. Так что его признали верно Иван Счастливый. Тут все торгаши засердились на него: у всех доход отбил он. Ему пришлось уехать отсюда. И он вступил в другой город. Но там он не открывал магазина, а определился к одному ларёшнику. Толкует:

— Слушай, господин, прими меня торговать с собой.

Он ему отвечает:

— А что тебе торговать? Мне одному нечем.

— Ничего. Разовьем торговлю, только лишь прими.

Он его принял. Иван Счастливый где получает, где так раздает, а товара всё прибавляется. Через некоторое время у них получился не ларек, а полный знаменитый магазин.

Ну и тут ему стало скучно торговать. Он стал проситься у товарища:

— Слушай, отпусти меня от себя.

Тому жалко было:

— Зачем я его отпускаю, когда у меня с ним дело идет хорошо?

Но все-таки им пришлось разлучиться. Он взял от него больше денег. А весь товар остался в пользу того товарища.

Иван Счастливый садится на поезд. Уезжает в город дальше, где наткнулся на царство его отца. И дворец его там. И всё его семейство. У отца его было три дочери.

И вот Иван Счастливый остановился в этом городе и открыл маленькую лавочку. Пригласил с собой товарища, и начали торговать. И оно опять этак же: где получает, где так раздает, а у него всё лучше и лучше товары из всего города. Он всех отшиб торгашей. Его материалы получались иностранные, самые лучшие шелка, а также одежды. Тогда даже царские дочери забирали все материалы из его магазина.

Иван Счастливый был очень красивым молодыком, и царские дочери любили его и занимались с ним разными переписками. Тогда они в своем молодом состоянии сделали заговор, сделать подкопы, чтобы никто не знал и ходить один к другому на свидание. Но скоро открыли этот подкоп, и узнал об этом подкопе сам царь. И стал преследовать их, а Ивана Счастливого хотел исказнить.

Когда назначили день казни Ивана Счастливого, то он просил, чтобы его казнили при народе и при лице самого царя.

Настал час вызова его на казнь. Он вышел и сказал:

— Ну, давайте куда хотите меня.

Сняли с него белье, хотели рубить голову. Но вдруг сам царь берет его за руку и ведет его с собой. Спрашивает народ: чем это объяснить, что отменили казнь?

Но впоследствии это оказался наследник этого царя. В этот же самый момент снимает гривну с него, отдает матери и говорит:

— Тот сын наш, который был оставлен при смерти твоей.

Вот тут уже у них пошел пир не то что в своем государстве, а даже на весь мир. А как было весело! И я там был, всё: и мед и вино пил, по усам текло, а в рот не попадало.

384.

КАК Я СЛУЖИЛ У БАРЫНИ КУЧЕРОМ*

Работал я кучером у помещиков Струковых. И вот однажды понадобилось барыне поехать к соседнему помещику. Приказали мне запретить лошадь. Хотел я вывести кованую матку — дело то было постом, в гололедицу — а барыня кричит:

— Нет, нет, запрягай Орла!

Я ей говорю:

— Да, ведь, он некованный, не доедем.

Она знай стоит на своем.

Ну, запрет я его, посадил барыню в санки, застегнул накидку на ногах, сел на козлы, и поехали. Подъезжаем к оврагу. Только я повернул было в объезд к кладбищу, а здесь очень уж спуск крутой был и весь обледенел, а барыня-то опять заартачилась, вцепилась мне в спину, дернула за возжи и потянула на дорогу. Лопочет что-то (она была шепелявая), а я не пойму.

Санки и жеребец прокатились вниз по ледяному спуску. Я испугался, прыгнул. А барыня так с санками и покатила вниз — ноги-то у нее были закутаны. Скатились санки боком вниз. Барыня там лежит, на чем свет ругается. А меня зло взяло, все равно пропадать! И давай ее ругать:

— Что же ты не велела мне кованую-то матку запрягать? Вывози санки теперь, как знаешь, а я совсем уйду. Оставайся тут!

Вот она и испугалась. Зовет меня, кричит, просит. Сошел я вниз, распутал ее, дал ей возжи в руки и говорю:

— Идите навверх и тяните за конец. А я один вытаскивать санки не буду.

* Быличка

Вытащили мы кое-как санки. А она вся избита. Юбка у нее изорвана. Запрет я опять Орла, и поехали.

Проезжаем мимо лавки. Она велит мне купить кренделей и колбасы. Едем дальше. Она:

— Василий, ты, чай, поесть захотел?

Я молчу.

— Василий, на, съешь колбаски!

Я опять молчу. Она сует мне колбасы, кренделей. Подъехали к дому. Она говорит:

— Ты не сердись, Василий!

В следующий раз, как позвала ее к себе Суровчиха (соседняя барыня), она мне говорит:

— Закладывай скорей, Василий!

— Кого закладывать? — спрашиваю я.

— Да кого хочешь.

М. Т. Сесин

385.

КАК ЛЬВИЦА ВОСПИТАЛА ЦАРСКОГО СЫНА

У одного царя было большое царство. Царь правил своим богатым царством не больно до глубоких лет. И у них, к счастью, был только один сын (другому делать нечего). Царь дожил до сорока лет и помер. Сын его остался в несовершеннолетних годах. Вместо царя тогда управляла мать его (управлять было некому), пока возрастал молодой царь.

Взрос молодой царь до девятнадцати лет. Мать передала ему все царские дела, но все-таки советовалась, потому — не надеялась на своего сына: еще молод, управлял царь своим царством при советах матери.

И вот задумал съездить в соседнее государство посмотреть, что там делается. Много времени он ездил по некоторым царствам. У одного царя жил он три месяца. А у этого царя была дочь, и она ему понравилась. Тогда он задумал на ней жениться.

Из этого царства вернулся он домой к своей матери и стал говорить: „Мать, я хочу жениться, пришло мне время“. Матери не хотелось, чтобы сын женился. И если он женится, то уж будет советоваться с женой, а не с матерью. Поэтому мать не хотела, чтоб он женился.

Тогда царь молодой задумался об этом деле,

сделался печальным и невеселым. Тогда слуги стали замечать, что царь грустен и недоволен, и решили, что нужно собрать собрание и расспросить, чем он недоволен в нашем сильном таком государстве, чему он опечалился.

Царь хотел утаить и ничего не говорить, и говорит: „Всё у меня хорошо, и всё у меня гоже, но одного у меня в жизни нехватает“. Тогда его слуги спрашивают: „Что тебе нехватает, говори нам, всё для тебя достанем и всё сделаем, чтобы всё было для тебя“. Тогда царь отвечает: „Ничего не хочу я вам пояснить об этом деле, хочу только знать один“. — „Скажи, кто на тебя нападает войной или чем? Мы за тебя сложим головы“.

Царь подумал несколько и надумал рассказать им всю свою нужду и недостаток в чем у него есть. И рассказал он им: „Я был в соседнем царстве, и мне царская дочь понравилась. И вот я желаю на ней жениться, но мать не разрешает мне и не дает мне совет“.

Тогда слуги решили вызвать мать на свое собрание и расспросить, в чем дело, почему она не дает такого совета, чтобы женить сына? Вызвали мать на собрание и стали спрашивать. Мать начала говорить о том, что, мол, не может еще правдить государством, а потому и жениться нельзя. Слуги отвечают, как он тогда правдит, — ему уже и время жениться.

Наконец, мать дала свое полное согласие женить своего сына. И тогда послали гонца сватать невесту в соседнем царстве. Поехал гонец с письмом к царю, и царь был очень рад тому, что такой богатый царь сватается за его дочку. Когда царь прочитал это письмо и спрашивает свою дочь, желает ли она выходить замуж за этого царя. Дочь отвечает: „Иду“, — тоже дает полное согласие.

Тогда написали обратно письмо жениху и передают ответ гонцу, который везет ответ своему царю. Молодой царь встречает своего посла с великой радостью, что ему посол присылает письмо, и начал собирать поезд за невестой. Теперь поехал

царь за невестой к царю. Молодого царя очень хорошо встретили, и у них была великолепная свадьба.

Свадьбу отыграли, и живут молодые в своем царстве. И однажды молодой царь пошел один по саду прогуляться. А на одном высоком дереве было маленькой птички гнездо. А в этом гнезде было два маленьких птенца, и вдруг налетел ястреб и одного похитил. В это время все это происхождение царь видел. И об этом он стал сильно задумываться. И собрал он своих слуг и рассказал свое видение, и что это такое предвещает ему впереди.

Слуги никто не могли открыть это дело и решить, к чему и отчего видение. Только один старый слуга говорит ему: „Вот, ваше императорское величество, у нас есть в лесу отшельник-старик, тот может рассказать“. Тогда послали за этим стариком-отшельником в лес. Привезли этого старика из лесу, и царь рассказал ему всё свое видение. Этот самый отшельник ему и пояснил, что его впереди ожидает великое несчастье, а потом счастье. А выяснить всё наружу не мог, и сказать, что к чему, не мог.

О старой царице. Смотрите. Что будет твориться со старой царицей в это время.

Старая царица страшно злилась на это дело, что сын стал мало ходить к ней и советоваться, а тем более к жене. Была страшная лихость, старая царица думала как-никак извести сноху. А она уже родила ему два сына.

Какие старая царица ни делала наговоры, и он ей все не верил. Старая царица смотрит, что он ей не доверяет, а свою молодую жену любит и ходит к ней в кабинет, забавляется ее детьми и потешает их. И был он страшно в это время веселый. Матери всё это было страшно обидно, ее брала великая злоба.

Тогда мать придумала: „Погоди, я это всё сделаю“. Однажды встает она утром со своей постели, всходит к снохе в спальню и берет ее юбку с собой и показывает молодому сыну - царю: „Сколько раз я говорила тебе, оберегай свою жену, что она

тебя не любит и это дети не твои. Сейчас я была у нее в спальне и у ней сидел какой-то незнакомый юноша на постели. И, наверно, из твоих приближенных вельмож. А вот в этой юбке, в кармане, я взяла пузырек с отравой, которой она хотела тебя отравить“.

Тогда молодой царь поверил матери своей и сильно-сильно обиделся на жену и предал ее суду. Даже не говоря своим вельможам, захотел он наказать свою жену и даже посадил в темницу. Тогда полиция приходит к его молодой жене и говорит: „Собирайся, забирай своих детей и идите, мы вас отведем в темницу“.

Горько плачет царица и говорит она полицейским: „Идите и скажите своему молодому царю, что я желаю с ним проститься, что он меня ни за что наказывает так щедро“.

Но царь и не принял те слова, что желает с ним проститься, и слугу прогнал громко от себя и на слугу крикнул: „Немедленно отправить ее, я даже глядеть на нее не желаю за такой подлый поступок!“ А она совсем ничего не знает.

А мать молодого царя была очень рада такому делу, что царь наказывает свою жену так грубо, и стала стремиться тем более его уважать, чтобы сын не смилостивился над женой. И стала еще сильнее ему наговаривать. Вельможи все аж глаза вытаращили. Что такое, зачем царь наказывает свою жену?

Тогда в это время царь собрал своих вельмож и сделал суд своей жене. И царь рассказал, что будто бы его жена хотела отравить. Но слуги ему не верили и говорили, что это ложное, что это зря.

Но царь так и кончил тем, что немедленно приказал ее отвезти в дальние места совместно с детьми. И слуги не пошли против царской воли и решили отвезти царицу в назначенное место. В назначенный день собрались слуги и весь народ проводить царицу. Собрался весь народ и слуги, и она горько плачет и на обеих руках у нее дети. И она желала бы с царем проститься, но царь даже на глаза ее не захотел принять и желать ее прощения.

Тогда повели царицу в пустыню с ее детьми. Отвели несколько за город, проводил ее народ, а тут уже она пошла только с полицией, и народ вернулся оттуда. Полиция ее доводит до назначенного места, и прощается с ней, и оставляет ее в дремучем лесу одну с детьми. И горько заплакала царица и пошла в дремучий лес и думает себе, где найти приют, не для себя, а для своих детей. А тем более трудно было царице бродить по лесу одной, в пустыне.

Нигде не нашла ни шалаша, ничего. Пришлось ей ночевать в лесу под деревом. Нарвала она травы, положила своих детей, а сама сидит и караулит. А в этом пустынном лесу были львы и тигры. Всю ночь рыскали звери мимо нее и щелкали зубами. Страшно было царице переносить такую нужду и тяжело ей было переживать этот трудный момент. И некоторое время она проживала в этой пустыне и кормилась только кореньями для подкрепления своих детей, чтобы было в грудях молоко кормить своих детей.

И в одну великую ночь накрывала сильная гроза. Звери ревели, и рыскали, и рычали мимо царицы, а она была ни жива ни мертва. Ударил гром, полил дождь. Прошла гроза, затих ветер и стало делаться светло. Звери все успокоились.

В этот момент царица отвернулась от своих малышей, чтобы добыть кореньев для питания. Отколынилась огромная львица и схватила у нее малыша. Царица бросилась за этой огромной львицей и горько заплакала, но сделать ничего не могла, потому что львица скрылась в кустах. Тогда несчастная мать взяла своего дитя и крепко прижала к груди и поцеловала и говорит: „Ну, вот видишь, лиходеи ваш отец меня как наказал: одного дитя похитила львица“.

И пошла она по лесу дальше. Шла, шла, наконец, выходит к городу, и смотрит, и узнает, что это есть город и принадлежит ее мужу. Тогда царица не захотела сделать измены и горько заплакала, и пошла обратно в лес, и напала на одного старика-отшельника, который несколько лет жил в лесу.

И попросилась она у него ночевать. И он ее охотно пустил.

Живет она у него день, живет два и думает себе: „Надо собираться уходить, и не охота, но делать нечего“. Начинает она собираться и плачет. Но старик видит, что молодая женщина собирается и так горько плачет, и начинает ей говорить: „Что ты так горько плачешь?“ — „Как же, дед, мне не плакать? Некуда мне голову приклонить“. Тогда ей дед говорит: „Ну, ладно, оставайся у меня вроде дочери. Я помру — ты похоронишь“. Охотно царица согласилась и осталась у старика прожить некоторое время. Теперь царица живет у старика.

Будем говорить о том сыне, которого утащила львица у царицы.

В это время у львицы был львенок, но он пал, а львица утащила ребенка и стала его кормить своими грудями. И кормила она его до семнадцати лет.

И львица не осталась с ним на том месте, где она схватила ребенка у матери, а перешла на другой остров и на том острове его воспитывала.

И когда ему сравнялось семнадцать лет, иностранные ехали на корабле и остановились у этого острова. Вышли из корабля и пошли погулять. Смотрят—стоит молодой юноша. И стоит он обнаженный—никакой одежды на нем нет, и вокруг его лежит огромная львица. И тогда иностранцы стали кричать: „Иди к нам сюда“, — но он этого языка не понимал. Тогда они начали подманивать его рукой, наконец он понял русский язык и стал говорить: „Я никак не могу к вам подойти“. Тогда один из них срывает верхнюю одежду и бросает ему. Он берет одежду и идет к ним, а они его начинают спрашивать: „А кто ты такой есть?“ Он им отвечает: „Не знаю я ни родины, ничего, помню я одно, как львица кормит меня своей грудью“. Иностранцы начинают его звать с собой на корабль. И он охотно согласился с ними ехать и поехал.

Приезжает в это царство, где живет его отец, но отец не знает этого, что у него есть сын. Когда приехали иностранцы в его город, и царю интерес-

но узнать, с чем они приехали и что привезли. Посылает своего посла узнать, с чем иностранцы приехали. Посол пошел на пристань и стал смотреть на этот корабль. И видит он: ходит юноша по кораблю, а за ним огромная львица и не боится людей. И мимо его ходят люди, тоже не боятся. Но только он предупреждает, не велит ее трогать. А то она может кинуться, разорвать.

Посол приходит к царю и рассказывает всю эту историю, что он видел. Царь собирается сам, едет на пристань и покупает этого юношу и львицу. Юноша со львицей живет у своего отца, но царь не знает, что есть его сын.

Ну, а теперь будем говорить о царе, что в это время было с ним.

Царю стало скучно, когда он отправил свою царицу в пустыню. И задумал он съездить на охоту и велел оседлать своего коня. Оседлали коня, и поехал царь со своими приближенными в лес на охоту. Въезжают в лес и видят чудовище-человека, который рычит, как обезьяна, и оброс весь шерстью. Тогда интересно показалось царю, что это за чудовище и они начали кричать его. Теперь царь подъезжает к нему и спрашивает, что это за есть человек и почему он оброс шерстью.

Тогда человек-чудовище сел и начал рассказывать про свое происшествие и свою жизнь. Как он, по словам своей матери, издевался над женой и вогнал ее в могилу. Царь это стал слушать внимательно, эти слова от этого человека. И этот чудовище стал рассказывать.

„Когда у меня была мать, она рассказывала мне разные наговоры. Я матери слушал, бил жену, сгонял со двора и теперь от этого у меня жена заболела и в конце концов умерла. И я ее похоронил и чувствую, что я напрасно гнал жену, и начал ходить на разные могилы и стал плакать. И вот со мной такая история приключилась. Я оброс шерстью и стал таким человеком“. Человек-чудовище в этот момент вскочил, и побежал по лесу, и закричал таким пронзительным голосом.

Тогда царю показалось это страшно, и думает себе этот царь: „Значит и я свою жену напрасно проводил в пустыню“. И не мог подняться с места этот царь и влезть на седло и обратно ехать в свое царство, с этого расстройства.

Теперь слуги подымают царя, сажают в седло, и немедленно едет он в свое царство. Приезжает царь домой и немедленно приказывает собрать слуг и ехать в пустыню искать свою жену.

Но уже было поздно. Поехал отряд в пустыню, ездил целых два месяца и не могли найти. Оборачиваются обратно, докладывают об этом. Царю стало жалко, что он не нашел свою жену. И он начал часто задумываться об этом деле. Не так жалко ему было жену, как жалко было малолетних детей.

О царе мы кончили. Пойдем обратно к царице, которая проживает у отшельника в землянке со своим единственным одним сыном.

Живет она некоторое время. Старик у нее помер, отшельник. Осталась она одна. Теперча сын возрос до семнадцати лет, устроил себе лучок, ходит на охоту. Мать оставалась одна, при этом случае у ней имелся перстень отцов, который у нее оставался от мужа. И она, когда провожает сына на охоту, берет этот перстень и смотрит на него и плачет. И несколько раз сын в этом деле захватывал ее. И всматривался, что такое мать постоянно плачет с этим перстнем. Тогда он стал спрашивать мать, почему это так. „Почему ты мне, мать, не говоришь, кто у меня есть отец?“ Мать ему говорит: „Отец твой утонул в море, когда мы ехали на корабле. И поднялась сильная буря и разбило корабль, а нас с тобой выкинуло на берег. И вот мы теперь в этой горе проживаем“.

Теперча сын не знает своего отца, поверил всю свою судьбу матери. И опять себе преспокойно живет и охраняет мать свою. Однажды пошел сын на охоту и смотрит — рядом город. Под городом собрались войска, и встречается ему один человек пожилых лет. Тогда он спрашивает этого человека,

кому этот город принадлежит. И рассказал про царя, что к его царству подступает другое царство и подступает войной.

Но царь ищет таких смелых людей в защиту своего царства. И захотелось этому молодому юноше пойти в защиту этого царства. Теперь молодой юноша приходит к матери и просит ее отпустить его на защиту этого царя. Мать начинает со слезами на глазах просить своего сына: „На кого ты меня спокинешь при старости лет?“ Но сын отвечает матери: „Мать, не беспокойся, я приеду тебя навестить“. И начал мать свою просить. Но мать его не отпускает. Тогда сын отвечает своей матери: „Если ты не отпускаешь меня добровольно, то я уйду сам“. Мать тогда подумала себе: „Ну, чего же — надо отпустить сына добровольным порядком, а то сам уйдет“—и отпустила его.

Вместо благословления подарила этот ему перстень. Тогда юноша простился с матерью своей и пошел в защиту царя. Юноша не знал этого, что это есть его отец. Приходит к царю юноша и заявляет, что он желает идти в защиту царя. Царю это показалось интересно: откуда-то неизвестный молодой человек пришел и идет защищать его царство. Тогда царь дал ему богатырские доспехи, коня—всё то, что полагается ему для военного действия.

Собрался этот юноша, и с ним поехал тот, которого воспитывала львица. И вот они собрались два юноши и выехали против неприятеля. Но львица не отставала от того юноши ни на шаг. И носятся эти два юноши по неприятелю, как два ясных сокола. Не столько поражал юноша, как рвала львица. И победа оказалась на ихой руке.

Победили неприятеля и собрались в царский дворец для торжества победы. Стали торжествовать победу, царь обносит чарами вина этих молодых юношей.

Теперь молодой юноша, который был с матерью, долго был на пиру и думает себе: „Ну, я здесь жив остался и жирую, но мать моя не знаю как живет. Надо съездить к ней и навестить, при пол-

ном военном обмундировании“. Тогда царь спрашивает: „А где твоя мать находится?“ — „Мать моя находится в землянке одного покойного отшельника-старика“. — „Расскажи, какими судьбами вы попали в лес, к отшельнику в землянку“. Он ему отвечает: „Я тебе не могу рассказать, только знает моя мать — я не помню“.

Царь себе думает: „Случайно, не жена ли моя“. Тут сын снимает с своего пальца перстень и дает царю, и говорит: „Мне мать дала в подарок перстень золотой“. Тогда царь спрашивает: „А ну-ка я посмотрю перстень“. Царь смотрит: „Перстень-то мой. Где же твоя мать? Я бы пошел у ней побывать, и я поеду у ней побывать“.

Теперь царь распоряжается: великолепный экипаж! А сын еще не знает, что царь собирается. Сын его снаряжается в свое военное обмундирование, садится на коня и едет за ним.

Едут они и выезжают в лес, куда ведет их сын по дороге. Подъезжает к землянке, слезает с коня, а мать уже сына встречает с великой радостью, кидается к нему на шею и начинает целовать. Рада была до смерти, что сын ее остался в живых.

Царь смотрит на эту картину и узнает свою жену. И с великим нетерпением выпрыгивает из своей повозки и становится на колени и начинает ее просить: „Прости меня, что я сделал такое преступление и ни за что я тебя наказал и выслал в пустыню. И собирайся сейчас, и едем на мое царство“. Тогда царица собралась, села и поехала в его царство.

Приезжают. Царь задал великолепный пир, на все свое царство большое торжество.

Был у них веселый пир. Втроем они пировали: отец, мать и сын. А еще молодой юноша был с ними, который был воспитан львицей, и сильно призадумался. И говорит он своему товарищу: „Вот видишь, какое счастье! — Нашел ты себе отца и мать, а у меня весь вид звериный, моей матери“.

Ну, мать все-таки всматривалась в этого молодого юношу и будто признавала его. И стали спрашивать его, как это дело было. Но он рас-

сказать не мог и рассказал за него отец, как он его купил у иностранных приезжих на корабле совместно со львицей. Тогда мать признала и этого сына и бросилась ему в объятия, и принялась его целовать. И вот уже тут у них была великая радость, что вся семья сошлась в одну кучу. А свекровь уже была в могиле, померла.

Тогда и царь приказал не верить матерям, и не велено ни одному другу верить своей матери. И стал жить себе покойно до глубокой старости.

Пожили своих детей и отдали царство в их руки. И теперь этим царством дети управляют.

386.

ПРО ПОПА

Для примеру, хоть вот у нас в Куракине была церква. И в этой церкви служил поп и дьячок. Приезжает князь из Москвы. Попу говорят, что завтрашний день придет князь к обедни, и нужно прослужить обедню как-либо получше. Поп себе и думает: „Как получше?“.

Призывает к себе дьячка и говорит: „Вот отец-дьякон, завтра будем служить обедню и тянуть, „господи помилуй“ и тянуть „с“. И ты тоже самое говори „Аминь“ и тоже тяни „с“.“

Как началась обедня, приходит князь в церковь, становится и начинает молиться богу. Поп из алтаря посмотрел—князь пришел, и начинает: „Господи, помилуй с-с-с“. Дьячек ему отвечает: „Аминь-с-с-с“...—тянет.

Тогда князь заметил, что попы служат так интересно. Подзывает к себе своего швейцара и говорит ему: „Иди к своему попу и скажи, чтобы поп обедню служил попросту“. А поп не понял того, что ему сказали „попросту“ и думал, что ему сказали „по мосту“. Тогда поп, облаченный, идет в алтарь и начинает: „Как по мосту, мосту моему, по тому мосту по калиновому“... —И оба с дьячком пошли по церкви плясать. И князь на то осерчал, косу попу отрезал и выгнал вон из церкви.

ПОП И МОРДВИН-КОЛЕСНИК

Поп начинает служить: „Премудрость!“... А мордвин стоит и говорит: „Э, батюшка, что это за „премудрость“—ты вот сделай колесо!“

ПРО ЧИСТОТУ, КРАСОТУ
И ВЫСОТУ

Один солдат приходит к одному мужику ночевать, с походу. А у мужика баба завела блины. Утром встает баба и запекает блины.

Переночевав ночь, солдат утром встает, а мужик берет кошку и говорит ему: „Если узнаешь, что это такое, то я тебя досыта накормлю“. Солдат думает себе: „Кошка, и всё“. Тогда мужик и говорит:

„Ты не угадал. Это есть *чистота*. Когда ты не узнал—живи еще сутки у меня“. Солдату приходится еще одни сутки прожить—охота блинов покушать.

Проживает солдат сутки, мужик берет солдата, подводит к печи и говорит, показывая на огонь: „Это что такое?“ Солдат думает себе: „Огонь, и всё“.— „Нет, тогда ты опять не угадал. Это есть *красота*. Тогда оставайся еще на сутки“,—и не дал ему блинов.

Солдат остался и стал ждать этого моменту, когда уйдут из дому.

Из дому все вышли. Солдат преспокойно сел, накушался блинов, достал из печи огня и взял эту самую *чистоту* и привязал ей на хвост уголь и пустил ее. Тогда *чистота* прыгнула с пола на потолок и зажгла дом, а солдат пошел из дома вон.

Попадается ему мужик этого дома, он ему и говорит: „Слушай, гражданин, твоя чистота красоту понесла на высоту.“ Мужик и думает: „Что же это такое?“

И солдат уже ушел из видков. А у мужика дом загорелся.

Тогда мужик догадался, что солдат правильно сказал, что — *чистота красота* понесла на *высоту*.

389.

НЕБЫЛИЦА

Во времена Иона сидел я дома,
На печке, на печё, на девятом кирпиче.
Прилетели ко мне два духа: комар да муха,
Взяли меня за волоса и подняли в небеса.
Там стоит церковь из пшеничных пирогов

складена,

Сметаной смазана.

Там пол был немощеный, незагвозденый.

Ну-ка я его лепешками намащивать,

А краюшками нагваздивать.

Пошел дальше, там стоит поп...

Пошел я дальше, там стоит пономарь,

Я этому лодыжки поласкал и молитву прочитал.

А оттудова я хлоп на костер—

Не лазай туда, когда у тебя нос не остер.

390.

НЕБЫЛИЦА

И вот однажды купил я себе липовые лапти,
у меня от лаптей выросла липа и скрозь до небес,
да такая сучкливая.

А по этим сучкам залез я на небо.

А тамо нужно муху с мушонком,

на это дают корову с телянком.

У меня как-то в кармане заваялись две:
муха и мушонок. Я их сменял.

Подхожу к тому месту, где влезал,
смотрю—дыра, а липы нет.

Я—что делать? Надо спускаться.

Коров порезал и телят, содрал с них шкуру.

Нарезал ремней и свил себе веревку,
и стал спускаться.

Теперь спустился; но нехватает мне до земли,
и вишу я над озером и думаю:

„Что ж мне делать, веревки у меня нехватает,
приходится прыгать.“

И я прыгнул в озеро и погряз по самую шейку.

И вылезть мне нельзя было из трясины.

В этот момент бежит волк к моей голове,
и я его схватил за хвост, и он меня вытащил.

И я пришел домой.

Сказки разных сказочников

391.

АНТОН—ОЗОРКОВАТЫЙ КУЧЕР

У одного помещика был кучер Антон. А барин был расхож по гостям... и начал он хитрить, как бы барина отучить.

— Антон!

— Что изволите, барин?

— Как бы нам на подсидку съездить, зайцев подсидеть на гумне?

— Можно. Только знаете, Александр Григорьевич, жил я у одних господ, был там управляющий, он на подсидке зайцев садился в водяную бочку.

— А зачем он садился в водяную бочку?

— А вот зачем. Если в солому закопаться, солома зафурчит, когда вы будете оборачиваться, и заяц близко не подойдет.

— А ведь это правда, Антон. Запрягай-ка бочку.

Запрёг Антон бочку, привез на гумно, начисто вылил воду. Зимнее время, конечно. Барин сел в бочку, а Антон отпрёг лошадь и увел ее в сарай. И сам ушел обогреться.

Сидел, сидел барин в бочке, сильно прозяб, кричит:

— Антон, Антон!

Антон подходит к нему.

— Что вы, Александр Григорьевич?

— Я ведь сильно прозяб, а зайца нет.

— Так вы шли бы туда, в овчарку, и обогрелись бы.

— Да чорта два! Давно бы я пришел, да сапоги примерзли к бочке.

Антон запрѣг лошадь да повез его домой.

— Вылезай, Александр Григорьевич!

— Да сапоги не отдерешь!

— Цепляйтесь мне за шею и освобождай сапоги. Пусть они останутся в бочке.

Вытащил он его и внес в дом. Немного погодя барин опять:

— Ну-ка, Антон, запрягай-ка лошадь в беговые сани, поедем в гости.

Антону уж очень не хотелось. И придумал он. Подал лошадь. Барин выходит, садится в сани.

— Вы, Александр Григорьевич, закутайтесь хорошенько тулупом, воротник хорошенько завяжите. И завязал его своим платком так, чтобы ему чуть только глазами можно было видеть. А сам повез его кругом. Чувствует прошло времени столько, как бы до тех гостей доехать, подвозит его к своему дому.

— Тпру!

— Что, приехали? Вот как скоро. Да что за чорт! Дом точно как мой. Видно, Антон заплутался, в пурге ничего не видал. Ну, чорт с тобой!

Так ему ничего за это не сделал.

На другой день:

— Запрягай-ка, Антон, лошадь—в гости.

Подал Антон лошадь. Барин вышел, сел. И уехали в гости. Приехали. Барин пошел в дом, а кучер откладывает лошадей на конюшне и говорит хозяйским конюхам, к которым приехал в гости.

— Хотите водку пить?

— А где деньги взять?

— А вот где: Александр Григорьевич придет лошадь закладывать, а я спрячусь. Он и будет вас просить: „Запрягите лошадей!“ А вы ему скажите: „Да на вашей лошади хомута-то нет, и Антона нет“. Он начнет вас просить, и за просьбу по двугривеннику давать будет. А вы ему всё не запрягайте, будто того нет, другого нет. И так продолжайте

до тех пор, пока он вам рубль двадцать копеек не даст, чтобы нам четверть купить.

Приходит барин на конюшню.

— Антон, закладывай лошадь.

А конюха и говорят:

— Вашего Антона нет.

— А... запьянствовал. Ну, запрягите-ка вы мне, ребята, лошадь, чорт с ним, пусть он останется, потом пешком придет.

И дал двугривенный.

— Александр Григорьевич, на вашей лошади хомута нет.

— Ах, вот как! Так, должно быть, он что-нибудь порвал и понес к шорнику его чинить. Запрягите-ка мне свой хомут, вот вам двадцать копеек.

Так за каждую просьбу они брали по 20 копеек. Его же хомут называли своим. Наконец, запрягли лошадь.

Тут и Антон откуда-то взялся. Садится он в сани. А лошадь подхватила его и понесла, барин и сесть не успел.

— Ах, Александр Григорьевич,—кричат кучера,— разбила она его, разбила! А сани боком тащатся.

Барин испугался:

— Садитесь верхами, ребята, нагоняйте, а то лошадь-то его задушит.

Конюхи поселись верхами и поскакали прямо к кабаку. А как выпили четверть водки, тогда и вернулись.

392.

ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЕЦ

Один богатый землевладелец прожился совсем. Но у него был лакей. Прежние знакомые вздумали повидать барина. Время подошло, нужно было им закуску подать, барин кличет лакея:

— Человек! Почему же ты обед без салфетки подал?

— Но у нас их, сударь, нет.

Показалось это барину обидно перед своими

знакомыми, что у него действительно нет салфеток. Когда гости уехали, он—нагоняй лакею:

— Как ты, братец, глупо сделал: так ответил, что у нас салфеток нет. Должен был сказать, что они в стирке.

— Хорошо, сударь, в следующий раз я так и сделаю.

Проходит несколько времени, заявляются опять к ним гости.

— Человек! Подай ножи и вилки!

— Они, сударь, в стирке.

393.

БАРИН И ГОРШЕЧНИК

Ехал однажды по дороге горшечник. Навстречу ехал барин на тройке с кучером. Барин был сугробый, он кричит горшечнику: „Сворачивай!“

У горшечника лошадь, конечно, была плохая, не сворачивает.

Он говорит барину: „Сворачивайте вы, а то у меня лошадь плохая, утопится в сугробе... и все мои горшки разобьются“.

Барин долго не разговаривал, слез с повозки взял лошадь горшечника под уздцы и своротил ее с дороги, повозку перепрокинул, горшки все перебил и горшечника исколотил.

Направились домой. Горшечник поехал домой без горшков. Приехал домой, продал лошадь, купил инструмент плотницкий и поехал в это село, где барин живет, плотничать. Идет и кричит: „Кому избу или баню срублю: без подбивки теплая будет“. Барин услышал и говорит: „Лакей, иди плотника позови“. Барин спрашивает: „Можешь мне срубить баню?“ Он говорит: „Могу срубить, без подбивки будет греть“.

Поехали они в лес за дубками для бани, поехали опять с кучером. Плотник с барином переехали на лодке, а кучер остался на том берегу. Вот они стали искать деревья для бани. Нашли один дубок, ходит, щупает плотник. „Это хороший будет“.

Спилили. Другой спилили. „И это хорош будет“. И третий спилили. „Это тоже будет хороший“, — говорит плотник.

Четвертый подпилили, плотник щупает, щупает, говорит: „Барин, может вы ущупаете, пойдет ли этот дубок под баню, я никак не ущупаю, хороший или нет, для бани“. Под дубом была палка подложенная, чтобы руку не прищемить. Когда барин стал щупать дубок, плотник вытащил палку из-под дуба и ему руку прищемил. Когда прищемил ему руку, он взял срубил палку и стал охаживать палкой барина. Бил, бил и приговаривает: „Помнишь, ты у меня лошадь своротил с дороги и горшки переколотил и меня избил?.. Не учись, — говорит, — горшечников с дороги сворачивать, не учись горшки колотить, не учись горшечников бить“...

Избил чуть не до полусмерти. Избил и взял инструмент и сбежал. А лакей ждал, ждал, видит барина чего-то нет, переехал на эту сторону, видит, что барин лежит избитый, едва живой. Тут он взял палку, опять подпихнул под дубок, освободил руку, пальцы все были забитые. Он его дотащил кое-как до речки, перевез на лодке, посадил на тройку и увез домой.

А этот плотник прибѣг домой, продал инструмент и купил лекарства и поехал в эту деревню лекарем быть. А приехал в эту деревню, начал кричать: „Кого лечить? Мое лекарство сразу вылечивает: день лечу и вылечу“. Барин услышал и говорит: „Лакей, иди скричи лекаря-то“. Лакей вышел, лекаря скричал.

Этот лекарь зашел, барин говорит: „Вылечишь меня от побоев?“ Лекарь и говорит: „Истопите только баню, один раз только побаню и вылечу“. Когда они припасли баню, он взял его в баню, где припас два пареных прута. Побанил его там сперва, а потом, когда вылез барин на полук, он взял свои хворостины и давай барина охаживать. Бьет и приговаривает: „Помнишь, ты у меня лошадь своротил с дороги и горшки переколотил и меня избил?.. Не учись горшечников с дороги сворачивать, не учись горшки колотить, не учись горшечников бить“.

Когда он его этими прутьями исхлестал, сам вышел из бани и пошел домой. Пришел домой, продал всё лекарство, купил хорошего жеребца и дрожки. Заехал в это село, встал на дрожки стойма и кричит: „Я, говорит, барину сруб рубил, я, говорит, барина лечил“.

Несколько раз это он кричал. Барин и закричал: „Взять его сюда, приставить его сюда!“. Тогда ки- нулись сразу за лошадьми, тогда он дал кнута же- ребцу и домой. Вот они за ним гнали и не догнали.

Приехал домой и стал жить опять горшечником.

394.

ИЗ СУМКИ ДВОЕ

Жили - были старик со старухой, задумали они испечь блины. Старуха и говорит: „Иди, старик, займи муки“ (своей-то муки у них не было). Пошел старик к попу, занял у попа меру муки и несет домой, а сверху-то ничем не прикрыл. А ветер был сильный, он у него и размел всю муку. При- ходит старик домой, а старуха спрашивает:

— А мука где?

— Ветер размел.

— Иди, дурак, жалуйся на ветер.

Пригорюнился старик, идет, дошел до леса, смотрит — избушка на курьих ножках. Он и говорит:

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, а ко мне передом!

Повернулась избушка, он и вошел, а там Баба- яга, костяная нога, лежит на полатах, а сиськи на печке.

— Эй ты, мужичок, дело пытаешь или от дела лытаешь?

— Когда и дело пытаю, а когда и от дела лытаю.

— А сейчас зачем пришел?

— На ветер жаловаться.

— Ну, а ведь ветер-то сын родной мой, а что он тебе сделал?

— Да вот я занял меру муки, а он у меня ее и раз- мёл.

Прилетает Ветер, здоровый такой парень. Баба-
яга говорит:

— Ты что мужика обидел, муку у него размёл?

— А что он ее не покрыл.

— Ладно, давай ему чего-нибудь.

Ветер достал сумку, повесил ее в передний угол
под образа и говорит:

— Из сумки двое!..

Вышли двое, начали жарить, парить, чего только
ни наложили. Мужик только есть успевает. Ветер
говорит:

— В сумку двое!

Двое собрали со стола и обратно в сумку. Дал
Ветер старику сумку, он и пошел.

Пришел домой, старуха спрашивает:

— Ну, добился чего?

А старик:

— Садись, старуха, за стол.

Старуха села. Повесил старик сумку под образа
и говорит:

— Из сумки двое!

Вышли двое, стали жарить, парить, накормили
стариков.

Теперь старуха говорит:

— Иди,—говорит, — барина в гости зови!

Не хотел старик итти, да старуха заставила.

Пришел к барину, говорит:

— Моя старуха вас в гости зовет.

Как барин закричит:

— Ах ты, такой - сякой, дайте ему плетей да
прогоните со двора!

А лакей шустрый был, говорит:

— Поедем, барин, может, чего нового услышим.

— Ну поедем.

Запрягли тройку. Приехали. Старуха суетится:

— Садитесь сюда, барин, сюда, миленький!

Повесила сумку под образа:

— Из сумки двое!

Вышли двое из сумки, стали жарить, парить,
всех накормили. Встал барин из-за стола, говорит
лакею:

— Бери сумку.

Взяли сумку и уехали.

Теперь старуха и говорит:

— Иди на барина жалуйся!

Не хотел старик итти, да старуха заставила. Идет, видит лес, на опушке избушка на курьих ножках. „Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом!“

Повернулась избушка, а в избушке Баба-яга на полатах лежит, а сиськи на печке.

— Эй ты, мужичок, дело пытаешь или от дела лытаешь?

— Когда и дело пытаю, а когда и от дела лытаю.

— А зачем сейчас пришел?

— На барина жаловаться.

— погоди, сын придет.

Прилетел Ветер, а мужик ему и рассказал, как барин у него сумку отобрал. Достает Ветер другую сумку, вешает в передний угол:

— Из сумки двое!

Выскочили из сумки двое казаков и давай мужика плетью охаживать. Бьют и приговаривают:

— Не приглашай барина в гости, не корми его, у тебя всего-то одна сумка была!

Били, били. Старик еле вымолвил: „В сумку двое!“

Пришел домой:

— Старуха, садись за стол!

А сам залез на печь. Старуха и говорит:

— А ты чего же не сядишься, или не хочешь?

— Нет, меня уж накормили!

А сам с печки и говорит:

— Из сумки двое!

Выскочили из сумки двое и давай старуху плетью охаживать:

— Не приглашай барина в гости, не корми его, у тебя-то и всего одна сумка была!

Били, били, наконец, старуха вымолвила: „В сумку двое!“

— Зови, старик, барина в гости.

Пришел старик к барину:

— Вас моя старуха в гости зовет.

— Ах ты, такой-сякой, дать ему плетей да прогнать со двора.

А лакей:

— Поедем, барин, может, чего нового услышим.

— Ну, ладно, едем.

Приехали, старуха и говорит:

— Садитесь, барин, за стол!

Повесила сумку в передний угол:

— Из сумки двое!

Выскочили двое казаков и давай барина с лакеем охаживать:

— Не ходи к бедным в гости, не отбирай у них сумку, у них у самих-то есть нечего!

Бьют и приговаривают. Били, били; теперь барин кричит:

— Лакей, принеси сумку!

Лакей вырвался и бежать за сумкой, а молодцы всё барина охаживают. Барин всё кричал, а потом и кричать перестал, а они всё бьют.

Вот прибегает лакей, сумку несет, отдал старикам. Тогда старуха и говорит:

— В сумку двое!

Те спрятались. А лакей положил полуживого барина на телегу и привез домой.

А старик со старухой стали жить-поживать и добра наживать.

395.

БАРИН И КУЧЕР

Барин был... Он уезжал в город. Подолгу там жил. У него работник был. Раз он говорит работнику:

Едем в город, к теще моей.

— Едем.

— Приедем к теще, я скажу: „Тюрюрюк“, а ты отвечай: „Тюрюрюшечки“. Если она спросит, что это мы говорим, ты отвечай: „Это барин по-заграничному говорит, мол, есть хочет“.

— Идет.

— Приехали. Вышло время, барин говорит:

— Тюрюрюк.

Работник отвечает:

— Тюрюрюшечки.

Теща отозвала незаметно работника за печку и спрашивает на ухо:

— Что это вы с барином говорите?

— Это он по-заграничному говорит: „Я, де, с дороги спать хочу“.

Уложила теща барина спать. Он лежит, с боку на бок ворочается — есть хочет. А они с кучером сидят выпивают да призакусывают.

Ночь подошла, а барина не будят...

396.

КАК БАРИН ТЕЛИЛСЯ

Барин ел очень хорошо. И отрастил пузо здоровое... И кучеру говорит:

— Кучер, я, наверно, беременный! Давай запрягай лошадь и поезжай к врачу.

Поехал к врачу. И тот велел привезти от барина мочу. Но когда он повез мочу, то нечаянно пролил ее и набрал от коровы. Врач признал, что действительно барин стельный.

Вот барин Куракин и говорит:

— Запрягай, я уеду куда-нибудь телиться, чтобы в Куракине не знали.

Ехали, ехали, сапоги нашли. Заехали к одной старухе. У ней как раз корова телилась. И теленка положили к барину на печку. Барин проснулся и щупает возле себя теленка и кричит шопотом:

— Работник, вставай, я уже отелился.

Работник и говорит:

— В двенадцать часов ночи я никуда не пойду. Хочешь, так беги.

Он вскочил и пошел. А работник взял да на печку эти сапоги и положил.

Утром встает работник и говорит хозяйке:

— Ваш теленок барина съел, а сапоги оставил. Работник подал на хозяина в суд и две тысячи рублей высудил, а лошадей тоже продал.

Вот приходит к барину, тот спрашивает:

— Ну, что?

— Да что? Ты отелился да убег. А меня поймали да лошадей отобрали.

А у самого в кармане денежки.

397.

ПРО ГУСЯ

Вот был крестьянин бедненький. Он и говорит один раз своей жене: „Баба, давай одного гуся зарежем. Зажарим и отнесем его барину“. Жена согласилась: „Что же? Может, как-никак даст за это хлебца?“

Вот принес он гуся к барину. А дома была только жена барина. Мужик поклонился ей и говорит: „Барыня, вот вам гусь. Дайте мне за него для пропитания хлебца“.

Барин услышал этот разговор, вышел и говорит: „Ты нам его с женой раздели!“

Тогда мужик стал его делить: „Голову — это барину. Вы, барин, голова в дому. Вот вам нате головку“. Барыне отложил задущечку: „Ты, барыня, помощница мужу, сидишь в дому“. Крылышки отдал девушкам: „Вот вам крылышки. Когда дойдете вы до взрослых лет, вы улетите“. Двум сыновьям дал по ножке: „Вы ходите, топчете отцовы дорожки“.

Любопытно это было барину. Он послал за бурмистром, чтобы он запрёг пару волов и насыпал мужику хлеба.

„Ну-теперь, барыня, я разделил. А сам остался глуп: мне остается один хлуп“.

398.

С ТОГО СВЕТА

К одному попу зашел странник, попросил кусочек хлебца. Матушка его и спрашивает: „Откуда ты, родименький, идешь?“ Он ей говорит: „С того света, матушка“.

Матушка заплакала. Он спрашивает: „Что ты, матушка, плачешь?“ А она ему и говорит: „Не видали ты нашего сыночка, мы его только что похоронили“. Он и спрашивает: „А как его звать?“ Она гово-

рит: „Аркадием“. — „Как же, — говорит, — я его вижу, он мне близко знакомый мой. Но уже очень он там обносился: нагой и босой“.

Она и говорит: „Не возьмешь ли парочку-две белья для него“. — „Хотя, — говорит, — и трудно, ну да ладно, возьму. А еще, — говорит, — там очень из питания трудно. Колбасы совсем нет. А масла сливочного и не видим“. Она и говорит: „Вот хорошо, что сказал! Это всё у меня есть!“ Тот говорит: „Ну все равно уже захвачу“.

Сына-то ей жалко, и вот она тому страннику и того и другого тискает. Он говорит: „Будет! Не донесу, матушка“. А она: „Ну, как-нибудь!“

Всё это он навязал в узел, пообедал у ней, распростился и ушел. В это время попа дома не было — он был у заутрени.

Приходит поп. Она ему и говорит: „Отец, — говорит, — у нас от Аркадия был человек. Я услала ему гостинец“. А поп говорит: „Да разве можно с того света притти? Ты мне покажи, куда же он пошел?“

А она ему показала путь, куда пошел странник. Он запрег лошадь и поехал этого странника догонять. Когда он стал уже совсем его догонять, странник заметил его. А здесь были близко стога сена смётаны. Вот поп за ним. А странник за стога сена побежал. Поп тогда поставил лошадь к стогу и за ним — пешком. А странник с другой стороны забежал, сел на лошадь и поехал. Поп бежит тоже кругом стога, а лошади уже нет.

Приходит домой. Попадья его и спрашивает: „А где у тебя лошадь?“ — „А я ее сыну послал. Ты что думаешь? Он тебе только сынок-то, а мне пасынок? Я ему лошадь туда же послал“.

399. ПРО ПОПА

У раневского попа пропала свинья, и он грешил на бедного человека. А к нему пристать нельзя, ведь не пойман-то — не вор. Он и дожидался как раз этого время, как он к нему на исповедь придет.

Ну, пришел он к нему исповедываться, поп рад до смерти.

— Ну, Семушка, кайся во всех грехах. А если ты не раскаешься, то ты будешь вечно в аду кипеть.

— Нет, нет, батюшка, всё, всё расскажу, все подробности.

— Ты свинью-то украл у меня?

— Украл, — баит, — батюшка.

— А куды ты ее дел?

— Зарезал да и съел.

— Ну, Семушка, теперь кайся. Ты будешь вечно в аду кипеть. А если ты покоришься мне, то будешь весь век с малыми детьми в саду гулять. Ну, Семушка, я вытащу тебя из аду.

— Вытащи, батюшка. Я тебе хорошо сделал, свинью украл. А сделаю еще чище, еще лучше.

— Ну вот, Семушка, как обедня отойдет, я выйду на амвон, и ты подходи ко мне.

Обедня отошла. Батюшка и рассказывает:

— Ну, слушайте, граждане, я вам истинную правду скажу. Как я вам скажу, и Семушка вам так скажет.

Батюшка отошел. А Семушка подошел и говорит:

— Ну, граждане, у кого рыжие дети — все от попа.

А поп-то был рыжий.

Выскочили молодые ребята да давай этого попа трясти. Он выскочил из церкви, ризы у него моются, а собаки хватаются. Он запутался да и упал.

400.

ПОП И РАБОТНИК

Был старик со старухой. У них три дитя. Старик помер. Старуха осталась с тремя детьми. Они бедны-бедны были. Один мальчик и говорит: „Мам, я пойду наниматься к попу“.

Ну, шел дорогой. Дала ему мать горбушку хлеба. Он шел, шел, дошел до конца. Пришел, за-

кусывает он. Идет старичок: „Хлеб-соль вам!“ А малый говорит: „Большая дорога вам, что хошь говори!“ Старичок пошел дальше.

Мальчонка после пошел к попу. Приходит к попу и говорит: „Батюшка, наймусь к вам в работники?“ Ну, священник говорит: „Наймися у меня кобылу пасти. А еды тебе — вверх шапку кинуть. Если день пропасешь, то дам денег сто рублей. А если не пропасешь — ремень из спины“.

Ну он стал пасти. До обеда пропас. Она ела хорошо, кобыла. Приносит ему в обед поп пищи всякой. Пей, ешь, что хошь. „Кинь шапку вверх!“ А шапку кинул вверх — кобыла и убежала. Есть некогда. „Теперь, — говорит священник, — кобыла убегла. Иди, вырежу у тебя ремень из спины“.

Приходит домой, плачет. Ну, делать нечего. Мать говорит: „Что же теперь делать?“ Вот другой говорит: „Мам, я пойду“.

Отрезала ему мать кусочек хлебца, и он пошел. Также закусывает вокруг колодца. Ну, старик идет опять и говорит: „Хлеб-соль тебе“. А он отвечает: „Большая дорога тебе, что хочешь говори!“

Старик опять пошел дальше, а мальчик к попу. Приходит: „Батюшка, наймусь в работники?“ — „Ну, хорошо. У меня работа легкая. Только лошадь пасти. Пропасешь день — сто рублей, а не пропасешь, сбежит — два ремня из спины. А есть — шапка вверх“.

Стал пасти. Приходит поп в обед. Приносит еды — ешь, что хошь. Шапку-то бросил, и кобыла убежала, есть-то и некогда. Убегла у него кобыла. Он приходит к попу. Поп вырезал два ремня. Он идет домой — плачет.

Ну, третий говорит: „Мама, я пойду“. Она говорит: „Сыночек, зачем ты пойдешь? Феденька да Петенька не спасли и ты не ходи“.

Ванюшка взял кромочку хлебца и пошел. Приходит к колодцу, закусывает. Старик опять идет: „Хлеб-соль, хлеб-соль!“ А он, Ванюшка, говорит: „Садись, дедушка, со мной!“

Дедушка садится, закусывает и говорит: „Деточка, пойдешь к попу наниматься, возьми это зеркало. Когда будешь кушать, то из-за пазухи зеркало вынь. И будешь кушать. Одной рукой кушай, а сам глядись в зеркало, а шапочка будет вертеться, ты что хочешь будешь кушать“.

Пришел он к попу. Священник нанял его. Тоже сутки пасти и сто рублей денег. Когда он пропас до обеда, священник приносит ему кушанье. Он разложил его. Зеркало вынул, шапку кинул. Покушал, зеркало спрятал и пошел. Кобыла пасется. Пропас кобылу до вечера. Священнику жалко, сколько всего скушал. Говорит старухе: „Сколько он съел, да еще 100 рублей ему дать“.

А малый приходит к нему: „Батюшка, давай расчет“. Ну, а старик-то сказал ему, что сто рублей не бери, а бери ковер-самолет. Вот когда ему поп сказал: „Бери деньги“, он и говорит: „Я их не возьму. Давай ковер-самолет. Ты, батюшка, черно книжник, тебе плохо будет, если ковер не отдашь“. Священник забоялся и отдал.

Ну, когда он дал ковер-самолет, Ваня и говорит: „Ну, ковер, неси меня, куда знаешь!“

Когда он ехал в лес, видит два разбойника нашли шапку-невидимку, скатерть-самобранку и дубинушку. Они стали драться; „У нас три вещи, а нас двое“. Ну он говорит: „Я кину шапку, кто до нее первый добежит, тому две вещи“. Они согласились. Он бросил свою шапочку—они побежали. Он одел шапку-невидимку и убежал. Прилетел на ковре-самолете в избу. Занес его ковер в избу. Ваня схоронился, ковер спрятал.

Прилетели в эту избу три голубя. Ударились голуби об пол, сделались три мужчины. Ну и говорят эти мужчины. Один говорит: „Я здесь знаю у попа дочь больно больна, хворает. А я знаю, чем ее вылечить. У попа есть рыжая кобыла, купить эту кобылу и зарезать. И взять у кобылы мозги, и эту дочь ими вымазать, и вылечится эта дочь попова и враз будет здорова“.

А другой мужчина говорит: „Я — говорит,—знаю, в одном селе нет воды ни капли. Люди мрут. А я

знаю, как воды дать. Один камень отвалить, воды будет много“.

А третий говорит: „А я, — говорит, — знаю, у царя дочь гуляет и не знает с кем. А дознаться хочется. Придет время, дознается“.

Наутро он садится на ковер и летит, где больная дочь у попа. Покупает кобылу, вымазывает дочь мозгами. За это Ване дают воз денег. Давали ему дочь, но он не взял. А на другой день он полетел воды людям добыть. Повел весь народ камень отвалить, вода пошла. А теперь он полетел к царю. Ну, царь говорит: „Если ты дознаешься, с кем гуляет моя дочь, — отдам тебе дочь“. Не узнаешь — голова с плеч. Он говорит царю: „Дай мне три дня“.

Когда ночь пришла, он стал караулить. Ваня ночью до 12 часов сидел. Девушка Нина собрала своих двенадцать подруг и поехала в медный лес. Они все сломали по прутику. И он сучочек сломил медного лесу. Прилетели в дом. Стоит у них колода. Эту колоду ударили они по разу и сделалось двенадцать молодцов. И стали они пировать тогда. А он невидим — никто не видит его. Сидит он на пиру в шапке-невидимке, никто не видит его. Когда они попиrowали, стали убирать, он у них украл вилку. „Батюшки, вещи никогда не пропадали, теперь пропали. Ну, ладно“. Стукнули палками, опять колода, а молодцы пропали.

Наутро царь спрашивает: „Ну, угадал?“ — „Нет, — говорит, — царь, я до трех ночей не угадаю“.

На другую ночь также все тринадцать девушек собираются. Опять садится на ковер-самолет и летит теперь в серебряный лес. Сломали все по пруту опять, а он сучок сломил. Прилетают опять домой. Ударили колоду. Сделалось тринадцать молодцов. Стали пировать. Пировали. Он украл у них блюдечко. Стали собираться. „Ах, что это такое? Кто это у нас ворует? Ничего не пропадало, никого нет. Ну, ладно“. Стукнули палочками и молодцов не стало. Стоит только колода.

Наутро царь спрашивает: „Не узнал, с кем гуляет?“ А Ванюша говорит: „Рано“.

На третью ночь они собираются опять. Садятся на ковер-самолет, летят в золотой лес, и он за ними. Сломали все по прутику. Он сломил золотой сучок. Также прилетают домой. Ударили колоду. Стали с молодцами пировать. Пировали. Он у них стакан украл. Они искали, искали: „Кто у нас ворует? Третью вещь у нас балует. Ну, ладно“. Стукнули палочками. Молодцы пропали. Они ушли домой.

Утром царь спрашивает: „Ну, говори. Теперь три ночи прошло“. А Иван ночью колоду к царскому двору принес. Царь выходит: „Что такое, у меня колода в воротах? Прямо на смех“. Разволновался. Пришел прямо к нему, к Ване. Ну, приходит к нему, говорит: „Узнал?“ — „Узнал“. — „А кто колоду принес?“ — „Я“. — „Ну, я тебе голову отрублю“. — „Нет, обождите, — говорит. — Идите, — говорит, — к ней, к этой колоде со мною“.

Ну, вышли с царем к колоде. Взял он и медный, и золотой, и серебряный прутья и стукнул ими по колоде, и выскочили тринадцать молодцов. „Вот ваша дочь с кем гуляет, с этими молодцами. Я у них стакан, вилку, блюдец украл“.

Тогда царь всех их пострелял, а за Ивана отдал дочь. Ей было неохота. А он выдал.

401.

БЕДНЯК ИВАН

Жил-был бедняк Иван. Много он обманывал попа. Сам Иван не имел ничего. Одну только жену. А был он кузнец. У него кузница была наподобие могилы. Теперь в одно время говорит он жене:

— Давай, жена, продадим всё и лошадь купим. А то я в кузнице ничего не получаю.

Дело это было перед крещением. Пошли Иван с бабой на базар. Продали это всё и всю одежду, а потом лошадь купили. И осталось у них копеек двадцать.

Привел Иван лошадь домой. Накормил ее. А

20 копеек запихал в лошадиный навоз и дерюгу расстелил. Поп со святой водой по дворам ходит, святит. Пришел это к Ивану, спрашивает:

— Ты что это, Иван, дерюгу под лошадь расстелил?

— Да она у меня деньгами ходит, — отвечает Иван.

— Как деньгами, Иван?

— Да вот, посмотрите! — и начинает деньги вынимать.

— Продай мне лошадь, Иван.

— Да что ты, батюшка, она у меня не продажная!

— Нет, Иван, правда, продай.

— Да она мне самому нужна.

— Вот мы с отцом дьяконом вместе ее и купим.

— Ну, ладно. Давай пятьсот рублей.

Тот толкает дьякона: мол, вместе купим. И купили лошадь у Ивана. Поп дьякона ткнул: я, мол, постарше и вперед возьму лошадь. А Иван и говорит:

— Эх, батюшка, если послаще накормить ее. Она... денег!

Приводит поп домой лошадь, начинает поп ее кормить хлебом, кормить послаще. Утром чуть свет побег с матушкой деньги собирать. Копались, копались, ничего найти не могут.

Прибегает дьякон.

— Ну как, батюшка, много денег?

— Два мешка набрал.

— Ну, батюшка, давай мне теперь лошадь.

Приводит дьякон лошадь домой, начинает ее кормить послаще. Утром, чуть свет идет искать деньги. Копался, копался... ничего не нашел.

Дьякон бежит к попу:

— Нет у тебя денег?

И пошли они Ивана убивать. А Иван зарезал двух овец, налил крови в пузыри и подвязал жене в подмышки. Поп с дьяконом приходят. А Иван и говорит жене:

— Собирай обедать!

Жена говорит:

— Скоро.

— Ах, скоро!

Иван — тык ей ножом в подмышки. Жена повалилась. Кровь потекла. Иван берет плетку со стены: „Плетка-живулька, оживи мою жинку“. Ну, раз ударил жену. А она как вскочит. И начинает обед варить.

Поп с дьяконом смотрят и спрашивают:

— За что ты ее, Иван?

— Да она не слушается. Говорю — обед собирай, а она не слушается, говорит — скоро.

Поп толкает дьякона:

— И у меня жена не слушается. Давай ее купим, эту плетку.

— Нет, батюшка, она не продажная у меня.

А поп всё просит:

— Продай!

Ну, Иван и продал ее за 50 рублей попу с дьяконом.

Прибегает поп домой и еще из сеней кричит жене:

— Жена, собирай обедать!

А жена не слышит. Вбегает поп в избу.

— Ты что же! Я тебе кричал обедать. — Хватает ножик, тык подмышку. Жена повалилась. Кровь пошла. А поп давай жену плеткой бить и приговаривать:

— Плетка-живулька, оживи мою жинку. — Бьет он ее, бьет, а жена не встает. — Ах, наверное я ее зарезал. Куда ее теперь деть? Куда?

Сунул ее в подпол. А в это время прибегает дьякон.

— Ну как, батюка?

— А, жена у меня шелковая стала, — говорит поп.

— Ну, давай мне теперь плетку. Жена у меня тоже не слушается.

Взял дьякон плетку, пошел домой. И еще со двора кричит:

— Давай, жена, обедать!

Жена не слышит. Вбегает это дьякон в избу.

— Ты что же не слушаешься? — хватает ножик и тык ей подмышку. Убил жену и плетка не помогла.

Бежит дьякон к попу:

— Батюшка! Я жену зарезал. Это всё Иван виноват, пойдем Ивана убивать.

И пошли они убивать Ивана.

Недалеко была гостиница. Пошел Иван в гостиницу. Набрал всего на пятьсот рублей и говорит хозяину:

— Когда мне будет нужно, ты подавай, когда я кликну.

Поп с дьяконом пошли к Ивану. А его дома нет. Тогда они пошли в гостиницу. А Иван там сидит за столом и кричит:

— Хозяин, подай мне!

То того спросит, то другого. Поел Иван, повернул шапку на другую сторону и говорит:

— Ну, хозяин, в расчете?

— В расчете, — отвечает хозяин.

Поп с дьяконом — за ним, за Иваном.

— Эх, Иван, продай шапку!

— Нет, — говорит Иван, — не продам.

— Ну, продай, — просят его поп с дьяконом.

— Ну ладно, купи.

А сколько ты за нее хочешь?

— Сто рублей, — отвечает Иван.

Купили поп с дьяконом шапку. Поп бежит с шапкой в гостиницу и кричит хозяину: „Подавай мне того и того-то“. Ему подали рублей на сто. Наелся поп. Поворотил шапку и говорит:

— Ну, хозяин, в расчете? — и к двери.

— Как в расчете? — кричит хозяин. А ты мне денег давал?

И зачали попу возить. Отвозили попу, насилу до двора дошел. Залег поп дома на печку и еле дышит.

Прибегает дьякон.

— Ну как, батюшка, наелся?

— Ох, дьякон, наелся, насилу до двора дошел, дух захватило.

— Давай мне скорее шапку, а то я есть хочу.

Берет дьякону попу шапку и бежит в гостиницу. Хозяин гостиницы смотрит: „Что такое? Сейчас в этой шапке попу удил“. Садится дьякон за стол, кричит хозяину, что подай того, другого.

Наставили ему рублей на сто на стол. Ел, ел дьякон и сажает того, другого, этого за стол и угощает. А что не поел дьякон, то в карманы поклали.

Повернул дьякон шапку направо. Начинает вставать иттить и говорит:

— В расчете, хозяин?

— Как в расчете! Ты мне платил?

Сгребли этого дьякона и давай возить. Дьякон насили вырвался с этой шапкой и прямо к попу.

— Ну,—говорит,—батюшка, накормили меня... Посмотри, у меня, не знай, ребра-то целы ли? Вот как шапка тебя кормит.

— Ох, отец дьякон, у меня у самого, не знай, всё тело синее.

402.

КАК БЕДНЫЙ СУДИЛСЯ

Жили-были два брата: один богатый, а один бедный. У богатого была хозяйка беременна. Бедному хотелось к нему на обед сходить. Ну, ждал он, ждал брата богатого, чтоб на обед позвал, и говорит жене:

— Не буду,—говорит,— дома обедать.

Ну, жена спрашивает:

— Почему,—говорит,—ты не будешь?

— Потому, брат нынче на обед меня позовет.

Ну, ждал, ждал... а брат его и не позвал.

Пошел он сам к нему. Возшел он в дом. Все гости на него обернулись. А брат богатый и не взглянул. Ну, гости говорят:

— Брат пришел!

Он тогда оборотился к нему:

— Ты что,—говорит,—пришел?

— Да я,—говорит,—пришел, дай, брат, мне лошадку, дров привезти.

Он работника скричал:

— Дай,—баит,—ему стару гнедушонку.

Он поехал. Ехал, ехал. Она издохла у него дорогой-то. Ну, приходит, рассказывает ему.

— Я,—говорит,—на суд на тебя подам.

Подад на него на суд. Ну, брат богатый поехал на суд, а бедного никак не посадил с собой. Бедный идет и думает: „Плохое мое дело“. Потом в стороне увидал—мужик с лошадыю тоже бьется:

— Иди,—говорит,—товарищ, помоги мне. Лошадь утонула у меня. Тащи за хвост, а я за голову. Ну, он стал тащить, хвост-то и оторвал, бедный-то. Ну, и этот на суд:

— Когда на суд идешь, и я с тобой, на тебя подам.

— И этот тоже поехал на бесхвостой на суд.

Бедный и говорит: „Плохое мое дело. Двое меня засудят. Пойду к церкви вон и упаду с колокольни. Уж один конец лучше мне будет“. Тут как раз нищие стихи пели. Он упал. И у них запеваду убил в середине. Ну и эти сгрудили его, тоже на суд. Все на суд его. Ну, эти и повели его прямо к судье. Как раз в этом селе и они были, где судья-то.

Судья спрашивает богатого брата:

— Насчет чего пришел?

Ну, он говорит:

— Брат у меня лошадь взял и убил ее.

— За чтс,—говорит,—он ее убил?

— Да я обедать его не посадил.

Бедный говорит:

— Я не виноват. Я пришел к нему только щец скоромных похлевать. (Ему обедать не хотелось, только бы щец).

Потом спрашивает (это стоит мужик-то с хвостом):

— Ты что здесь стоишь?

— Я,—говорит,—лошадь утопил, а его,—говорит,—попросил вот помочь. Он и оторвал у меня хвост прочь.

Судьи говорят:

— У тебя, если она кобыла, то отдай ему ее, бедному-то. Когда,—говорит,—у него будет жеребенок, он тебе и приведет с хвостом.

— Нет,—говорит,—господа судьи, лучше буду ездить на бесхвостой.

Ну, потом нищих начали спрашивать:

— Вы что, братие, тут стоите?

— Он, — говорят, — у нас запевалу убил.

— Как же он убил его?

— Я, — говорит, — думал плохое мое дело будет и прыгнул с колокольни и упал прямо на ихнего запевалу.

Ну, судьи говорят нищим:

— Вы, — говорят, — посадите его да и прыгайте все на него с колокольни-то.

— Ну, — говорят, — бог с ним, коль и с запевалой-то.

Бедный очень был рад. Было три беды и все миновали.

403.

ЕРУНДОВКА

В какой-то стороне за городами было село Ерундовка и Красное Колено. Один из Ерунды молодой парень, другой из Красного Колена. И ходили они на заработки. Молодые ребята тогда все бурлачили. Ну, и вот ходили они два года по чужой стороне — бурлачили. У одного-то семья, а у другого-то одна мать, и так в конюшне живет. Так избенка плохонькая. Через два года в третий приходит домой в самую эту Ерундовку. Приходит к своей матери в избенку, мать обрадовалась своему дитю:

— Ах ты, милый. Я уж думала тебя и живого-то нет.

— Нет, мамаша, я живой. А потому я письма не писал, некому было, я неграмотный, нечем писать. Хоть бы деньжонок послать, да лишних никогда не водились. Только что кормились да обувались-одевались. Вот, мамаша, я себе три пары белья нажил. Да еще сапожки. Ну, а ты, мамаша, как кормилась?

— Да я кормилась, сынок, как? Как бы не Агафоновы, спасибо, они меня больно выручали. Когда уж посовестюсь, не пойду, Матреша мне принесет.

— Разве они ее не выдали?

— Нет, сынок, нет еще. Да ведь ее сватали много, да ей всё не нравятся.

— Мама, сходи-ка, посватай, не пойдет ли она за меня?

— Ох, сынок, сынок! Да разве это мыслимое дело? Чай ее вот какие сватали! Вот этот купец сватал и то не пошла.

Обдумалась мать:

— Ох, пойду, сынок, отслужу обедню. Откажут, так откажут. А может быть?..

— Да ты, мама, вот что. Я тебя научу. Матрешка, ведь я с ней игрывал все-таки. Она меня принимала. Ты скажи вот как: попроси у них меру печатную и скажи, что сын пришел с товарищами, так никак не разберутся с деньгами. Они надумали мерами делить — ровнее будет.

Матрешка встречает:

— Разве пришел?

— Ну да, пришел.

— Ну, как он?

— Да ничего, слава богу, три пары белья принес да двое сапог.

Дали ей меру. Старуха отправилась. Приносит старуха меру.

— Ну, как, мама, Матрешка спрашивала обо мне?

— Спрашивала, как же. Я сказала.

А они-то после говорят, отец-то Матреши:

— А что бы он, Матреша, тебя замуж за себя взял, пошла бы за него?

— Пошла бы.

— Да ступай, Матреша, под окно легонько погляди, как они будут делить.

А они зажгли огонь и окна завесили. Вынули по два пятака из кармана и давай шуметь по мере по этой и давай стучать: то кинут, то вынут. Один другому говорит:

— Ну вот тебе мера серебра да еще полмеры.

— Да почему же так?

— Да ты бумажками много взял. А ну это всё равно.

А Матреша стоит трясется у окна.

— Ну, теперь давай чай пить.—Между собой говорят.—А ты, мама, на, отнеси меру назад, поблаговари их.—И в меру два гривенника заколотили серебра.

Мать взяла меру. Матреша бежать от окна.

Приходит домой Матрешка и говорит:

— Папа, мама, поразделили деньги—одному меру, другому — полмеры да еще бумажками. Только уж не знаю, кому меру, кому полмеры.

Приносят меру.

— Ну, как они, разобрались, что ли?

— Разобрались, как же. Моему сыну мера, а этому полмеры. Ну, ничего. (А он ей сказал, матери: „Ты упомяни, не пойдет ли Матрешка за меня?“).

Ну, она поблаговарила и шутками, смешками:

— Ты иди за моего Васеньку замуж. Скорее всего не пойдешь?

— Нет, пойду.

— Да куда? Избенка у нас очень плохая.

Отец говорит:

— Ну, если, Матрешка, пойдешь—вот этот флигер тебе отдам. Не там будешь жить. И дам вам пару лошадей и корову. У нас шесть коров, одну вам отдам. И пару лошадей.

Мать приходит:

— Ну как, мама?

— Говорила, говорила. Не знаю шутя, не знаю как, говорят, пойдет.

Переночевали ночь. Проводили товарища к утру.

— Ступай, мама, сходи.

Пошла мать. Встречается их прислуга.

— Ты что?

— Да я к вам.

— Что к нам?

— Да вот Матреша просит Васю повидаться самого.

Тотчас старуха вернулась и прислуга с ней. Входит в свою хижину. Вася лежит на кровати.

— Ты что, мама?

— Да вот их девчонка, прислуга их.

— Ты что?

— Да Матреша просит вас к себе повидаться. Сейчас слез с кровати:

— Ну-ка, мама, дай-ка сумочку мою. Надевает сорочку крахмальную, брюки, жилет, срядился.

Пойдем, мама. Благословляйся и пойдем. Я вижу, дело пойдет.

Приходят. Встречает их Матреша с восторгом, лучше быть не может. Раскланялись. Отец, мать подошли, поздоровались с ним.

— Эх, Вася, какой же ты стал человек на самом деле. А, говорят, чужая сторона не поит, не кормит? Ты стал образованный. Садись, садись!..

Подали самовар. Начинают выпивать. Наставили рюмок, конечно. Наполнили.

— Ну, давайте, выпьем по рюмке, выпьем по другой, а тогда разговор заведем. Берут рюмки. Стукнулись:

— С приходом вас, Василий Кондратьевич!

— Благодарю.

Вот отец и говорит:

— Так, Матреша, свою судьбу не объедешь, не обойдешь. Вот чего ты дождалась себе.

— Ничего я вам, папаша, не говорила. Потому я и замуж не выходила, что с издетства мы с ним маленькие играли. И я лучше его не находила. Вот его дожидалась.

— Так теперь в чем же дело?

— Так, папаша, прикажите Антону пару лошадей запрягать и за священником, сделайте обручение.

— Хорошее дело, дочка, ведь это судьба. Позовите Антона, кучера-то.

Приехал священник.

— Что я вам понадобился?

— Ну, как, Матреша, ты идешь?

— Иду.

— И ты, Вася, берешь?

— Беру.

— Так в чем дело теперь: как вы будете, на каких условиях?

Отец говорит:

— Вот я им это здание отдам в приданое, этот флигель их будет и пару лошадей и одну корову. А

то что ж? У него избенка плохонькая. Разве дам я им бедствовать, что ли? Из капиталу—ничего уж, Он говорит, мне своего не прожить. А только я-то вот это.

Записали всё это в договор, чтоб не обидно было. Сделали обручение.

— Долго медлить мы не будем. В девять часов повенчаем вас. Нам ни пиво варить, ни вино курить, у нас всё готово. Ну, Вася, собирайся, что там у вас есть. Конюшню свою закройте. Идите сюда.

Ну, хорошо, так и сделали.

404.

КАК СТАРИК СО СТАРУХОЙ ВОСПИТАЛИ БЫЧКА

У вдовы был сыночек. И подалси он в разные стороны пожить. В одно времечко ему пришлось побывать домой. Ну, чист он пришел домой.

Собрался в обществе сход:

— Мама, мне можно сходить на сход?

— Почему же тебе нельзя. Ты такой общественный; можешь иметь разговор, в чем прислываешься.

Этот молодец приходит на сход, прислонился к стеночке, постаивает. Двое стали между собой говорить:

— Вот человек образованный, ты смотри: и часы и поддевка тонкого сукна, двое сапогов на нем (Он был в калошах).

На их рассуждение он им ответ подает, старикам:

— Чужая сторона, старички, бычка и того образует.

Одному в голову и попало: „У нас бычок ест!“ Как сход разошелся, он пришел домой. И приходит сердитый. Раздевается, залезает на полатки и полеживает беспокойный.

— Старуха, собирай ужин!

— Старик, иди ужинать!

— Ты как хочешь!

— Что ты какой сердитый, старик, со сходу пришел. Тебе сказали, а ты рассерчался. Ну, что же? Что? Скажи!

— Да, вам, дурам, как сказать-то? Тебе молвишь, а ты свату, сват—брату, и пойдет дальше.

— Вот старый дурак! Век-то жили, всё болтать будем.

— Да ты не скажешь никому?

— Нету!—старуха отвечает.

— Ты вот эту вот авдовую знаешь?

— Ну как не знать, мы в девушках вместе с ней в подружках были.

— Вот у нее сын был на сходе. Поддевка тонкого сукна, часы. Двое сапогов на нем. А мы с кумом-то Данилом и говорим: „Человек - то какой образованный“. А он нам на ответ и отвечает: „Чужая сторона быка и того образует“. А вот у нас с тобой бычок есть. Его надо образовать. А то ведь у нас с тобой детей нет. Нас поить-кормить некому.

— Ну, что же? Давай образуем!

— Так ты раньше топи печку, готовь завтрак себе на дорогу. Поведем бынюшку в Москву.

Старик не ложился спать. Затопил печку и готовит себе завтрак на дорогу. Собрались. Бынюшку привязали за телегу и повели его образовать в Москву. Подъезжают к Москве, к заставе. У заставы сторож пропускает народ в ворота.

— Здравствуй, милый мой!

— Здравствуйте, милые мои старички!

— Де бы нам бычью емназию найти?

— Ах, старички почтенные, вы туда, в центру губернии, въедете, вы оттуда не выедете. Это и я могу образовать.

— Так вот, самое лучшее. Как мы приедем, с краюшку так сразу и получим его.

— Да, да.

— Сколько за науку?

— Сто рублей.

— А через сколько времени приехать?

— Да через месяц.

Проходящий месяц, старички отправились в Москву за бынюшкой. Доезжают до заставы старички. Дежурный их встречает:

— Ах, старички, почтенные, едете?

— Едем, милый мой.

— Ну, как наш бынюшка?

— Ваш бынюшка отличным адвокатом.

— Ах, вот спасибо, спасибо, друг наш. Где же нам его видеть?

— А вот идите, поищите. Видите, вон на загибе улицы желтый дом трехэтажный?

— Видим, видим...

— Так это его собственный дом. Он нажил дом себе.

— Вот, старуха, я тебе баял-то? Умно?

— Да, старик, умно!

Доезжают до этого дома. Останавливаются возле него. Дворник тротуары размечает.

— Послушай, милый мой, это бычков дом?

— Да, Бычков.

— Как бы нам с ним повидаться?

— Идите вот по лестнице на третий этаж туда.

Старички в своих ошметках и в своих зипунах идут по лестнице. Входят в комнату. Лакей подает ему обед.

— Здравствуй, милый мой!

— Здравствуйте, старички!

— Господин Бычков дома?

— Дома.

— Скажите, пожалуйста, отец с матерью приехали.

— Хорошо!—Глядит на них что-то несходственно. Ну, лакей думает, может, он крестьянского дома и такой науки сам. Передает своему хозяину, что старик со старухой приехали, говорят, отец с матерью, повидаться хотят.

— Нет у меня отца с матерью, нет. Скажи им, что они ошиблись.

Лакей выходит и говорит.

— Старички, вы ошиблись. У моего барина отца с матерью нет. Они померли.

— Нет, нет, сюда.

— Как, хозяин? Они не выходят. Они говорят, все-таки отец с матерью.

Выходит сам хозяин к ним налицо. Их бычок-то черненький и лысый и на лбу вихорок. И адвокат-то черный и лысый и тут тоже маленький вихорок на лбу. Как тут эти старики кинулись к нему на шею и давай его целовать:

— Дорогой ты наш, батюшка! Как мы за тобой ухаживали. Несъемным молочком мы тебя поили...

Ну, этот адвокат насилу вырвался от них, от стариков. И из дому их в шею. Расслезались эти старики и едут к своему учителю.

— Как же, милый мой. Наш батюшка нас и признать не хочет. Он ведь нас оттуда в шею.

— Я его уже больно усердно научал-то!

Ну, старики, значит, заплатили сотню и бынюшки не получили.

405.

ФАРАФОН

У Фарафона была жена очень эдакая рьяная. Он — жать, она — лежать. Он — сено грести, она — избу мести. Никак он с ней не управится, а детей было много. Так он себе одумал. „Есть трясиное местечко. Я ее утоплю.“ Берет веревку, топор.

— Ты, жена, не ходи. Я пойду в лес за дровами.

— Нет, пойду!

— Тебе говорят не ходи!

— Пойду!

Идут, идут, доходят до трясины. Тихо он перешел.

— Ты тут не ходи, ты тут утонешь.

— Пойду.

Взошла как раз на самое то трясиное местечко.

— Ты смотри тут не трясись, а то утонешь.

— Нет, потрясусь!

Зачала трястись.

— Тону, тону, тону! — и утонула из видков.

— Слава тебе господи, развязался! День-два со своими детьми пожил. Дети плачут, кричат. Вздумал он: „Ах ты, шут ее не видал совсем-то! Хошь для меня-то она была спесива, а детей-то она вот как успокаивала. Схожу я на это местечко!“

Приходит на это место. Прислушивается к земле. Кричит: „Ай, ай, ай, ай!“

— Ах, чорт возьми! Она еще жива. Может быть, она спокаялась. Опущу веревку в эту яму.

Опустил веревку, кричат оттуда: „Тащи!“

Он тащит, тянет, тащит, тянет. Вытягивает — чертенок на веревке сидит. Думается ему, его там бросить. Выхватывает он топор из-за поясу. Хочет он перерубить веревку, да не всю бросить.

— Дядюшка, дядюшка Фарафон, вытащи меня, пожалуйста, я тебе пригожусь.

Вытащил этого самого чертенка. Чертенок как сел на кочку, сидит, плачет-разливается.

— Что ты, чорт проклятый, плачешь?

— А как же мне не плакать? Твоя жена мне хвост откусила и пятку отгрызла.

— Ах, чорт ее возьми! Неужели не управился с ней? А я бедствовал-то!

— Пойдем, дядюшка Фарафон, к тебе домой.

— У меня детишки плачут и голодные, и холодные, и без хлеба!

— Ну, дядюшка Фарафон, я пойду к богатому мужику, напущу великую страсть. А ты сделайся ворожеей. С него и получишь деньги за это. А я выйду усмирено.

Чертенок у богатого мужика начинает бить, колотить; шум, гам, гром — всяка штука. Фарафон приходит будто бы нечаянным образом.

— Это что это у вас за страсть?

— Вот, милый мой, видишь, какое дело! Ведь надо убежать из дома. „Ай-яй, батюшки! Ай-яй, батюшки!“

— Это я могу похлопотать.

— Пожалуйста.

— Три тысячи за это.

— Плачу.

Фарафон повернулся лицом туда от них: „бур, бур, бур!“, чорт его знает, что-то бурчит. Тише, тише, тише, и остановилось.

— Живите преспокойно, теперь у вас ничего не может быть.

Получил денежки. Приходит домой. Накупил всего-того-сего. Нанимает кухарку.

— Ну, теперь я пойду к помещику. Там страсть налушу. Там будет веселей.

У помещика случилась такая шумовня — крик, свист. Разбивает то и другое, стулья, кресла — всё без остатка. Помещику передали, что есть Фарафон, от этого отхаживает.

— Живо, живо, живо лошадей и за Фарафоном!

— Здравствуй, Фарафон!

— Здравствуй, барин, здравствуй!

— Нельзя ли это вот вещество присократить?

— Можно, можно! Двадцать пять тысяч.

— Бери!

Фарафон прислонился там к голландке: „бур, бур, бур!“, чорт его знает, что он там бурчит. „Тише, тише, тише...“ Это волна и притихла.

Получает денежки двадцать пять тысяч. Приходит домой. Чертенюк уже там с детьми.

— Получил денежки?

— Получил.

— Ступай в лавку, забирай всего и корми своих детей. Ну, теперь ты доволен этим?

— Доволен.

— Ну, теперь я пойду к государю и там сделаю шуму, а ты туда не ходи, а то я тебя разорву. Довольно с тебя этого.

Прослышал государь, что есть в каком-то селе Фарафон-ворожея. Затребовали Фарафона к государю лично.

— Ну, друг, уничтожь ты мне такую-то шумовню. Вот видишь, тут такая-то громовня.

А Фарафону, братцы, никак нельзя, потому что он угроженный: „Разорву!“

— Не могу, ваше царское величество, уничтожить эту шумовню.

— Вот тебе на трои сутки освобождение. Ежели ты мне это не поможешь, то тебе будет виселица.

Придумал Фарафон своей женой его настращать, чорта. Входит в дом, спрашивает.

— Где у вас находится шумовня?

— Наверху, на четвертом этаже.

Фарафон полез. Лезет на четвертый этаж. Входит в комнату.

Чорт его увидел.

— Ты зачем, Фарафощка, сюда заявился? Разорву

— Друг мой милый, мне тебя жалко!

— В чем?

— Ведь сама жена за тобой идет.

— Где?

— Да вот по лестнице.

Чорт метнулся прямо в раму.

— Через девять земель на десятую теперь улечу
а здесь быть не буду...

Фарафон, оказывается, притворялся это, пугал.

Государь наградил Фарафона сильно.

И сейчас живет он богатый.

406.

ПРЯХА

Спрашивает муж жену: „Что ты, баба, прядево не прядешь?“ А она говорит: „Что ты, нынче праздники!“ — „Какой?“ — „Саввы преосвященного“. Ну, мужик оставил ее в покое, не стал ее неволить.

Прошло несколько времени, опять ее муж спрашивает: „Что ты, баба, холсты не ткешь? Вот и Савва прошел“. А она ему опять говорит: „Нельзя нынче работать: нынче святая Варвара“.

Вдруг его жена захворала и через три дня померла. Мужу покрыть-то ее оказалось и нечем. Взял он пряденую пряжу—два рушника и обмотал свою умершую жену всю пряжей.

Вот поп пришел отпевать и спрашивает мужика: „Что это она у тебя вся пряжей обмотана?“ А мужик и говорит: „Батюшка, она на этом свете вся просаввилась да проварварилась. Вот голая на тот свет и отправилась“.

407.

ПРО ПЕТРА I

При Петре брат царствовал—Алексей. Надо было бы царствовать-то Петру, а мать постановила ему. И захотел поехать он* в Данию. Ездили тогда на лошадях. Он запрягает шестерку и едет.

* Петр

Приезжает в Данию. Заезжает он в одно село. Подъезжает к кузнице и говорит: „А ну-ка поди-ка сюда, кузнец!“ Кузнец подходит. „Мне нужно подковать лошадь. Но нужны прочные подковы—лошадь у меня сильная“. Кузнец взял лист железа и говорит: „Сейчас, ваше императорское величество“. Берет полосу железа, выковывает подкову, выносит и говорит: „Вот вам готова подкова“. Петр берет ее и согнул сразу: „Плохая“.

Кузнец взял опять то же железо и сковал еще другую подкову. Петр взял ее и говорит: „Вот эта хорошая“. Стал он расплачиваться. И дает ему серебряный рубль. Бумажные деньги в чужом государстве в уплату давать было нельзя. Кузнец берет этот рубль между пальцев и проткнул его большим пальцем: „Плоховат, ваше величество“. Петр дает ему другой—нечего делать.

Заезжает Петр в пограничный город. А там много войска стояло. И прослышал он о распушенности войск. И вот он надевает простое платье и идет по городу. Заходит в гостиницу и видит: сидит солдатик и пьет. Он и говорит: „Здорово, солдатик!“ — „Здорово!“ — „Вы что, выпиваете?“ — „Да, выпиваем.“ — „Можно с вами?“ — „Можно“. — „Слушайте, вы мне продайте ваш клинок?“ — „Что же, можно. Рубль“. Петр отдал ему рубль и пошел.

Приходит на квартиру и отдает приказ в этот полк: „Выйти на смотр, царь едет“.

Приезжает царь. „Здорово!“ — „Здравия желаем, ваше императорское величество“.

Вот он сходит с повозки и проходит по полку раз и два. И этого солдатика заприметил. Подходит к нему и спрашивает: „Ну как, дисциплину выполняешь?“ — „Да“.

А когда только всех солдат гнали, то у этого солдатика шашки нет. Он подбегает к мастерской, берет щепку и вставляет. Теперь царь ему и говорит: „А ну-ка, отсеки голову вот этому солдату“. (А у него нечем сечь).

„Ваше величество, у меня руки не поднимаются на брата своего“.

Тогда он оборачивается к другому и говорит: „А ты дисциплину выполняешь?“ — „Да“. — „А ну-ка, отсеки ему голову!“ — и показывает на того солдата, у которого нет шашки.

Тот перепугался — и видит, что делать ему нечего и говорит: „О, господи! ты сотворил чудо в Канне Галилейской, претворил воду в вино, преврати мою шашку в щепку!“ Вынул, размахнулся и переломил об его шею щепку пополам.

Тогда все солдаты и офицеры делают в панике: что такое, шашка превратилась в щепку. А Петр подходит к этому солдату и говорит: „Вот тебе рубль, и не продавай ты больше свою шашку за рубль. Тогда она в щепку не превратится“.

408.

ПРО ОХОТУ

Жил один мужичок. У него было двое детей и жена. Теперча у него жена померла, остались двое детей. „Головушка бедная, что мне, мужику, делать, некому теперча ни заплату наложить, ни сварить“.

Обыскал себе невесту. Начал ей предлагать, она говорит: „Пойду за тебя замуж, избавь от своих детей“. Эй, плохой тот отец — с детьми расстаться. Ну, все-таки билси-билси, а расставаться пришлось.

„Ну, — говорит, — дети, поедemте в лес за дровами, я вам ягодов нарву. Зашел в незнакомый лес, нарвал им ягоды. Они по глупости рвут. А он оторвал полено, привязал к дереву, а ветер его покачивает, а оно постукивает. А они думают: „Вот-де наш папанька дрова рубит“.

Когда они нарвали и наелись, девочка и говорит: „Пойдем к папаньке“. Теперича пошли — папаньки нет. Они поплакали, поплакали, да с тем и уснули со слезами.

Просыпаются, — опять за эту песенку, песенка одна у них — плачут. Плакали, плакали, попали на тропочку, идут. Идут по той тропочке, стоит ка-

раулка, избушечка такая, на столе стоит кружечка водицы и краюшечка хлеба. Они, конечно, как проголодались, с аппетитом закусили и легли спать снова. А как проснулись, кружечка полна и хлебец целый.

И так они этим воспитывались до возроственных лет. Когда ее брат стал большой, сделал он себе лук и стрелу. Стал ходить на охоту, убивать разную дичь.

В одно прекрасное время пошел он на охоту. Выбегает заяц. Он прицелился яво бить, заяц говорит: „Послушай, друг, не бей меня, дам я тебе зайчонка“. — „Давай, — говорит, — зайчонка“. Заяц кинулся в кусты и вернулся с зайчонком: „Пой, корми, не умори: он тебе пригодится“. Он приносит зайчонка домой, сестра начинает ругаться. Сестра и говорит: „Начто ты, брат, такого гада таскаешь? Сам знаешь, нам самим кормиться нечем“.

Эго ведь только сказка скоро сказывается, а дело-то оно растяжимое.

Поотдохнул там, как ли, только и дело, что до охоты, кроме охоты-то дело не предвидится. Собирается опять на охоту. Только вышел, глядь, бежит лиса: „Эх, вот, говорит, и воротник“. Только прицелился ее бить, лиса ему и говорит: „Послушай, друг, не бей, я тебе дам лисёнка“. — „Ну, ладно, — говорит, — давай лисенка“. Лиса кинулась в кусты, несет лисенка: „Пой; корми, не умори: он тебе пригодится“. Приносит ёво домой, сестра опять начинает ругаться: „Начто ты всякого гада таскаешь? Сам знаешь, нам кормить их нечем“. Он говорит: „Бог обдумает“.

Пообедал, переночевал, опять на охоту. Ходил, ходил, ничего не пришлось ему убить. Глядь — на него волк. Прицелился. Волк и говорит: „Не убивай, я тебе дам волчонка“. — „Давай, — говорит, — волчонка“. Кинулся в нору, несет волчонка: „На, — говорит, — друг, пой, корми, не умори: он тебе пригодится. Приносит домой, сестра начинает ругаться. Он одно и говорит: „Бог обдумает“.

Теперь, значит, поотдохнул и опять себе на охоту. Ходил, ходил, ничего не пришлось ему на до-

роге убить. Только повернулся домой, глядь—лежит на колоде медведь. Только прицелился бить, медведь и говорит: „Не убивай, я принесу тебе медвежонка“. Кинулся в берлогу. Тащит ему медвежонка. „На,—говорит,—друг, пой, корми, не умори“. А он такой, как есть медведь. Сестра, знай, его ругает: „Начто ты его принес?“ Он говорит: „Эх, сестра, это нам для охоты“.

Теперича через некоторое время опять на охоту. Охота теперь стала с ним ходить. Ему весело стало. Пошел в лес, увидел сокола. „Вот,—думает,—охотничья птица“. Прицелился. Сокол говорит: „Не убивай, я тебе дам соколенка“.—„Давай“.—„На,—говорит,—друг, пой, корми, не умори: он тебе пригодится“.

Ведь к осени вся зверь выравнивается. Теперя он стал ходить на охоту со своей охотой. В одно прекрасное время ходил, ходил и заблудился в лесу, так что пришлось ночевать ему среди леса.

Когда переночевал и утром встает—видит недалеко тропинка (он около этой тропинки и ночевал), пошел по этой тропочке. Видит, стоит огромный дворец: „Ох, што такое за дворец? Куда я забрел, ну, дай зайду расспрошу“. Заходит в дом, в доме никого нет, стол убрат разными винами, закусками, хозяев нет. Он покричал, покричал — никто ему отзыву не дал. Он себе и думает: „Если же я уйду из дому без хозяев, а чево пропадет, подумают, что я вор и что эту вещь украл. Давай лучше сяду, стопочку выпью и закушу, хозяин придет за это меня не поругает“.

Сел за стол, выпил, закусил отлично. Хозяина нет. „Ну, так давай я ляжу отдохну, хозяин придет, разбудит, все-таки я не вор“. Лег на койку, уснул крепким сном. Просыпается, охота вся в кровё, и накиданы кости. „Боже мой, наверно хозяина съела охота“. Начал сличать кости, кости не человечесьи, не скотовьи, сам не мог определить—какие. Ну ды, видно, дело-то такое, определяй не определяй, а хозяина-то нет.

Собрал он эти кости с полу, пошел во двор и смотрит—стоят четыре колодца. Он бросил их в

последний, дальний колодец и проклял его. Он взял еще для смелости выпил и пошел искать свою сестру. Недалеко от этого дворца его хижина была. Пришел и говорит: „Ну, собирайся, я себе дом нашел хороший“. А она давай его ругать: „Тебе-то хорошо с охотой, а мне-то каково в лесу одной ночевать“.

Но, ладно, собрались, пошли. Когда пошли, она взяла кружечку и краюшечку хлеба и пошла из избы в лесу ночевать. А он оборотился назад и говорит: „Отнеси и положи, где было: не нами положено и не нами возьмется, а, может, и еще кому так придется“.

Теперича заходят во дворец, всего разыскали втрое больше, чем было. И поживают себе, и он себе одно слово ходит на охоту. Он в одно время и спрашивает: „Послушай, сестра, в каком колодце ты воду берешь?“ — „Вот в этом!“ — „Ладно, в этом бери. В этом бери, а в этом не бери и даже не заглядывай“. А бабы — они какие! Её это, конечно, заинтересовало „Что-то такое нехорошо“. Не чаёт его проводить на охоту и скорее заглянуть в этот колодец, — что там нехорошо. Смотрит в этот колодец, там такой сидит молодчина, она в него и влюбилась. Залезла на чердак, достала разных канат и опускает. Тогда он ей и говорит: „Если ты в меня влюбилась, то ты меня никакими канатами не вытаскивай, а выдерни из охотничьего кушака нитку и спусти мне ее, я соколом вылечу“.

Тут она ждет-не дождется брата с охоты. Когда, значит, брат приходит с охоты, она ёво и напоила и накормила и говорит: „У тебя вошки в голове есть, дай посмотрю“. Она искала, искала, пока он не уснул у ней на коленях. Она его тихо сложила с коленьев да выдернула у него из кушака три нитки и начинает будить. „Эх, — говорит, — и долго я спал“, — и опять собирается на охоту, а она не дождется. Скорее опустила ему три нитки, он по ним, как сокол, вылетел. „Ну, теперчи, — сказал, — заживем, этот дом мой“.

Начали пить, гулять. Смотрят, брат идет с охоты.

Она: „Куда же нам деваться, брат идет“. — „Ну вот, какая редкость“. Обратился булавкой. „Заткни, — говорит, — меня под подушку.“ Она заткнула его под подушку, заходит брат. Охота его заревела непутём. Он говорит сестре: „Эх, чево-то у нас в доме не чисто“. Сестра говорит: „Вот, то тебе чисто, то не чисто, на тебя не угодишь!“ Велел он замолчать охоте. Замолчала охота, легла.

Пообедал, поотдохнул, опять собирается на охоту. Когда он уходит, они опять себе начали гулять и начали удумывать, как бы его извести. Он и говорит: „Есть там такая мельница, пускай он принесет муки“. Это они обсуждают. Таперича, когда увидели, брат идет с охоты, то он опять обратился в иголку, она заткнула его в подушку, а сама легла, вроде хворает. „Эх, брат, ты только, — говорит, — об гаде и страдаешь, а обо мне и не вспоминаешь. Я только, было, уснула и приснилось мне: за такими-то горами, на тех на горах, за двенадцатью чугунными дверями стоит мельница на двенадцати поставах. Намети этой мучицы, тогда я буду жива“.

Ладно, что же сделаешь? Поотдохнул, набрал в торбочку сухариков и отправился себе. Когда приходит на мельницу, горы разломились, двери растворились, он вошел. Охота его с голоду кинулась на камнях пыль лизать. Нашел он муки, только стал выходить, двери затворились, горы задавились, успел один сокол вылететь, а вся охота осталась в горах. „И охоту жалко и сестру жалко, ну все-таки пойду“. Идет путем-дорогой, ему ворон навстречу: „Корк, корк, Иван-мужицкий сын, иди не иди, спеши не спеши, твоя охота трое дверей прогрызла, трое гор разрыла“.

Послал он узнать зайца: „Дай мне знать, жива сестра али нет“. Только зайчик прибегает, окошки у них растворяет, все двери затворены. Зайчик и спрашивает: „Здорово, хозяйюшка, жива ли ты али не жива“. Он схватил этого зайца и разорвал. Опять ему ворон навстречу: „Корк, корк, Иван-мужицкий сын, иди не иди, спеши не спеши, твоя охота шестеро дверей прогрызла, шестеро гор раз-

рыла". — „Иди, — говорит, — сокол, узнай, жива ли моя сестра“.

Сокол — птица быстрая, аж заюжал, пошел. Прилетает к окошечку, садится на окошечко: „Хозяйка, хозяйка, жива али нет“. Он цап! — Но промахнулся, не поймал. Они-окна затворили и стали гонять его по комнатам, хотели поймать, но так али иначе не поймали, затворили его в темную комнату, хотели его голодом-холодом морить.

Смотрят, брат идет с мучицей, а она вышла на крыльцо и стала плясать: „Ешь ёво нечистый дух!“ — „Послушай, что ж ты меня хочешь есть? Я сейчас грязный, запылённый, запотнённый, меня ты измучаешь. Прикажи мне истопить баню“. Но сестра и говорит: „Ешь, ёво, нечистый дух, обманет он тебя!“ Но нечистый дух согласился топить баню. А сестра все свое: „Обманет, обманет!“

Когда он начал топить баню, ворон летит: „Корк, корк, Иван-мужицкий сын, руби дрова не руби, топи баню не топи, сейчас твоя охота на путь выбралась. Он так себе, где разгорится — он зальет; так себе время проводит. Через некоторое время опять ворон: „Корк, корк, Иван-мужицкий сын, топи баню скорей, твоя охота вот-вот на дворе будет“.

Сразу баня готова. Вымылся, одел один сапог. „Иди, — говорит, — ешь меня, нечистый дух, я уже готов“. Сестра идет, в ладоши хлопает, пляшет. А он говорит: „Погоди, только я сниму сапог, а то в сапоге останется самый лакомый кусок“. Скинул сапог, ударил в дверь в предбанник, где охота его была. Выбегла охота есть ёво (нечистого духа), а он только кричит: „чище!“. Она с голоду и мослы все поела. Когда он с ним управился, таперя и говорит: „Ну, — говорит, — сестра, таперя я с тобой буду расправляться“. Полез на чердак, достал длинные цепя и приковал ее на цепя, поставил ей жернова и говорит: „Вот тебе, мели и кормись“. Поставил еще два чана: „Об ком ты будешь больше жалковать, то ты этот жбан и наплачешь до моего приходу“.

А сам отправился и ушел далеко, далеко. Не близко, а просто пришел в город со своей охотой.

Но нельзя же прийти в город с такой страстью. Сзади города есть живут бедные люди, начал проситься на квартиру к бедным людям: „Бабушка,пусти меня, милая, на квартиру“.—„Я,—говорит,—рада бы гостя пустила, мне веселее, да у тебя охота страшная“.—„Нет, она смирная“.

Пустила ёво на квартиру. Живет он день, живет неделю, глядит-смотрит, бабушка ёво собирается. Он спрашивает: „Куды ты собираешься?“—„Ах, разве ты не знаешь, у нас трехглавый змей королевскую дочь съест у озера“.—„А ты куда?“—„Да вот к этому,—говорит,—озеру“.—„А мне можно?“—„Куда тебе с такой страстью“.—„Ну, ладно, иди, я здесь останусь, покараулю“,—шутит, а сам дверь—на замок и пошел.

Когда подходит к этому озеру, засел в дремучем лесу и сидит. Народу собралось много. Смотрит, царева дочка в коляске едет. Он выходит из кустов, подходит к коляске: „Разрешите,—говорит,—мне войти в коляску“. Она ему и отвечает: „Эх, молодой человек, я бы,—говорит,—разрешила, но сейчас поднимется озерное чудовище и нас обоих съест“.—„Все равно,—говорит,—помирать вместе“.

Когда он зашел в коляску поговорить кое-что, говорит: „Поищи у меня в голове. Только, если же я засну, то как озерное чудовище будет подниматься, то разбуди меня“. Таперича, когда она искала у нёво в голове, он заснул, а когда речка сколтыхалась, озеро взбунтовалось, озерное чудовище поднималось, она испугалась и не могла ёво разбудить. Только лишь слезно заплакала, а сляза упала ему на щеку и обожгла ему щеку. Он проснулся и говорит: „Чем вы меня обожгли?“ А она и говорит: „Это озерное чудовище поднялось, и я испугалась, сляза упала и обожгла вам щеку“.

Теперича, когда змей подлетает, говорит: „Эх, какой король милостивый: я просил одну, а прислали двух“. А он и говорит: „Была у одного попа корова, ела, ела всё да и подавилась“. Прицыкнул ёво охотой, охота ёво начала рвать, он охоту жгет огнем, а он таскает воду сапогом и поливает охоту.

Тогда, значит, охота разорвала ёво на мелкие части. Тут лежал преогромный камень. Он говорит охоте: „Собирайте части, кладите под камень и завалите их этим камнем“. И он распрощался. А она и говорит: „Вас папаша за это наградит“. Он говорит: „Увидимся после“. — „Ну, на, — говорит, — хоть тебе именной перстень“. Взял он перстень и ушел подальше.

А у короля был водовоз. „Чай,—думает,—всю он ее не съел. Поди не с платьем съел. Всё, говорит, шоболик остался, мне пригодится“. Когда он подъезжает на коляске, смотрит она сидит живая. Он и говорит: „Почему ты живая?“ А она: „Так и так, спас меня такой человек“. — „Где,—говорит,—он, змей-то?“ — „Вот он, под камнем“. Он вынимает из-за голенища кинжал, намахивается: „Говори я тебя спас, а то вот зарежу и сброшу в речку. Он посадил ее в коляску... Шестеро коляску везут, и водовоз помогает.

А король всю ночь не спал. Дочь ведь змею отдал. Говорит: „Кто водовозу велел коляску везти?“ Послал лакея. Лакей выбегает и говорит водовозу: „Слушай, Григорий, кто тебе велел везти коляску?“ — „Я спас королевскую дочь.“ Король чуть не кубырем с лестницы: „Как ты ее спас?“ — „Вот так и так, подхожу к озеру, смотрю: из озера змей, я его кинжалом изрубил и под камень завалил.“

Отдают королевскую дочь за водовоза.

Тут старуха опять собирается, он и спрашивает: „Далеко ли ты, бабушка?“ — „Разве ты не слыхал, что в колокола звонят, что королевская дочь за спасителя выходит?“ Он и думает: „За каково же спасителя, может за вышнего? Да тот далеко больно“. — „Ну, хорошо, бабушка, когда же чево будет у них, запой, или чево?“ — „Ну, ладно, иди, — говорит,—бабушка, я дом покараулю“.

Сидел, сидел и поздно вечером и говорит: „Ну-ка, сокол, слетай-ка, друг, узнай-ка тама, что там есть?“ То сокол полетел. Прилетает, окны растворенные. Это у нас прилетит—на-ко тебе, а там люди ученые и говорят: „Это какая-то птица отбитая“.

Он полетал, полетал по комнате и обратно возвратился назад: „Ну,—говорит,—хозяин, чево только на свете нет — и там нет, а то всё есть“. — „Ну,—говорит,—волк, лиса, медведь, соберите-ка,—говорит,—всё, што есть на столе, только не за-марай!“

То охота ёво отправляется. Когда заходит в дом, лапки облизала. Заходят в дом. Как реванет медведь по-привычному — скатерть с угла на угол собирает. Лисичка потихоньку бутылочки собирает. И ему понесли. Приносят, он развернул, посмотрел и положил.

Ну, водовоз и говорит, у него сразу стукнуло: „За городом,—говорит,—такой есть, это всё он. Король дает приказ его найти. Сразу его нашли и приводят. Он без охоты—никуда. Когда приходят, король и спрашивает: „Вот, слушай, это твоя охота со столов собрала?“ Он говорит: „Неужели это вас обидело, что моя охота со столов собрала, а это вас не обидело, что моя охота вашу дочь спасла?“ То этот водовоз как сиганёт: „Я,—говорит,—ее спас!“ — „А куда ты,—говорит,—его положил?“ — „Под камень завалил“ — „Ну-ка,—говорит,—иди подними его“. — „Я,—говорит,—тогда в горячке был“. — „Ага, в горячке!.. Ну, ладно, дайте ему еще 25 человек солдат“.

Ну, это ведь не дерево. Что больше человек, друг другу мешаются; попрыгали, попрыгали, так и не могли его отвалить. „Вот, а ты говорил, что ее спас, а не мы. Ну, говорит, лиса, волк, медведь, помогай!“ Навалились, отвернули камень, собрали части. Водовоза повесили. Тогда она и сказала, что вот он меня спас; так-то и так.

Отдают замуж за нёво. Вечер нерушимый. А он и говорит: „Погодите гулять, у меня сестра есть, надо ее посмотреть.“ Поехали за сестрой. Привозят сестру, и пошло у них гулянье. Молодые поехали к венцу, сестра и говорит: „Без меня,—говорит,—никто брату не может постель постлать, убрать не угодит“. Ну, те люди ученые, думают: „Может и правда, с измальства же вместе“. А когда сестра там одна ходила, по своем друге тоско-

вала и нашла четверть зуба от ёво и прибрала, а когда, значит, стала убирать постель, то под подушку положила.

После венчанья пошли молодые отдыхать. Когда он лег, этак навзничь, теперь повернулся, зуб этот стук его и убил. Теперь приходят поднимать молодых, смотрят, он мертвый. То сестра и говорит: „Он, — говорит, — вас не первых надувает, он хитрый. Если вы так его не похороните, как я говорю, он опять будет живой. Охоту его заманить в глухой подвал и заложить, чтобы не было ни слуху, ни духу, и поморить гладною смертью, а ему сделайте гроб, наденьте железные обруча и подвесьте на цепя“.

Так и сделали. Охота ёво воет, а сама всё роет, враз размахнула себе дорогу в лес. Лиса и говорит: „Тише, ребята, — день; стойте, нас убьют“.

Выбегает на полянку лев и распорядился: „Ну, — говорит, — лиса, ты вали по оврагам, ты, сокол, — поверху, а мы — по лесу. Кто найдет — кричи, свищи, а мы соберемся“. Только разошлись, сокол поднялся и нашел, закричал, засвистал, все и собрались. Поотдохнули, то лев и говорит: „Ну, медведь, дело за тобой, лезь снимай ёво, ты привычен по деревьям лазить“.

Медведь залез, забрал ёво подмышки, подотвертел сучочки, спустил ёво. Плохо ёво спускать, но все-таки спустил. Положил тихонько в лес. „Ну, лев, дело за тобой, обруча снимать, ну, смотри, не повреди, а то я тебе вот этим чурбаном“. Лев сорвал обруча. Он лежит там как ни в чем, как живой. Да, теперь, значит, лев и говорит: „Ну теперь, волк, дело за тобой: найди ково хошь, зуб вылизать“. Поймал волк зайца: „Вылижи зуб — живого пустим, не вылижешь — убьем“. То этот зверок простенький, подошел — лизь, лизь; осколочек выскочил, щелк его и убил.

„Ну, — говорит, — волк, дело за тобой: давай лису!“ У них лиса своя есть, они ее не трогают. Нашел волк лису и говорит: „Вылизывай этот зуб“. Лиса зверь хитрый: „Давайте, — говорит, — гроб к пеньку. Она лизнет и — за пенек, лизнет и — за пенек, осколки-то в пенек и влазят. Вылизала зуб.

„Ну, сокол, дело за тобой!“ Сокол взял у ворона дитя. Ворон прилетел и говорит: „Отпусти моево дитя, что хотите то и доставлю“. — „Достань живой и мертвой воды“. Ворон отправился. Приносит им воды живой и мертвой. Когда они его мертвой водой обрызнули, он будто только сейчас лег, а живой водой обрызнули, он встал и говорит: „Эх, как я долго спал“.

Охота и говорит: „Ну, — говорит, — хозяин, кабы не мы, вон де твоя постель была бы“. Ну, он поотдохнул и идет во дворец. Они увидели и рады, и испугались: „Что такое?“ Когда приходит, начали его там расспрашивать то и другое. Он говорит: „Погодите, мне некогда, дайте мне с сестрой расправиться“. И пускает коня по чисту полю гулять: „Ну, конь, — говорит, — когда всю размычешь, тогда и возвращайся“.

Пошел у них пир на весь мир, и я-то тут как раз случилси. Мед, пиво и вино пил, по усам текло, а в рот ни капельки не попало.

Детские сказки

409.

У Ж

Жила-была старуха одна. У нее была дочь Аннушка - снегурушка. Было ей шесть лет. Собралась она с подружками на речку купаться. Откуда ни возьмись—уж. Лег на снегурушкину рубашку. Вылезли из речки. Смотрят, на ее рубашке—уж. Они испугались. Снегурочка говорит:

—Уж, уж, дай мне рубашку.

—Пойдешь за меня замуж, отдам рубашку.

Она с того и сказала, что пойду я. И отдал рубашку.

Когда совершилось 18 лет, уж приходит к их избе. Вился, вился, нигде не ворваться, возвратился в сине море. Набрал стаю ужей и пришли к избе, и свились клубком, и ударились в окно, и рассыпались по избе. И нашли Снегурочку, и унесли в сине море. И стали они жить-поживать, и стали себе детей наживать.

Пошла она к матери в гости. Мать ее встречает:

—Ах, дочка, где была?

—Я была, маменька, в синем море.

—А как, доченька, ты там поживала?

—Я поживала хорошо.

—А как, доченька, ты подходила к синему морю?

—Так: когда подойду к синему морю и скажу: „уж, уж, выйди ко мне, возьми меня“, — выйдет и возьмет.

Приходит вечер. Дочь отправляется опять в синее море. Мать и говорит:

— Ночуй у меня хоть одну ночку.

— Нет, мама, не ночую, мне муж не велел.

А мать всё просит, и она ночевала.

Мать встала среди ночи, когда все уснули, нашла топор, кое-как впотьмах взяла и пошла к синему морю. Подошла к синему морю и крикнула:

— Уж, уж, поди ко мне, возьми меня!

Уж выходит, берет ее. Она отрубилась ему голову и пришла домой, легла спать.

Приходит утро. Встает дочь и уходит. Мать не пускает.

— Нет, маменька, уйду.

Подходит к синему морю, кричит:

— Уж, уж, выдь ко мне, возьми меня!

Уж не выходит. И так она крикнула до трех раз. И вот вода сделалась кровавая. И пошла она по берегу со своими детьми. И нашла ужа голову. И заплакала она горько-на-горько.

Мать им сказала:

— Милые детки! Ты, милый сыночек, сделайся соловушком, а ты, доченька несчастная, сделайся вольной пташкой, а я сделаюсь несчастной кукушечкой—буду летать по лесам и куковать об своем муже. А ты, доченька, вейся над водой, над родным батюшкой, а ты, сыночек, летай по лесам, распевай по зорям.

И с тех пор стали и пташки, и кукушки, и соловьи.

410.

ПРО ДЕВУШКУ И МЕДВЕДЯ

Пошла девушка в лес. Шла, шла, увидела избушку на курьих ножках и вошла туда. Тут медведь ее приветил.

Медведь ушел на работу. Раз девушка и говорит: „Вот тут пирожок, отнеси дедушке, бабушке гостинец“. Он пришел с работы, взял мешок и понес.

Шел, шел и говорит: „Сяду, сяду на пенек, съем, съем пирожок, дедушкин-бабушкин гостинец“. А

она сама в мешке сидит и говорит: „Вижу, вижу!“ Он испугался и встал, понес дальше. Вот шел, шел, нес, нес и опять: „Сяду, сяду на пенек, съем, съем пирожок, дедушкин-бабушкин гостинец“. А она опять: „Вижу, вижу!“ Он: „Нет, нет, не буду, не буду“.

Ну шел, шел, принес. „Нате-ка, вот вам внучка прислала гостинец“. А она—прыг оттуда и „Спасибо тебе“,— пришла к дедушке-бабушке.

411.

ПРО ГОРОХ

Пришел дедушка домой и баит:

— Бабушка, я ходил на свой загон.

— Зачем?

— Глядеть овес. А там рядом, горох больно хороший. Идем, бабушка, за горохом!

Ну, пошли. Шли, шли. Бабушка была глухая, а дедушка слепой. Вот дошли. Рвали, рвали...

— Эх, бабушка, горох-то стручистый...

А она не поняла:

— Стучит?

— Бабушка,— он говорит,— межа (нет уж гороху-то, негде рвать).

А она говорит:

— Бежать?

Подцепила его и побежали. Вот бегут, бегут... Бабушка говорит:

— Оглянись!

А он:

— Беги!..

Добежали до своего гумна, а за ними нет никого.

412.

ЛИСА-ПЛАЧЕЯ

Старик со старухой посадили репку. Уродилось репы много,— хорошая репа, крупная была. Поехали старик со старухой за репой, надергали ее. Привезли репку домой и ссыпали ее на подложке. А лестницы не было, в стене были наколочены палки.

Старуха просит старика:

— Достань мне, старик, репку!

Старик пошел, достал ей репку маленькую. Старуха говорит:

— Какая это репка? Достань мне побольше репку.

Старик пошел во второй раз, не потрафил старухе и во второй раз. Старик осердился, пошел, достал большую репку. Швырнул — убил старуху насмерть.

Узнала про это лисанька. Пришла к старику:

— Дедушка, найми меня поплакать об бабушке!

— Ну, что же, лисанька, поплачь, а что же тебе за работу?

— Курочку, дедушка, дашь?

— Ну, плачь!

Лисанька заплакала:

Тулы, тулы, бабушка,
Убил тебя дедушка
С высокого терему
Ядреною репою.
Старик бабушку убил,
Головёнку проломил.

Старик отдал курочку ей, лисаньке. Она взяла съела. На второй день опять идет.

— Дедушка, найми меня поплакать!

— Ну, что ж, лисанька, плачь!

Лисанька заплакала:

Тулы, тулы, бабушка,
Убил тебя дедушка
С высокого терему
Ядреною репою.
Старик бабушку убил,
Головёнку проломил.

Старик дал лисаньке курочку вторую. Лисанька съела ее. На третий день опять пришла:

— Дедушка, найми меня поплакать!

— Плачь, лисанька!

Она заплакала:

Тулы, тулы, бабушка,
Убил тебя дедушка
С высокого терему
Ядреною репою.
Старик бабушку убил,
Головёнку проломил.

Старик догада лся. Дал курочку и жалко ему курочку стало. „Этак всех кур передашь ей...“

Он набрал собак, приготовил и положил в мешок. Вот пришла лисанька плакать.

— Я тебе, лисанька, не курочку, а мешок кур дам.

Лисанька заплакала. Старик и говорит:

— Ты, лисанька, стань под горой, а я на горе. Да на нее собак-то и напустил.

Прибежала лисанька в нору и спрашивает:

— Вы, глазки, что делали?

— Мы смотрели, мы смотрели, чтобы лисаньке убежать.

— А вы, ушки, что делали?

— Мы слушали, мы слушали.

— А вы, ножки, что делали?

— Мы бежали, мы бежали.

— А ты, хвостик, что делал?

— А я мешал лисе бежать.

— А, так ты вот как? Нате, собаки, хвост, ешь-те его!

Собаки вытащили лису за хвост и разорвали.

413.

ГОРОХ

Жил старик со старухой. Посеяли они три горошинки под пол. Две горошинки не взошли, а третья-то взошла. Вот он рос, рос, вырос до потолка, они и говорят: „Не будем его рвать“. Взяли, прорубили крышу, чтобы он дальше шел. И он вырос до неба. Всё рос и рос.

Старик захотел узнать, до кех он вырос, а старуха говорит: „Возьми и меня с собой“¹. Но он полез один.

Видит, там церковь из пирогов сделана, блинами покрыта, кренделем заперта. Он взошел, наелся. И опять ему надо за старухой лезть.

¹ „На скором трамвае“ — добавила одна из слушающих девочек.

Слез, посадил старуху в мешок. „Там, — говорит, — будем с тобой жить“. Вот они полезли. Старуха и спрашивает: „Старик, скоро?“ — „Скоро“, — говорит. Стал говорить и выронил ее в мешке.

Похоронили ее люди. А он дальше полез. Долез до этой церкви. И говорит: „Как там моя старуха, надо наведать ее“.

Стал слезать, глядит горох сломался. Он: „Как же мне слезть?“. Стал из бороды волосы дергать и вить веревку. Всю подергал бороду и стал спускаться. Веревочка у него оборвалась. Он упал в болото.

А у него была шапка. И утка у него в этой шапке гнездо свила. Вот он один раз сидит в болоте, а к нему лиса крадется, хочет яйца из гнезда взять. Он хотел ее за хвост схватить, а она убежала.

Вот она второй раз пришла. Он кричит: „Тпру“ и схватил ее за хвост. Лиса как дернет и вытащила его из болота.

414.

МУЖИК И ЛИСА

Жил один мужик в лесу, у него была жена, и у них было семь детей. Жена у этого мужика померла и остался он один с детьми. Вот приходит лиса и говорит: „Дедушка Лупёнушка, дай детёнышка, а не дашь — дуб срублю и тебя съем“. Так всех детей и перетаскала. Как остался мужик один, сел у окошка и стал плакать.

Ворона летит и говорит: „Что ты плачешь?“ — „Как мне не плакать, лиса у меня всех детёнышей перетаскала“. Ворона спрашивает: „А как она говорила?“ Дед говорит: „Дедушка Лупёнушка, дай детёнышка, а не дашь — дуб срублю и тебя съем“. А ворона и говорит: „Ты бы ей сказал, что у тебя хвост хлопяной, ты и дерево-то не срубишь“. Потом лиса идет за последним. „Дедушка Лупёнушка, дай детёнышка, а не дашь — дуб срублю и тебя съем“. А мужик и говорит: „У тебя хвост хло-

пьяной". А лиса и говорит: "Это кто тебе сказал? Ворона? Я пойду ее съем". Пошла.

А это было зимой, она на гору села кверху ногами, язык высунула и лежит. Ворона летит, орет, залетела к ней в рот и начала орать. Она захлопнула рот и проглотила ее. Ворона лису просила, чтобы лиса ее отпустила: "Отпусти, я тебе мыкальничек принесу, мы покатаемся". Она пошла, принесла мыкальничек. Лиса села первая, а ворона опосля и поехали с горы и попали в прорубь.

Лиса-то с салазками в проруби осталась, а ворона пырхнула и улетела.

415.

ПРО ПИРОЖОК

Был старик со старухой. Старуха и говорит:

— Наскреби и намети муки и поставь пирожок!

На меду, меду месили, на сметане поставили. Он испекся, они его положили на окошко. Пирожок посидел на окне, остыл, с окошечка на завалинку прыгнул, а потом и на землю. Катился, катился, попадаетеся ему собака.

— Пирожок, пирожок, куда катишься?

— Не скажу.

— Скажи, а то я тебя съем.

Пирожок и стал говорить:

Пирожок я, пирожок,
Я по коробам метён,
На сметанке мешён,
Я от бабушки ушел,
Я от дедушки ушел
И от тебя уйду.

Опять покатился. Катился, катился, встречается ему волк.

— Пирожок, пирожок, куда катишься?

— Не скажу.

— Скажи, а то я тебя съем.

Он и запел:

Пирожок я, пирожок,
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел
И от тебя уйду.

Опять катился, катился, встречается ему лиса.

— Пирожок, пирожок, куда катишься?

— Не скажу.

— Скажи, а то я тебя съем.

Он стал говорить:

Пирожок я, пирожок,
Я по коробам метён,
На сметанке мешён.
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел
И от тебя уйду.

Лиса говорит:

Нет не уйдешь. Сядь мне на плечико и спой песенку.

Он стал петь:

Пирожок я, пирожок,
Я по коробам метен.
На сметанке мешён,
Я от бабушки ушел,
Я от дедушки ушел
И от тебя уйду.

— Нет, не уйдешь! Гам его — и съела.

Потом ей мало пирожка, пошла она кур воровать к соседям. Залезла к ним в хлев, там, где они сидят, протягивает лапочку, а пирожок кричит:

Хозявушки-матушки,
Лиса кур ворует!
Хозявушки-матушки,
Лиса кур ворует!

Хозяева и говорят:

— Кто же это кричит?

Опять лиса протягивает лапку, а пирожок кличет:

Хозявушки-матушки,
Лиса кур ворует!
Хозявушки-матушки,
Лиса кур ворует!

Они выбежали все — кто с топорами, кто с вилами, кто с чем. Лиса упала у колодца, а пирожок вылетел.

Пирожок покатился к дедушке, к бабушке. Они его съели. Они стали жить-поживать и добра наживать.

КОЧЕТОК И КОТ

Кочет и кот жили в лесу. Построили они маленькую хатку. Кот пошел на охоту, а петух остался дом караулить. И кот наказывает:

— Подойдет лиса, а ты сиди на печке, не смотри в окошко.

Лиса пришла:

Кочет, кочет, кочеток,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Погляди-ка сюда:
Я как скачу,
Я как пляшу.

Кочет прыгнул с печки, открыл окно и выглянул. А лиса его и утащила. Лиса тащит, а кочет кричит:

Котань, котань, котанюшка,
Несет меня лисанюшка,
На гору в лес...

Кот услышал:

— Мрр... мрр... не знай пойду, не знай нет, мрр... мрр... не знай пойду, не знай нет.

Побежал кот, лису исцарапал, петуха отнял, отнес обратно в хату. И наказывает ему:

— Опятья уйду, а ты сиди, петух, на печке, опять лиса придет, опять тебя унесет.

Только кот ушел, а лиса — готово, здесь опять:

Кочет, кочет, кочеток,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Посмотри в окошечко:
Я как скачу,
Я как пляшу.

Опять петух прыгнул, открыл окошко. И понесла его лиса. Унесла его лиса, а петух опять начал кричать:

Котань, котань, котанюшка,
Несет меня лисанюшка,
На гору в лес...

Тут уж кот его не услышал больше. И унесла кочетка лиса и съела. И кости его положила в куч-

ку. Пришел кот в хату, а петушка-то нету. И плакал, плакал. Так и остался сиротой.

417.

ЛИСА И СКОМОРОХ

Жили-были бабушка с дедушкой. У них был боровок. И вот он ходил в лес за желудочками.

Раз он пошел в лес. Ему попадает лисичка. „Ты куда, боровок, идешь?“—спрашивает его. „В лес за желудочками“,—отвечает. „Возьми меня“,—она говорит. „Там яма большая, ты не перепрыгнешь!“ Она говорит: „Перепрыгну“.—„Ну, иди“.

Пошел он с ней. Попадает им медведь. Медведь спрашивает боровка: „Ты куда, боровок, идешь?“—„В лес за желудочками“.—„Возьми меня“,—говорит медведь. „Там яма большая, ты не перепрыгнешь“.—„Перепрыгну“.—„Ну, иди“.

Идут все втроем, взяли и медведя.

Потом идут они дальше, попадает им волк. Тоже спрашивается. И его взяли. Они пошли все четвером.

Шли дальше, и попадает им зайчишка. Пошли уж они впятером.

Попадает им большая яма, и боятся они прыгать и посылают зайчишку. Зайчишка прыгнул и попал прямо в яму. Лисичка прыгнула—тоже в яму. Волк прыгнул—в яму, и медведь и боровок тоже прыгнули в яму.

Сидят они там день, два, и есть нечего. Ну и говорят: „Давайте, кто тонким голосом запоет, того съедим. И начали они петь. Заяц запел всех тоньше. Они его съели. „Теперь,—говорят,—кто толстым голосом запает, того съедим“. Медведь всех толще запел. И разодрали его всего, съели они и медведя. Боровок-то околел, волк тоже околел, и осталась одна лисичка. Она там сидела долго.

Теперь летит птичка-скomorох. Она к ней с просьбой: „Вытащи меня, я твоих детей грамоте выучу“. Он натаскал хворосту, скomorох, она и вылезла. Привел ей детей—грамоте учить: она их съела. А он на это опять не обиделся.

Стали жить вдвоем: скоморох и лиса. Теперь лиса есть захотела: „Ты меня, — говорит, — скоморох, накорми“. Идут бабы в церковь с блинами. Скоморох впереди них и летит близко. Нарядный он был. Они глядят, что он близко. Они за ним — поймать его. А лиса сзади и подбирает блины: они бежали за ним и потеряли.

Наелась лиса. Теперь и говорит скомороху: „Ты б меня, скоморох, пьяной бы напоил“. Едет обоз со спиртом. А он сел на бочку, скоморох-то. Этому мужику другой мужик кричит: „Э, э, — говорит, — птичка-то у тебя какая красивая сидит!“ Он как схватил лейку, а лейка-то была чугунная. Стук по бочке. Бочку разбил. Спирт потек. Скоморох улетел. А лиса сзади бежит и пьет спирт.

Теперь лиса говорит: „Ты меня, скоморох, насмешь“. Вот молотят у попа работники рожь. А поп там стоит около них. Поп-то был лысый. Он ему и сел на лысину, скоморох-то. Его дочь и кричит попу: „Эх, тять, какая у ты птичка-то на лбу сидит!“ Схватила у работника цеп, стукнула и убила попа. А птичка улетела.

А лиса за плетнем сидит, смеется.

Теперь она смотрит, дочь-то, — лиса смеется. Она натравила собаку на нее. Лиса-то не рада. Бежать. В дупло. А собака ее там за хвост поймала, вытащила и съела.

Анекдоты, прибаутки, поговорки и пословицы
Я. Г. Парфенова

418.

КАЛЕНДАРЬ

У барина был календарь, а у старика грыжа. Вот барин кричит:

— Скорей идите жать, а то завтра дождик будет!

А на другой день вёдро.

В другой раз мужик стоит да вертится около вил. Барин его спрашивает:

— Ты что?

— Да завтра будет дождик.

И правда. Барин и говорит:

— У меня Брюсов календарь и то ошибается. А ты как узнаёшь?

— Да у меня, батюшка, грыжа.

— Ну, ты вот что: возьми мой календарь, а грыжу-то мне отдай.

419.

О ПОПЕ

Нет лучше житья попу:

Весь инструмент у него во рту,

Не нужно ему ни скобеля, ни топора.

Как наступила пора,

В большой колокол зазвонил,
Старух семьдесят сманил,
Весь народ сообразил:
Принесли ему и творога,
И пирога...

420.

ПОП И ПСАЛОМЩИК

У одного попа попадья сдружилась с псаломщиком. И вот поп никак псаломщика не поймает. Наконец, один раз запрѣг он лошадь и поехал как будто далеко. А сам поставил лошадь на дороге и вернулся. Стучит под окном. А псаломщик-то уж тут. Попадья испугалась: „Куда мне деть дружка-псаломщика?“

Вот она взяла его под лавку положила и дровами всего заложила. Поп вошел и начал искать. Искал, искал, не найдет нигде. Что делать? И говорит попадье:

— Я уж помолюсь дома, не пойду к вечерне-то. Раскрыл книгу, перекрестился, говорит:

— Благослови, бог наш, всегда, ныне и присно и во веки веков...

Как только возглас он дал, псаломщик-то услышал его и отвечает из под лавки:

— Аминь. Слава тебе, боже наш, слава тебе!

А поп подходит к нему, отрывает с него дрова и говорит:

— Молодчина, брат псаломщик. Здорово бы я тебя наказал, когда бы ты эдак не сказал.

421.

КАК ВОРЫ ПОПА НАПУГАЛИ

В одном селе задумал богатый человек сына женить. В той стране обычай был откармливать барана к свадьбе. Барана ели, а голову увенчивали разными лентами, вроде нашего курника.

А рядом с богачом жили два озорника. Сошлись они и говорят между собой: „Ванька, давай барана украдем да съедем“. Пошли они, засели на двор к

этому богачу. Один и говорит другому: „Ступай, лови барана-то, да и заколем“. А этот и говорит: „Я только пойду чашечку пивца в погребе выпью“. Больно пиво-то у богача хорошее было.

Прлез он в погреб, налил чашечку, да другую, да третью и сделался пьяным. Тот там барана ловит один. А этот, пьяный, в погребе песни запел. Хозяин услышал, испугался и говорит: „Это все нечистые духи поют. Они и молитв не боятся“.

А насупротив жил поп. Хозяин и думает: „Надо к попу итти, он молитвы от нечистой силы знает“.

Пришел он к попу и просит: „Батюшка, иди, пожалуйста, у нас в погребе дьяволы песни поют“. Поп говорит: „Я боюсь“. А хозяин ему: „Ты, батюшка, твори только молитву, которой дьяволы-то боятся. Садись,—говорит,—на меня, на коркошки, на спину“. И повез его к погребу. А пьяный-то услышал, что к погребу кто-то пришел и кричит оттуда: „Ванька, это ты пришел? Давай,—говорит,—я. У меня не дрожит рука. Я теперь живо обдеру“. Поп услышал эти слова, спрыгнул с плеч и припустился бечь.

На этом дело и кончилось.

422.

ПОПЫ В АДУ

Пришли попы в ад. Сатана этому делу рад. И говорит попам: „Святые отцы, зачем вы сюда зашли? Или пути в царствие божие не нашли? Наверное, вы на вольном свете богатство просбирали, пути в царствие небесное потеряли?“

И говорит своим слугам: „Небесные мои слуги, подьте-ка вы сюда! Вриньте-ка их вон туда, пусть посидят до страшного суда“.

423.

О СВЕКРОВИ

Свекровь невестку бранит:

— Дура, не эдак; шельма, не эдак.

А она плачет:

- Да как же, мамынька, да как же?
— Да я сама не знаю как, да только не эдак.

424.

ЛЕНИВАЯ СТАРУХА

Старуха ленивая была. А старик ей:

— Давай загончик выжнем.

А она:

— Ну, зачем?

Пришло время—ни обусть, ни одеть, ни ложкой задеть. На рождество схватилась (ишь, когда с горы скатилась). Шумит вьюга, а она:

— Старик, лентяй, иди скорее—не жать ли зовут?

425.

ДВЕ ЛЕНИ

Лени две. Одна так себе лень, а другая лень перекатная.

Когда Иван Васильевич Грозный был, написал приказ по России, чтобы лентяи-к нему в Петербург шли. И собрал всех лентяев, посадил во двор и загородил. И собрал караульщиков. А им дал пищу, кто чего захочет.

Как они жирны-то стали, расстегнулись,—с них даже текёт. Он взял солому да и сжег их.

И такая-то лень сгорела, а осталась перекатная.

426.

МУЖИК И ЧОРТ

Мужик с чортом репу сажали. Плохая репа вышла. Мужик и говорит: „Ну, чорт с тобой, пускай берет, а мне не надо“. Чорт засучил штаны и давай поливать репу.

Приезжает мужик. Чорт стоит: „Дальше отъезжай, я поле часто поливал—моя и репа“. — „Да как же это? И мои труды тут. Давай делить“.

Приехали к старухе. Сказали ей. А она говорит: „Договор бы сделать: кто чуднее уедет“. А чорт сказал: „На льве“.

„А ты, дурак старый, скажи—на мне“.

427.

КАК НАШЛИ ВОРА

Шла партия косарей с жнитва из-за Волги домой. В это время жнецы сотнями, куроводами идут. У одного из компании и вытащили деньги. Свой же.

Обыск. А тут старичок навстречу: „Стой, что это все веселы, а один плачет?“—„Да у него деньги украли“.

Взялся он отыскать. „Становитесь все на колени!“ Велел перекреститься. Потом спрашивает: „Все молились? Ровно тот не молился, кто деньги-то украл?“ А он: „Нет, и я молился!“

428.

КАК СОЛДАТ СМЕРТЬ ОБМАНУЛ

Солдат стоял на часах. А в те времена забреют тридцати лет, да тридцать лет он и служит. Взял он, раскрыл табакерку и нюхает. Даже слеза покатилась из правого глаза. А смерть пришла и говорит:

— Что? Больно гоже? Вишь слеза покатилась из правого глаза. Дай мне понюхать.

— А ты свернись мухой, да влезь туда, да понюхай.

А сам ее хлоп. Да тридцать лет и держал в табакерке, у ней мясо-то и изъело.

429.

ВАНЯ И КОЗА

Парень купил пряники и ест. А девки:

— Ванька, дай пряничка. Ванька, дай пряничка! Он говорит одной:

— Давай, Машка, дружитья со мной.

После этого каждый раз, как с улицы идет и дает ей пряники через плетень. А коза Машка узнала, что пряники-то сладки, да вперед успела, все и поела. Все пряники ей Ваня стравил.

Дал ей последний и говорит:

— Машка, ты пряники-то забираешь, а меня никак не называешь.

А она:

— Ммми...и...и...ки...и...т...и...и...ч!

430.

ПЕРЕПЕЛКА И ДЕРГУН

Перепелка летела-летела, села и вздремнула. Схватил ее волк и говорит: „Съем я тебя“. И стала она просить: „Не ешь меня, за это я тебе пригоню штук пять телят. А во мне-то мало товару—четверть фунта со всем с пухом“.—„Обманешь“,—говорит. Стала божиться: „Не обману“.

Обрадовался волк. „Ах,—думает,—это на целую неделю хватит“. Пустил ее. А сам лег и стал ждать. Вспорхнула перепелка и полетела. А на другой меже дергун. Перепелка и говорит: „Кум-куманек, пожалей меня на нынешний денек. Меня волк поймал“.—„Как же ты рассталась с ним?“—„А я обещала ему пригнать пять телят“.

Вот дергун и стал кричать: „Тпрусь... тпрусь... тпрусь...“, а перепелка кричит: „Пять телят, пять телят...“ Волк ждал: „Вот, вот гонят“.

Ждал, ждал да так и сдох.

431.

С ЗАДНЕГО КОЛЕСА

Шел я дорогой, поперек мне едет мужик на арбе, другой мужик подкрался да с его заднего колеса и влез на небеса. Ему сказали—на небесах коровы дешевы, а вши больно дороги.

Вот он ходил-ходил, на тракт нигде не угодил. Увидал вдруг: небольшая церковь из пирогов складена, блинами убита, лепешками покрыта, под крестом адамова голова из большого базарного пирога. Сияет крест, и от него свет, и он из хороших городских конфет.

Подошел к двери, — священники там воют, как звери. Дверь бороной затворена, кишкой натянута, калачом заперта. Я взял кишку, перекусил, калач переломил, борону отвалил. В церкви образа пряничные, а свечи морковные. Я взял образа в пазуху поклат, а свечки в окошко покидал. Гляжу: на правой стороне книга лежит на столе. Потом стоит батяка-поп, — я его кадилиной в лоб. Стоит дякон — я его смякал. Стоит пономарек — я его из церкви поволок и затылком прямо об порог. Вот у него из темечки посыпались семечки. Я семечки собираю, родителей поминаю — Трюшу, Матрюшу, праведную душу Якова распятого, Никиту горбатого.

Вот теперь, духовный отец, и сказке тут конец. Это у нас не сказка, а присказка.

Приходите тогда сказку слушать, когда бояре будут кушать, а мы завтракать.

432.

ПРИСКАЗКА

Писано, переписано,
Из Казани прислано.
Писал поп Ермила,
Окунал перо в чернила.
Как будто в городе Муроме,
В селе Карачаеве
Был град по куриному яйцу,
По голубиному желтку.
Крупный лес надвое расшибало,
А мелкое коренье в постель клало.
Нас, ребятишек, чуть не до смерти убивало.
Я был мальчишка вороватый.
Пошел к Антону на мельницу,

Сел на верхнюю лестницу.
Вот там меня солнышком марило,
А дождем парило.
Я оттуда упал
Да в Омский омут попал.
Тридцать три года на чертей грядки копал,
Да и то не пропал.
Шел мужик-бездельник
В чистый понедельник
Белу рыбицу ловить.
Он только невод завел,
Я к нему в невод зашел.
Вот кричит этот мужик:
„Батюшки, худо!
Ребятуськи, худо!“
Я ему сказал:
„Не кричи, мужик: худо —
Это одно чудо“.
Вот он меня на берег вытащил,
На землю поставил,
В лоб мне глаза вставил.
Я тогда был слепой,
А теперь ничего не вижу...

433.

КАК МЕДВЕДЬ ДЕВКУ УТАЩИЛ

А то вот, бай, медведь девку утащил. Осенью ходили за ягодами в лес. А медведь схватил девку, да вот так на себя, в берлогу, прямо в гору и потащил...

И когда нужно пропитание ей и себе, медведь возьмет натаскает камней, завалит ее, а сам уйдет. А сам глядит издали, уйдет она или нет. Жил с ней три года как муж с женой. Медом кормил. Оберет пастухов да ей пирога и принесет.

Потом она задумала убежать оттуда. Когда медведь ушел, она вздумала, да взяла назад пятками в трех местах этак сделала отвод.

Он пришел—ее нет. Побежит, дойдет до конца,

остановится и опять побежит. Он пока путался, она убежала. Он бежал за ней. А тут ехали извозчики да его и застрелили.

И сейчас есть от них потомки. Ланины их зовут. Нельзя им умываться, как мы умываемся,—они все, как лапой, лицо трут.

434.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ

А то как было сидком обвенчали. Привели в церковь,—я был дружкой. Стал поп опрашивать невесту: „Охотой ли ты идешь?“ А она молчит и возгласу не дала никакого. Он скинул с себя все да и пошел домой.

А уж лошадей косами украсили и ленты наклеили везде. Стояли они, стояли. Да сели на лошадей и поехали. Приехали домой, вроде как потеряли какую дорожную вещь.

Ну, а отец жениха и говорит: „Дядя Алеша, хотя дело нехороше, попой Яшу-то“. Четверть на стол. Выпили, кому сколько пришлось.

Пришли к невестиному отцу. А уж они ее всю раскосматили и порют, кто чем знает, а мы: „Что вы? Может быть она и сама не рада. Что делать? У нас все сызнава может быть. Лошади запряжены“.

Вот большого дружку послали, а меня в закладе оставили. Ну, и сыграли свадьбу сызнава.

„Кабы не Серов,—после смеются,—не быть свадьбе“.

435.

А фамилию-то Серова как я получил. И смешно и грешно.

Я мельницу держал.

— Дядя Яков, сколько у тебя поставов на мельнице?

— Да кабы еще десять, то двенадцать бы было, как у Серова.

Ну, так—Серов и Серов.

436.

О своей бедности Я. Г. Парфенов говорил:

„У меня в портмонете остается одно дно“.

И невесту, которая не хотела идти за него утешал своими прибаутками:

Любезная, будешь моя подруга,
Не жди от меня золотца,
Бери так меня молодца.

437.

Прибаутки в ответ на просьбу рассказать автобиографию:

Я, ведь, вырос до молодца,
Стал знать отца,
А то не знал.

438.

Меня тетка родила,
Мать и дома не была,
А бабушка повивала,
Насилу на катке пымала.

439.

На вопрос, а сколько вам лет:

Да семьдесят пятый,
Последний год измятый
(болел много).

440.

Я. Г. Парфенов сам смеялся над своим пристрастием к балагурству:

Иду я слободой, а мне кричат:
— Дедушка Яша, куда ходил?
— Пруды прудил.

Все смеются... И дурак я, и как бы и профессор.

441.

Он знал, что многие на него обижаются за острый язык и говорил:

Я, Яков Израиль,
В Елшанке человек двести излаял,
Теперь до вас иду.

442.

У меня, ведь, путных речей нет — всё с морозом пополам.

443.

В ответ на наши повторявшиеся много раз просьбы рассказать то сказку, то прибаутку он говорил:

Я ведь знаю частичку того и другого,
Да в конце боюсь сказать худого.

444.

Я ведь в час могу сказать сто раз.

445.

Расскажу, словно бисер расскажу.

446.

У нашего Якова
Товару всякого.

447.

О своей находчивости он сказал:
Я ведь глыбокай.

448.

Смелся он над своим пристрастием к выпивке:
Бывало, я натошак,
А, глядь, меня уж тащат.

449.

В 1935 году, когда Парфенов уже умер, о нем вспоминала его родственница:

Он и в церковь совсем не ходил.

„Начнут,—говорит,—к обедне звонить:

— К нам, к нам, к нам, к нам...

Ну я и иду.

А потом, как во всех церквях зазвонят:

— Куды хошь, куды хошь, куды хошь.

КУДЫ ХОШЬ...

Я и думаю: куды же мне? И пойду в кабак".

А там у него зятек был.

450.

Хорошенько угоститься,

А там со мной придется проститься.

451.

Я. Г. Парфенов жаловаяся на свою память:

Можно бы рассказать.

Только надо разыскать:

Листы-то спутаны.

452.

У меня песни все клочками изорваты.

как мой бедуним.

453.

Пословицы, поговорки и рифмованные прибаутки, которыми Я. Г. Парфенов отвечал на вопросы или подхватывал концы фраз собеседников:

Вот вам орешки для потешки.

454.

Дело ваше, Николаша.

455.

Живый в помощь вышнего,
Нет ли у вас чего лишнего?
(Так смеялся Я. Г. над служителями культа).

456.

Если немного поешь,
То мало и поговоришь.
А надо уж сесть
Да побольше поесть.

457.

С заднего колеса
Влез на небеса.

458.

О седом человеке:

Положите его на камень, на солнышко,
Он оттает, а то он заиндевел.

459.

*В ответ на то, что нехорошо через порог здороваться,
примета нехорошая:*

Это у нас не порок, а кто украдет—
так порок.

460.

Обращение к родственнику, только что женившемуся:

Здравствуй, Василий, с законным браком,
Не желаю, чтобы между вами была драка.

461.

Обращение к молодым после свадьбы:

Если здесь вы поживете,
То денег наживете,
Половина моя!

462.

*Так он начал сватовство невесты своему сыну, назначив
кладку в 50 рублей:*

Я пожалуй дам полста.
А невеста мне выткет на портянки
холста?

463.

Работы море,
А мне вот, несчастному, горе.

464.

О лодырях и лентяях:

Завалил на осень,
А там все дело бросил.

465.

После рассказов о лешем и домовом.

Леший да домовый,
Пора итти домой.

466.

*Присутствуя в качестве дружки на свадьбе, Я. Г. Пар-
фенов вместо обычного —*

Гости званы, гости браны,
Дочери отецки, жены молодецки,—

говорил:

Гости званы, гости браны,
Ступайте домой, пока не драны...

467.

Казначей, не знаю—откудова, чей.

468.

Каждая пичужка своим носом кормится.

469.

Не будь сам дурашка, не погубит и фуражка.

470.

Всякому делу—устав.

471.

Со сна-то еще и девушка не красна,

472.

Поживешь подольше, увидишь побольше.

473.

Хоть копейка на день, да хлеб дядин.

474.

Другой жених и хорош,
Да песню дурную про него поешь.

475.

Ел, ел,
Осовел;
Малость пройдет,
Опять туда же пойдет.

476.

Съел полпуда,
И будет покуда.

477.

Кто пьет, а кто слезы льет.

478.

У нашего Яшки
Заиграли в шашки.

479.

Ваше дело: взяла гребень да посидела.

480.

Благодарим покорно,
Я уж наелся до горла.

481.

Без денег везде человек худенек.
Денежка не бог, а много милует.

482.

Идет пьяный—дорога ямой.

483.

Вещь хороша, — никто не даст гроша.

484.

Ни обуть, ни одеть, ни ложкой задеть.

485

Хватилась, когда с горы скатилась.

486.

Нету, нету — оставь к лету.

487.

Каждый год урожай,
Только богу не досажай.

488.

Умрешь, друг к дружке не придешь.

489.

Направо, налево раздайся,
Только один не останься.

490.

Мы люди—не червяки,
Это всё рассчитывать — пустяки.

491.

Пока талант получают,
Весь век учат.

П Р Е Д А Н И Я

Об урочищах и заселении новых мест

492.

Это было давно, когда еще хохлы за Волгой стали селиться, а кругом по степи—киргизы. Вот у одних была красивая девушка, а у ней жених, но жениха взяли на службу. Только ему притти со службы и играть свадьбу, ее и захватил киргиз и увез в степь.

Приезжает Иван. „Где невеста?“ Рассказывают ему. Он запрягает лошадь и в степь тоже. Ездил, ездил, наконец, нашел. „Отдавай девку, она невеста моя!“—говорит он киргизу. А тот не отдает. Схватился он драться с киргизом, а киргиз был здоровый и уж вот-вот одолеет жениха. Он и кричит невесте (а она тут же): „Помоги!“ А она и говорит: „Кто кого одолеет, того я и буду“.

Собрал последние силы жених, но не может справиться, слабеет. А с ним увязалась в дорогу собачонка. Увидала она, что ее хозяину плохо, кинулась на киргиза и ухватила его за самое причинное место. Конечно, он при помощи собаки и одолел киргиза, прикончил его.

Взял невесту, посадил на телегу, привез домой, все радуются: герой. А он ходит мрачный.

Стали играть свадьбу, вот сидит он рядом с невестой, а у ног собачонка. Мать её угощает всех, подает и невесте, а он берет тарелку и собаке всё вываливает.

Раз сделал так, два и три. Все смотрят на него. Не вытерпела теща и спрашивает (ей за дочку очень обидно): „Что ты делаешь, Иван?“ А он ей и говорит в ответ: „Эта собака достойнее вашей дочери!“ И рассказал всё, как было.

493.

КАРАУЛЬНАЯ ГОРА

Здесь жили семь русских князей-богатырей — семь родных братьев. Они были посланы сюда караулить татар, чтобы они не собирались силой идти на Русскую землю, скот угонять, народ воевать. Желая их выжить с этого места, татары зажгли степь верст на десять кругом горы. У богатырей в один час разбежались их кони. А сами они начали биться с татарами.

Три дня они бились. А на четвертый день их победили татары, так как их было тысяча человек всадников. И все полегли на поле битвы. С тех пор, рассказывают старики, в ночь под пасху гора открывается и на своих конях выезжают богатыри защищать Русскую землю.

494.

КАТЮШИНА ГОРА

На юго-запад от Хвалынска столпились горные хребты, прежде покрытые густым непроходимым лесом. В этих лесных местах стояли разбойники. Они выслеживали здесь добычу, производили смелые набеги на богатых заволжских кочевников — калмыков и казахов.

Так, на высокой горе, над Мамонтовым ключом жила шайка двух атаманов Рогова и Туманова. Однажды убили они целую семью, но не поднялась у них рука на маленькую девочку Катюшу. Они ее взяли в стан, воспитали и поручили ей в те дни, когда они уходили на свой промысел за Волгу, зажигать на горке костер и все время поддерживать огонь, чтобы не потерять свой стан.

В память этой сиротки Катюши зовется донныё высокая гора, по которой пролегает Болтуновская дорога,—Катюшиной горой.

495.

СЕЛО ЕЛШАНКА

До войны с французами на этом месте была маленькая деревушка, этак дворов шесть-семь.

Когда Наполеон потеснил русских из-под Москвы, весь народ из деревни Егорьевской, Московской губернии, Можайского уезда, пошел на Волгу, заслыша, что места здесь привольные и опаски ни от кого нет.

Шесть недель они шли одним только лесом, питались ягодами да грибами, да еще коренья съедобные рыли. В Саратовскую губернию пришли осенью и хотели итти до Саратова, но отощали и, найдя здесь хорошие земли, просили их тут и поселить.

Так они и остались. Первоначально их поселок назывался Елховый Гай, а деревушка, которая здесь раньше была, звалась Елховая Речка. А потом оба селения соединились и стали называться селом Елшанским или просто Елшанкою.

О Степане Разине и Пугачеве

496.

БУГОР СТЕПАНА РАЗИНА

Бугор — Стенькин двор, а пещера — его жилище.

Здесь он с вершины волжских гор караулил купецкие караваны, царскую да монастырскую казну к себе поджидал. А в глубоких буераках его молодцы на мелких лодках ждали слова атамана: „Сарынь, на кичку!“

Радостным свистом отвечали бурлаки, сбросив с плеч опостылевшую лямку.

Степан Разин не умер. В день, когда ему выйдет срок, он встанет. Взмахнет кистенем — и от обидчиков, лихих кровопивцев мигом не останется и следа.

Не долго уж ему осталось маяться. Скоро, говорят старики, час его настанет. Тогда держись только. Он, батюшка, шутить не станет!..

(Так говорили о Степане Разине крестьяне в период империалистической войны).

497.

Степан Тимофеевич Разин — волжский атаман живет в Разиных горах. Это горы по берегу Волги, от Федоровки до Терешки, их видно из Елшанки.

Он живет в виде громадного горного орла.

Иногда он нападает на людей, но только за провинности.

Иногда он бывает в виде старого старика. Тогда он встречается людей на дороге и расспрашивает об их житье-бытье. Он внимательно выслушивает все жалобы на господ и начальников и обещает явиться грозным мстителем за народ.

498.

Работал я в Чирикове, в Аркадакском лесничестве—щепу драли на крышу аэродрома. Мы стояли на квартире у старых стариков — одному 80, а другому 82 года. Они и рассказали мне о Пугачеве.

Когда приехал Пугачев, то он Енгальчева, чириковского барина, не тронул. Крестьяне сказали, что он хорошо с ними, с крестьянами, обращался. А рядом, в Агееве, была барыня Юнкowska, которая очень мучила крепостных. У нее была устроена, нагрунтована насыпь, и она на ней стояла с биноклем в руках и смотрела, кто как работает в поле. И потом задавала порку, кто плохо работал. Ну, крестьяне страшно боялись и не знали, откуда это она всё знает. Конечно и вредители из крестьян были, которые о других доносили.

И вот, как Пугачев пришел в Агеево, все крестьяне и закричали: „Убить ее! Убить ее!“ Все ее ненавидели...

499.

Тут населения тогда не было, а были дремучие леса. И вот один чириковский старик из богачей рассказывал предание, что Пугачев здесь в лесу клад оставил. Там в этом подвале висят седла, висят тесаки, шпаги от того времени и стоит лодка, полная денег, и сундук серебра, и сундук золота.

Так этот старик рассказывал. Дед его ходил с Пугачевым и останавливались они, пугачевцы, в

Каменном овраге, в ложине между гор, в самом дубовом лесу. Есть все приметы, как он говорил: липа и родничок около этого подвала. Ну, сейчас липы нет, а остался только один кустарник. Сейчас и родничка нет, его забросили. А как раскопаешь, то там и впрямь родничок, только им не пользуются, потому что у нас есть вода хорошая.

Еще до переворота мы с этим стариком сделали щуп и ходили щупали по лесу этот клад. А тут был полесный и спрашивает: „Что вы тут ходите?“ — „Хотим камушков посмотреть для погребка“. Так и не пришлось искать.

500.

Пугачев год был. И господа руки пачкали, чтоб их не угадали. И в сусеки прятались, и в пададь лошадиную прятались.

Пугачи такие были! Ходили они с пиками и искали господ, пиками в сене и соломе искали.

501.

Пугачев-то, он тут, сын, проживал, у нас-то недалеко. Он тут ходил и душил господ. У него был замок в Медвежьем лесу. Они сделали подвал и обожгли огнем, чтобы не гнил, туда все и складывали. Когда, значит, Пугачев начал он восставать в Казани, его там судили и посадили в тюрьму. Он тогда прислал лист большой Михею Исаевичу в Петровск: „Как ты мне друг, пойди, там у нас подвал есть, и в этом подвале цепь. Иди по цепи и получишь серебро и золото. А в котором мы жили помещении, отступи от порога три шага, там будет пивной котел, и в нем золото“.

Теперь это сам Михей бумагу получил, а грамоте не знает. Пошел к товарищу, тот и прочел, а про котел-то не сказал. И раз — сам за котлом.

И, значит, Мосин проболтнулся. И был в Петровске управляющий, и услышал, ну и пристал к деду

Михею. А ему, Михею, Пугачев наказал: „Береги это! Придет время, земля вся ваша будет. Тогда надо будет“.

Михей показал управляющему это место, но не на это, на другое. Три дня рыли, но ничего не нашли. Сам Михей вскоре умер. Сыну и передал. И бумагу ту мой дед видел. И все ждали, придет наше время.

А потом и место не нашли. Не найти, бумага эта пропала...

О крепостничестве

502.

КУДЕЯР-РАЗБОЙНИК

Князь Куракин близкий человек к царю был. Он (царь) давал ему возможность ста рабам отрубить головы, и это только радовало бы царя. И он очень был известен на Российскую империю.

В это время гулял здесь разбойник Кудеяр. Это мне еще дедушка Митрий рассказывал, ему бы теперь сто шестьдесят лет было. Это еще давно было, ездили еще на лошадях, железных дорог не было.

На Хопре был берег, который резко поворачивал, и на нем этот разбойник останавливал лошадей. Он грабил князей, бояр, вообще богатых людей, а бедных он не трогал. Грабил он их так: у него была большая сила, и он схватывал корневую лошадь, убивал кистенем, она припадала, и упали и другие лошади; а потом забирал всё, что ему было нужно, перебив людей.

В то время попался ему уж больно хороший коренной жеребец, и он его не убил, а убил пристяжного, и тройка застопорилась. Убил он барина-еврея, его жену, а красавицу дочку взял себе в жены, и еще одну взял женщину специально для этой своей жены.

И были у него добрые лошадки. И одну лошадь он особенно любил. И вот она, жена его, на ней

каталась, и лошадь ее сшибла и убила задними ногами. Тогда он ее похоронил на три ступени от Хопра.

И в одно время он попался вот как. Он стал сильно опасен на дорогах, как от нашего села до Пензы. Вот тогда туда послали тайно царское войско, т. е. на одного разбойника несколько десятков. Когда Кудеяр с ними встретился, то на него разом четырнадцать человек напало. Десятерых он убил. Но один из них из огнестрельного орудия его ранил. И отправили его в тюрьму.

В это время князь Куракин захотел найти красивое местечко, где поселиться. И надумал он зайти в тюрьму и спросить разбойников. И заявил им: „Кто лучшее место укажет, природку, того освобожу“. И вот этот самый Кудеяр ему предложил это место, где сейчас Куракинский дворец.

Князь приехал, посмотрел и освободил Кудеяра. С тех пор у нас жил князь Куракин.

503.

Когда князь Куракин попал после опалы в деревню, когда его выслали за хулиганство, он прислал сюда много крестьян из разных мест: из Орловской губернии, из Полтавской, и построил дворец около церкви (на Мертвой улице). А уж после поставил дворец здесь.

Улица с. Куракино Городок называется потому, что здесь в лесу было становище разбойников. Куракин строил дворец специально, чтобы принять у себя царя Павла Петровича. Много было здесь и во дворце и в парке скульптуры.

Село Ново-Надеждино основал князь в надежде на то, что его снова вернут во дворец. В главном здании дворца было 75 комнат. Там были тайники, тайные ходы. А в подвале под домом много найдено больших колец. Большие кольца прямо через голову пролезть могли. А еще там мослы находили. Говорят в этом подвале он приковывал кого-то, может, крестьян.

Когда князь строил дворец, то он за измену в

своем дворце замуровал в стену женщину, свою рабу. Она была не русская, иностранка какая-то. Когда ремонтировали после дом, то нашли и кости в стене и отпечатки.

А впоследствии сын князя Алексея Борисовича, Федор, женился на плохой женщине и незнатной. Она была жена подполковника Макиевского. Она вышла за него с детьми. Дети отчество носили Федоровичей, а фамилию Макиевских. Может быть, дети-то были его родные, но фамилию-то знатную, княжескую они не могли носить.

А женился князь так. В Ростове был поп выпиваха, и был он очень сильный. Она подговорила его, одарила его всячески и заставила его обвенчать ее с князем, когда князь был в пьяном виде. А князь постоянно пьянствовал с этим попом. Ну, она и подговорила попа. Утром князь проснулся, его поздравляют с законным браком. Он: „Что, как?“ Не верит, но деваться некуда. Потом ему уже совсем не было доступа в Петербург. Только и жил в Москве да в деревне. А в Петербург ко дворцу с такой женой нельзя. Не было ему счастья в жизни.

504.

О 1861 ГОДЕ

Освободил на волю крестьян Александр. Народ работал в поле. Управляющий едет: „Бросайте! Воля пришла!“ Князь землю отмежевал на полный надел. Собрал крестьян и говорит: „Дети, берите эту землю, это вам награда!“ Крестьяне землю не взяли. Старики не хотели на полный надел итти. А надел давали только по полторы десятины на ревизскую душу.

Князь пригнал казаков. Крестьян били розгами, чтобы шли на полный надел. Избивали народ, чтобы не волновались. Старики так и не пошли на это, дескать, все равно земля наша будет. Вот тогда он дал дарственную землю. Земля эта неудобна была, пески. Жить было нечем. Снимали землю у князя же. А так исполу у него брали.

Сроду в бедности, нужде жили. До самой Октябрьской революции на князя батрачили.

505.

ПОЖАР

В селе начался пожар. Княгиня не пустила меня к горевшим родным: „Может, ты мне тут пригодишься“. А князь побегал в белом кителе качать воду. Очень любил суматоху. Так вот княгиня и говорит: „Вот видишь, как он старается и помогает крестьянам. Даже китель белый не пожалел“.

506.

Куракин пьяный ездил на ребяташках. Запряжёт их в двуколку и ну по деревне. А когда приедет во дворец, он спрашивает: кому что нужно. Один говорит: „Мне фунт конфет“. Он ему пишет на спине: „фунт конфет“. Другой спрашивает: „Мне сапоги“, он пишет: „сапоги“. Те идут в кладовую, показывают спину, и кладовщик выдает.

Узнал про это один мальчишка. Да сам написал на своей спине: „Выдать коня и новую соху“. Тот выдал. Узнал про это сам Куракин и распорядился всыпать ему 250 горячих. Так и запороли этого мальчугана.

507.

НА ФАБРИКЕ

Пятнадцать лет меня впрягли в тягло. Взяли меня на фабрику. Мы были только две таких молоденьких с моей подружкой. Над нами другие девки, которые прежде были взяты, смеются.

Фабрик был такое помещение каменное. Ткали там полотно. Куда-то его сдавали.

Девки нас и научили:

— Попросите у Анны Ивановны савок, да наметку, да третью выволочку.

— А кто вам говорил?

— Да все девки.

Она вынула ремень из-под полы да давай их хлестать. А потом и нас.

— Вы—девки молоденькие, и не слушайте чужого разума.

Давай и нас. И нас отхлестала. Эта Анна Ивановна — она смотрела на фабрике за девками.

508.

ВОЛЯ

Как воля-то пришла, воля-то была иха. Они двадцать лет ее не давали, не пускали!

Я князевская. Князь-то он и держал волю. А у них был управляющий. И каждую пасху уезжали к князю его поздравлять. Приедут мужики, а князь похлопывает по столу и говорит: „Вот, такие-сякие, вот она ваша воля-то!“ Она под столешником у него лежала.

Князь Прозоровский - Голицын раньше хотел крестьян на волю отпустить. Приехал, собрал всех стариков и говорит: „Берите себе, старики, весь лес и идите на волю“.

Он хотел большой выкуп взять. Но трое стариков — Агапов, Мартынов и Селиванов—не хотели. Они подговорили все села: „Не делайте этого! Это обман. Все равно земля будет наша“.

Так и не взяли. А потом, как на волю выходили, ни леса, ничего не получили...

509.

Случилась на ярмарке драка. Князь слышит, какой-то шум не ярмарочный.

— Что такое?—К нему подходят.—Что такое?

— Да подрались.

— Кто зачинщики? Кто подрался?

Князь начал стучать кулаком, кричит:

— Оштрафовать! Кто зачинщик? Оштрафовать!

Привели драчунов. Они поцарапаны, все в крови.

— Вы что в крови?

— Да вот там случилось драка.

— Кто зачинщики?

А мужики рады. Знают, чем кончится.

— Да вот все лавочники, ваше сиятельство.

— Ну, оштрафовать их на 200 рублей. Пусть поставят вам вина.

Лавочники раскошеливайся, ставь вина, отказываться нельзя—запорет. А мужики рады.

510.

Свекровь рассказывала, как ее выдавали замуж. Барыня за кого захочет, за того и выдаст. Выдавала замуж рано — 16 лет, 15 лет и даже 13 лет. Сказала отцу, за какого жениха велит ее отдать. А свекровь никак не хочет.

Плачет, плачет. „Я, — говорит, — себе все пятки обобью. Он меня и не возьмет, жених-то“. Отколотила себе пятки, ходить не может. А жениху что? Барыня велела, он все берет. Ему все равно, деваться некуда. Соседи говорят, что невеста все пятки отшибла, ходить не может.

— Ничего, — говорит, — пройдет.

Что делать? Вот она намазалась вся золой, навозом, всякой гадостью. Идет мимо барского дома. Барыня ее подзывает:

— Ты что, скнипа, гадина этакая, зачем вся перемазалась?

— Да я всегда так хожу. Не хочу замуж итти.

Барыня на нее закричала, затопала. Велела принести две портянки, дала ей и говорит:

— Ступай, умойся. И сейчас же в церковь венчаться.

Так и повенчали.

Вот она приходит к ним. Как ночь переночевала, не помнит. На другой день побежала домой, схватила все свои игрушки, куклы, тряпки, отнесла всё в мужнин дом. С самого утра залезла под кровать и сидит там играет. Разложила все свои игрушки, куклы. Позавтракали. Молодой нет. Обедать собрали, ее всё нет. Куда, куда молодая девалась?

А она сидит под кроватью, в игрушки играет.

БАРЩИНА

Мать Анны была еще крепостной.

Бывало, утром идет староста, стучит под окном: „Иди работать!“ А она залезет под полог и сидит там шьет. У нее было девять человек детей. Она не успевала на них шить, обшивать. Хочется ей немножко дома поработать. Она и говорит:

— Ну, ребятишки, придет староста, скажите, что я больна.

Он идет, стучит, а она спряталась. Ребятишки кричат:

— Маманька больна.

Он и уйдет. А она скорее шить.

Петин барин был не так плохой, сердитый, — как озорной.

Раз мужик: „Дай,—думает,—себе снопов привезу, совсем хлеба не было дома, дети неевши сидят“. Приезжает, накладывает. Глядь, барин едет с кучером Фомкой.

— Это кто снопы накладывает? Ты кому работаешь?

— Да детям помолоть. С голоду помирают.

— А ты не во-время есть захотел! От работы барину отлыниваешь? — да намахнулся.

А мужик-то уж тоже осерчал. Да как даст барина вилами, анды от портков пуговица отлетела. Барин сел в коляску и уехал.

Приезжает мужик домой. Все плачут. Уж знают всё. Рассказывают. Фомка бежит:

— Где Гладков? Барин зовет.

— Ну — засекут, значит.

Идет. А он прохаживает и разговор себе имеет: „Мужичок чтобы позволил себе нанести удар?..“

— Фомка, обыщи его, нет ли у него ножа?

Входит.

— Ну что, Гладков, как это ты мог?

— Позвольте, барин. Разве я могу на вас удары нанести? Вы нас поите, кормите, а мы вас бить? Вы наши родители!

— Ах, мошенник! Знал как набедокурить, знает, как и концы скрыть... Ну, иди.

И отпустил.

513.

Вредный был барин. Бил тех, кто лучше да умнее. Стараться-то нельзя было. У кого лошадь хорошая, он возьмет да отымет. „Это ты моим хлебом откормил“. А у кого плохая лошадь — того на конюшню бить, что плохо стараешься. „Лентяй, — кричит, — лентяй большой!“

Риги были туда, у Биклея. Бабы туда ходили молотить с ребятами, с зыбками. Повесят зыбку в ямку. А раз овин загорелся, так ребята все погорели.

Село Ханеневка до самой революции разделялось по барским обществам. Так по барам улицы назывались: Петиновка (Петинова барина), Ульяновка (Ульянова) и Бартеневка (Бартенева).

514.

Гаврила Егорыч у барина был мальчиком. Барин лег отдыхать, а он мух сгонял и нечаянно его ударил. И не больно, да и то он причину нашел. Засадил его в засад на чердак.

Потом там ночью дверь на чердаке и скрипит: по-бр-ри-и-ть... по-бр-ри-и-и-ть...

Ему и почудилось: побрить! Он утром встал весь белый. Значит, испугался. Все виски белые стали. Чудилось ему: кричат там на чердаке: „побрить!“

О 1905 годе

515.

КАЗНЬ ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА

Шмидт быстро подошел к месту казни и оборотился за прощанием. Простился с братьями матросами и трогательно просил не позабывать, вспоминать лейтенанта Шмидта, погибающего за русский народ и дорогую родину. „Из вас, мои братья, таких, как я, много, ну еще больше будет“. Простился с товарищами, офицерами, и облобызался с командиром „Прута“. Просил не привязывать его ко столбу и не покрывать лица мешком: „Так что я смерть приму лицом к лицу“. Частин* сказал: „Прощайте, товарищи, сейчас смерть, простите!“ И остальные двое плакали и отказались от причастия. Шмидт говорил: „Я счастливый. Я помру среди природы и буду глядеть на восход солнца, и меня окружает далекое море“. Шмидт был без шапки, в одном белье. Он один был с открытым лицом и высоко поднятой головой.

Команда выстроилась, и барабан ударил бой. Матросы берут ружья на руки. Шмидт кричит: „Прощайте и убивайте!“

Раздается команда: „Пли!“ Залп, два. Два мат-

* Матрос, казненный вместе с Шмидтом за участие в восстании.

роса упали, как скошенные. После третьего залпа убит третий матрос. А Шмидт остается цел и невредим. Глаза его блуждают. Раздается четвертый залп. Шмидт, пронзенный пулями, падает навзничь и окровавленный с головы до ног.

И было четыре с половиной часа утра. С рассветом минеты взяли изрешеченные теплые тела в ящики, опустили в ямы и быстро засыпали землей. В двенадцать часов дня „Прут“ снялся, а за ним и „Терек“, увозя приготовленных к каторжным работам студентов и матросов. И трагедия кончилась.

516.

1905 ГОД В КУРАКИНЕ

В 1905 году пришли к нам из города рабочие. Они агитировали, что царя нужно свергнуть. Мужики начали баловать. То лес порубят, то из усадьбы что подожгут, хлеб развозили, делили скотину.

Князь вызвал казаков, которые во дворце около года стояли и пьянствовали. Напились они раз сильно в базарный день, и один из казаков пьяный прискакал на базар и машет саблей. Мужики изловчились и ударили колом по передним ногам лошади. Лошадь-то повалилась. А казака убили и саблю переломили. Тогда повыскочили пьяные казаки из дворца и давай пьяные стрелять по селу. Ну все попрятались. Тогда казаки верхами выехали в село. Этим временем шел по селу „Черный ангел“, он был дитем беглого солдата-крепостного. Звали его Онисим Васильевич Боженко, но больше называли „Черный ангел“. Он всегда переносил из города в деревню революционные листовки.

Увидел он казаков и кричит: „Наемная шкура!“ Казаки его заметили, бросились за ним и говорят: „Мы тебя давно искали“. Он—бежать. Но зацепился в сугробе за плетень и повис. А казаки избили его плетями до полусмерти и решили, что умер, и пнули его ногой и оставили.

Но Боженко очнулся и ушел...

В с. БЕЛЬЩИНО

Поехали в декабре на базар. Самая эта Казанская была. Собрались революционеры в Макарове и начали марсельезные песни петь. Несколько их пропели.

Один из них был руководитель. Читает. Остановится и начинает всё читать про царя: как нам царя сместить и буржуазию спихнуть. На конце этого время оратор ораторствовал, чтобы „вспыхнуло утро“. И в ночь везде загорелись помещики. И князь Голицын, и Демидовы, и Юсуповы. Всё загорелось.

Потом вытребовали господа казаков и начали пороть тех, которые участвовали. Остальных забрали и отправили в Саратов, в тюрьмы.

Муж сидел четыре года. Потом его отпустили. Он работал уже отпущенный. Когда вышла революция, подошел он к тюрьме, где сидели его сосланные товарищи, подошел и дрожащим голосом воскликнул:

— Воскресли мы! Воскресли мы!

И их как раз и отпустили.

518.

В 1905 году громили дом помещика Зацепина. Приходили Панырские, он к ним относился.

Большая политическая работа была в Аркадаке, там были врачи, учителя. Собрались в Аркадаке перед уборкой до восьми тысяч рабочих наниматься. В Аркадаке как раз были базары, где нанимали рабочих. Сюда съезжались и помещики и приказчики нанимать рабочих. Рабочие забастовали. Не стали наниматься за низкую цену. Набивали цену. Их поддерживали, давали им хлеб, кормили. Двадцать дней длилась стачка, хлеб осыпался. Помещики волновались, но цену не давали.

Зачинщиков приехали арестовали. Забрали из крестьян тех, которые вращались в кружке. Пани-

ку среди помещиков сделали большую. А в осень пошли и самые аграрные движения.

Через Хопер переправляли прокламации в бутылках. Макаровцы устраивали митинги в лесах. Макаровцы не жгли помещиков, а делали стачки на манер рабочих.

Громили усадьбы не здешние крестьяне, а со стороны—селитьбенские, изнаирские, владыкинские. Старший из них—старый, седой. Он въехал верхом на лошади. И на голове шляпа, а в шляпу перья натканы. Сам шустрый, быстрый.

Горело так, что страсть. Всю ночь горело. Нужно было сжечь хлеб в амбарах. Хлеб развезли по крестьянам. Затем зажгли амбары.

Но скоро приехали казаки. Начался допрос. Что крестьяне взяли из дворца, то заставили привезти обратно. Велели и хлеб привозить обратно. Кто вернет, говорили, того запишут и не тронут. Кто привозил, тех записывали, а потом сажали в тюрьму. Дали по четыре месяца тюремного заключения. Многие там умерли от тифа. А кулака Сысоева—дворецкого Прозоровского—освободили.

Тогда крестьяне часто собирались, читали газеты, пели песни. Старикам нравились песни:

Сторонитесь, богачи!
Беднота гуляет!
Лапоть волю берет,
Онучи в почете.

519.

Столыпина хорошо помню. Был я еще тогда мальчишкой. Как приедет, мы, бывало, все трясемся.

Как только Столыпин приедет, то все на этот плац выходят встречать. Выносят и стол, и хлеба, и соли. А если не встретят с хлебом и солью, то он плетями отходит.

Раз на этом плаце стояли драгуны. Приехали они арестовать несколько ребят и сделали здесь на старом селе собрание.

— Давайте их сюда,—говорят.

А Гаврила Михайлович говорит:

— Ребята, зачем вы даете? Не дадим!

И бросились на драгун. А они с лошадьми начали на толпу бросаться. А народ-то и сам на них с оглоблями, с палками... Одного драгуна оглоблей убили. А Тараса Ивановича Филонкина помяли сильно: он получил помрачение рассудка.

После этого двадцать человек арестовали, но не зачинщиков. Тех восемь человек, которых хотели сначала арестовать, не тронули. Арестовали тех, кто дрался.

А началось то дело вот с чего. Тут у Суровчихи охрана стояла по ночам. А крестьяне не дремали, подожгли у нее скирды хлеба. Вот тут-то драгуны и выскочили. Поднялся целый штурм, начали всех лупить.

520.

Около Ботманова убили барина Волкова. Вот жандармерия и вваливала.

Мне самому пришлось однажды там быть. Это он (Столыпин) как раз были с генералом Сахаровым. Приехал вестовой: Отколь? Чово? Как кого увидит и гонит плеткой в спину—иди к церкви. Гонят всех. А население боялось и пряталось от них.

Приехали. Было пятьсот казаков, две роты пехоты и два орудия. Здесь кругом уже стихийное восстание было. Они и секли в каждой деревне. Излупцуют и забинтуют кого тряпкой, кого полотенцем завяжут. Избитых, изувеченных везут с собой.

Я был молодой. Староста поставил хлеб-соль на столе. А население всё заставили встать на колени. Мы все встали. А время было вот такое же мокрое. И стояли все в грязи.

Приехал драгунский отряд арестовывать. И выкликают по списку. А масса говорит:

— Мы не дадим их, берите всех.

Ну войска начали плетками лупить население. Крестьяне бросились в разные стороны в проулки.

А лошадям под ноги бороны бросали. Бежит толпа и бросает за собою борону, чтобы их не догнали.

Двух драгун убили до смерти. А крестьян многих изувечили. Они как с бреднем по Хопру ходили, искали.

Били так — рубелями исколотят и лоскутья в тело втопчут.

521.

Карательная экспедиция прибыла в Чириково вечером. Эскадрон окружил село и стали гнать всех на собрание, на сход, и гнали нагайками. На площади выстроились казаки. Было согнано всё село.

Выходит начальник:

— Кто здесь староста?

Староста в Чирикове был раньше поставлен Столыпиным. Староста этот Астафьев и Гордеев были шпики. Они всё, что делалось на селе, передавали Столыпину. Потом Чириково никогда не оставляли в покое. А теперь крестьяне поставили своего старосту Шокина. Когда приехал Столыпин, с Шокина сорвали и бросили старостинские медали и его выпороли.

Выстроился народ на площади, а двое, Гордеев и Астафьев, выступили вперед и подали списки зачинщиков. Полковник Заварыкин, начальник карательной экспедиции, вызывал по списку. Вызванного клали между двумя рядами казаков. Было выпорото 40 человек. Как только всех пропустили, Заварыкин скомандовал, и направили их всех в Турки.

12 человек было сослано в Сибирь. Многие там и умерли. А двое остались там жить.

522.

В селе Чирикове был купец Кожевников. У него было тысячу десятин земли и все их он засеивал.

Хлеба был недород. Пошли всем обществом к Кожевникову хлеба просить, хотя бы только для

бедных. Собрал староста народ, и пошли всем селом.

— Ну, — говорим, — дайте нам хлеба для бедных. Он говорит:

— Хорошо, вы бы дали список.

— Да вы сами знаете, кто у нас бедный. Кто нуждается в хлебе-то.

— Ну хорошо, вы не трогайте замков. А я вот даю ключи ключнику, он вам откроет и отпустит.

Пошли с ключником к амбарам... Дорогой мужики и говорят:

— Что же это, только бедным хлеба? А разве нам не надо? Нам всем хлеба надо.

Сняли замки и стали все хлеба брать, кому сколько надо.

Помещики, конечно, сообщили сразу в Турки. Тут и Столыпин приехал, и начались наказания. Потом на площади... Клади прямо в грязь — время было осеннее — сентябрь месяц. И здесь в грязи и пероли.

Патнадцать человек выпороли, а шестнадцать арестовали.

523.

Я два года жил в кабале. Отец меня заложил на два года.

Был отец слабый. Много детей было. Мне девятнадцать, шестой — грудной. А я в отцовской воле, хотя и девятнадцать лет.

Он в банке взял деньги. Пришло время платить, а нечем. Банк дом-то и описал, и выгоняют, беда! Отец был строгий! Он пошел к купцу-то да и закабалил, а мне-то и не сказали. Сын-то говорит: „Надо Осипа позвать“. — „Не Осип хозяин, а я хозяин“, — отец им отвечает. Ну, дали сто двадцать рублей.

Утром пришли от них и говорят: „Иди, тебя де-душка кричит“. Прихожу к ним. „Садись со мной, поедем. Ты не знаешь ничего? Отец заложил тебя на два года, а деньги отдали матери в руки“. — „Ну, он взял, пусть и живет“ — это я ему-то. Ну,

плакать давай. Потом и говорю: „Ну, а в чем работать-то буду?!“ — Он говорит: „Давай условие делать“. А я ему: „В чем я буду служить?“ — „Ну, — говорит, — будем обноси давать“. — „А какие обноси? Сапоги год ношу“. Он опять условие, а я нет: „Вот пойду, и ладно“.

Он мне говорит: „Давай богу помолимся“. Он пошел и я с ним. Он поклонился в землю, и я за ним — бух! А подняться-то не могу, грусть меня взяла. Уж под руки поднимали, сам не мог — так плакал.

КОММЕНТАРИИ

Комментарии к сборнику ставят своей задачей осветить степень распространенности народно-поэтических произведений и показать условия бытования их в современной деревне в постоянном процессе изменений и переработок, которым они подвергаются. При этом уделяется особое внимание жизни фольклорных произведений на нашей почве, в саратовском Поволжье.

В комментариях даются сведения о том, когда, где, от кого и кем был записан помещенный выше материал. Одновременно указываются прежние печатные публикации саратовских же вариантов, если таковые были. В том случае, если помещенный в сборнике текст отличается от прежних записей и публикаций, мы указываем главные варианты и отличия в содержании.

Сведения о народных сказочниках даны в комментариях перед примечаниями к сказкам. Коротко также даны сведения о певцах (к сожалению, в архивных материалах записи о них очень скудны).

Кроме того, мы указываем фамилии собирателей, год и место записи произведения. Ссылки на экспедиции в каждом случае не даются; но чтобы определить, во время какой экспедиции была произведена каждая из записей, ниже помещен список экспедиций, материалы которых вошли в настоящий сборник с указанием времени экспедиции и районов, ею охваченных. Помимо экспедиций сбор материалов производился во время небольших командировок студентами Саратовского государственного университета (СГУ) и работниками Саратовского областного музея.

Приводим перечень экспедиций и наиболее крупных командировок по собиранию фольклора. Наименование районов дается по существующему административному делению.

1919 год. Командировка студентки СГУ А. Ф. Земсковой в с. Большие Сестренки и соседние с ним села Кистендейского района (быв. Балашовский уезд).

1920 год. Фольклорная экспедиция по Хвалынскому и Черкасскому районам (быв. Хвалынский уезд) под руководством проф. Б. М. Соколова, при участии студентов СГУ.

1921 год. Командировка студенток Т. М. Акимовой и Н. М. Цыгановой в д. Каменку, Бязовского района (быв. Саратовский уезд).

1922 год. Командировка студентов М. П. Советова, Е. Г. Тейльман, В. П. Никольской и А. Н. Гурьевой в с. Мещерское, теперь Пензенской обл. (быв. Сердобский уезд).

1923 год. Фольклорная экспедиция студентов СГУ под руководством проф. Б. М. Соколова по Петровскому, Лопатинскому и Ново-Бурасскому районам (быв. Петровский уезд).

1924 год. Командировка работников Саратовского этнографического музея Т. М. Акимовой, В. П. Воробьева и П. Д. Степанова в с. с. Нов. и Ст. Жуковка, Куриловского района (быв. Вольский уезд).

1925 год. Фольклорная экспедиция студентов СГУ под руководством проф. В. В. Буш, при участии Т. М. Акимовой и А. Н. Лозановой, по Базарно-Карабулакскому и Балтайскому районам (быв. Вольский уезд).

1925 год. Командировка сотрудника музея П. Д. Степанова в с. Болтино, теперь Куйбышевской обл. (быв. Кузнецкий уезд).

1926 год. Студенческая экспедиция СГУ под руководством проф. В. В. Буш, при участии Т. М. Акимовой и А. Н. Лозановой, по Базарно-Карабулакскому и Балтайскому районам (быв. Вольский уезд).

1927 год. Научная этнографическая командировка Т. М. Акимовой и В. П. Воробьева, организованная Саратовским областным музеем в с. Русская Норка, теперь Пензенской обл. (быв. Петровский уезд).

1928 год. Студенческая фольклорная экспедиция СГУ под руководством проф. А. П. Скафтымова по с. с. Чардым, Елшанка и соседним с ними селам Базарно-Карабулакского и Воскресенского районов (быв. Саратовский уезд).

1929 год. Фольклорная экспедиция СГУ под руководством проф. А. П. Скафтымова по Золотовскому району.

1935 год. Фольклорная экспедиция Института краеведения им. Горького, Саратовского областного музея и Союза писателей под руководством Т. М. Акимовой по Хвалынскому району.

1936 год. Фольклорная экспедиция Института краеведения, с участием студентов Саратовского педагогического института, под руководством Т. М. Акимовой по Турковскому и Кистендейскому районам.

1937 год. Фольклорная экспедиция Института краеведения, с участием студентов исфака СГУ, под руководством Т. М. Акимовой по Макаровскому и Тамалинскому районам.

1938 год. Фольклорная экспедиция Института краеведения им. Горького с участием студентов Саратовского педагогического института и аспирантки Л. И. Баранниковой под руководством Т. М. Акимовой по Сердобскому району.

1945 год. Студенческая экспедиция СГУ под руководством доц. Т. М. Акимовой по Хвалынскому району.

Записи из других районов были сделаны во время отдельных командировок сотрудниками Саратовского областного музея.

Чтобы читателю легче было ориентироваться в том, какое

место занимает саратовский материал в общем богатстве русского фольклора, в комментариях к каждому произведению сразу же после заголовка даются сокращенно ссылки на основные печатные параллели, известные за пределами нашей области; к историческим песням — по сборникам П. В. Киреевского и В. Ф. Миллера; к лирическим и обрядовым песням — по основным сводным сборникам А. И. Соболевского, П. В. Киреевского (Новая серия) и П. В. Шейна; к сказкам — по Указателю сказочных сюжетов Н. П. Андреева.

Цифра после фамилии указывает номер произведения по нумерации соответствующих сборников; в тех случаях, когда указываются страницы, это обозначается каждый раз особо.

В конце комментария к каждому произведению даются ссылки на варианты данного текста, бытовавшие в Саратовской губернии и опубликованные в разных сборниках фольклора или в отдельных статьях и публикациях. Названия сборников, отдельных публикаций и книг указаны сокращенно. Полные заголовки сборников фольклора даны в приведенном ниже списке сокращений.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Азадовский. Русская сказка—Русская сказка. Избранные мастера. Т. I и II, редакция и комментарии Марка Азадовского, 1932.

2. Андреев. Указатель.—Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Изд. Рус. геогр. об-ва, Лигр., 1929.

3. Астахова. Былины.—Былины севера, т. I. Записи, вступ. статья и комментарий А. М. Астаховой, М.—Лигр., 1938.

4. Афанасьев. Сказки.—Народные русские сказки А. Н. Афанасьева под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева и Ю. М. Соколова, т. I, 1936; т. II, 1938; т. III, 1939. Ссылки на №№ делаются по старым изданиям.

5. Кир. —Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 1—10, М., 1862—1874.

6. Кир., „Н. с.“, в. ч.—Песни, собранные П. В. Киреевским. „Новая серия“, вып. 1, М., 1911; вып. 2, ч. 1 и 2, М., 1918, 1926.

7. Костомаров и Мордовцева—Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровым. Летописи русской литературы и древностей, изд. Н. Тихонравовым. Т. IV. 1862.

8. Леопольдов. Статистическое описание Саратовской губернии. Спб., 1939 г.

9. Лозанова. Песни о Степане Разине — А. Н. Лозанова. Народные песни о Степане Разине. Саратов, 1928.

10. Лозанова. Песни и сказания — А. Н. Лозанова. Песни и сказания о Разине и Пугачеве. Academia, 1935.

11. Вс. Миллер.—В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI—XVII в. в., Пгг., 1915.

12. Минх А. А. Свадебные и др. песни.—А. А. Минх. Свадебные, хороводные, плясовые и др. песни Подляниновской вол. Саратов. у. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, в. 28, 1911.

13. Попов. Б. п. р. с. — М. Г. Попов. Боевые песни русского солдата. М., 1893.

14. Рыбников. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-ое, 1909 г.

15. Сар. сб. — Саратовский сборник, т. 1, 1881, т. II, 1882.

16. Сказки Саратов. обл. — Сказки Саратовской области. Сборник составили Т. М. Акимова и П. Д. Степанов, Саратов, 1937.

17. Соболевский и (Соб.) — А. И. Соболевский. Велико-русские народные песни. Т. I - VII, Спб., 1895—1902.

18. Соколов Б. М. О былинах — Б. М. Соколов. О былинах, записанных в Саратовской губ. Научное приложение к журналу „Культура“, Саратов, 1922, № 1.

19. Соколов М. Е. Былины, исторические и др. песни — М. Е. Соколов. Былины, исторические, военные, разбойничьи и воровские песни, записанные в Саратов. губ. Петровск, 1886.

20. Соколов М. Е. Весенние песни — М. Е. Соколов. Великорусские весенние, хороводные песни, записанные в Саратов. губ. Владимир, 1908.

21. Соколов М. Е. Песни Пушкина. — М. Е. Соколов. Песни А. С. Пушкина и крестьян Саратовской губернии о Степане Разине. Саратов, 1902.

22. Соколов М. Е. Свадебные песни — М. Е. Соколов. Великорусские свадебные песни и причитания, записанные в Саратовской губернии. Саратов, 1898.

23. Соколов М. Е. Исторические песни. — М. Е. Соколов. Исторические песни; Великорусские песни, записанные фонетически; Фонетическая запись сказки об Илье Муромце. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, в. 24, 1909.

24. Соколов М. Е. Былины. — М. Е. Соколов. Былины, предания и песни, записанные в Саратовской губернии. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, в. 25, 1909.

25. Терещенко. Быт русского народа — А. В. Терещенко. Быт русского народа. Ч. 2. Свадьба в Саратовской губ. 1848.

26. Труды С У А К. — Труды Саратовской ученой архивной комиссии.

27. Шейн. — П. В. Шейн. Великорусс в своих песнях, обрядах... и т. д. Т. 1, в. 1, 1898.

28. Шейн. Песни былевые — П. В. Шейн. Песни былевые. Чтения в обществе Истории и древностей российских, 1877, № 3.

БЫЛИНЫ И ПОБЫВАЛЬЩИНЫ

1. Об Иване Гостином сыне. Записана в с. Кутыно, Ново-Бурасского района, в 1923 г. от И. Ф. Токарева, 55 лет, М. П. Советовым.

Иван Федорович Токарев в 1923 году сообщил несколько былин и исторических песен: о Ермаке, Сухманушке и др. Выучил он песни и былины от своего дяди, Матвея Токарева, известного певца, от которого в 1899 году записывал былины

обл., от старика Комарова в 1920 году Т. М. Акимовой и М. П. Советовым.

Былина „Илья и станишники“ является достаточно распространенной в саратовском Поволжье. В сб. Костомарова и Мордовцевой приводится два варианта этой былины, стр. 11 и стр. 75. Второй вариант помещен в разделе песен, причем героем ее является „старый казак“ без имени. Проф. Б. М. Соколов в статье „О былинах“ отмечает целый ряд чисто местных черт в этой былине: степную природу, разбойников, в которых он усматривает беглых крестьян и др. Былину эту он считает типично поволжской. Библиография записей и исследований о данном сюжете дана в сб. Астаховой „Былины Севера“, стр. 601.

3. Сухманушка. Записана в с. Кутьино, Ново-Бурасского района, в 1923 г. от И. Ф. Токарева. Записал М. П. Советов. В сб. Костомарова и Мордовцевой, где дан полный текст этой былины, богатырь Сухман выступает под именем Суровца. Под этим именем он известен и в других местах. Кроме варианта Н. И. Костомарова, былина о Сухманушке („Сухан-богатырь“) напечатана М. Е. Соколовым в его сборнике „Былины, исторические и др. песни“. Этот вариант напечатан им же в Трудах СУАК, вып. 24, 1908 г., стр. 129.

Кроме приведенных былин, в советское время были записаны лишь совсем небольшие отрывки. В быв. Кузнецком уезде в с. Болтине в 1925 г. отрывок былины о женитьбе Алеши был записан от Гр. Воротынова, бывшего бурлака. В молодости Воротынов знал былины об Илье М., об Алеше, о Добрыне, но под старость забыл их совсем. Перенял, как он говорит, былины от бурлаков.

4 Об Илье Муромце и Соловье-Разбойнике. Записана в с. Б. Сестренки, Кистендейского района, в 1919 году А. Ф. Земсковой. Форма былины утрачена. Былина разложилась в побывальщину. Некоторыми своими чертами побывальщина сближается с духовными стихами. Характерен в этом смысле образ Христа, уменьшительные и ласкательные формы, которыми насыщена побывальщина и др. Как она исполнялась—речитативом или рассказывалась—об этом у нас сведений нет. Содержание былины, как и ее форма, имеют значительные отклонения от первоначального сюжета. Текст первоначально был, повидимому, весьма сложным. Он включал сюжет об исцелении Ильи, о победе над Соловьем-Разбойником и о встрече со Святогором. См. „Былины“ Астаховой, стр. 616, 605 и 603.

5. Илья и Соловей-Разбойник. Записана в с. Шаховском, быв. Хвалынского уезда, теперь Ульяновск. обл., в 1920 г. от Краснова Андрея Спиридоновича, 75 лет, неграмотного, Т. М. Акимовой и М. П. Советовым.

В виде побывальщины же была записана былина об Илье Муромце М. Е. Соколовым. Напечатана в Трудах СУАК, вып. 24, стр. 124—127. В побывальщине рассказаны эпизоды: Илья просит родительского благословения, Илья спасает Чер-

нигов, осажденный татарами, Илья и Соловей-Разбойник, Илья М. переезжает реку Смородинку, Илья М. на пиру у кн. Владимира, Илья М. и Идолище.

Былины об Илье Муромце и его подвигах широко известны в нашем Поволжье и в форме сказок.

В с. Озерках, Ново-Бурасского района, в том же 1923 г. от И. Е. Нешатаева, 83 лет, В. И. Трофимовым и М. И. Арясовой была записана большая побывальщина об Илье, где приводятся эпизоды: Илья-сидень, Илья и Соловей-Разбойник и эпизод встречи с богатырем Горынь Никитичем, который приводит Илью М. после того, как они побратались, к своему отцу. Отец, слепой старик, просит руку Ильи. Тот дает свою раскаленную палицу (по совету Горыня Н.), старик ее так жмет, что из нее „даже сок пошел“.

Сложная побывальщина об Илье М. записана в с. Максимовке, Куриловского района, в 1922 г. В. П. Розовым. В ней Илья рисуется сыном бурлака. Побывальщина рассказывает эпизоды: Илья-сидень, выращивание коня из шелудивого жеребенка, Илья и Соловей-Разбойник, встреча со стариком-огцом богатыря (Илья и Святогор), с которым побратался Илья. Кончается побывальщина эпизодом встречи Ильи с разбойниками.

Илюшенька собрался домой. Конь пал. Взял 50 колчан.

Нападают воры-шишиморы.

„Что вы взять хотите? Я старик. (Знаешь, ему 30 лет). У меня взять нечего. В каждом колчане 50 стрел, в стреле 50 рублей“.

Они считали:

„Давэй больше.“

Вынимает калену стрелу,
Натягивает тугой лук
И пускает в сырой дуб.
И сырой дуб ищѣпало
Во ножовые черѣнки.

Начало этой побывальщины имеет черты легенды. Детально описывает возвращение с Волги отца Ильи—Ивана бурлака—и рождение Ильи. См. Сар. сб., т. I, стр. 14.

6. Ж и л И л ь я М у р о м е ц. Записана былина в с. Всеволодчино, Балтайского района, в 1923 г., от В. Г. Шляхова, 58 лет, который слышал побывальщину от отца. Записали Т. М. Акимова и М. П. Советов.

Василий Григорьевич Шляхов знал не только эту побывальщину. Он пропел несколько песен. Отец с матерью были у него замечательные песенники, от них научился песням и Вас. Григ. На военной службе в полку он был первый запевала. Он говорил: „Мне хоть сто человек—хорошо, а коли двести—еще лучше; утащу всех за собой, как запою. Выставляй окошки-ти, а то лопнут!“ Больше всего нравились Шляхову старинные протяжные песни, и очень не любил он частушки.

ПЕСНИ И ПРИЧИТАНИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

7. Как за реченькой, как за быстрою (песня о татарском полоне). (Кир., вып. 7. Приложения. Стр. 188—214). Записана в с. Лох, Ново-Бурасского района, в 1921 г. от Митряшиной, 20 лет, П. М. Козиным. Поется как бытовая. Широко была известна в дореволюционное время. Один вариант был опубликован М. Е. Соколовым в Трудах СУАК, вып. 24, 1908 г., стр. 134; второй вариант приведен в его сборнике „Былины, исторические и др. песни“, № 6; третий вариант опубликован Костомаровым и Мордовцевой в их сборнике песен, стр. 47. Последний вариант полнее нашего, в нем рассказывается о том, как взятая в плен русская женщина по песне была узнана дочерью:

„Я руками ковры вышила,
Я глазами гусей стерегла,
Я ногами дитю качала;
Ты качу-баю, мое дитятко,
Ты по батюшке—злой татарченок,
Ты некрещеной, не молитвенный,
А по матушке—мой боярченок,—
Мой боярченок—русска косточка!“
Услыхала молодца княжиа:
„Почему знаешь, моя нянюшка,
Что по батюшке—злой татарченок,
А по матушке—боярченок?“—
„Как мне не знать, моя доченька?
Ты семи лет во полон взята“.

До Октябрьской революции в саратовском Поволжье была известна еще одна песня о татарском полоне, в которой говорилось о победе девушки из плена. Песня приводится в сборнике Костомарова и Мордовцевой, стр. 68 (перепечатана в сб. Соболевского, т. VI, № 369). Песня имеет местные, поволжские черты:

Как не белая лебедушка через степь летит,
Красная девушка с полону бежит.
Она ружьеце, красна девушка, за плечми несет,
Вострой саблей в землю упирается.
Вот и гонят же за девушкой три погонюшки:
Как и первая погонюшка—злые татары;
Другая погонюшка—злые калмыки;
Третья погонюшка—злые корсаки...

Саратовскому Поволжью хорошо знакомы другие темы о татарском пленении, относящиеся к более позднему времени. Исторические предания нашего населения, и особенно мордовские песни, говорят о нападениях на саратовское Поволжье ногайских татар в XVII веке. Внезапные нападения кочевников

и увоз в плен населения оставались еще большой угрозой для отважных первоначальников и в XVIII веке. Последний крупный опустошительный набег ногайцев был произведен в 1717 году. В последующие годы XVIII века нападения кочевников продолжали страшить главным образом левобережное население.

Таким образом, тема о татарском полоне в старых русских песнях была близка и понятна долгое время волжскому населению и дожила до наших дней.

8. Грозен царь Иван Васильевич. (Кир., вып. 6, стр. 1—10; Миллер, 1—21). Записана студентом в с. Озерки, Ново-Бурасского района, в 1923 г. от Я. А. Воробьева, 35 лет.

9. Над речкой над Казанушкой (вариант предвудущей). Записана в с. Садовка, Балтайского района, в 1926 г. от Рязанова, 65 лет, Т. М. Акимовой.

Имеется еще несколько неопубликованных вариантов этой песни. Все они довольно близки к публикуемым. Интересна запись из с. Козловки, быв. Петровского уезда, теперь Пензенской области, в 1923 г., подробно описывающая страшный гнев царя:

Рассердился царь на своих главных мастеров:

„Мастера, вы мои мастерочки,
Всех порежу, в яму покладу,
Всех известкой я вас залью,
Вечну память я вам отпою...“

Песня о взятии Казани была широко известна с давних пор саратовскому крестьянству. Два варианта ее были опубликованы Костомаровым и Мордовцевой, стр. 15—16 (первоначально были напечатаны в Изв. Академии наук, 1855 г., стр. 147); а также Кир., вып. 6, стр. 24; третий вариант—М. Е. Соколовым в Трудах СУАК, вып. 24, стр. 135—137. Все эти тексты были перепечатаны в сб. Миллера „Песни русского народа XVI—XVII в. в.“.

Песня о взятии Казани появилась вскоре после 1552 г. и довольно точно передает детали действительного исторического события. Она имеет две разные редакции. Первая, более ранняя, кончающаяся возвеличением русского царя, в записях последнего времени не сохранилась. Вторая редакция, более поздняя и носящая следы скороморшьего творчества, сохранилась в Поволжье. К ней относятся все саратовские варианты как старые, так и новые. Публикуемые тексты несколько короче тех, которые были записаны около 100 лет назад. Однако они сокращены не в сюжетной части, не в отдельных эпизодах, а в некоторых деталях, так что содержание в них не изменилось, но дано в менее развернутом виде.

10. Соловей кукушку уговаривал. (Кир., вып. 6, стр. 13—22; Соб., т. I, 226—239). Песня записана в г. Саратове в 1921 г. от Дарьи Андроньевны Земцовой. Записала Т. М. Акимова.

Д. А. Земцова, пожилая женщина, служила техническим работником в Саратовском этнографическом музее. Знала много песен и сказок, которые переняла от отца, бродячего портного. Песни исполняла мастерски, выступала с ними в этнографических концертах.

Песня широко известна. Имеются записи из Сердобского района от 1938 г., Макаровского района от 1937 г., Хвалынского — от 1935 г., Вольского — от 1925—26 гг. и др. Песня является отголоском того же исторического события, что и предыдущая—взятия Казани, но по жанру типично лирическая.

В с. Чиганак, Ргичевского района, в 1937 г. Т. М. Акимовой был записан неполный, но несколько отличающийся текст этой песни:

Соловей кукушку уговаривал:
„Полетим, кукушка, в темненькай лесок,
Совьем мы, кукушка, тепло гнездышко,
Выведем, кукушка, два детенышка,
Тебе куковенка, а мне соловья,
Тебе куковати, а мне тосковать.
Молодой мальчик, стал он горевать,
Молоду девчонку уговаривать:
„Поедем, девчонка, в Казань городок,
Казань город славный под горой стоит.“
„Врешь ты, врешь, мальчишка, я сама была.
Казань город славный на горе стоит,
Между ею речка кровью протекла.“

Спел эту песню Гр. Никитич Стародубов, 75 лет, по прозвищу „Кукушка“. Это прозвище он получил за песню „Соловей кукушку уговаривал“, которую в селе очень любили и часто просили Г. Н. ее спеть.

II. Соезжались, ой как собирались добры молодцы (песня о Ермаке), (Кир., вып. 6, стр. 23—36; Ссб., том VI, 439—440; Миллер, 156—190; 183—187). Записана в с. Кузьино, Ново-Бурасского района, в 1923 году от известного в районе песенника Н. Ф. Токарева, 55 лет, М. П. Советовым.

Песня о Ермаке была записана и раньше в Саратовской г.б. Напечатана в сб. Кир., вып. 6, стр. 25 (текст взят из Прибавлений к Известиям 2 отделения Академии наук, 1855 г., № 7, стр. 146), в сб. М. Е. Соколова „Былины, исторические и др. песни“. Перепечатаны эти тексты в сб. „Исторические песни русского народа“ В. Ф. Миллера, №№ 183 и 184.

Саратовские песни о Ермаке совсем не отражают его главных подвигов—завоевания Сибири. Они рисуют его волжским казаком и приписывают ему поход под Казань на помощь Ивану Грозному. Эта путаница исторических событий объясняется типичной для певцов способностью включать местные черты. Так и саратовские певцы своему герою—волжскому казаку—приписывают прежде всего волжские походы.

Песня в прежде опубликованных текстах (Миллер, 183) кончалась так:

Как возговорит наш батюшка-атаманушка:
„Еще как-то нам, ребята, Казань-город брать?
Вот под городом Казанью стоит белый царь,
Стоит белый царь Иван сударь Васильевич,
Он не много и не мало стоит семь годов,
Он подкопушки подкапывал все на семь верст,
Калены стрелы спускал бесчетные.
Мы пойдем-ка же, ребята, на подмогу к ним“.

Наш вариант совсем не имеет этого мотива. Вся песня посвящена только выборам атамана—эпизод, обычно связанный с Ермаком.

12. Во шестом году восьмой тысячи. (Кир., вып. 7, стр. 1—3; Миллер, 217—225).

Записана в с. Балтай, того же района, в 1925 г. от Федора Леонтьевича Ермолаева, 60 лет, малограмотного. Записала В. В. Племянникова со слов.

Песня о польской интервенции начала XVII в. была записана в 1872 году в Саратовской губ. в очень близком варианте к нашему:

В восьмом году, в восьмой тысяче
В нонешнем народе правда вывелась,
Вселилось в народе лукавство великое.
Упало лукавство не на воду и не на землю,
Упало лукавство царю Дмитрию на белу грудь:
Убили же царя Дмитрия во гулянье, на игрищах;
Убил же его Гришка расстриженный,
Убимши его, сам на царство сел,
И не сколько царил—только семь годов.

Песня была напечатана в „Русской старине“, 9, 1877 г., стр. 200; перепечатана в „Чтениях в О-ве истории и древностей российских“, кн. III, 1877 в сб. П. В. Шейна „Песни былевые“ стр. 59—60. Наш вариант полнее.

13. Вниз по матушке по Волге. (Кир., вып. 7, стр. 37; Миллер, стр. 273—354). Записана в с. Кузьмино, Новобурасского района, в 1923 г. от Г. А. Гурьянова, 80 лет, Ф. Н. Родиным.

Песня имеет исключительно широкое распространение в Саратовской области. Приводим только один вариант, так как другие варианты этой песни, записанные в советское время в 1925—26 гг. В. В. Племянниковой и Т. М. Акимовой, были опубликованы в сб. А. Н. Лозановой „Народные песни о Степане Разине“, стр. 251—255 (7 номеров). Семь записей, сделанных в Саратовской губернии в дореволюционное время, перепечатаны в этой же книге под №№ 52, 53, 57, 99, 100, 101, 102.

Два варианта песни о сынке Стеньки Разина были напечатаны М. Е. Соколовым в брошюре „Песни А. С. Пушкина и крестьян Саратовской губ. о Стеньке Разине“. Саратов, 1902, №№ 8 и 13; один вариант в сборнике М. Е. Соколова „Былины, исторические и др. песни“, № 9; один вариант—в Трудах СУАК, вып. 25, 1909, стр. 245; два варианта—в Сар. сб. т. 1, стр. 16; т. II, стр. 369; один вариант—в 7-м выпуске песен Киреевского, стр. 37; один—в сб. Лозановой „Песни о Степане Разине“, № 102; один в кв. Терещенко „Быт русского народа“, ч. 2, стр. 436.

Песня о сынке Ст. Разина является наиболее распространенно в саратовском Поволжье из всех песен о Разине и живет в почти неизменяющемся виде.

Текст 1848 года, приведенный Терещенко, полнее. В нем говорится о том, что астраханский губернатор сажает сына Стеньки в тюрьму, но последний обещает эту тюрьму разорвать по камешкам:

Посадили молодца
Во белу каменну тюрьму.
Как возговорит молодчик
Удалым молодцам:
„Вашу каменну я тюрьму
По камешку разберу.
Если батюшка услышит,
Во полон город возьмет,
Много бед он учинит
И в разор вас разорит.“

Современные варианты не имеют этого конца, и все же они создают впечатление полной законченности.

14. Вы пойдете-ка, братцы. (Кир., вып. 7, стр. 33). Записана в с. Кутино, Ново-Бурасского района, в 1923 г. от Борисовой, 62 лет, Е. Г. Тейльман.

Прежде опубликованные записи М. Е. Соколова перепечатаны в сб. Лозановой „Песни о Степане Разине“, №№ 55, 56 (песня кончается тем, что Степан Разин незаметно приезжает в Астрахань, но его все же потом узнают два солдата).

Известны были в Саратовской губ. и другие песни разинского цикла: о том, как девушка узнает о казни Разина по руке, которую приносит „камская птица“; о том, как казаки выдали Разина (см. тот же сборник Лозановой, №№ 54 и 103).

Исследование о песнях и преданиях о Разине и Пугачеве см. А. Н. Лозанова, „Песни и сказания о Разине и Пугачеве“, Academia, 1935.

15. Шатрики. (Кир., в. 8, стр. 117). Записана в с. Кутино, Ново-Бурасского района, в 1923 г. от Токарева, М. Советовым.

Песня рассказывает о сборах войск перед одним из походов Петра I и рисует один из эпизодов Северной войны. В дореволюционное время песня была известна в более полном тексте (М. Е. Соколов. „Былины, исторические и др. песни“, № 10).

16. Эх, не сказать ли вам, братцы, про Тихий До н. (Кир., вып. 8, стр. 73). Записана студенткой в с. Кутьино, Ново-Бурасского района, в 1923 г. от Мухина, 35 лет.

Песня упоминает о восстании под руководством Кондратия Булавина и в частности об атамане-булавинце Игнатии Некрасове, действовавшем на Волге. Автор не сочувствует Некрасову.

Дореволюционные записи см. в сб. М. Е. Соколова „Былины, исторические и другие песни“, № 11.

Известны были в Саратовской губ. и другие песни о Петре: Рождение Петра, взятие Азова, о победе Шереметева над Шлиппенбахом, о Стокгольме, Шлиссельбурге, о Полтавской битве, Выборге, Кольвани и о смерти Петра. Эти песни были опубликованы Костомаровым и Мордовцевой, стр. 28—43. Песня о смерти Петра известна и до настоящего времени. Довольно полный вариант записан в 1945 году.

17. Нам не дорого хозяйско пиво пьяное. (Кир., вып. 7, стр. 30). Записана студенткой в с. Зиновьевке, быв. Петровского уезда, теперь Пензенской обл., в 1923 г. от Никишиной.

Песню иногда относят к событиям 1812 года. Сложена же она была раньше, повидимому, в XVIII в.

18. Пишет, пишет король шведский государыне в Москву. (Кир., вып. 9, стр. 80—90, 10 вариантов). Записана в с. Софьино, Сердобского района*, в 1938 году от известного певца В. М. Левина. Записала С. В. Панина.

Песня относится к войне со Швецией при Елизавете П. Текст песни необычайно устойчиво держался в течение не только XVIII века, но и XIX и XX вв., применяясь последовательно к разным войнам, причем меняется название царя—то „король прусский“, то „султан турецкий“, а в империалистическую войну 1914—1918 г.г.— „царь германский“. Исполнялась она, главным образом, в боевой солдатской обстановке.

19. Как по морю, морю синему. (Кир., вып. 10, стр. 205—217). Записана в с. Ешанке, Хвалынского района, в 1920 г. Т. М. Акимовой и М. П. Советовым.

Песня широко была известна в Саратовской губернии. Две очень близкие к нашей записи М. Е. Соколова от 1896—1899 гг. напечатаны в Трудах СУАК, вып. 24, стр. 141—142.

Песня рисует фантастическую роскошь дворца Аракчеева в с. Грузинском. В первой части песни легко можно усмотреть негодование крестьян, угнанных на военные поселения, инициатором которых был Аракчеев.

Записана от известного саратовского сказочника и певца Я. Г. Парфенова. Он рассказал около 20 сказок и анекдотов, около 80 пословиц, поговорок и прибауток и спел несколько исторических и лирических песен. Часть этого материала была напечатана (см. „Сказки Саратовской области“, 1937 г. и заметку „Саратовский сказочник Парфенов“ в альманахе „Литературный Саратов“, 1940 г.).

Познакомились мы с Я. Г. в 1920 г. в экспедиции по Хвалынскому уезду. Записывали у него проф. Б. М. Соколов,

* Сердобский район с февраля 1931 г. относится к Пензенской области.

М. П. Советов, Т. М. Акимов и А. Н. Гурьева. Я. Г. раньше был, повидимому, известным „песельником“, но к старости многие песни позабыл и потому исполнял их только в отрывках. Пел он и исторические песни, и старые лирические. К песне Я. Г. относился иначе, чем к сказке, как к делу более важному и серьезному, и, главное, вполне верил в действительность того, о чем пелось в песне, т. е. относился по русской пословице: „Сказка—складка, песня—быль“. „Спеть можно,—говорил он,—только не баить ложно“.

Из старых исторических песен Я. Г. многие тоже забыл. Только песню об Аракчееве он пропел полностью, как обычно, очень тихим, но чистым голосом. Песня говорит о военных поселениях, наводивших ужас на крестьян:

Наш Ракчеев дворянин
Все дороженьки изрыл,
Все мостами замостил,
Разной краской раскрасил,
Березками усадил.
Гребцы-молодцы разговоры говорят,
Все Ракчеева бранят...

Песня об Аракчееве довольно широко распространена в саратовском Поволжье в почти неменяющихся вариантах. Широко известна и другая историческая песня, пропетая Парфеновым: „Про Платова казака“. Песня же о взятии Казани некогда, повидимому, исключительно широко бытовавшая в Саратовском Поволжье, является теперь уже большой редкостью. Долго припоминал Яков Григорьевич отрывок песни о казанском взятии. „Иной раз на разум придет, инда с ног сшибет“,— говорил он. „У меня песни-то клочками все изорваты, как мой бедуим“, говорил он, смеясь.

Из старинных лирических песен Яков Григорьевич знал много, главным образом, солдатских. Небольшая часть их нами записана: „Стоит село новое“, № 152 нашего сборника, „Жаворонок размолоденький“—№ 58 и др.

20. У Платова казака. (Кир., вып. 10, стр. 50—80). Записана в с. Зиновьевке, быв. Петровского уезда, ныне Пензенской обл., в 1923 г. от Асановой, 65 лет. Записала Е. Г. Тейльман.

21. Какой нонешний денёчек (вариант). Записана в с. Софьино, Сердобского района, в 1938 г. от Евфросиньи Степановны Петиной, 60 лет. Записала Д. Бернер. Песня очень популярна в саратовском Поволжье. Начало ее чаще всего такое:

Эх Россия, ты Россия,
Ты Российская земля,
Ты Российская земля,
Много славы про тебя,
Много славы про тебя,
Вплоть до белого царя,
До Платова казака...

Конец песни такой:

Не успел он сказать речь,
Из палатей скорей бечь,
Сел на быстрого коня —
Поминай, француз, меня...

Записана в с. Чиганак, Ртищевского района, в 1937 г. от Стародубова Гр. Ник., 75 лет, К. Быковой.

Такое же начало песни записано в исполнении Фирсова А. О. в с. Елшанка, Хвалынского района, в 1935 г. Т. М. Акимовой.

Вариант, записанный Е. Г. Тейльман в с. Озерки, Ново-Бураского района, в 1923 г. от Лялина, 70 лет, иначе разрабатывает начало песни:

Уж вы, турки, да вы, поляки,
Вы узнайте, кто есть я!
Прошла слава хороша
Про Платова казака.
Его царь больно любил,
Любя, бороду обрил,
Всю одежду нарядил.
Всем указы раздавал,
К французу в гости наезжал.
Без допроса, без доклада
На широкий двор въезжал.
Никому он, никому
Не приказывал свою коня,
Ни к чему он, ни к чему
Не привизывал его.
Без допроса, без доклада
Сам в палатушку всходил,
Платов богу не молился,
Французу низко поклонился...

Известен вариант этой песни, записанный в нашем крае 100 лет назад и опубликованный в книге Терещенко "Быт русского народа", ч. 2, стр. 417 и перепечатанный в 10-м выпуске песен Киреевского, стр. 70. Начало песни, приведенной Терещенко, отличается не только от саратовских, но и вообще ото всех известных вариантов, что заставляет подозревать некоторую правку текста:

Как французская земля
Много горя приняла
От Платова казака...

Обычно пелось:

Святорусская земля
Много горя приняла.
Прошла слава про тебя,
Про Платова казака.

или: "Святорусская земля
Много славы приняла".

Зачин песни „Какой нынешний денечек“ (№ 21 н. сб.) о милome, который вспоминает Россию, близок только к двум вариантам Киреевского, которые были записаны в Симбирской губ. (один П. Якушкиным, другой Шейном), так что родиной песни в этой редакции можно считать Поволжье.

Песня имела исключительное распространение. В песенном творчестве о войне 1812 года больше всего уделяется внимания образу Платова. Генерал Платов переделан в Платова-казака. Эта переделка исторического героя в более демократического героя песни создает ей народное звучание и ставит ее в ряд с другими песнями об Отечественной войне, в которых народ воспеваeт свои героические подвиги в борьбе с интервентами. Известны были и другие сюжеты о Платове. См. сб. Киреевского, вып. 10, стр. 43 и 48.

Современные записи отличаются большею полнотой и разнообразием зачинов. Песня до сих пор пользуется большою популярностью. Особенно вырос интерес к ней в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Наиболее полный вариант был записан в 1945 году в с. Елшанке, Хвалынского района, от родственника Я. Г. Парфенова.

22 Разорена путь-дорожка. (Кир., вып. 10, стр. 7—10; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 2, 1828). Записана студенткой в д. Зиновьевке, быв. Петровского уезда, ныне Пензенской обл., в 1923 г. от Малышевой.

Песня о нашествии Наполеона имела широкое распространение, хотя саратовских записей в дореволюционное время не публиковалось.

23. Вы, кусты, мои кусточки. Записана в д. Поник, Балтайского района, в 1926 г. от Авд. Сав. Савельевой. Записала А. Н. Лозанова.

Песня относится к войне 1812 г. Известен еще сюжет песни о войне с Наполеоном, записанный М. А. Ванюшиной в с. Пилюгино, быв. Вольского уезда, в 1926 г. от А. Н. Шмелевой, в котором изображается изгнание Наполеона из России и переправа через Березину:

Загрузил речку Березу
Своим конным пленным табуном...

Запись 1899 г. см. в Трудах СУАК, вып. 25, 1909 г., стр. 247.

24. Вор на острове родился. Записана студентом в с. Кутьино, Ново-Бурасского района, в 1923 г. от Мухиной, 35 лет.

Песня о нашествии Наполеона в 1812 г. рисует народную войну с неприятелем:

Все казаки со штыками,
А крестьяне со цепями
Ну-ка за ним гнать...

В 1923 г. в Петровском уезде (с. Зиновьевка) М. П. Коробовой был записан от известной песенницы Никишиной, 70 лет, другой вариант:

Шут на острове родился,
Во французе проявился —
Шут Наполеон.

В песне говорится, что Наполеон взял Москву только благодаря предательству со стороны некоторых русских военных чинов. Мотив этот часто встречается в песнях о 1812 г.:

Он не сам в Москву входил,
Князь Голицын проводил,
Планы показал,
И все уезды расписал,
Где в Москву взойти.
Он входил в Москву с обманом,
Со музыкой, барабаном,
С веселием таким.
Он с церковей иконы снял,
Обозы нагружал,
Разжиться хотел.
Он разжиться не разжился,
Только пуще разорился,
Давай бежать...
Не сустало хлеба-соли,
Раков наварил в картови,
Назвался хорош.

Вариант этой же песни был записан и в 1938 г. в с. Софьино, Сердобского района, от В. М. Левина:

Он в Россею ворвался,
К Москве нашей подобрался,
Что варвар получил?..
...Нашу главную столицу
Красную Москву.
Он в Москву входил с обманом
Со музыкой, барабаном,
С веселием таким.
Он не сам собой всходил,
Князь Голицын проводил
И планы ему показал.
Планы ему показал,
Силу-войско расставлял
И драться, шельмец, нанимал.
Мы били его и рубили,
До Парижа проводили...

„Красная Москва“ — характерный анахронизм. Современный эпитет дан Москве 1812 года.

В с. Биклей, Базарно-Карабулакского района, в 1926 г. эта песня записана в отличном от вышеприведенных варианте:

Австрицкий был подрядчик,
Самого царя приказчик,
Ветреный француз.
Француз крови много пролил
Он сам себе худо стоил,
В Россию взошел.
Он в Россиюшку ворвался,
К нашей Москве подобрался,
Рожон получил.
Получил, как волк телицу,
Француз славную столицу,
Прекрасную Москву.
Он немного в Москве жил.
Много платья понашил,
Войско снарядил.
Всяки ризы набирал,
Все обозы наполнял,
Рожиться хотел.
А дошло до того дело,
Ел картошку вместо хлеба.
Через Москву миновался,
В худенькую юбку одевался,
Из Москвы бежал.
Без штанов бежал, без шляпы,
Ноги босы, как собака,
Рад бы, кто пригред.
Кавалеры со штыками,
Офицеры с тесаками
Пошли провожать.
Мы загоним тя, злодея,
Француза-лиходея
За его Париж.

Записана песня студенткой от С. А. Власова, 48 лет.

Близкий по содержанию, но текстуально сильно отличающийся от наших вариантов приведен в „Полном песеннике“ Н. М. Лопатина и перепечатанный Поповым, в его сб. „Боевые песни русского солдата“, 48. Можно думать, что этот печатный текст ближе других к первоначальному оригиналу, но здесь не отражена народная и партизанская война, что мы находим в саратовских вариантах.

Известен из несаратовских также казачий вариант, напечатанный в сб. Мякутина „Песни Оренбургских казаков“, Оренбург, 1904.

25. Из-за лесу, лесу темного (Кир., вып. 9, Приложения, стр. XVI—XX). Записана студентом в с. Балтай, того же района, в 1925 г. от Павлова. Песня первоначально относилась к войнам XVIII в. В нашей песне отражаются одновременно и события XIX в., в частности, смерть Кутузова.

БОЕВЫЕ СОЛДАТСКИЕ ПЕСНИ

26. Было дело под Полтавой. (Попов, Б. п. р. с. № 11). Записана в г. Саратове от мальчиков 12—14 лет в 1930 г. Т. М. Акимовой. Песня широко известна в деревне. Но исполняется редко. Пелась она главным образом солдатами в походной, боевой обстановке. Текст песни написан поэтом И. С. Молчановым и начинается несколько иначе:

Было дело под Полтавой,
Дело славное, друзья,
Мы дрались тогда со славой
Под знаменем Петра...

27. Поле чистое, турецкое, мы когда тебя пройдем? (Кир., вып. 9, стр. 219, 255, 279; Попов, Б. п. р. с., № 13, 63). Записана в с. Софьино, Сердобского района, в 1938 г. от А. О. Калининой. Записала С. В. Панина.

С таким вступлением, как в нашей, известны песни, относящиеся к 1-й турецкой войне XVIII в. (Поле чистое, Бугжацкое). В дальнейшем текст песни с некоторыми изменениями применялся к последующим турецким войнам. Особенно прочно это вступление закрепилось в песне о турецкой войне 1878—1879 гг. В такой связи известна эта песня и в нашем Поволжье.

28. Пишет, пишет к нам султан турецкий. (Кир., вып. 10, стр. 459—462). Записана в с. Балтай, того же района, от Н. Сладкова, 66 лет, малограмотного, в 1925 г. Записала В. В. Племянникова.

Саратовский вариант очень близок к вариантам Киреевского, записи 40-х гг. Имя генерала варьирует, то это Бабынин, то чаще всего Паскевич (Пашкевич, Пашкеев).

29. Вспомним, вспомним-ка, братцы-ребята. Записана студентом в с. Кутьяно, Ново-Бурасского района, в 1923 г. от Мухина, 35 лет.

Песня является близкой к боевым солдатским песням. Содержание ее относится к историческим событиям Крымской кампании 1854—55 гг.

30. Было дело в Порт-Артуре. Записана в с. Потье, Ртищевского района, в 1937 г. от Мызникова, 59 лет. Записала Т. М. Акимова. Певец сказал, что эту песню разучил „в германскую войну, когда она много пелась. А в 1905 г. она была запрещенная“. Он сообщил и еще несколько песен, отображающих события 1905 г. Он слышал их в окопах, в мировую войну 1914—1917 гг.

31. На возморе мы стояли. Записана в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от крестьян 40—45 лет. Записала Т. М. Акимова. Известно еще несколько вариантов этой песни из разных районов.

РЕКРУТСКИЕ И СОЛДАТСКИЕ ПЕСНИ

Рекрутские песни начали создаваться после организации Петром I регулярной армии. Необычайно грустные по настроению, они отражали невыносимо тяжелые условия старой рекрутчины

и солдатчины—заковывание рекрутов в кандалы, жестокие наказания за малейшие отступления от требований начальства, необычайно плохое содержание армии и т. д.

В песнях, причитаниях, плачах нашло отражение и тяжелое настроение матерей и жен рекрутов, которые провожали сына, мужа без надежды когда-либо увидеться, так как служба в армии сначала была пожизненной, а потом 25-летней.

Постоянные злоупотребления властей и помещиков во время наборов особенно тяжело сказывались на крестьянской бедноте, которая не имела возможности откупиться или задобрить начальство взятками и потому вынуждена была выделять из своих семей рекрутов свыше нормы, что лишало их необходимой в хозяйстве рабочей силы.

32. Расхороша наша барыня. Песня записана в д. Априяно, Балтайского района, в 1926 г. от А. М. Бочарова, 52 лет, неграмотного, портного. Записала Ф. О. Соскина. Крестьяне говорили, что раньше эту песню пели в хороводах. Вообще же песня рекрутская. В ней рассказывается о том, как барыня Пилюгина, владелица соседней деревни Пилюгиной, распродала своих крепостных — наиболее сильное и молодое мужское население — в солдаты. Создана песня на основе известной рекрутской „Заря моя, зоренька“. Текст был напечатан А. Н. Лозановой в статье „Отражение Октябрьской революции в устно-поэтическом творчестве“. „Нижнее Поволжье“, 1927 г., № 2.

33. Заря моя, зоренька вечерняя. (Соб., т. VI, 109—112; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. I, 1335). Записана в с. Софьино, Сердобского района, в 1922 г. от Морозова, 32 лет, М. П. Советовым.

Эта рекрутская песня имеется в очень многих вариантах, которые близки по содержанию, но имеют различное вступление. От Шляхова В. Г. в 1925 г. в с. Всеволодино был записан довольно полный вариант этой песни с таким началом:

Сряжу дружка хорошо; сряжу дружка хорошо, его
хорошохынька.

Провожу я его далеко да далекохынька,
Далекохонько... до го... до городу его до

Саратова...

34. Мимо ельничку, мимо березничку. (Соб., т. VI, 121—122; 125—126).

Записана в с. Поповке, Хвалынского района, в 1935 г. от хора женщин. Записала А. М. Ардабацкая. Очень близкий вариант был записан там же в 1945 г.

35. У нас нынешний денечек. Записана студентом в с. Ключевке, Ново-Бурасского района, в 1923 г. от Воробьевой, 65 лет. В довольно близком варианте песня записана в с. Карповке, Сердобского района, в 1938 г.

36. Разливалась Воложка, во крутые бережки не убиралась. (Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 2, 2329, 2435, 2671, 2682; Соб., т. VI, 82—87). Записана Ф. О. Соскиной в д. Поник, Балтайского района, в 1926 г. от Филиппова П. Е., 67 лет, неграмотного.

37. Не белы снежки (вариант предыдущей). Записана в с. Софьино, Сердобского района, в 1938 г. от хора пожилых женщин. Записала Д. Бернер.

Песня довольно распространенная в Саратовской области. Начало ее было напечатано в сб. „50 песен русского народа“, сост. Некрасовым.

Бытует во многих вариантах. Разнообразны вступления к этой песне, имеющие целью дать лирическую зарядку минорного тона. В с. Всеволодчино, Балтайского района, в 1935 г. эта песня была записана с таким началом:

Не черный ворон по горам летал,
По горам летал, жалобно кричал...

В с. Биклей, Базарно-Карабулакского района, эта песня записана В. Племянниковой от известной песенницы Наталии Абрамовой под заголовком „Про Волгу-матушку“. Интересно здесь начало — о Волге, типичное только для саратовских вариантов.

Песня имела самое широкое бытование в прошлом. Пелась она и у саратовских чуваш (на чувашском языке); м. б. чувашский текст является переводом русского.

В довольно близком к нашему варианту была записана 100 лет назад Терещенко, „Быт русского народа“, ч. 2, стр. 404.

Разнообразие зачинов песни не мешает необычайной устойчивости основного сюжета.

В с. Кутьино, Ново-Бурасского района, в 1923 г. Т. М. Акимовой был записан вариант этой песни с интересным зачином, который почти совпадает с вариантом Терещенко и очень близок к публикуемой песне нашего сборника:

Ой, широкохонько Волга разливалась,
В круты бережочки не вбиралась,
Потопляла Волга все горы-долы,
Горы-долы, лужки зелены.
Ничего в лужках не оставалось,
Оставался один част ракитов куст,
На кусточке свито гнездышко,
Свито гнездо, свито теплое.
В этом гнезде малы детушки,
Малы детушки, соловьятушки,
По сверж их сидит сам соловушек.
Высоко сидит, далеко глядит,
Далеко глядит, сам высвистывает,
К нам вечор, братцы, указ пришел,
Указ пришел нерадостный:
С двоих с троих одного в солдатушки.

Таких чисто лирических зачинов в вариантах Соболевского нет. Чаше эта песня известна в других областях совсем без зачина. Все эти зачины точно локализируются. Так, в варианте Коротковой П. В. из с. Карповки, Сердобского района, записанном С. В. Паниной в 1938 г., зачин из чисто лирического

плава с символическими образами перенесен в совершенно реалистический. Но и здесь действие точно приурочивается к г. Саратову:

Как во городе во Саратове,
По Московской большой улице
Тут ходил-то гулял молодой майор,
Молодой-то майор, сам полковничек.
Он читал-то писал большой указ,
Он большой-то указ про солдатовцев,
Двоих-трех во солдаты брать,
Четверых-пятерых миновать нельзя.

Этот зачин близок к варианту Соболевского, т. VI, 86.

38. Соловей-соловушка, соловей молоденький. Записана в с. Базарный Карабулак, того же района, в 1922 г. от Дарьи Скудаевой. Записала А. И. Тюрина.

Герой рисуется боярином, вся бытовая обстановка в песне идеализируется. Для некоторых видов фольклора, например, для свадебных песен, такая идеализация обычна. Царскую службу герой зовет "крайней нуждой": "Во службу во царскую, во нужду во крайнюю".

39. Дуйте, дуйте, ветерочки. (Кир., "Н. с.", вып. 2, ч. 2, 2351). Записана в с. Софьино, Сердобского района, в 1922 г. от И. И. Китаева, 60 лет, М. П. Советовым. С небольшими изменениями песня записана была в этом же селе в 1938 году.

40. Долина, ты, моя долинушка. (Соб., т. VI, 175—180; Кир., "Н. с.", вып. 2, ч. 2, 2770). Записана в с. Озерки, Ново-Бурасского района, в 1923 г. от Лялина, 70 лет. Е. Г. Тейльман.

Вариант записан в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от Я. Г. Парфенова. Песня известна была давно (см. М. Е. Соколов, Весенние песни, 21).

41. Гулял Ванюшка неделюшку (Соб., т. VI, 273). Записана в д. Каменке, Вязовского района, в 1921 г. от Попова, 80 лет, Т. М. Акимовой. Огрывок был напечатан в Сар. сб. т. II, стр. 308.

42. По Елшанушке, по матушке. (Соб. т. VI, 119—120). Записана в д. Бакалды, Ново-Бурасского района, в 1922 г. от Д. Быстрова, 82 лет. Записал П. Д. Степанов.

43. Прощай, город, еще прощай Вольский. (Соб., т. VI, 100—102). Записана в с. Всеволодчино, Балтайского района, в 1925 г. от П. А. Мякишевой, 64 лет, и Д. И. Силантьевой, 63 лет. Записала В. В. Племянникова.

44. Уж ты, свет, ты, мой свет, конца краю нет. (Соб., т. VI, 247—252; Кир., вып. 9, стр. 247; "Н. с.", вып. 2, 1613).

Записана в с. Софьино, Сердобского района, в 1922 г. от Китаева, 60 лет, М. П. Советовым. В 1938 году в Софьино же эта песня была записана от И. И. Китаева С. В. Паниной.

Отрывок этой песни записан был М. Е. Соколовым в 1899 г. в Петровском уезде. Особо интересно, что отрывок этот связан с именем Пугачева:

Мимо лесу, мимо темного,
 Мимо садику зеленого
 Пролежала тут путь-дороженька.
 Как по этой дороженьке—
 Здесь никто не хаживал,
 Никто следiku не прокладывал,
 Только шел, прошел табун бурых коней,
 Попередь-то идет сив-чубарый конь.
 На коне-то сидит Пугачев малый сын;
 С конем он речи говорит...

(Труды СУАК, вып. 24, 1908 г., стр. 140, перепечатано в 9 выпуске песен Киреевского, стр. 247).

Вариант этой песни без упоминания Пугачева был напечатан в Сар. сб., т. II, стр. 307.

45. Чем ты, рощенька, разукрашена? Записана в с. Софьино, Лопатинского района, ныне Пензенской обл., в 1923 г. от 96-летней старушки. Записала Белолипова. Эта песня—вариант предыдущей.

46. Во поле елочка стоит. Записана в с. Кутьино, Ново-Бурасского района, в 1923 г. от Чаликовой, 68 лет. Записал Ф. Н. Родин.

47. Эх вы, горы мои, да горы крутые. (Соб., т. I, 361—369; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. I, 1266, 1282, 1293, 1354, 1550, 1499; ч. 2, 1636, 1914, 1938, 1948, 2641).

Записана в с. Чиганак, Ртищевского района, в 1937 г. от Г. Н. Стародубова, 75 лет. Записала Т. М. Акимова. Эта песня бытует во многих вариантах в Поволжье. В с. Софьино, Сердобского района, песня записана с таким концом:

А молода хозяйюшка плачет—роса утренняя,
 Красно солнышко взойдет—роса высохнет.

„Она плачет день до вечера, и слушать нечего“,—добавил певец.

Вариант, записанный Костомаровым и Мордовцевой в 50-х годах XIX в., имеет чисто местное приуроченье:

Ой вы, грязи мои, грязи черные, разосенные,
 Ой вы, осенние грязи, самые последние,
 Ой вы, горы мои, горы крутые высокие,
 Ничего-то вы, горы, не породили:
 Нет ни травушки в горах, ни муравушки,
 Ни муравушки, ни алых цветочков лазоревых,
 Только видна из-под гор степь Саратовская;
 Под горами бежит быстра речушка,
 По прозваньюцу Волга-матушка.

Конец песни в сравнении с нашим вариантом продолжен:

Молода жена плачет, что роса падет,
 Что роса падет, роса утренняя.
 Красно солнышко взошло—роса высохла.
 Молода жена забывать стала,
 Забывать стала за гульбой пошла.

№ 1 Фольклорная экспедиция В. В. Буш записала эту песню в быв. Вольском уезде с совершенно иным началом. Этот запев дан тоже в виде широко нарисованной картины (запись А. Н. Лозановой):

Как не пыль-то в поле запылилась,
Эй... запылилась.
Не туман-то с моря поднимается,
Поднимались тут гуси-лебеди,
Гуси-лебеди, утки серые.
Да не сами они собой подымались,
Ясна сокола они запугалися.
Как ясен-ат сокол со гульбы летит,
Со гульбы летит, со гуляньица.
Как в погонь-то гонит млад сизой орел,
В погонь гонит ясна сокола.
„Уж ты стой-ка, постой, млад ясен сокол,
Я не бить тебя хочу, а спросить хочу:
Да ты где, сокол, гулял, где разгуливал?“—
„Я гулял-то, гулял по диким степям,
По диким степям, по уральским.
Я видал-то, видал тело белое,
Тело белое молодецкое“.

В Хвалынском районе в 1920 г. от Я. Г. Парфёнова песня эта была записана в очень своеобразном варианте с иным вступлением и двойным параллелизмом в изображении раненого солдата:

Собирается царек из Москвы в поход
И берет-таки берет с собой три молодца.
Одному же молодцу итти не хотелось.
— Не жалко мне, молодцу, самого себя,
Только жалко молодцу садику зеленого,
А во садике жалко, жалко три деревца:
Перво деревце стоит—древо купарисово,
Друго деревце стоит—садовая яблонька,
Третье деревце стоит—грушица зеленая.
Купарисово древо—родимый мой тятенька,
Садовая яблонька—лебедушка-матушка,
Зеленая грушица—моя молода жена.
По мне тятенька плачет, как река льется,
А мамынька плачет—силен дождь идет,
Молодая жена плачет—роса утренняя:
Красно солнышко взойдет—роса на землю падет,
Молода моя жена—гулять пойдет.

Это редкий вариант; из других мест известен еще один. (См. Кир., вып. 8, стр. 124).

Можно считать, что песня первоначально была создана в нашем Поволжье, на это указывает картина южной степной природы, саратовских степей. Воробьевские горы, вероятно, были внесены значительно позже, когда песня стала бытовать в

центре государства. Необычайная жизненность темы способствовала особой популярности и живучести этой песни. А длительный срок бытования в разных районах при большой устойчивости ее фабулы и центральных образов вызвал большое количество текстуальных изменений. Саратовские варианты отличаются особой полнотой, художественностью и своеобразием зачинов с устойчивым местным приурочением.

Саратовские варианты см. Костомаров и Мордовцева, стр. 78; Кир., „Н. с.“, в. 2, ч. 2, 2507. Короткий вариант приведен у Терешенко, „Быт русского народа“, ч. 2, стр. 415. Исследование об этой песне см. в сб. Лопатина и Прокунина. Сборник русских народных песен, ч. 1, М. 1899. № 1—3 и замечания к ним. См. также примечания в сб. „Русская баллада“, сост. В. И. Чернышевым, 1936 г., 54—55. Об этой песне упоминал Н. М. Карамзин в „Истории государства Российского“, относя ее к XVI в.

48. У ж ты, сад, ты, мой сад. (Соб., т. V, 510—515; т. 1, 70—74; Шейн, 1216). Записана в с. Потьма, Ртищевского района, в 1937 г. от Баранова. Записала К. Быкова.

49. Ой ты, сад, эх осыпашься (вариант предыдущей). Записана в с. Каменке, Вязовского района, в 1921 г. от Попова, 80 лет, Т. М. Акимовой. Песня известна по всему саратовскому Поволжью. Оба варианта являются контаминацией песни „Уж ты, сад“ с песней „Служил год, служил два“.

50. Служил год, служил два. (Соб., т. 1, 70—79; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 2, 1703, 2008, 3042). Записана от хора девушек в с. Всеволодчино, Балтайского района, в 1926 г. Т. М. Акимовой.

Варианты песни широко распространены в Хвалынском районе (1920 г.) и других местах области. Песня представляет одну тему с предыдущими двумя песнями, но является более поздней по тексту и мелодии. Сюжет ее очень близок к старинным песням-балладам, приведенным у Соболевского (северные записи), однако лексическое выражение его в нашем варианте совсем иное, современное.

51. Ехали стрелочки. (Кир., в 2, ч. 2, 2962). Записана в с. Лох, Ново-Бурасского района, в 1921 г. от Казениной, 21 года, Записал П. М. Козин.

Известен вариант этой песни с началом, взятым из песни „Служил год, служил два“:

Служил я годочек, служил я другой,
На третьем годочке пришлось мне домой.
Иду я, иду я дорожкой большой.
На этой дорожке стоял хуторок,
Во этом во хуторе живет рыболов.
Рыболовцы-ловцы спросили меня:
— Откуда, солдатик, куда ж ты идешь?
— Иду я, иду я, в родительский дом.
Взошел я в избушку, взглянул на часы
И скинул фуражку, расправил усы.
— Здорово ль, папаша, здорова ль семья?
— Семья, слава богу, с приходом тебя.

При твоём приходе случилась беда,
Беда небольшая—жена родила,
И кстины-менины справляла сама.

Записали в с. Елшанке, Хвалынского района, студ. Е. Гра и Е. Шиминой в 1945 г. от Кострюковой, 45 лет. В 1920 г. в Елшанке был записан такой же вариант.

Песня является фольклоризацией стихотворения С. Т. Аксакова „Уральский казак“, впервые напечатанного в „Вестнике Европы“, № 12 за 1821 г. Перепечатано в книге И. Н. Розанова „Песни русских поэтов“, 1936, стр. 161.

Можно предположить длительную жизнь и самое широкое бытование этой переделки, почему текст ее и отошел сильно от аксаковского оригинала. Герой, например, изображается солдатом, а не казаком. Язык современный.

В середине XIX в. песня эта была записана Костомаровым и Мордовцевой. Этот текст гораздо более близок к стихотворению С. Аксакова, чем наша запись.

Стояли казаченьки при крутой горе,
Из этих казаченьков один был лихой;
Один год проживши с женой молодой,
Сказано казаченьке на службу иттить.
Жаль ему расстаться с женой молодой;
Стал с женой прощаться—жене говорит:
„Будь ты мне, жена, до могилы верна.
До могилы верна—до гроба честна“.
Поехал казаченька врагов побеждать;
Побеждал он враженьков конем и мечом.
Победимши враженьков, воротился назад.
Навстречу казаченьке начальство большо,
Шляпы на нем со перами, кресты на груди:
Казак им ни слова—так молча прошел.
Поехал казаченька в родительский дом;
Навстречу казаченьке родитель идет.
„Здорово, родимый, здорова ль семья?“ —
„Мы, сынок, здоровы: несчастье твое—
Молода твоя хозяйюшка сына родила.
Мы, сынок, простили—прости уж и ты“.
Берет же казаченька шелковую плеть,
Ударил хозяйюшку промеж белых плеч,
Пошел же казаченька из дому вон.
„Пропади ты безмозглая—пуста голова.
Когда ты забыла казаченьку меня!“

52. Вы ходила моя матушка. Записана в с. Софьино, Сердобского района, в 1922 г. от Кондратьиной, 60 лет. Записал М. П. Советов.

53. Раскалинущка-размалиущка. Записана в с. Чириково, Турковского района, в 1936 г. от А. Филатовой Ф. Коноваловым. Песня исключительно широко распространена по саратовскому Поволжью.

54. Разгневался батюшка на сыночка своего. (Соб., т. 1, 254—260; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 2, 1775, 2443)

Записана в с. Софьино, Сердобского района, в 1922 г. от Китаева, 60 лет, М. П. Советовым. Запись Костомарова и Мордовцевой 50-х годов отличается гораздо большей полнотой (см. их сб. стр. 81).

В 1945 г. в с. Елшанке, Хвалынского района, от Синенковой, 70 лет, была записана эта песня с таким продолжением:

Как третья-то сестра
Плетку подала,
„Эх, что подавши плеточку,
Речи баяла.
Эх, уж ты, братец, братец мой,
Ты когда придешь домой?“ —
Эх я тогда домой приду,
Когда кверху вода пойдет,
Эх, бел-горюч-то камень
Со дна выплывет.
Мы не год братку ждали,
Мы не два года.
Эх, на третьем-то году
Братку эх искали.
Эх, как перва-то сестра—
Рыбкой по морю,
Эх как другая-то сестра—
Пчелкой по полю,
Эх, как третья-то сестра—
Пташкой по лесу...

55. Как сказали сырому дубочку. Записана в с. Софьино, Сердобского района, в 1938 г. от Ф. С. Петинной, 40 лет, записала Д. Бернер.

56. Спородила молода дивчина (вариант предыдущей песни). Записан в д. Поник, Балтайского района, в 1926 г. от Н. В. Галкиной, 32 лет, неграмотной. Записала М. А. Ванюшина.

57. Как за речкою за Невагою. (Соб., т. VI, 181—184; Кир., „Н. с.“ вып. 2, ч. 1, 1274). Записана в селе Кутьино, Ново-Бурасского района, в 1923 г. от Чаликовой, 68 лет. Записал Ф. Н. Родин.

Более полный текст был записан А. В. Терещенко, см. „Быт русского народа“, ч. 2, стр. 419. Его вариант географически приурочен к Поволжью, говорит о Волге и рисует эпоху Петра I.

58. Жавороночек размолоденький. (Соб., т. VI, 485—494, 525; Кир., „Н. с.“ вып. 2, ч. 1, 1403; ч. 2, 2063, 2482). Записана в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от Я. Г. Парфенова Т. М. Акимовой.

Песня имела широкое распространение в Саратовской области. В том же селе Кутьино был записан иной вариант этой песни, где герой, тоже заключенный, но не беглый солдат, и песня эта не солдатская, а скорее разбойничья:

Жавороночек был размолоденький.
 Ты зачем, начто рано вывелся?
 Рано вывелся, молод вылетел?
 Вылетел, сокол, да на дикую степь,
 На дикую степь да на Саратовску.
 На круты горы да на высокие,
 На желты пески, на рассыпчаты,
 На белы снежки, на крупичаты.
 Уж ты сядь, присядь на проталинку,
 На проталинку сядь, под яблоньку,
 Ты воспой, воспой песню новую,
 Песню новую да развеселую.
 Развесели-ка ты добра молодца
 Во дикой степе, в каменной тюрьме,
 В каменной тюрьме за решеточкой,
 За тремя дверьми за железными.

Дореволюционные записи см. в сб. М. Е. Соколова „Бы-
 лины, исторические и другие песни“, №№ 19 и 20.

59. Уж ты, поле мое, поле чистое. (Соб., т. 1,
 381—408 и 350—353). Записана в с. Кутьино, Ново-Бурасско-
 го района, в 1923 г. от Новокольцева В. И. Трофимовым.
 Сюжет песни близок к песне об умирающем ямщике.

60. За К у б а н ь ю за ре к о й (вариант предыдущей. На-
 чало сравнить по Соб., т. VI, 310).

Записана в с. Софьино, Сердобского района, в 1938 г. от
 Названовой. Записала С. В. Панина.

Песня об умирающем в степи солдате близка к песне об
 умирающем ямщике („Степь Моздокская“ или Саратовская,
 № 62 нашего сборника). Иногда эти песни сближаются не толь-
 ко тематически, но и текстуально, как бы переплетаются.
 Такое явление типично в народной лирике для песен близкой
 тематики. Песня об умирающем солдате часто начинается с
 мотива о том, как солдат раскладывает костер и лечит свои
 „кровавые раны“. (Соб., 1, 350—353). Конец песни об умираю-
 щем солдате отличается тем, что солдат (или казак) отдает
 наказ не товарищам, а коню. Он просит коня бежать домой и
 передать родным весточку о его смерти.

(Печатные варианты Саратов. губ. см. у Костомарова и Мор-
 довцевой, стр. 79 и 87).

61. Приехал гусарик к коханочке в гости.
 (Соб., т. VI, 271—272; Кир., „Н. с.“ вып. 2, ч. 2, 1880). Записана
 в с. Всеволодино, Балтайского района, в 1925 г. от П. И. Мяки-
 шевой, 64 лет, и Д. И. Силантьевой, 63 лет, неграмотных, корен-
 ных жительниц этого села. Записала В. В. Племянникова.

Певицы Мякишева и Силантьева исполнили много песен,
 которые были записаны с голоса. Песни Прасковьи Алексеевны
 Мякишевой и Домны Ивановны Силантьевой—типично женская
 лирика старшего поколения. Наибольшее количество составляют
 в ней весенние песни. Среди них „О воле“, „Как по лугу,
 лужочку зелененькому“, „Шла утушка по бережку“, „А мы
 чишу чистили“, „Маки-маковочки“. К весенним хороводным и
 игровым примыкают семейные: „Я по горенке ходила, свою

мужа будила", „Во поле калинушка в поле расцвела". Необрядовая лирика состоит в их репертуаре из старинных любовных и других лирических песен и баллад: „Жена мужа зарезала", „На зореньке коровушку доила", „Можно, можно в роще разгуляться", „Тошно, скушно, мне, красной девчонке", „Уж ты, Катя, Катюшенька", „Безо время снежки бели выпадали", „Уж вы, ноченьки разосенные темные", „Любить дружка Маша захотела", „Дули, дули ветры буйные" и др. Из плясовых и юмористических в их репертуаре тоже преимущественно старинные: „Ах вы, сени, мои сени", „Затопила горенку", „Как у наших у ворот".

Солдатские песни Мякишевой и Силантьевой являются и любовными. „Прощай, город, прощай Вольский", „Приехал гусарик к коханочке в гости" и др. В репертуаре Мякишевой и Силантьевой есть песня, очень близкая по сюжету к публикуемой:

Отлетает мой соколик из моих ясных очей,
Уезжает мой дружок размиленный
В иной дальний городок,
В иной дальний незнакомый,
В славный город Петербург.
Я не мало слез об нем роняла,
По тебе, соколик ты мой.
Во слезах-то милого просила:
„Хоть немножко со мной поживи.
Хоть немножко времечка несколько,
Одну ночку со мной переночуй.
Я на ночку дружка не упростила,
Хоть часочек со мной перечасуй.“—
„Нельзя, Любушка, мне никак не можно,
Нельзя, кралячка моя.
Здесь дороженька путь лежит большая,
Широкая лежит столбовая.
Как по этой по большой дорожке
Караулушки по ней стоят.
Два солдатика стоят на часах,
Да шинелюшки держут на плечах.
Фуражки, фуражечки на русых кудрях“.

ЯМЩИЦКИЕ И БУРЛАЦКИЕ ПЕСНИ

62. Уж ты, степь моя, степь Саратовска. (Соб. т. 1, 345—348; Кир., „Н. с.", вып. 2, ч. 1, 1467, 1479, ч. 2, 1761, 1869, 1918). Записана в с. Балтай, того же района в 1925 г. слов Николая Сладкова, 66 лет, малограмотного. Записала В. В. Племянникова.

Песня об умирающем в степи ямщике известна была в саратовском Поволжье 100 лет назад (Терещенко, „Быт русского народа", ч. 2, стр. 398). Наш вариант интересен чисто местным приурочением; он рисует Саратовскую степь, протянувшуюся от Камышина до Саратова. Чаще в этой ямщицкой песне поется про Моздокскую степь.

С начала XX в. песня об умирающем ямщике известна в ином текстуальном оформлении. Приводим сжатый вариант, записанный в г. Саратове в 1917 г. В. П. Воробьевым:

Ах ты, степь, да степь,
Степь широкая,
А во той степи
Замерзал ямщик.
И в последний свой
Передсмертный час
Он товарищу
Отдавал приказ:
„Ты, товарищ мой,
Не помни зла,
Здесь в степи глухой
Схорони меня.
А коней моих
Сведи к батюшке,
Передай поклон
Родной матушке.
А жене скажи,
Что я в степи замерз,
А любовь ее
В гроб с собой унес“.

Иногда песня поется в более расширенном варианте с такими стихами в конце:

Передай словцо
Ей прощальное
И отдай кольцо
Обручальное.
Пусть она обо мне
Не печалится,
А скорее с другим
Обвенчается.

Этот новый текст песни об умирающем ямщике, широко известный в городах и в селах Саратовской области, является фольклоризацией песни И. З. Сурикова, представляющей собою, в свою очередь, переложение народной песни об умирающем ямщике („Степь Моздокская“). Таким образом, в форме фольклоризовавшегося суриковского пересказа песня об умирающем в степи ямщике получила свое второе рождение.

Текст суриковской песни в процессе перепевания был сильно переработан. В народной переделке поется о замерзающем, а не умирающем ямщике. Причем народ для песни использовал только ту часть суриковского текста, которая является вольным пересказом народной песни о Моздокской степи. Композиционное кольцевое оформление отброшено. И вся песня сокращена и упрощена, по сравнению с суриковским текстом.

63. Извозчикам, хвалят, жизнь хороша. Записана в с. Потьма, Ртищевского района, в 1937 г. от Ковалева. Записала К. Быкова.

64. Мне не жаль-то платка, платка алого. (Соб., т. V, 165). Записана студентом в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от хора девушек.

М. Е. Соколовым в сб. „Весенние песни“, 29, эта песня приведена как свадебная.

65. Что на Ванюшку-дружка (вариант). Записана в с. Софьино, Сердобского района, от В. М. Левина. Записала С. В. Панина.

66. Отрывки бурлацких песен. 1, 2, 3—записаны Ф. Н. Родиным на пристанях г. Саратова от грузчиков; 4 — (Соб., т. VII, 423) записан в с. Болтино, быв. Кузнецкого уезда (теперь Куйбышевской обл.), в 1925 г. от Ф. П. Воропаева, 90 лет, бывшего бурлака. Записала Е. Г. Тейльман.

67. Как и в нынешнем годочке. (Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 1, 1573). Записана в с. Всеволодчино, Балтайского района в 1925 г. от А. М. Силантьевой. Записала В. В. Племянникова.

68. Был на горке, да был я на горе. Записана в с. Софьино, Сердобского района, в 1938 г. от Китаева, 60 лет. Записала С. В. Панина.

69. Разъезжает наш хозяин. Записана в с. Софьино, Сердобского района, в 1938 г. от В. М. Левина. Записала С. В. Панина.

В конце песни Левин добавил еще куплет, явно к ней не относящийся:

Только доли, только счастья
По девишникам гулять,
По девишникам гулять,
Красных девок целовать.

Василий Михайлович Левин—коренной житель с. Софьино. Всю жизнь занимался крестьянством, также как и его отец. В 1938 году ему было 72 года. В это время он жил у родных и занимался только плетением лаптей.

В молодости служил в царской армии, но недолго. „В армии было тяжело. Была у нас словесность. И когда мы, 11 человек, не сумели ответить на вопрос, то двенадцатый получил приказание дать каждому по затрещине. И так и сделали“.

В селе В. М. всегда слыл „песельником“ и в армии был запевалой. Сам он очень любил петь и легко перенимал раз услышанное. Несмотря на свой преклонный возраст, он песни помнит хорошо. Печатными текстами не пользовался, так как неграмотен. Заучивал обычно песню с голоса в разных условиях и везде, где только слышал. Отдельные замечания Левина к песням и самый репертуар его свидетельствуют о том, что он активно воспринимал и заучивал песни приблизительно с 80-х гг. XIX в. до 1905—1907 гг. Можно думать, что песни, которые помнит и поет В. М. Левин до настоящего времени, были популярными песнями в деревне как раз в этот период. Песни В. М. имеют все черты мужского репертуара деревенского певца пожилого возраста: из 69 песен, записанных от Левина,—

14 являются военными: боевыми солдатскими, историческими солдатскими, лирическими солдатскими и рекрутскими (20 %); столько же составляет мужская лирика другой тематики: здесь песни бурлацкие, тюремные и значительное количество революционных; к мужской лирике можно отнести и литературные песни его репертуара (4,5 %). Большое место (39%) занимает у него и любовная лирика, которая одинаково знакома и женщинам-певицам такого же возраста. И, наконец, Лёвин любит и веселые юмористические песенки, которых он исполнил 8 (11,5%).

Из наиболее известных песен в репертуаре Лёвина можно отметить песни, получившие революционное звучание в 1905—1907 г.г.— „Солнце всходит и заходит“, „Ни кола, ни двора“, „Уж ты, доля, моя доля“, „Сидел за решеткой в темнице сырой“, „Голова ты моя удалая“. Среди военных песен много исторических солдатских: о Русско-шведской войне XVIII в., о Турецкой войне XVIII в., песни о войне 1812 года—„Про Платова казака“, „Шут на острове родился“ и др., а также из времен Кавказских войн. Много среди них и старинных рекрутских и солдатских песен. Интересны бурлацкие и гуртовщицкие песни.

Песни весенние типичны для женского репертуара и у Лёвина, несомненно, случайны. Очень хороши его юмористические песни: „Уж ты, рак, родной брат“, „Про Совушку“, „Саввич Семянин“ (муж пьяница) и др. Любовные песни Лёвина состоят приблизительно наполовину из старых народных и наполовину из романсов. Среди старых такие: „Девушка варит зелье для изменившего ей друга“, „Муж губит жену“, „Не поучить ли тебя, Ванюшка, как ко мне ходить“, „Чесал милый кудерки“, „Что ты, Маша, приуныла“ и др. Романсы: „На серебряных волнах“, „Уж какая это ночь“, „Мальчишечка, бедняжечка“, „Чудный месяц“, „Тиран, тиран...“, „О двух сестрах“, „Мальвина“ и др. Есть у Лёвина литературные—„Близко города Славянска“, „В одной долине ровные“ и „За рекой, за горой“ (Загоскин, Мерзляков и Кольцов).

Наибольшею сохранностью из всего репертуара Лёвина отличается мужская лирика. Особенно полны и хороши варианты его военных песен.

ВЕСЕННИЕ ХОРОВОДНЫЕ И ИГРОВЫЕ ПЕСНИ

70. В сыром бору ёлынька, ёлынька. (Соб., т. VII, 650—651). Записана в с. Поник, Балтайского района, в 1926 г. от А. А. Старостиной, 82 лет, неграмотной. Записала А. Н. Лозанова.

Песня весенняя, хороводная. В близком варианте была напечатана в сб. „50 песен русского народа для мужского хора“, 18.

71. На улице дождик накрапает. (Соб., т. II, 181—185). Записана в с. Сёфьино, Сердобского района, в 1922 г. от хора девушек М. П. Советовым. Песня хороводная.

72. Выходите вы, красны девушки. (Соб., т. II, 112—142; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 1, 1289). Записана в д. Пески, Ртищевского района, в 1921 г. от хора девушек. Записала А. Н. Гурьева.

73. Выходили красны девушки. (Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 1, 1313, 1316; вып. 2, ч. 2, 2295, 1232; Шейн, 401—403). Записана в с. Елшанке, Воскресенского района, в 1928 г. от М. Р. Лобановой, 89 лет. Записала М. А. Вайюшина. (См. М. Е. Соколов, „Весенние песни“, 46—49).

74. На леду голубь воркует (вариант). Записана от П. А. Мякишевой и Д. И. Силантьевой в с. Всеволодино, Балтайского района. Записала в 1925 г. В. В. Племянникова.

Анализ этой песенной темы см. в кн. Е. Аничкова „Весенняя обрядовая песня на западе и у славян“, т. II, гл. 2. Сб. ОРЯС, т. XXIV, ч. 2, 1903 г.

Лирическая тема „Кому воля, кому нет воли“ является узловой темой женских весенних хоровых песен. Насколько эта тема песенной лирики популярна — показывает то, что только в сб. Соболевского, т. II, приведено 36 вариантов этой песни. Поскольку песня ставит проблему о положении в семье и свободе девушки сравнительно с иной долей замужней женщины, она углубляет свое содержание либо в одну сторону — о жизни и положении в семье девушки, либо в другую — о судьбе замужней женщины. Третья редакция заостряет внимание на вопросе о браке — равном и неравном. Таким образом эта песня может звучать то как чисто хороводная, то как семейная, или, наконец, становится любовной, что, повидимому, происходит позднее.

Публикуемые варианты чисто хороводные, первый представляет короткую редакцию, где только ставится тема о свободе девушки, сравнительно с замужней женщиной. Вторым вариант более развит: он дополнен мотивом о равном и неравном браке. В саратовском Поволжье эта песня бытует и в других редакциях, и в виде семейной песни (см. № 161 н. сб.) и в виде любовной.

Приведем еще вариант, в котором упоминается Волга, по которой будто бы уплывает девичья воля:

Летел голубь, летел сизый,
На леду голубь воркует,
Он про волюшку толкует:
„Кому воля, кому воля,
Кому нега, кому нега.
Да, воля-нега красным девкам,
А молодушка миновалась.
А куда волюшка девалась?
Ушла воля вниз по Волге,
По широкой речке быстрой.

Записана в с. Биклей, Базарно-Карабулакского района, от Н. П. Абрамовой, 60 лет, неграмотной, коренной жительницы села. Записала в 1925 г. В. В. Племянникова.

75. У ж ты, улица, улица моя. (Соб., т. II, 355—359; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 1, 1241, 1311, 1314; Шейн, 405). Записана в д. Каменке, Вязовского района, в 1924 г. от М. И. Поляковой, 50 лет. Записала Т. М. Акимова. (См. М. Е. Соколов, „Весенние песни“, 15).

76. Как по морю, морю синему. (Соб., т. II, 244—258; 448—449). Записана в с. Карповке, Сердобского района, в 1938 г. от Кротковой. Записала С. В. Панина.

(См. М. Е. Соколов, „Весенние песни“, 63; А. Минх, Труды СУАК, вып. 28, стр. 66).

77. Парашенька пашенку пахала. Записана в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от хора девушек. Записала Т. М. Акимова.

78. Как и стелется репей. (Соб., т. II, 371—372; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 1, 1424; ч. 2, 2662, 2734). Записана там же.

(См. А. А. Минх. Труды СУАК, вып. 28, стр. 68; сб. „50 песен русского народа“, 22).

79. По морю, морю по синему. (Соб., т. II, 390). Записана в с. Ст. Лебежайке, Хвалынского района, в 1935 г. от женщин 50—60 лет. Записала Т. М. Акимова.

80. Веселитесь, подружки. (Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 1, 1304; Шейн, 781). Записана в с. Биклей, Базарно-Карабулакского района, в 1925 г. от Н. П. Абрамовой. Записала В. В. Племянникова.

Наталья Павловна Абрамова—неграмотная старушка, коренная жительница с. Биклей. В прошлом она—лучшая певица в селе. Все песни записаны от нее с голоса. Ее песенный репертуар составляет старинная женская лирика, которая ею освоена, несомненно, со времен еще ее девичьего юзроста.

Больше всего она исполнила песен весенних, хороводных и игровых. Знает много свадебных и любовных песен. О некоторых весенних песнях она говорит, что они ведутся еще „с крепостной жизни“ („Кисточка“, „Не гуси, не лебеди со луз-зей подымались“ и др.).

Весенние песни Н. П. Абрамовой разнообразны: здесь и старые хороводные („Вдоль по речке по речистой“, „Селезень мой“, „Как под белою под березою“, „О девичьей воле“, „Молодой чернец постригся“, „Уж ты, веснушка-весна“ и др.). Но среди них есть и просто лирические, не связанные ни с обрядом, ни с игрой, и любовные, и рекрутские и др. Она их называет „вешние уличные“ („Про Волгу-матушку“, „Про Дунашу говорят“, „Как под яблонькой, под садовенькой тут ходил-гулял добрый молодец“ и др.). Очень близкие варианты были записаны 100 лет назад (см. Терещенко, ч. 2, стр. 409 и 435).

81. Не на месте садик вырос (вариант 71—72). Записана в д. Априяно, Балтайского района, в 1916 г. от Богатовой, 80 лет, неграмотной. Записала Ф. О. Соскина.

82. Не гуси, не лебеди. (Соб., т. VII, 394). Записана в с. Биклей, Базарно-Карабулакского района, в 1925 г. от Н. П. Абрамовой. Записала В. В. Племянникова. Песня эта

в близком варианте была записана М. Е. Соколовым, „Весенние песни“, 4-5.

83. А мы чишу чистили, чистили. (Соб., VII, 573; 695—704; Шейн, 382—385, 1221). Записана в с. Кикино, Балтайского района, в 1926 г. от Кургановой, 70 лет. Записала Т. М. Акимова.

Эта песня исполнялась в старое время с игрой. Девушки и молодые женщины становились на две стороны; каждая сторона подходила поочередно к другой и пела, другая, прослушав, ей отвечала.

„А лада-то, по нашей прежней жизни, говорили, грех поминать. Это как бы нечистая сила, любит в ладоши бить“, — добавила певица. Образ мифического существа „лады“ утратил в песнях свою первоначальную значимость. Замечание же Кургановой говорит о том, что „лада“ в народном представлении старшего поколения жил не только как художественный образ.

(См. записи дореволюционного времени. А. А. Минх, Труды СУАК, вып. 28, стр. 67).

84. Селезень мой, селезень мой. (Соб., т. VII, 582—584; Кир., „Н. с.“ вып. 2, ч. 2, 2823). Записана в д. Априяино, Балтайского района, в 1926 г. от Базаркиной, 20 лет. Записала М. А. Ванюшина.

Песня поется при проводах весны.

Саратовские варианты опубликованы М. Е. Соколовым, „Весенние песни“, 35 — 38, 84 — 85; а также в сб. „50 песен русского народа“, 21.

85. Ходил Борис. (Соб., т. VII, 505—509, 517—520, Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 2, 2854). Записана в с. Биклей, Балтайского района, в 1925 году от Д. М. Силантьевой. Записала В. В. Племянникова.

86. Как у наших у ворот. (Соб., т. II, 144, 510—515). Записана в с. Бельшино, Макаровского района, в 1937 году от женщины 40—50 лет. Записала Т. М. Акимова.

87. Как со вечера цепочки горят. (Соб., т. IV, 498—503; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 1, 1213; Шейн, 510). Записана в с. Елшанке, Воскресенского района, в 1928 г. от хора девушек. Записала В. Осмоловская.

При пении молодежь ходит парами и исполняет то, что поется в песне.

См. сб. „50 песен русского народа“, 19.

88. Солетались голубушки. (Соб., т. IV, 221—222; Шейн, 1211). Записана в с. Чардым, Воскресенского района, в 1928 г. от Безродновой, 50 лет. Записала М. А. Ванюшина.

Песня игровая. Кончая ее, пары целуются.

89. Как по лугу, лугу, лугу зеленому. (Соб., т. VI, 594, 596—599; т. IV, 297; Шейн, 365, 371). Записана в с. Каменке, Вязовского района, в 1924 г. от М. И. Поляковой, 50 лет. Записала Т. М. Акимова.

90. Уж вы, реки, мои реки. (Соб., т. IV, 297; т. V, 9-10; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 1, 1476). Записана в д. Поник, Балтайского района, в 1926 г. от Н. В. Галкиной, 32 лет. Записала М. А. Ванюшина.

91. Как под белою под березою. (Соб., т. II, 531—536; Шейн, 462). Записана в с. Всеволодчино, Балтайского района, в 1925 г. от хора девушек Т. М. Акимовой.

Саратовские варианты см. у М. Е. Соколова, „Свадебные песни“, 64. Его же, „Весенние песни“, 3.

92. Вдоль по речке. Записана там же.

93. Уж ты, веснушка, моя весна. (Соб., т. VI, 520, 523—524; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 1, 1426). Песня записана в д. Априяино, Балтайского района, в 1926 г. от Бочаровой, 30 лет. Записала Ф. О. Соскина.

Эта песня исполняется при проводах весны. Есть и более полный текст. Конец песни рисует героя, сидящего в тюрьме и упрасивающего родных выручить (выкупить) его. Приводим вариант, записанный в с. Биклей, Базарно-Карабулакского района, в 1925 г. от Н. П. Абрамовой. Записала В. Племянникова.

Уж ты, веснушка, весна,
Весна красная моя.
Что не в радости прошла?
Не в радости, не в гульбе,
Только в горе, сухоте.
Почему сердце болит?
Болит сердце по саду.
Уж ты, садик, мой садок,
Сад, зеленый виноград,
Отчего садик повял,
Отчего зелен посох?
В саду молодец гулял
На своем вороном коне,
Во черкесском седле,
Да золотые струмена,
Серебряны удила,
Шолковые поводя.
Шелков повод в руки брал,
С конем речи говорил:
„Уж ты, конь, ты, мой конь,
Конь, добра лошадь моя.
Уж ты выручи меня
Из неволи, из нужды,
Из той каменной тюрьмы“.
Идет солнце на восток,
Ведут Ванюшку на сход.
Наперед идет палач,
Позади-то отец и мать.

В близком варианте песня бытует до настоящего времени. Есть запись 1945 г.

Песня является типично тюремной. Однако сами исполнители всегда относили ее к весенним и отмечали, что исполнялась она прежде главным образом при проводах весны.

Сохранились саратовские записи от середины XIX века. См. Кир., „Песни“, „Новая серия“, вып. 2, ч. 2, 2496 и 2510; сб. М. Е. Соколова „Великорусские весенние песни“, 31—34; сб.

Костомарова и Мордовцевой, стр. 66 (перепечатано у Соболевского, т. VI, 520). Текст Костомарова и Мордовцевой близок к приведенному здесь, но несколько полнее.

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

94. Залетела вольна пташечка. (Шейн, 1362). Записана в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. А. И. Тюриной.

95. Разливается полая вода (Шейн, 1928, 1964). Записана там же.

См. М. Е. Соколов. „Свадебные песни“, 95; Минх, Труды СУАК, в. 33, стр. 57.

96. Уж ты, свахынька приезжая. (Шейн, 1867, 1965). Записана в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от хора девушек. Записала Т. М. Акимова.

97. С провожамши меня, родна мамынька. (Соб., т. II, 581; III, 55—59, Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 1, 1365). Записана в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от хора девушек. Записала Т. М. Акимова.

Более полный вариант 50-х гг. XIX в., см. в сб. Костомарова и Мордовцевой, 101.

98. Как у нашего князя-боярина. (Шейн, 1527). Записана в с. Еремкино, Хвалынского района, в 1920 г. от хора девушек Н. Г. Аполловой.

См. запись 40-х годов XIX в., Терещенко, 308.

99. Что за ноченька, что за темная. (Шейн, 744—746). Записана в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от хора девушек А. И. Тюриной.

100. Уж ты, сад, ты, мой сад. (Соб., т. IV, 826—829. Шейн, 1763). Записана в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от хора девушек Т. М. Акимовой.

Эту песню подруги поют, когда невеста грустит. Обычно песня поется иначе: жена будит мужа.

Такой же вариант записан в 40-х годах, см. сб. Терещенко, стр. 299 и 334.

101. Бежит речка, не шелохнется. (Шейн, 1540—2, 1576, 1942, 2375). Записана студенткой в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от хора девушек. Эту песню пели невесте-сироте во время благословения. См. Шейн, 2380—2382.

102. Полевая наша ягодка. (Шейн, 2234, 2386). Записана там же.

Эта песня пелась подругами, когда за невестой приезжал жених.

См. Шейн, 2386, М. Е. Соколов, Свадебные песни, 93.

103. Не знала я, не ведала. (Шейн, 1370, 1594, 2072, 2190, 2450). Записана в д. Подлесное, Хвалынского района, в 1920 г. от хора девушек Т. М. Акимовой.

См. А. А. Минх, Свадебные песни. Труды СУАК, вып. 28, стр. 63.

104. Отставала я, лебедушка. (Шейн, 1525, 1651, 1712, 2159, 2207, 2361). Записана в с. Поселок, Черкасского района, в 1920 г. от хора девушек Т. М. Акимовой.

105. Вечор были на девешнике. (Шейн, 1568, 1650, 1962, 2040, 2061, 2074, 2131, 2186, 2288, 2360, 2408). Записана в д. Подлесное, Хвалынского района, от девушек. Записала Т. М. Акимова.

См. Шейн, 2385 и 2390; М. Е. Соколов, „Свадебные песни“, 10; Терещенко, стр. 354.

106. Уж вы, речушки, речушки. Записана в с. Биклей, Базарно-Карабулакского района, в 1925 г. от А. Д. Уваровой, 50 лет, неграмотной. Записала А. Н. Лозанова. См. Терещенко, стр. 329.

107. Вы, цветы ли, мои цветики. (Шейн, 1514, 2185, 2265). Записана в с. Балтай, того же района, в 1925 г. от Колотыриной, 30 лет, неграмотной. Записала Т. М. Акимова.

Эту песню девушки пели невесте. Наш вариант контаминированный. Вариант, представляющий начало нашей песни, см. в сб. Терещенко, 293. Такой же вариант у Минха, Труды СУАК, в. 28, стр. 58.

108. Как во лузях, зеленых лузях. (Соб., т. II, 299—306; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 1, 1241; Шейн, 1205, 2313). Записана в с. Биклей, Базарно-Карабулакского района, в 1925 году Н. П. Абрамовой. Записала В. В. Племянникова. Эту песню пели за „большим столом“.

См. М. Е. Соколов. „Весенние песни“ 24, 42—45.

109. Не долго веночку. (Шейн, 1593, 1960, 2266). Записана в с. Бельшино, Макаровского района, в 1937 г. от Аникиной, 45 лет. Записала К. Быкова.

Эту песню пели, когда невесту собирали к венцу.

110. Загнали трубочки. (Шейн, 1510, 1945—6, 1983, 2128, 2260). Записана от хора девушек в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. А. И. Тюриной.

111. На горе-горе, на всей красоте. Записана там же.

Мелодия была напечатана в сб. „50 песен русского народа, записанных в Саратовской губернии“, № 8. См. также М. Е. Соколов, „Великорусские свадебные песни“, 6—7.

112. Вьюн над водой увивается. (Шейн, 1504, 1591, 1617, 2044). Записана там же. Эту песню девушки пели на сговоре жениха перед его уходом.

113. Как полугу, лужочку. (Шейн, 2359, 2372). Записана там же.

Эту песню пели девушки жениху, когда приходили с постелью.

114. Долина, долинушка. (Соб., т. III, 275—279; Шейн, 419—421; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 2, 1712). Записана в с. Поселок, Черкасского района, в 1920 году от хора девушек Т. М. Акимовой.

См. эту песню у М. Е. Соколова „Свадебные песни“, 28; у Терещенко, стр. 305. Мелодия приведена в сб. „50 песен русского народа“, 7; см. также Справочный листок 1877 г., 205; перепечатана в сб. Соб., т. III, 277.

115. Во палатах белокаменных. (Соб., т. II, 604; Шейн, 2160). Записана В. Ю. Крупянской в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от девушки 15 лет.

116. Пчела белая рябая была. (Соб., т. II, 388). Записана там же. „Эту песню девушки поют, когда придет холостой парень с гостинцем“, — заметила певица.

117. Как во горенке лежат гусли. Записана в с. Кикино, Балтайского района, в 1926 г. от девушек 16—20 лет А. Н. Лозановой.

Саратовские варианты см. у М. Е. Соколова, „Свадебные песни“, № 13; Терещенко, стр. 304.

СВАДЕБНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

118. Родной батюшка. Записана в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от группы девушек. Записала А. И. Тюрина.

119. Размилой ты, мой батюшка, лебедушка матушка. Записана там же от девицы 17 лет.

120. Уж вы, лебедушки мои. Записана там же.

121. Подойди-ка, родной батюшка. Записана там же от хора женщин, 30—40 лет.

122. Лебедушка моя матушка. Записана там же от группы женщин, 30—40 лет. Записала В. Ю. Крупянская.

123. Не красно солнце на закат всходит. Записана там же.

124. Лебедушки мои белые, подруженьки любимые. Записана в с. Поповке, Хвалынского района, в 1935 г. от группы женщин огородной бригады. Записала А. М. Ардабаская.

125. Летела вольна пташечка. Записана в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1935 г. от Л. Сурковой, 50 лет. Записала Т. М. Акимова.

ВЕЛИЧАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

126. Как у чарочки у серебряной. (Шейн, 1923, 2001, 2428). Записана там же.

См. саратовские варианты у М. Е. Соколова, „Свадебные песни“, 35, 36; Терещенко, стр. 335.

127. Ах, кто у нас умён. (Шейн, 2309, 2410). Записана там же.

См. запись 1903 г. А. А. Минха в Трудах СУАК, вып. 28, стр. 61; запись 40-х годов XIX в.: А. В. Терещенко, „Быт русского народа“, стр. 310.

128. Д'уж и нет у нас такого старика. Величальная. Записана там же.

129. У садовой сладкой яблоньки. (Соб., т. III, 271). Записана студенткой в д. Абдуловке, Базарно-Карабулакского района, в 1925 г. от А. Анисимова, 40 лет, неграмотного.

Пелась песня жениху на „запое“.

130. Как у месяца, как у ясного. (Соб., т. III, 237, Шейн, 1970). Записана в д. Позднеевке, Балтайского района; в 1925 г. от Князева, 60 лет, неграмотного. Записала А. Н. Лозанова.

Записи этой песни см. у М. Е. Соколова, „Свадебные песни“, 14; А. А. Минх, Труды СУАК, вып. 28, стр. 52; см. также Терещенко, „Быт русского народа“, стр. 313.

131. Как у сокола, как у ясного. (Соб., т. III, 238). Записана там же.

Более полный вариант записан 100 лет назад Терещенко, стр. 317.

132. У ж ты, трость моя, тростынька. Записана в с. Балтай в 1925 г. от хора девушек. Записала Т. М. Акимова.

Эта песня величальная, поется парням по заказу. Проведявшие, девушки поздравляют: „С песенкой вас“. Парни платят девушкам деньги.

133. По стулечку, стулечку рюмочки гремят. (Соб., т. III, 189—192). Записана там же.

134. Чей березник кудреватый. (Соб., т. III, 266—7; Шейн, 1981). Записана там же.

См. М. Е. Соколов, „Свадебные песни“. 21; „Справочный листок“, 1877 г., 205; перепечатано у Соб., т. III, 267.

ПРИЧИТАНИЯ И ПЛАЧИ

135. Кормилец ты мой, сыночек. См. комментарии к рекрутским песням. Записана в с. Бельчино, Макаровского района, в 1937 г. от Кузьминой Анны, 60 лет. Записала Т. М. Акимова.

136. Родимый ты мой, сыночек. Записано А. Ключковой в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от Сорокиной, 40 лет.

137. Не думала я разгорькая. Записано в с. Кутьино, Ново-Бурасского района, в 1923 г. от Е. В. Дьячковой, 60 лет. Записала М. П. Захарова. „Как моего мужа в рекруты приняли...—рассказывала она о прошлом,—я больно сильно тосковала. Кто послушает, наплачется“.

138. Плач жены по мужу. Записан в Подлесном, Хвалынского района, в 1920 г. от женщины 40 лет. Записала А. Ф. Голубева.

139. Причитание дочери по матери. Записано в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от женщины 30 лет. Записала Н. Г. Аполлова.

140. Кормилица ты моя, мамынька. Записано Н. Г. Аполловой там же от группы женщин 30—40 лет.

141. Навого ты меня, матушка, покинула. Записано в Подлесном, Хвалынского района, от группы женщин 40 лет в 1920 г. А. Ф. Голубевой.

142. Причитание замужней женщины по матери. Записано в с. Елшанке, Хвалынского района в 1945 г. от Е. Шутовой, 43 лет, санитарки больницы.

Шутова известна как плакальщица-мастерица. Ее причитание по бабушке, у которой она, круглая сирота, воспитывалась, помнят многие, хотя бабушка ее умерла не меньше 10 лет тому назад. Записала студентка Н. Левина.

В причитаниях дореволюционного времени обычны религиозные мотивы. То обстоятельство, что весь похоронный обряд был прежде всего обрядом христианским и церковным, не могло не отразиться на содержании причитаний и на языке их. В современных причитаниях религиозных мотивов почти не встречается.

Любопытно одно старое причитание, стоящее в этом отношении особняком. В нем изображено христианское божество как грозный и жестокий судья. Всё причитание проникнуто чувством ужаса и перед этим страшным божеством, и перед представлениями о загробной жизни, внушенными церковью.

Причитание записано от группы женщин 50—60 лет, которые друг друга дополняли и продолжали, если одна из них забывала. Записано в 1920 г. в с. Елшанке, Хвалынского района, В. Ю. Крупянской. Приводим текст:

Родима ты, моя матушка!
Ты раскрой очи ясные,
Подыми свои белы рученьки,
И прижми-ка ты меня к ретиву сердечушку.
Во первые во остаточки.
И скрепила ты, матушка, свое ретиво сердечушко,
И знать ты положила бел-горюч камень
На свое сердечушко.
Теперь тебя, матушка, не видывать,
И голосочка твоего не слыхивать.
Пойдешь ты, матушка, по страшной дороженьке
Одна одинешенька.
Пойдешь ты, матушка, к крестному господу.
К судье грозному.
Не берет судья грозный ни злата, ни серебра,
А спрашивает дела праведные.
Любезная матушка,
И как у тебя перед судьями грозными
Стоять будут резвы ноженьки?
И подкосятся у тебя резвы ноженьки,
И склонится у тебя, матушка,
С плеч головушка,
И опустятся у тебя, матушка,
Белы рученьки.
И выкатится из глаз, матушка,
Белый свет.

143. Причитание по мужу. Записано там же, в 1945 г. Н. Левиной.

144. Причитание матери по сыну. Записано там же.

ЛЮБОВНЫЕ, СЕМЕЙНЫЕ И ДРУГИЕ ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

145. Можно, можно в роще разгуляться (Шейн, 762). Записана в с. Всеволодино, Балтайского района, в 1925 г. от Д. М. Силантьевой. Записала В. В. Племянникова.

146. Безо времечка снежки белы выпадали. (Соб., т. IV, 85; Шейн, 1239; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 1, 1406 и 1433). Записана там же.

147. Сижу я на лавочке. (Соб., т. V, 617—623; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 2, 1658). Записана в с. Софьино, Сердобского района, в 1938 г. от А. О. Калининой. Записала С. В. Панина.

148. Чесал милый кудерьки. (Соб., т. 1, 287—290; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 1, 1551; Шейн, 738, 743). Записана в с. Софьино, Сердобского района, в 1938 г. от В. М. Левина. Записала С. В. Панина.

Обычно конец иной: в речке топят не шляпу, а самого молодца. Девушка плачет.

149. У ключа было, у ключика холодного. (Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 1, 1380, общее начало). Записана в Подлесном, Хвалынского района, в 1920 г. от хора девушек. Записала Т. М. Акимова.

В записи Костомарова и Мордовцевой, стр. 53, песня дана с более развернутым сюжетом.

150. Не поучить ли тебя, Ванюшка. (Соб., т. IV, 408 — 409; Шейн, 692). Записана в с. Софьино, Сердобского района, в 1938 г. от В. М. Левина. Записала С. В. Панина.

151. Тошно, скушно мне, красной девчонке. Записана в с. Всеволодино, Балтайского района, в 1925 г. от Силантьевой. Записала В. В. Племянникова.

152. Стоит село новое. (Соб., т. III, 164—177; т. V, 270—273). Записана в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от Я. Г. Парфенова. Записала Т. М. Акимова. В 1935 году песня была записана в этом селе в таком же варианте.

153. Подуй, подуй, погодушка. (Соб., т. II, 262—9; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 1, 1309, 1419, 1481; вып. 2, ч. 2, 1665, 1680, 1853, 1905, 2519, 2664; Шейн, 1241—1242). Записана в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. Т. М. Акимовой.

Песня широко известна в Саратовской области. Записи этой песни были сделаны 100 лет назад. См. Терещенко, стр. 373.

154. Калина с малиною. (Соб., т. III, 19—35; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 1, 1281, 1580; ч. 2, 2253; Шейн, 846—852, 2321). Записана в с. Базарный Карабулак, того же района, в 1920 г. от Скудаевой. Записала А. И. Тюрина.

Саратовские варианты см. Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 2, 2497; А. В. Терещенко, ч. 2, стр. 249; Н. И. Костомаров и А. Н. Мордовцева, стр. 45; А. Ф. Леопольдов, ч. 1, стр. 82, перепечатано: Соб., т. III, 20. Наиболее полный вариант—Костомарова.

Все эти старые варианты очень близки. Современный короче. Он утратил мотив: „Посылают молоду в полночь по воду“. Однако мотив этот известен у нас до сих пор. (См. свадебную песню № 97).

155. Затопила горенку. (Соб., т. II, 493—497; 590—599; Шейн, 550—553; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 1, 1291). Записана в с. Всеволодчино, Балтайского района, в 1925 г. от П. А. Мякишевой и Д. И. Силантьевой. Записала В. В. Племянникова.

156. Затеяла баба хлеба (вариант предыдущей). (Соб., т. VII, 755). Записана в с. Балтай в 1925 г. от группы девушек. Записала Т. М. Акимова.

Эту песню пели и на свадьбе. Часто она поется с иным концом, не затрагивая темы о тяжелом положении замужней женщины в доме свекора, как это дано в наших вариантах. Включение этого мотива меняет ее юмористическое содержание на серьезное.

Известна у нас и сатирическая, повидимому, первичная редакция. Приведем вариант, записанный в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1945 г. Н. Левиной от Л. Г. и В. Г. Грушиных, 35—40 лет:

Взяла ведра, коромыс,
Пошла по воду на низ.
Пошла по воду, воду,
На Самару на реку.
Гуси серые сидят,
Воду свежую мутят.
Возмутили, возболтали
Воду свеженькую.
Постою я молодца,
Не освежится ли вода,
Прошла тина, прошла глина,
Прошла мутная вода.
Размахнулась широко,
Почерпнула глубоко,
На плечушки подняла,
Зашаталась, побрела.
Я брела, брела, брела,
На круту гору взошла.
Как на крутенькой на горке
Стоит кум да кума,
Еще кумова жена:
Не у тебя ли, кума, горенка
Протапливается?
Все чугуночки и горшочки
Надселись кипучи,
Надселись кипучи,
Под лавочкой стоячи.
А телята на привязочке
Надселись ревучи,
Надселись ревучи,
Под сараем стоячи.
Еще курочка по сенечкам

Похаживает:

—Еще как, да куда,
Не бывало в доме так.
Что ушла наша хозяйка
Через три поля гулять.
Перво поле яровое,
Друго поле зелено,
А третье поле конопли,
Повадились воробьи.
Уж я тому воробью
Колом ноги перебью.

Конец песни о коноплях и воробье контаминирован с началом другой юмористической песни.

157. Чтой-то в поле за травенька. (Соб., т. V, 237—8; т. III, 372; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 2, 2465; А. Ф. Леопольдов, ч. 1, стр. 80). Записана в с. Чириково, Турковского района, в 1936 году от Ф. Щелыкаловой. Записала Т. М. Акимова.

В 40-х годах XIX в. эта песня была записана в ином варианте. Девиде чудится сон, который предвещает разлуку с милым. См. Терешенко, стр. 427.

158. Черная ягодка - смородинка. (Соб., т. I, 197—211). Записана в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от молодой девушки А. И. Мошковой. Записала В. Ю. Крупнянская.

Песня раньше была широко распространена. Имеется в сб. Костомарова и Мордовцевой, стр. 64. Конец их записи полнее. Разбойник привозит жене окровавленное платье ограбленных им ее родных—отца и матери.

159. Летал голубь, летал сизый. (Соб., т. II, 481—485; Шейн, 836—8). Записана в с. Софьино, Сердобского района, в 1938 г. от Кольцовой. Записала Д. Бернер.

160. Из-под двух белых берез. (Соб., т. III, 569—574). Записана в с. Мещерском, Сердобского района, в 1921 г. Записала Е. Тейльман.

161. Мужик пашенку пахал, он пахал. Записана там же.

162. Как у наших у ворот. (Соб., т. IV, 740—741, 743). Записана там же.

163. Дули ветры, дули буйны. Записана там же. Песня является народным переводом известной украинской песни „Віють витры“.

164. На зореньке коровушку доила. (Соб., т. III, 413—419). Записана там же.

165. Уж ты, Катя, Катюшенька. (Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 1, 1249). Записана там же.

166. Рано Машенька вставала. (Соб., т. III, 100—108; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 1, 1443, ч. 2, 2045).

Записана в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от хора молодых девушек. Записала В. Ю. Крупнянская. Песня широко известна и исполнялась как плясовая.

Приводится в сб. Костомарова и Мордовцевой, стр. 99; Соб., т. III, 107.

167. Как по саду городскому мимо рубленых ворот. Песня о Степане Разине. Записана в с. Балтай в 1925 г. В. В. Племянниковой.

Песня является народной обработкой текста поэта и собирателя самарского фольклора Д. Н. Садовникова. Песня, приведенная нами, менее распространена, чем фольклоризация его же песни „Из-за острова на стрежень“, но интересна как пример сильной переработки народом в процессе бытования в устной передаче. (См. „Певец Волги Д. Н. Садовников“. Составила и комментировала В. Ю. Крупианская, Куйбышев, 1940, стр. 151—154.

Саратовский текст, несмотря на значительное сокращение по сравнению с оригиналом, очень близок по содержанию к песне Садовникова.

Широко известна в нашем Поволжье и песня Садовникова „Из-за острова на стрежень“ (1880 г.), которая поется в фольклорной обработке, также расходящейся с оригиналом. Народные обработки песен Садовникова приближают образ любимого атамана к старой фольклорной трактовке, опуская и сглаживая все черты, порочащие народного героя. Одновременно в них упрощаются и сглаживаются все вычурные—подделанные под „народные“—выражения.

СТАРИННЫЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПЕСНИ

168. Ни кола, ни двора. Записана в с. Софьино, Сердобского района, в 1938 г. от В. М. Левина. Записала С. В. Панина.

Песня является фольклоризацией известной „Песни бобыля“ И. С. Никитина. По сведениям экспедиций 1936, 1937 и 1938 г.г., эта песня особенно широко распевалась в Балашовском и Сердобском уездах в период 1905 — 1907 годов, когда все эти места были объаты восстанием.

169. Ах ты, доля, моя доля. Записана в с. Еремкино, Хвалынского района, в 1920 г. от Лукерьи Печенкиной. Записала Н. М. Цыганова. Является переделкой песни поэта И. З. Сурикова, 1866 г.

В более близком к оригиналу варианте, чем вариант нашего сборника, песня была записана А. А. Минхом в с. Полчановке в 1903 году; напечатана в Трудах СУАК, вып. 28, стр. 69. При этом отмечено, что эта песня в те годы имела исключительно широкое распространение.

170. Ночь темна, считай минуты. Записана в 1945 г. в с. Елшанке, Хвалынского района, от Фоминьей Пракскови, пожилой женщины. Записала Е. Шими́на.

Имеется и еще один вариант советского времени—он был записан в с. Лапоть, Золотовского района, в 1929 г. от И. А. Куценкова, 65 лет. Записала М. А. Ванюшина. Песню исполнитель назвал острожной:

Три часа, одна минута,
 В тюрьме стена крепка.
 У моей двери железной
 Два висячих замка.
 Ну вдале по коридору
 Огонечек чуть видать,
 Часовой по коридору
 Звучно шпорами гремит,
 А острожник из окошка
 Часовому говорит:
 „Часовой, ты судья наша,
 Притворись, как будто спишь,
 А я мигом чрез ограду
 Пролечу я, как стрела.
 Ну вдали там огонечек
 У моей маме родной,
 У меня есть там два сына
 Благословенья я им дам“.

Эта песня является фольклорной переделкой стихотворения „Арестант“ Н. П. Огарева, 1850 г. Бытование ее в саратовском Поволжье было зафиксировано еще в 1905 году Пругавиным в его статье „Песня о часовом и барине“, напечатанной в „Нижегородском сборнике“ 1905 года, стр. 275.

Песня значительно изменена в народном исполнении. Пелась она революционно настроенной частью рабочего класса, а также саратовским крестьянством в период революции 1905 года. В это время и было записано Пругавиным два варианта ее, один в г. Петровске, другой — в Лопатинской волости. (См. „Нижегородский сборник“, 1905 г., „Песня о часовом и барине“, стр. 276—282). Приводим один из них полностью:

Два часа, одна минута,
 Во тюрьме стена крепка,
 На стенах ее железных
 Два висящие замка.
 А вдали по коридору
 Огонечек чуть горит,
 И гремит шпорой о шпору
 По коридору часовой.
 „Часовой!“ — „Что, барин, нужно?“ —
 „Притворись, будто спишь,
 А я мигом через стену
 В лес дремучий улечу.
 Край родимый видеть нужно,
 Жену, детей поцеловать,
 И родных своих малюток
 К груди пылающей прижать.
 И с законными друзьями
 Под тенью дуба погулять“. —
 „Изменить нельзя присяге,
 Нельзя тебя мне отпустить:

Начальники очень строги,
Отдадут меня под суд.
Отдадут под суд военный,
И сквозь строю проведут,
И мой труп окровавленный
На телеге повезут".

Второй вариант, (записанный в Лопатинской волости) гораздо ближе к тексту Н. П. Огарева. Он имеет продолжение:

Шопот смолк, затихло снова.
„Где-то бог пошлет приют:
Иль зароят где живого?
Иль на каторгу сошлют?
Там вечно будет цепь надета,
И начальство будет бить...
Ни ножа, ни пистолета,
Чем бы жизнь мне прекратить".

Песня эта имела широкое распространение и в других губерниях и пелась как революционная. Народные переделки интересны тем, что они более оптимистичны.

171. Орел молодой по воле летал. Записана в с. Н. Жуковка, Базарно-Карабулакского района, в 1924 г. от хора девушек Т. М. Акимовой.

Песня является сильно переделанным в процессе перепевания вариантом стихотворения А. С. Пушкина „Узник“.

Известна в далеко расходящихся с пушкинским оригиналом вариантах. Особое распространение она получила в период 1905—1907 гг. Вместе с другими песнями о томящемся в темнице узнике („Солнце всходит и заходит") она получила в этот период революционное звучание. В узнике усматривался образ политического заключенного, эмоциональная действительность которого получила особую силу, благодаря сопоставлению с образом птицы, символом свободы.

Ниже приводится еще одна песня на тему „Узника", записанная в с. Чиганак, Ртищевского района, в 1927 г. от К. В. Васильева, 60 лет.

Живу я в неволе, неволе большой,
Кормит нас неволя. Мальчик молодой,
Молодой мальчишка сидит перед окном.
Кидает и бросает—чернило и перо.
Ох сам он смотрит быстро, сам смотрит он в окно.
„Время, брат-товарищ, время и пора.
Эх, удаляюсь я, где крутые горы,
Солнце там не всходит, месяц—никогда,
Где ветры ветруют, там гуляю я.
Гуляю я в садочке один молодец.

В крестьянской среде „Узник" Пушкина получил распространение в двух основных редакциях. Наши варианты пред-

ставляют как раз тексты обеих редакций. Песня, записанная от Васильева, относится к тюремно-разбойничьим песням, но не имеет, как часто бывает, в заключении любовных мотивов. Текст № 171 нашего сборника — типичный образец второй редакции, представляющий песню об орле в темнице. Эта редакция отличалась большей революционной настроенностью.

О народных переделках „Узника“ Пушкина см. Н. Дурново, — „Узник“ Пушкина в народной переделке“. Пушкинский сборник, под ред. А. И. Кирпичникова. М. 1900; Н. П. Андреев — „Произведения Пушкина в фольклоре“, „Литературный критик“, 1937 г., № 1; Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд — „Песни Пинежья“, Труды Ин-та Антропологии, Этнографии и Археологии Акад. Наук СССР, Муз. изд., 1937 г. Комментарий к песне „Орел“, стр. 382.

„Узник“ Пушкина в более близком к оригиналу варианте был известен в городе и имел бытование тоже как революционная песня. И этот текст не избежал некоторой „правки“. Приводим его в том виде, как он распевался студенческой молодежью в предреволюционное время и в первые годы после Октябрьской революции. Орел в этой песне рисуется как вольная птица за окном, противопоставленная узнику. К тексту Пушкина в конце добавлено четверостишие:

„Нельзя мне, товарищ, с тобой улететь,
Судьбой суждено мне в тюрьме умереть,
Закованы руки и ноги в цепи,
Нет силы могучей в иссохших руках“.

В остальном текст песни совпадает с Пушкинским оригиналом. Записана в Саратове в 1918 году от хора студентов.

172. Солнце всходит и заходит. Записана в с. Софьино, Сердобского района, в 1938 году от В. М. Левина. Записала С. В. Панина.

Приписывается А. М. Горькому. После первых постановок пьесы „На дне“, где исполнялась эта песня, она получила большое распространение в среде рабочих, интеллигенции и студенческой молодежи. Повидимому, вскоре же она проникла в деревню, так как, по словам В. М. Левина, в Софьино она особенно часто пелась в 1905 году.

Об авторстве М. Горького см., книгу Н. К. Пиксанова „Горький — поэт“. Гослитиздат, 1940 г., стр. 190.

Наш вариант отличается от известных вариантов. См. сб. „Песни каторги и ссылки“. Изд. политкаторжан, Москва, 1930 г., стр. 78—81, № 29. Начиная с третьей строфы, песня чаще поется так:

Ах вы, цепи, мои цепи,
Вы железны сторожа,
Не порвать вас, не разбить вас —
Да, эх! никому и никогда.
Не гулять мне, как бывало,
По родимым по полям:

Моя молодость завяла—
Да, эх! по острогам и тюрьмам.
Ах ты, ворон, черный ворон,
Что ты вьешься надо мной?
Аль почуял ты добычу?
Да, эх черный ворон, я не твой.

Далее повторяется первая строфа.

173. Голова ль ты моя удалая. Записана в с. Софьино, Сердобского района, в 1938 г. от И. И. Китаева. Записала С. В. Панина. Китаев слышал эту песню в 1904 г. в тюрьме, куда попал за порубку барского леса. „Лесник мне тогда голову проломил железной палкой,—рассказывал Китаев,—и мне зашивали голову. А потом осудили на 4 месяца. Сидел в кузнецкой тюрьме“.

Эта песня известна была в 1905—1910 г.г. в Камышинском уезде Саратовской губ.

174. От павших твердынь Порт-Артура. Записана в с. Потьма, Ргигевского района, в 1937 году от Мызникова, 59 лет. Записала Т. М. Акимова.

Песня известна и в других местах области. По словам Мызникова, она была широко распространена на фронте. „В Германскую войну ее много знали. А раньше ее не пели—она была запрещенная“. Песня принадлежит Щепкиной-Куперник. Вариант наш близок к вариантам, известным из других мест. См. сб. „Песни каторги и ссылки“, стр. 97, № 36—„На родине“. От Мызникова же записана другая песня о Русско-японской войне „Тоги, Ноги, Камимуры не давали нам житья“.

175. Уж ты, горе, мое горе. Записана в Черемшанах, Хвалынского района, в 1920 году во время экспедиции проф. Б. М. Соколова. По словам певца, песня принесена с фронта империалистической войны. Повидимому, популярность этой песни во время империалистической войны была вторичным явлением. Первоначально же песня получила распространение в период революции 1905 года и имела несомненно революционное значение. Такое вторичное распространение революционных песен во время империалистической войны, накануне событий 1917 года, отмечалось неоднократно разными исполнителями.

176. Голова ль ты моя удалая. Записана в с. Рудня, ныне Сталинградской обл., в 1920 году кружком школьников-краеведов. Она представляет собой близкий вариант известной песни поэта Д. Ф. Клеменца „Доля“ и отличается от вариантов, известных в других местах. Начало нашего варианта близко к началу известной тюремной песни:

Голова ль ты моя удалая,
Долго ль буду носить я тебя,
А судьба ль ты моя роковая,
До чего ты меня довела...

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ И ПЛЯСОВЫЕ ПЕСНИ

177. Что ж ты, хмелюшка, не родишься. (Соб., т. VII, 193—200; Шейн, 919—920; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 2, 2558). Записана в с. Потьма, Ртищевского района, в 1937 г. от Валевой. Записала К. Быкова. Мелодия песни опубликована в сб. „50 песен русского народа“, 50.

178. На горе калинушка стояла. (Соб., т. VII, 189). Записана в с. Пилюгино, Балтайского района, в 1926 г. от Жаровой, 46 лет, неграмотной. Записала М. А. Ванюшина.

179. Возле леснища. (Соб., т. VII, 450; Шейн, 988—997). Записана в с. Софьино, Сердобского района, в 1922 г. М. П. Советовым от И. И. Китаева.

180. Уж ты, рак, родной брат. Записана там же. В 1938 г. фольклорная экспедиция опять записала эту песню от М. В. Левина (с. Софьино) в очень близком варианте.

181. Не пора ли нам, ребята, чужо пиво пить. (Соб., IV, 151, 225, 286 начало). Записана в с. Елшанке, Хвалынского района, от Я. Г. Парфенова. Записала Т. М. Акимова.

Саратовские тексты см. М. Е. Соколов, „Весенние песни“, 88—89.

182. Я с комариком плясала. (Соб., т. VII, 157; Шейн, 631, 633). Записана в с. Ивановке, Хвалынского района, в 1935 г. от хора женщин-огородниц Т. М. Акимовой. Песня свадебная, плясовая.

183. Как жена мужа продала. (Соб., т. VII, 158—159; Шейн, 634—636). Записана там же.

184. Рукавички заложу, а масляницу всё провожу. (Шейн, 1011). Записана в с. Русская Норка, 6. Петровского уезда, ныне Пензенской области, в 1927 г. от Яюкиной Марии. Записала Т. М. Акимова.

185. Подрались Катюха с Марюхой. Записана там же.

186. Как покровский поп. Записана в д. Априяино, Балтайского района, в 1926 г. от А. М. Бочарова, 52 лет, неграмотного, портного. Записала Ф. О. Соскина.

Сатирические песни, высмеивающие попов, в нескольких сюжетах были записаны в Саратовской губернии. В д. Абдуловке в 1925 г. была записана песня про попа. Конец ее такой:

Уж ты батюшка поп,
В сарафане без порток
Обедню поет.
Вот обеденку поет,
Старикам жрать не дает.
Все старушки поколели,
Старики все овдовели,
Жениться хотят.

187. Молодка, молодка молоденькая. (Соб. т. V, 184—196; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 1, 1542, 1553—4, Шейн, 556). Записана в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от Я. Г. Парфенова. Записала Т. М. Акимова.

ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

Песни о жаворонке

188. Жаворонки, прилетите. Записана в с. Ханеневке, Базарно-Карабулакского района, в 1925 г. от детей 7—10 лет. Записала Т. М. Акимова.

189. Жаворонушки, на соломушке. Записана в с. Всеволодчино, Балтайского района, в 1925 г. от школьников 10—12 лет. Записала Т. М. Акимова.

190. Жавороночки. Записана в д. Каменке, Вязовского района, в 1921 г. Записала Т. М. Акимова.

191. Жаворонушки, мои матушки. Записана в с. Русская Норка, быв. Петровского уезда, ныне Пензенской обл., Т. М. Акимовой.

Песни „Жаворонки“ исполняются исключительно детьми и сопровождаются подбрасыванием вверх печеных из теста „птичек“—„жаворонков“. Этот старинный обряд „закликая весны“, имевший в древности магический смысл, обратился в детскую игру: „Пекут жаворонки из теста. На ладоню положат, бросают их вверх и кричат“,—пояснила песню одна девочка.

К детям этот обряд перешел, повидимому, давно. См. описание закликая весны у М. Е. Соколова в Трудах СУАК, вып. 33, 1910 г., стр. 97.

Колыбельные

192. А баю, баю. Записана в с. Н. Жуковке, Куриловского района, в 1924 г. от Тюриной, девочки 14 лет. Записал П. Д. Степанов.

193. Качу, баю за зыбою. (Шейн, 5). Записана там же.

194. А баю, баю, баю, живет Микон на краю. (Шейн, 3—4). Записана там же.

195. У коза-веркота. (Шейн, 19). Записана в с. Болтино, быв. Кузнецкого уезда, ныне Куйбышевской обл., в 1925 г. от детей. Записала Е. Тейльман.

196. Прилетели галки. (Шейн, 13, 29). Записана в с. Н. Жуковке, Куриловского района, в 1924 г. от Тюриной, 14 лет. Записал П. Д. Степанов.

197. А ту-ту, ту-ту, ту-ту. (Шейн, 70). Записана там же.

198. А котики, котики. (Шейн, 20—21). Записана там же.

„Тутушкальные“

199. Тянушки-потянушки. (Шейн, 33—35). Записана на хут. Синенькие, Ворошиловского района, в 1922 г. П. Д. Степановым.

200. Ах, милая моя. Записана в с. Н. Жуковке, Куриловского района, в 1924 г. П. Д. Степановым от Тюриной.

201. Летел петушок. (Шейн, 98). Записана в

с. Болтино, быв. Кузнецкого уезда, теперь Куйбышевской области, в 1925 г. Записала Е. Тейльман.

Песня представляет колядку, певшуюся под новый год. Близкий вариант был записан М. Е. Соколовым в начале XX века (см. Труды СУАК, вып. 33, стр. 99). Мелодия опубликована в сб. „50 песен русского народа“, 5.

202. Сорока, сорока. (Шейн, 45—49). Записана студенткой в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от детей 7—8 лет.

203. Поедем, хозяйюшка, со мной на базар. (Соб., т. VII, 484—486). Записана там же.

Песни-игры

204. Заинька, во кружок. (Соб., т. VII, 594—6; Шейн, 353; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 2, 2712). Записана в д. Каменке, Вязовского района, в 1922 г. от детей. Записала Т. М. Акимова.

Прежде исполнялась девушками, как игровая, в хороводах.

205. Заинька, серенький, где ты был. (Соб., т. VII, 492—499; Шейн, 448—52; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 1, 1217). Записана в с. Ханеневке, Базарно-Карабулакского района, в 1925 г. от группы детей. Записала Т. М. Акимова. Саратовские записи — М. Е. Соколов, „Весенние песни“, 57.

Прежде исполнялась весной в хороводах.

206—207. Игра в прятки. Записана в с. Русская Норка, ныне Пензенской обл., в 1927 г. от группы детей 8—10 лет. Записала Т. М. Акимова.

208. Как, как утёна по лугам ходила. (Соб., т. VII, 585—6; Кир., „Н. с.“, вып. 2, ч. 2, 2927). Записана там же.

209. Заинька, заинька, серенький. (Соб., т. VII, 682—7). Записана студенткой в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от группы детей.

См. М. Е. Соколов, „Весенние песни“, 55—56.

Считалки

210. У бы... у бы... у быка. Записана в с. Всеволодино, Балтайского района, в 1925 г. от детей 7—10 лет. Записала Т. М. Акимова.

211. Шла кукушка по мосту. Записана в с. Поповке, Хвалынского района, в 1935 г. от группы детей. Записала Т. М. Акимова.

212. Домик, домик двухэтажный. Записана там же.

Песни-прибаутки

213. Болтушка. (Шейн, 967—969). Записана в с. Софьино, Сердобского района, в 1938 г. от М. В. Лёвина. Записала С. В. Панина.

214. Белый зайчик. (Шейн, 252). Записана в с. Потьма, Ртищевского района, в 1937 г. от детей 8—9 лет. Записала Т. М. Акимова.

215. Летел, летел скворец. Записана в с. М. Сердоба, ныне Пензенской обл., в 1930 г. от А. Куликовой. Записала Т. М. Акимова.

216. Ты пойдешь, моя радость. (Шейн, 25; 82—83). Записана там же.

217. Да поехал мужичок. Записана в с. Всеволодино, Балтайского района в 1925 г. от детей 7—10 лет. Записала Т. М. Акимова.

218. Туру, туру, пастушок. (Шейн, 91—92. Далекие варианты). Записана в с. Н. Жуковка, Куриловского района, в 1924 г. от Тюриной. Записал П. Д. Степанов.

ЧАСТУШКИ

С 219 по 229. Записаны в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от хора девушек. Записала Т. М. Акимова.

С 230 по 242. Записаны в с. Поселок, Черкасского района, в 1920 г. от хора девушек. Записал М. П. Советов.

С 243 по 250. Записаны в с. Вязовке, того же района, в 1920 г. Записала А. Тюрина от хора девушек.

С 251 по 253. Записаны в д. Каменке, Вязовского района, в 1921 г. от хора девушек. Записала Т. М. Акимова и Н. М. Цыганова.

ЗАГАДКИ

254, 255, 258, 262, 269, 272, 279, 298, 304, 310, 312, 313, 315, 316, 318, 321, 326, 327, 333, 340, 341. Записаны в с. Еремкино, Хвалынского района, в 1935 г. от Миши Учаева, школьника 12 лет. Записала Т. М. Акимова.

304—старинная загадка, отражающая черты собственнических взглядов крестьян, плетень—примитивный хранитель границ этой собственности.

256, 273, 292, 293, 302, 303. Записаны студенткой в с. Шаховское, быв. Хвалынского уезда, теперь Ульяновской обл., в 1920 г. от группы детей 10—14 лет.

257, 261, 309, 339, 342, 357. Записаны в с. Куракино, Сердобского района, в 1938 г. от детей. Записала Д. Бернер.

259, 260, 271, 290, 291, 301. Записаны в с. Шиковка, быв. Хвалынского уезда, теперь Ульяновской обл., в 1920 г. от группы детей 10—12 лет.

263, 264, 265, 282. Записаны в с. Поповка, Хвалынского района, в 1935 г. от Матрешы Чурсиной, 8 лет. Записала Т. М. Акимова.

266, 328. Записаны в с. Н. Жуковка, Куриловского района, от детей 12—14 лет П. Д. Степановым.

267, 268, 270, 283, 285, 286, 305, 306, 314, 320, 323, 335, 344, 349, 352. Записаны в с. Русская Норка, ныне Пензенской обл., в 1925 г. от группы девушек. Записали Т. М. Акимова и В. П. Воробьев.

274, 275, 276. Записаны в с. Бельщино, Макаровского района, от группы детей 8—12 лет. Записала К. Быкова.

277, 322, 324, 325. Записаны в д. Каменка, Вязовского района, в 1921 г. от детей 10—13 лет. Записала Т. М. Акимова.

278, 350, 351. Записаны в с. Чириково, Турковского района, в 1936 г. от группы детей 10—12 лет. Записал Е. С. Гурьянов.

280, 281, 287, 288, 289, 299, 300, 337. Записаны в с. Базарный Карабулак, того же района, в 1920 г. от группы девушек. Записала Т. М. Акимова.

284, 331, 332, 346, 347. Записаны в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от группы молодежи. Записала В. Ю. Крупянская.

294, 297, 354, 355, 356. Записаны в районном с. Макарово в 1937 г. от детей 8—10 лет. Записала Т. М. Акимова.

295 — 296. Записаны в с. Поповке, Хвалынского района, в 1935 г. от детей 12—14 лет. Записала Т. М. Акимова.

Среди приведенных загадок много очень старых. В некоторых можно усмотреть следы иного способа мышления, чем тот, который свойственен современному культурному человеку, — некоторую диффузность мышления, когда какое-нибудь явление воспринимается сознанием человека и передается в речи не в изолированном виде, не расчлененно, а со многими сопутствующими ему моментами:

Тяф, тяфтюлька,
Вставай, завязулька,
Страх у ворот
Телушку уволок.

В разгадке, должно быть, — привязанная сторожевая собака, а в загадке целая картина: волк (страх) унес телушку, вставай, сторожевая собака!

Как и в некоторых других, в загадках №№ 296 и 297 используются звукоподражательные слова и наблюдается словотворчество:

Четыре чetyрки (ноги),
Две растопырки (уши),
Один помело (хвост),
Два, как яхонты, горят (глаза).

В целом — корова.

Или:
Дваста бодаста,
Четыре ходаста,
Один махтырь,
Два утыльда.

Все слова являются новыми, но созданными из слов, обозначающих связанные с данным предметом понятия: бодаста, ходаста (слова, созданные окончанием по типу старинного двойственного числа), слово утыльда образовано от малоупотребительного в настоящее время утылый — тучный, жирный и здесь обозначает бока коровы.

307, 308, 311, 317, 319, 343, 345, 348. Записаны в с. Кура-

кино, Сердобского района, в 1938 г. от группы детей 8—10 лет. Записал В. П. Степанов.

329, 330, 334, 336, 338, 353. Записаны в д. Агеевка, Турковского района, в 1936 г. от группы детей Н. П. Кашеевым.

358. Записана в с. Софьино, Сердобского района, в 1938 г. от группы молодежи.

НАРОДНАЯ ДРАМА

359. Как француз Москву брал. Записана в с. Б. Сестренки, Кистендейского района, в 1919 г. от старика Н. Е. Чуркина. Записала А. Ф. Земскова.

Текст драмы оригинален и до сих пор в русском фольклоре отмечен не был. Принесена драма Н. Е. Чуркиным с военной службы, где он разучил ее на солдатской сцене вместе с драмой „О царе Максимилиане“ (тоже записанной А. Ф. Земсковой). Сам Чуркин играл в этих драмах главные роли и потому знал тексты их наизусть.

В крестьянской обстановке драма „Как француз Москву брал“, повидимому, не ставилась. Комедия о царе Максимилиане была поставлена Чуркиным. Когда он пришел с военной службы с Кавказа, то „сыграли эту комедию на святках в Сестренках с баклушинскими артистами, тоже солдатами. В Петра Васильевича Бахметьевой избе было у нас представление“, — вспоминает Чуркин.

Комедия возникла, повидимому, в солдатской среде. Об этом говорит ее язык: „Что изволите, ваше величество“; „Как братцы, наши литируют?“ — „Отступили на целый марш...“; „Как, братцы, мы их победили, новыми лаврами себя наградили, вечернок 25 тысяч корпусов взяли“ и др. Показательно в этом отношении включение в драму текста приговора, дающего юмористическое пародирование официальных указов: „Его императорское величество со изволения царя Наполеона приказал пленного Потемкина ранить, потом убрать“.

По форме комедия от 1812 года очень близка к известной народной драме „Царь Максимилиан“, длительное время бытовавшей тоже на солдатской сцене. Эта близость видна в композиции всей драмы, в составе действующих лиц, композиционном своеобразии главных ролей, и, наконец, в непосредственном заимствовании целых сцен (сцена с доктором и сцена со стариком-гробocopателем).

Однако формальная близость не говорит о близости этих драм по содержанию. Конкретно-историческая тема, все эпизоды сюжета драмы и главные действующие лица — всё это связывает новую комедию с подлинными фактами прошлого, чего не имеется в драме о Максимилиане.

Идейно и сюжетно драма „Как француз Москву брал“ очень близка к многочисленному и разнообразному народному творчеству, посвященному Отечественной войне 1812 года. Эпизод, рассказывающий о солдате, отрубившем себе руку, чтобы не служить во французской армии, сатирическая обри-

товка Наполеона и его войск в глубоком русском тылу и вместе с тем героическая трактовка образа русской женщины-крестьянки, борющейся с неприятелем—все это сближает содержание нашей драмы с народными лубочными картинками (см. Д. А. Ровинский, „Русские народные картинки“, т. II, Спб., 1881, стр. 153; картинки о старостихе Василисе; картинки с Наполеоном и „Русский Сцевола“). Близко ее содержание и к народным песням об этой войне (см. приведенные в нашем сборнике варианты песни „Шут на острове родился“), которые одинаково с нашей комедией изображают эпизоды народной партизанской войны и голодающей армии Наполеона.

Комедия „Как француз Москву брал“ сохраняет традиции народного солдатского театра в использовании произведений народного творчества в качестве цитат. Прощальный монолог Потемкина начинается словами солдатской песни:

Хоть Москва в руках французов,
Но это, право, не беда.
Наш фельдмаршал, князь Кутузов
Их на смерть пустил туда.

(См. Киреевский, вып. 10, стр. 150, где приводится народная обработка этой песни, оригинал которой принадлежит поэту И. Кованько. Солдатский ее вариант напечатан в сб. Попова „Боевые песни русского солдата“, 1893, стр. 152, № 45).

Комедия о войне 1812 года возникла, повидимому, спустя некоторое время после войны. Об этом говорят ее анахронизмы. В комедии действует Потемкин, екатериновский вельможа, но русский император начала XIX в. назван Александром *Николаевичем*. В цитате о русской женщине, жертвующей на военные нужды свои сокровища, можно усмотреть искажение имени графа Орлова-Чесменского—екатерининского вельможи и полководца. Все эти имена могли попасть в комедию из солдатской же поэзии, главным образом, из солдатских боевых песен. Но хронологически они спутаны с иной эпохой и иными событиями. Может быть, эта путаница объясняется тем, что драма была создана в период Крымской кампании, когда, естественно, воскресла память о турецких войнах XVIII в. и песни о них с именами полководцев Потемкина и Орлова-Чесменского. К этому же времени приурочивается и имя русского царя.

Центральный эпизод нашей комедии, изображающий отказ Потемкина изменить своему государству и перейти на службу к Наполеону, близко напоминает отдельные эпизоды войны 1812 года, пересказанные в литературе того времени и в позднейших лубочных изданиях. Однако в нашей драме эпизод этот отличается чисто народным оформлением. (См. рассказы о помещиках Шубине и Энгельгардте в луб. изд. „Год русской славы“, Спб., 1911, стр. 41, изд. Ф. А. Тарапыгина или лубочное же издание „Подъем народного духа в эпоху Отечественной войны 1812 г.“ и др.). Вместо напыщенного официально патристического тона в описании таких эпизодов в литературе, народная драма передает этот эпизод просто и выразительно, по-народному, включая лирическое народное причитание.

СКАЗКИ

М. В. АЛЕШИНА

М. В. Алешина—бодрая, жизнерадостная, приветливая женщина 68 лет (в таком возрасте она была, когда встретились с ней собиратели в 1937 году). Держится М. В. прямо, не постарушечьи, ничуть не горбясь. Говорит тихо, не спеша, смеется больше одними глазами.

В большом районном с. Макарове М. В. все хорошо знают. Она пользовалась у односельчан всеобщим уважением. Жизнь Марии Валентиновны прошла в тяжелой бедности. 26 лет она осталась вдовой с четырьмя детьми и вынуждена была исполнять не только женскую работу по дому, но и работать в поле за мужа. «Когда я осталась вдовая, молоденькая, ну что же? К женщине не пойдешь, мне надо пахать, бороновать. Я иду на улицу, сидят женщины. Я иду мимо их прямо к мужикам, с ними говорю. А бабы судят: „Вон она, только муж помер, молоденькая, а уж по мужикам пошла“. А я говорю: „Что мне с вами? Что если напрясть—я сама лучше вас напяду. Что если наткать—я сама лучше вас натку. Ну, что же мне с вами?“ Я и иду прямо к мужикам».

М. В. давно выдавала замуж всех своих дочерей, «вывела в люди», как она говорит, и жила с внучкой Валей, которая в 1937 году училась в 10-м классе школы в своем селе. Валя очень любила свою «бабаню», хотя иногда слегка и подсмеивалась над ней. Валя принимала большое участие в записях сказок от М. В. Она присутствовала почти при всех записях и напоминала своей бабانه некоторые сказки, когда та забывала.

Жила М. В. в довольно просторном доме дочери, половину которого у нее занимала учительница их села. В доме исключительная чистота и порядок. Очень чистенько и опрятно одета и сама хозяйка и ее внучка. Мы видели, что несмотря на свой преклонный возраст, М. В. управляет все по дому, работает в огороде, ходит в лес за дровами и т. д.

Сказок М. В. знала много. Но в последнее время она многие уже позабыла; часто М. В. называла нам сказку и обещала ее вечером вспомнить. На другой день она рассказывала эту сказку без всяких задержек своим обычным медленным темпом. Записано от М. В. двадцать сказок. Репертуар ее характерен для обычного репертуара саратовских сказочников. Большое место занимают сказки волшебные, но ее бытовые сказки, пожалуй, ярче и интересней. Вообще ее интересует прежде всего тематика семьи и дома. Очень яркие образы старух, стариков, тонко обрисованных в смысле психологическом; таковы: старик со старухой, тоскующие о том, что у них нет детей (сказка «Снегурушка»), особенно хорошо дан образ одинокой старухи, которая делает себе Глинку, как будто для того, чтобы она ей помогала по хозяйству, на самом же деле исключительно для того, чтобы было с кем поговорить и кем «повелевать». Ярko даны в сказках Алешинной образы сварливых жен

(„Жена самолюбивая“, „По вилюлькам“). Вообще М. В.—защитница женщин. И в тематике, воспринятой ею, конечно, очень давно, немало сказок, рисующих бесправное, тяжелое положение женщины („Безручка“, „Про полковника“). Многие сказки М. В. знает еще с детства.

„У меня отец занимался овчинами. И эта работа такая—нельзя одному. Надо несколько человек, ему помогали двое. Вот нам работник и говорит: „Ну, ребята, приходите к нам сказки слушать, будем сказывать“. Мы придем. Сядем на шесток, перемажемся все. Нас было пять человек. И сидим, слушаем. И отец рассказывает, и работник, и мать придет расскажет, и бабушка. Вот и слушаем“.

Последнее время М. В., повидимому, мало приходится рассказывать да и память стала не та. Нашей просьбе Мария Валентиновна ничуть не удивилась. Спокойно, с шуткой стала рассказывать и, только когда рассказала одну сказку, уже стала расспрашивать, зачем это нам нужно. Рассказывает она тихим голосом, без каких-либо резких интонаций, сравнительно медленно. Выразительность ее рассказа исключительная. Члены экспедиции, занятые другим делом, отрывались от своих записей специально для того, чтобы притти послушать М. В., и все получали истинное удовольствие от ее сказывания. Между сказками она вставляет мелкие замечания о своей личной жизни, об окружающем.

Вместе со сказками мы приводим записанные у нее предания о крепостничестве (три ее былички о своем отце и дедушке, б. крепостном, и о их взаимоотношениях с баринном). Мы приводим почти все сказки, записанные нами от М. В. Алешиной за тот короткий срок, который мы могли пробыть в селе Макарове. Опускаем за недостатком места две большие волшебные сказки „Зеленый“—о незнайке-герое, спасающем царских дочерей от змея (по Указателю Андреева, 532) и „Про несчастного сына“—волшебная сказка о путешествиях купеческого сына.

Записи от М. В. сделаны Т. М. Акимовой и б. студентом Саратовского государственного университета Н. Н. Мельниковым. Записывали поочередно, один из записывающих—один небольшой абзац сказки, другой—следующий абзац, что давало возможность совершенно не прерывать сказочницу.

Сказки М. В. Алешиной были записаны в 1937 г., 15, 16, 17, 18 сентября.

360. Петух и жерновцы. (Андреев, 715). Старик не дает старухе зайчатины. Они делятся. Старухе достаются жернова и петух. Барин отнимает у старухи жернова. Дальше сюжет близок к Андр. Петух требует жернова. Барин велит его посадить то в старые книжки, то к свиньям, то в колодец, то в огонь, то в сундук с деньгами. Петух отовсюду выбирается и приносит старухе деньги. Конец обычный.

Имеется запись из с. Болтино, быв. Кузнецкого уезда. В этом втором варианте петух обличает барина, который катается с девушками на речке. Барин велит бросить петуха в воду,

в огонь. Он отовсюду спасается. (См. комментарии к сказке в сб. Афанасьева, 1938, т. II, стр. 595—596).

361. Г л и н к а. (Андреев, 333* В. Иной сюжет). Старуха делает себе Глинку, чтобы было кем „повелевать“. Потом моет ее и Глинка распускается в воде. Сюжет интересен со стороны бытовой трактовки.

362. Снегурушка. (Андреев, *703 и *314). Сказка М. В. Алешиной является наиболее известным вариантом сюжета Андр. в нашем Поволжье, где соединены сказки „Снегурушка“ и „Бычок-спаситель“. Имеются варианты из Хвалынского района—1935 г., Сердобского—1938 г. и Куриловского района—1922 г. (См. комментарии в сб. Афанасьева, 1938, т. II, стр. 604).

363. Старик со старухой воевали. Характерная для репертуара М. В. Алешиной сказка с бытовой картинкой в сюжете. Аналогии в Указателе Андреева нет.

464. П о в и л ю л ь к а м. Жена требует у мужа проделать к бане дорожку через снег, но не прямую, а по „вилюшкам“. Муж в бане бьет строптивую жену. Она бежит от него прямой дорогой.

Тема о строптивой и упрямой жене — широко известная сказочная тема, но сюжет М. В. Алешиной не имеет аналогий.

365. Жена самолюбивая. (Андреев, 1365 А.). Муж не велит жене приносить ему в лес блинов. Она делает всё напротив. Не велит рубить дрова — она нарубила целый воз. Не велит брать камней в подол и трястись на жердочке через речку — она не слушает... и тонет.

Сюжет Алешиной отличается от сюжета „Упрямая жена“, Указателя Андреева. (См. комментарии в III т. сказок Афанасьева, 1939, стр. 459).

366. Мальчик с пальчик. (Андреев, 700, 1573, *1575 *). Мальчик с пальчик несет отцу блины. Пашет. Его видит барин и покупает у старика. Мальчик убегает. Ночью идет в дом попа, прячется за икону и во время переполоха (после того, как выпачкал гущей дочерей) требует из-за иконы у попа денег. Приносит деньги родителям.

Варианты были записаны в с. Ботманово, Турковского района, 1936 г., в с. Бельшино, Макаровского района, 1937 г. В бельщинском варианте малыш—внук хорошо поет песни и за это его покупает барин. Сюжет М. В. Алешиной сложнее: она соединяет сатирическую сказку о барине и сатирическую же о попе. (См. комментарии в сб. Афанасьева, 1938, т. II, стр. 650).

367. С ы н о ч е к В а н ю ш к а. (Андреев, 327 С). Ванюшка уходит в лес и попадает к ведьме. Его хотят изжарить. Он сам толкает дочь Бабы-яги в печку. Влезает на березу, которую грызет Баба-яга. Его спасают гуси-лебеди.

Сюжет очень популярен в саратовском Поволжье. Обычно он начинается с чудесного происхождения сына (Лутони, Фи-филюшки). (См. варианты в сб. „Сказки Саратовской обл.“, 1937 г., саратовский вариант приведен у Афанасьева, 62. Комментарии в сб. Афанасьева, 1936, т. I, стр. 581—587. Мотив ма-

танья на костях Д. К. Зеленин связывает с магическими представлениями: покататься на чужих костях—значит получить чужую силу.)

368. Д в е д о ч е р и. (Андреев, 480 *С). Сюжет М. В. Алешиной очень близок к отмеченному в Указателе Андреева. Сказка необычайно распространена в Саратовской области. Особенно популярна у детей. Записаны варианты в Хвалынском районе—1935 г., Турковском—1936 г., Макаровском—1937 г. и др. („Про мотушечку“, „Морозко“ и др.). (См. комментарии сб. Афанасьева, 1936, т. II, стр. 575).

369. П р о В а н ю ш к у-д у р а ч к а. (Андреев, 530 А). Сказка широко распространена в саратовском Поволжье. Имеются записи из с. Чириково, Турковского района, с. Куракино, Сердобского района, с. Б. Сестренки, Кистендейского района, с. Кутьино, Ново-Бурасского района. Прекрасный вариант записан в г. Саратове от Стрепенкова. Сюжет этот обычно оформляется в стиле типично волшебной сказки. (См. комментарии в сб. Афанасьева, 1938, т. II, стр. 589—592).

370. П р о п о л к о в н и к а. (Андреев, 1651*, 882 А). Младший из трех сыновей едет в такое государство, где не знают соли. Продает там соль и выручает большие деньги. Братья сбрасывают его с корабля, но он спасается и приезжает домой. Всё выясняется. Младший брат женится, но из-за наговоров братьев плохо обращается с женой. Она от него уходит и поступает в чужом государстве на военную службу. Достигает чина полковника. Муж приезжает сюда же и нанимается к ней в денщики. Полковник хорошо кормит денщика, но за каждую провинность бьет. Едут домой. Всё раскрывается в доме отца.

Сказка М. В. является далеким вариантом сюжета о верной жене. Но в варианте М. В. Алешиной начальный эпизод (спор мужа о верности жены) выпал, и благодаря этому в ее сказке получается логическая неувязка в изложении. Непонятна причина разлада супругов и ухода жены. Центр интереса переносится на вопросы семейных отношений. (См. комментарии в сб. Афанасьева, т. III, стр. 428, а также анализ этого сюжета в сб. Азадовского, Русская сказка, т. II, стр. 184—187).

371. Б е з р у ч к а. (Андреев, 706—707). Брат наказывает сестру по клевете жены. Отрубает ей руки и выгоняет из дому. Она скитается в лесу, потом выходит замуж за нашедшего ее царевича. Рождает двух сыновей. Посылают об этом известие к ее мужу-царю. Сноха безручки, у которой остановился курьер, исправляет письмо. Безручку выгоняют из дворца. Она скитается с сыновьями. Ее детей уносят медведь и волк. Она исцеляется. Все собираются в доме брата и снохи. Здесь же, на постоянном дворе, останавливается и царь. Дети безручки рассказывают сказку, в которой описывают всю свою жизнь. Всё выясняется.

Широко распространенный в нашей области сюжет. Имеются записи из Хвалынского, Сердобского, Кистендейского районов. Вариант М. Т. Сесина (с. Куракино, Сердобского района) соединен с сюжетом „Чудесные дети“. У М. В. Алешиной сюжет „Чудесные дети“ использован мимоходом и не в фантастической, а в бытовой части. Нередко этот сюжет передается

близко к № 883, по Указателю Андреева. (См. комментарии в сб. Афанасьева, 1938, т. II, стр. 639—646).

372. Про лягушку-царевну. (Андреев, 402, 400, 302). Сюжет М. В. Алешиной очень сложен: начало о „Царевне-лягушке“ (Андреев, 402) соединено с сюжетом „Муж ищет исчезнувшую жену“ (Андреев, 400) и „Кашеева смерть в яйце“ (Андреев, 302). Использован Алешиной и сказочный эпизод о помощи герою благодарных животных („Охота“). Этот сказочный эпизод необычайно широко известен в нашем Поволжье и встречается в разных сказочных сюжетах. Фантастические мотивы в сказке Алешиной несколько тусклы. Мало интереса она проявляет и к сказочной обрядности. (См. комментарии в сб. Афанасьева, 1938 г., т. II, стр. 633 и 1936, т. I, стр. 627).

373. Португей-прапорщик. (Андреев 301*С, 315*В). У царя исчезает дочь. Ее вызывается отыскать Португей-прапорщик. Поочередно варят обед. Португей спасает царевну, но спутники ее увозят, оставив его на острове. Прапорщик выбирается с помощью волшебных цветов, полученных от хозяина, у которого он прослужил год. Дома всё выясняется. Он женится на царевне.

Дальше присоединяется сюжет о „Неверной жене“. Жена хочет известить мужа. Узнает, в чем его сила и отправляет его волшебную шашку своему возлюбленному. Его побеждают войска любовника жены. Он возвращается к волшебнику. Потом опять едет к жене и расправляется с ней после ряда превращений. Сам женится на помогавшей ему горничной.

Сюжет широко известен в прихоперских районах. Имеются записи из с. Баклуши, Кистендейского района, и из с. Куракино, Сердобского района от М. Т. Сесина. (См. комментарии в сб. Афанасьева, 1936, т. I, стр. 602—607 и 1938, т. II, стр. 606).

374, 375 и 376. Былички.

П. К. АРТЕМЬЕВ

П. К. Артемьев в 1936 году, когда мы записывали у него сказки, сторож колхозного сада, 65 лет. Жил в с. Чириково, Турковского района. П. К. в прошлом бедняк, испытывший тяжелую жизнь в барском доме, где он был батраком и перенес много унижений и оскорблений. Только после Великой Октябрьской социалистической революции Пётр Кондратьевич познал подлинную свободу и чувство своего человеческого достоинства, и он это постоянно отмечал.

В сказках Артемьева наибольшим своеобразием является особая склонность к темам о классовых отношениях между людьми, к темам социальным. Он дает четкие классовые характеристики своим героям, уточняет социальную обстановку, описываемую в сказках. Факты социального порядка П. К. выдвигает на первый план даже в волшебных сказках.

В его сказках „Барин и кучер“ и „Жестокая барыня“ рисуется крепостническая деревня; в сказках „Про купцов“ и „Нужда“ показывается купеческая среда. В сказке „Нужда“ хо-

рошо отражены взаимоотношения купцов и крестьян. Сказка „Поп и работник“ рисует поповский быт и поповское хозяйство. Сказки „Иван Зажигателев“, „Король Экзимант“, „Иван-дурак“ и „Гришка и змей“—волшебные сказки, рисующие придворную обстановку. Интересна последняя из них—„Гришка и змей“, пытающаяся воспроизвести придворную обстановку в предреволюционное время.

П. К.—типичный сказочник-реалист. В своем сказывании он переносит в реалистический план не только бытовые, но и чисто волшебные сюжеты, которые занимают наибольшее место в его репертуаре. Самая фантастика его мало интересует, потому что она, как он говорит, „сбывается“, воплощается в жизнь, благодаря победе социализма, поставившего технику на службу народу. „Теперь все сбывается так, как в сказке говорилось. Раньше не верилось, что все сбудется, что в сказках. А оно сбывается“,—говорил П. К.

Раскрывая фантастику в одних сказках, Артемьев в других просто пренебрегает ею. Совершенно легко разрушает он сказочную традицию чудесного превращения Ивана-дурака в умного и красивого царевича. Он просто опускает этот эпизод. Попадая в трудное положение, Иван-дурак говорит своей невесте Елене Премудрой: „Ну, ты теперь за меня думай. Я всегда был тупоумым у отца, как Иванушка-дурачок“. Ну она говорит: „Мне за дурачком лучше жить будет“, и начала действовать самостоятельно.

Реалистичности сказок Артемьева значительно способствуют бытовые детали в обрисовке обстановки, описываемой им в сказках. Особенно интересна в этом отношении сказка „Жестокая барыня“ (широко известный в прихоперских районах волшебный сюжет). Артемьев переносит действие в четко обрисованную крепостническую обстановку, знакомую по историческим преданиям. В сказке „жестокая барыня“, можно думать, он воспроизводит б. помещицу соседней деревни Агеевки, Унковскую.

Большую роль играет в творчестве Артемьева дидактический элемент. Он мимоходом вставляет то пословицу („Но ночная кукушка всегда дневную перекукует“), то поговорку, то оценочное замечание. Во многих сказках Артемьев ставит оценочные замечания в конце сказки, подводя как бы итог всему сюжету, рассматривая героев с точки зрения колхозника, советского гражданина. Он расправляется с купцами-эксплоататорами, перенося события в послереволюционную обстановку (в сказке „Про купцов“).

Артемьев высоко ценит исторические жанры фольклора. Он с большим удовольствием пел исторические песни, рассказывал исторические предания. В своем селе П. К. организовал самодеятельный хор, главным образом, из стариков. Хор этот исполнял старинные народные песни.

Сказки Артемьева записали Т. М. Акимова и Е. С. Гурьянов в августе 1936 года, во время пребывания фольклорной экспедиции в селе Чириково, Турковского района.

377. Жестокая барыня. Сказка П. К. Артемьева не укладывается в схему типичных сюжетов. Частично она сближается с сюжетом Указателя Андреева, 315 А, в других же эпизодах ее можно сопоставить с сюжетом—931, II. Но все эти параллели довольно далеки от сказки „Жестокая барыня“.

Мать хочет известить пасынков. Велит зарезать сына и зажать его сердце. Лакеи дают ей изжаренное сердце щенка и спасают детей, уведя их в лес. Там их воспитывает львица. Дети возвращаются в родное село и расправляются с мачехой. Центром внимания в сказке являются картины жизни и нравов крепостной деревни. (Сказка была напечатана в сб. „Сказки Саратовской области“, 1937).

378. Поп и работник. (Андреев, 1000, *1012 1, 650 А, 1045, 1072, 1071, 1084, 1132, 1120, 1653 В). Широко известный сюжет о попе и работнике. Эпизодами борьбы с чертом сближается с сказкой А. С. Пушкина „О попе и работнике его Балде“. Тема необычайно популярная. Встречается в репертуаре почти каждого значительного сказочника. Много таких сказок было записано от мальчиков 12—15 лет. (См. комментарии в сб. Афанасьева, 1938, т. II, стр. 622—624).

379. Про купцов. (Андреев, 860). Текст близок к известным вариантам. Сын купца едет за море в поисках красавицы. Находит ее. Делает подкоп, знакомится с ней и увозит ее.

В прихоперских районах сделано 4 записи вариантов этой сказки.

380. Ванюшка-дурачок. (Андреев, 550). Три брата едут за жар-птицей. Ее добывает младший брат, добывает он также желтогривого коня и Елену Прекрасную. Братья завладевают его добычей. Елена Прекрасная подбрасывает вместо себя чучело и помогает Ивану-царевичу раскрыть обман братьев. (См. комментарии в сб. Афанасьева, 1938, т. II, стр. 582).

381. Про нужду. (Андреев, *1528 1, 1535 А, *1360 1). Близкий к публикуемому вариант записан еще в с. Софьино, Сердобского района. Первая часть сюжета встречается довольно редко.

Купец просит кучера показать ему Нужду. Тот велит ему сесть в реку и ждать, а сам угоняет его лошадей. Продрогнув, купец вылезает из воды, ловит сову, идет в деревню и там подглядывает в окно дьякона в гостях у любовницы. Открывает мужу, вернувшемуся домой, тайны жены. Дьякон изгнан в виде чорта. Купец говорит, что это всё открывает сова и дорого ее продает. (См. комментарии в сборнике Афанасьева, т. III, стр. 463.)

СКАЗОЧНИК САВИХИН

От Савихина нами записаны только сказки: других фольклорных жанров он не исполняет.

Савихин в 1936 г.—36-ти лет, конюх колхоза с. Трубетчино, Турковского района. В селе Савихин пользовался широкой известностью как сказочник. Про него говорили, что он мог одну

сказку рассказывать четыре вечера подряд. Действительно, сказки его все очень длинные, волшебные, с массой фантастических приключений, необыкновенных подвигов героев и с привлечением разных волшебных предметов.

Центром внимания в сказках Савихина являются моменты психологические, которые он тщательно отделяет: детально останавливается он на переживаниях героев, на настроениях их и т. д. Он боится резких, грубых положений, тщательно смягчая все конфликтные моменты. Характерна для волшебного стиля Савихина особая гиперболизация.

От Савихина записано, к сожалению, очень немного—всего три волшебных сказки и одна быличка о крепостничестве. Мы приводим только две сказки. Третья сказка „Орел и охотник“—сложная фантастическая, с интересной присказкой, не печатается. (См. по Указателю Андреева, 222* В, 553, 313 В, и 302).

Сказки Савихина записаны Т. М. Акимовой и Е. С. Гурьяновым в с. Трубетчино в августе 1936 г., во время фольклорной экспедиции в Турковском и Кистендейском районах.

382. Два брата. (Андреев, 567 и 303; дополнительно И. Карнаухова, Сказки Северного края, М., 1934 г. и М. Коргуев, Сказки карельского Беломорья, т. I, 1939 г.).

Два брата съедают сердце чудесной утки и становятся богачами. Отец выгоняет их по наговору завистника-дяди. Братья живут в лесу. Заводят „охоту“. Расходятся в разные стороны. Один попадает в город, где выручает царевну от змея; становится царем, после того как при помощи своей охоты раскрыл обман прохожего, выдававшего себя за победителя змея. Царь идет охотиться и встречает ведьму, которая превращает его охоту в камни. Брат ищет его и спасает от чар. (См. комментарии в сб. Афанасьева, т. II, стр. 601—602 и т. I, 1936, стр. 626 и 627).

383. Про царя и двух мастеровых. (Андреев, 575 и 873; дополнительно Азадовский, Русская сказка, т. II, 21; М. Коргуев, т. I, 1939). Сюжет этот известен и в форме былины „Подсолнечное царство“ (Рыбников, М., 1909, т. I, 36).

Царевич на аэроплане, сделанном для отца, летает к царевне в терем. Отец царевны узнает об этом, велит ее казнить. Царевич на аэроплане увозит ее. У них родится сын, которого они оставляют у старушки, а сами уезжают к родителям царевича. Их сын Иван Счастливый становится купцом. Попадает в царство отца. Устраивает подкоп к дочерям царя. Царь узнает, велит его казнить. Во время казни царь узнает сына по имени-му перстню.

384. Как я служил у барыни кучером. Быличка. (Напечатана в сб. „Сказки Саратовской обл.“, 1937.)

М. Т. СЕСИН

Михаил Терентьевич Сесин, колесник села Куракино, Сердобского района,—известный сказочник. Сказки он рассказывает давно, и в селе говорят, что, бывало, его слушали целые ночи напролет. Рассказывает он их и членам своей семьи и односель-

чанам. В 1938 г., когда от Сесина производились записи сказок, ему было 43 года.

В прошлом — это крестьянин-бедняк. С семи лет он был отдан в ученики к ямщику, с девяти лет стал учеником кустаря-колесника. Впоследствии М. Т. стал работать колесником самостоятельно, чаще всего бродя по селам („по сторонам“, как он говорит) в поисках работы; после Октябрьской революции стал работать в своем родном селе.

Сесин всегда любил книги. „По воскресным дням, — рассказывает он, — сейчас пойду на рынок, на базаре все книжки проверю“. Читал он, повидимому, много приключенческой литературы в лубочных изданиях.

Основная часть его репертуара — крупные волшебные сказки, которые он рассказывает с большим увлечением, причем относится к многим сказочным событиям как к подлинной действительности. Любит М. Т. и юмористические сказки, и небылицы, рассказывает и некоторые памятные события действительной жизни.

Всего от Сесина за четыре дня было записано 22 сказки, что составляет лишь некоторую часть его репертуара. Из этих сказок 8 больших волшебных, среди них: „Портупей-прапорщик“, „Иванушка-дурачок“, „Как львица воспитала царского сына“ (сказка, близкая к сюжету жития о Евстафии Плакиде), „Иван из рыбьей кости“ (сюжет о поисках царевны исчезнувшего мужа „ясного Сокола“), „О бое со змеем“ и др. Героем сказок Сесина нередко является солдат, который вместо офицера женится на царской дочке, бьется со змеем („Про солдата, генерала и ржавую шашку“) и др. Из 14 бытовых сказок Сесина шесть антипоповских: про попа и работника, дележ урожая попом и чортом, сказка-анекдот, пародирующая церковную службу, и другие. К сожалению, репертуар Сесина приводится далеко неполно.

Интересны его анекдоты, рисующие факты действительной жизни, о Куракине, а также некоторые рассказы на темы крестьянского быта. Среди анекдотов — несколько солдатских, где солдат рисуется героем. Многие из анекдотов неудобны для печати.

В империалистическую войну Сесин был на фронте и там рассказывал свои сказки и часто слушал сказки других сказочников.

Сесин — человек бодрый, жизнерадостный. Таким его видели члены фольклорной экспедиции в 1938 году.

Сказки М. Т. играют большую роль в жизни семьи. Жена его рассказывала, что она в тяжелые минуты „отводила душу“, слушая его сказки. Сам Сесин не любит поддаваться грустным настроениям и старается рассеять их у других. Рассказ жены о том, как она плакала над сказками мужа, он закончил:

Отчего она рыдала?
Никого не видала.
Я и то вижу,
Да какую-то рыжу.

Надо сказать, что такие юмористические обороты в семье Сесиных обычны. Ко всякому рассказу, который М. Т. слышит, он обычно прибавляет присказку или прибаутку.

Характерно для Сесина особое уважение к женщине и сочувствие к ее прошлой тяжелой доле. На рассказ о тяжелом положении женщины в прошлое время в доме свекрови он добавил: „Один кричит: „Мама, чаю!“, другой кричит: „Мама, есть хочу!“, а муж, как чорт, растянулся на диване, кричит: „Дай трубку с табаком“. Вот ты и развертывайся, поспевай, баба“. (Эти слова являются цитатой известной в нашей области песни „Сухой бы я корочкой питалась“:

Один кричит: „Я, мама, — чаю.“

Другой кричит: „Я есть хочу!“

А муж коварный на диване

Кричит: „Гитару мне подай!“)

„Муж не хомут, а шею трет“, — закончил М. Т.

Сказки Сесин рассказывал в мастерской — просторной, но низкой глиняной постройке, где жила его семья после пожара. Рассказывал он исключительно четко и медленно, сам заботясь о том, чтобы текст был записан точно. Иногда он даже просил прочитать записанное, проверяя точность записи текста. К тексту сказки он вовсе не относился по народной поговорке „сказка — складка“. Он считал, что из сказки как и из песни „слова не выкинешь“; и знал свои сказки буквально слово в слово. Иногда М. Т. рассказывал во время работы, стараясь выдерживать тот же темп сказывания. Но больше всего он любил рассказывать во время отдыха, чтобы не мешать ни тому, ни другому делу. И изготовление колес, и сказывание сказок он считал делами одинаково серьезными.

М. Т. Сесин сам испытывал удовольствие, рассказывая свои сказки. Тем более он был доволен, что его сказки записывали. Были случаи, что он откладывал работу, если у него была не досказана сказка. Иногда он сам присылал сынишку к членам экспедиции, приглашая приходить записывать, так как у него оказывалось свободное время. Не менее серьезно к записыванию сказок относились и все члены семьи Сесина, особенно дети.

Сказки Сесина записаны С. В. Паниной и др. студентами в течение четырех дней — 13, 14, 15 и 16 июля 1938 г.

385. Как львица воспитала царского сына. (Андреев, *331, II). Царь прогоняет жену, обвинив ее по клевете матери в измене. Царица скитается с сыновьями. Одного сына уносит львица, другого она воспитала сама. Сын, воспитанный львицей, попадает вместе с нею к своему отцу; другой сын попадает тоже к нему, и оба юноши защищают царство отца от неприятеля. Все выясняется.

Сюжет житийный (о Евстафии Плакиде), в XVIII в. был распространен в виде переводной повести, которая была обработана в драму (см. работу С. А. Щегловой „Неизвестная драма Петровских времен о царице и львице“, Труды комиссии по древне-русской литературе, Акад. наук, 1932, 1).

Сюжет о Евстафии Плакиде, повидимому, давно известен в саратовском Поволжье в сказочной передаче. Н. Г. Чернышевский рассказывает в автобиографии, что в детстве он слышал пересказ истории о Плакиде из уст служанок своего дома. При этом он отмечает, что пересказ этот значительно отошел от житейного, хотя имена в нем еще сохранены. (Полное собр. сочинений Н. Г. Чернышевского, т. I, стр. 637 — 638, М., 1939.) Рассказ этот в передаче простых женщин глубже врезался в памяти пытливого мальчика, чем сюжет Четьих-Миней.

Мотив воспитания героя львицей (или медведицей) в соединении с другими сказочными сюжетами и мотивами очень распространен в саратовском сказочном репертуаре. Встречается он в сказке „Безручка“ М. В. Алешиной и в сказке „Жестокая барыня“ П. К. Артемьева.

386. Про попа. Анекдот о помещике Куракине. Прибавление к концу фраз звука „с“ пародирует обращение подчиненных к начальству, употреблявшееся в чиновных и высших кругах дореволюционного времени. Это дополнительное в конце слов и фраз „с“ явилось из сокращения обращения: „государь“, „сударь“.

387. Поп и мордвин-колесник. Профессиональный анекдот колесника.

388. Про чистоту, красоту и высоту. (Андреев, 1940). Анекдот. (См. комментарии в сб. Афанасьева, т. III, стр. 468).

389. Небылица. (Андреев, 1930).

390. Небылица. (Андреев, 1960, 1885, 1875). Небылицы обычно знают все хорошие сказочники и рассказывают их для того, чтобы дать слушателям передохнуть после больших сказок.

СКАЗКИ РАЗНЫХ СКАЗОЧНИКОВ

391. Антон-озорковатый кучер. Записана в с. Мешерском, Сердобского района, в 1922 г. от старика Родина. Записала В. П. Никольская. Сказку эту правильнее назвать быличкой, так как она изображает помещика Кологривова, известного самодура, и его отношение к слугам. Так пояснил рассказчик. Однако имя барина, действующего в сказке, не совпадает с именем Кологривова. (Напечатана в сб. „Сказки Саратовской области“, 1937 г.)

392. Землевладелец. Записана Е. Г. Тейльман в с. Мешерском, Сердобского района, в 1922 г. от Маркьева. Как и предыдущая, эта быличка изображает известного в прошлом крестьянам помещика. (Напечатана в сб. „Сказки Саратовской области“, 1937 г.)

393. Барин и горшечник. (Андреев, 1535 В, 1538, 1539). Записана в с. Бельщино, Макаровского района, в 1937 г. от Володи Кузьмина, 13 лет. Записали Н. Н. Мельников и Н. В. Афанасьев. Начало сказки о том, как барин никогда не сворачивал с дороги, известно в виде воспоминаний о разных помещиках в Сердобском и Балашовском уездах.

Барин не захотел свернуть с дороги, велел сворачивать горшечнику, перебил у него все горшки и горшечника избил. Мужик переодевается плотником и бьет барина; переодевается доктором и снова его бьет в бане. (См. комментарии в сб. Афанасьева, т. III, стр. 446).

394. Из сумки двое. (Андреев, 564). Записана в с. Бельщино, Макаровского района, от Володи Кузьмина Н. Н. Мельниковым. Близкий вариант был записан в с. Куракино, Сердобского района, в 1938 г.

Старик со старухой захотели испечь блины. Старик занял у попа меру муки, а ветер ее развеял. Мужик идет жаловаться. Ветер дает ему волшебную сумку. Барин эту сумку отнимает. Ветер дает мужику сумку другую, из которой выскакивают казаки и бьют виновного. Барин возвращает сумку. (См. комментарии в сб. Афанасьева, т. III, стр. 468).

395. Барин и кучер. Записана в д. Березовке, Турковского района, в 1936 г. от Т. В. Крестелева. Записала Р. М. Султан-Галиева.

396. Как барин телился. (Андреев, 1739, Карпухова, 11). Записана в с. Куракино, Сердобского района, в 1938 г. от Левина. Записала Т. М. Акимова.

Барин думает, что он „беременный“, так как у него стал очень большой живот. Обращается к врачу. Тот определяет по моче, которую кучер заменил коровьей, что барин „стельный“. Барин уезжает „телиться“ в чужое село. Там ночью обнаруживает в комнате подкинутого ему теленка и убегает. А хитрый кучер получает с хозяев деньги за то, что барина, будто бы, съел теленок. (См. вариант в сб. „Сказки Саратовской области“, 1937., стр. 73).

397. Про гуся. (Андреев, *1580). Записана в с. Б. Сестренки, Кистендейского района, в 1919 г. от Поповой, 40 лет. Записала А. Ф. Земскова.

Сюжет обычный. Мужик по приказанию барина делит гуся так, что у него самого остается весь гусь, барин награждает мужика. (См. комментарии в сб. Афанасьева, т. III, стр. 468).

398. С того света. (Андреев, 1540). Записана Т. М. Акимовой в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1935 г. от А. О. Фирстова. Напечатана в сб. „Сказки Саратовской области“, 1937 г. (См. комментарии в сб. Афанасьева, т. III, стр. 440).

Сюжет обычный. Попадья дает солдату гостинцы и платье для умершего сына—на тот свет. Поп гонится за солдатом. Теряет лошадь, но говорит попадье, что отдал ее тоже для сына.

Фирстов Алексей Осипович, в 1935 году 65-летний старик. Он был в колхозе бригадир-ударник и пользовался большим уважением и любовью колхозников. Один из членов его бригады так о нем отзывался: „Мужик тонкий, умственный старик, а главное, очень рабочий“.

В прошлом А. О. — бедняк, работавший долго батраком у попа, служил некоторое время псаломщиком. Начитан был в церковной литературе. Теперь—ярый антирелигиозник. Он рассказал нам две сказки о попах, спел историческую песню

„Про Платова казака“. А. О. очень любит побеседовать и пересыпает свою речь пословицами, поговорками, остротами. Наша беседа проходила во время его работы; А. О. Фирстов, выдергивая из леса гвозди, рассказывал: „Как прежде верующие говорили: железная змея обовьет всю землю. И что же? Вон проволока железная обвила всю землю—и телеграф, и телефон—и ничего нет страшного. Жизнь улучшается и потребности увеличиваются“.

А. О. много смеялся над религиозными обрядами: „Куда заставляли прежде силы тратить? Была такая икона с дверью церковную, медная. Нас двоих заставляли ее таскать. Вот мы вдвоем возьмем ее и несем в поле. Когда дождя нет, так молебствовать в поле ходили. Зачем таскали? А у меня родитель говорил: „Уж раз молебствовать пошли, значит быть году“.

В 1935 г. А. О. был одним из первых ударников колхоза. Много раз премирован, участник слета колхозников-ударников в Вольске. Очень ревниво относился к работе своей бригады, прилагал все силы для выполнения взятых на себя обязательств по социалистическому соревнованию „Захотели делать, сказали, что сделаем, и сделали. Как сам впереди идешь, так и все за тобой пойдут“,—говорил Фирстов.

399. Про попа. (Андреев, *1744). Записана в с. Зубриловке, Тамалинского района, ныне Пензенской обл., в 1937 г. от М. И. Дорофеевой, 90 лет, Т. М. Акимовой. Этот же сюжет записан и в Сердобском районе в 1938 г.—Поп выпытывает у мужика тайну на исповеди, а он ему мстит. (См. Н. Ончуков, „Сказки северного края“).

400. Поп и работник. (Андреев, 1000 и 306). Записана в с. Софьино, Сердобского района, в 1938 г. от А. Кувырковой, 50 лет. Записала Д. Бернер.

Сказка представляет собой редкий случай соединения бытового сказочного сюжета с чисто фантастическим. Первая часть сюжета—бытовая сказка о попе и работнике, но и в нее включены волшебные предметы: зеркало, ковер-самолет и др. Сюжет (уговор о службе) широко известен в Саратовской области. В сборнике „Сказки Саратовской области“, 1937 г., этот сюжет также приводится под заголовком „Уговор“. Вторая часть сказки (о ночных плясках царевны) чисто фантастическая. (См. комментарии в сб. Афанасьева, т. II, 1938, стр. 649).

От А. Кувырковой записано несколько сказок, главным образом, фантастических: „Иванушка-дурачок“, „Отдай, чего дома не знаешь“ и др.

401. Бедняк Иван. (Андреев, 1539). Записана в с. Куракино, Сердобского района, в 1938 г. от Г. П. Маврушкина, 30 лет. Записала Т. М. Акимова.

В Саратовской области известно много вариантов этого сюжета. В сборнике „Сказки Саратовской области“, 1937 г., этот сюжет дан в вариантах „Фомка и Еремка“ и др. Иван продает попу лошадь, плетку и шапку, выдавая их за волшебные. (См. комментарии в сб. Афанасьева, т. III, стр. 446—447).

402. Как бедный судился. (Андреев, 1660). Записана в с. Белые Ключи, Б. Карабулакского района, от А. Т. Филатовой, 42 лет. Записала А. Н. Лозанова. Имеется еще один вариант этого интересного сюжета, записанный в с. Мещерском, Сердобского района, в 1921 г. Сюжет этот известен в русской литературе XVII в. в виде „Повести о Шемякином суде“, являющейся сатирой на судопроизводство Московского государства. В нашем варианте хороши бытовые детали. (См. комментарии в сб. Афанасьева, т. III, стр. 420).

403. Ерундовка. Записана в с. Мещерском, Сердобского района, в 1922 г. от старика Родина. Записала А. Н. Гурьева. Героем сказки является бурлак, к которому сказочник относится с полной симпатией.

Приехавший домой бедняк-бурлак обманывает соседей, выдавая себя за богача. Женится на их дочери. Сказка очень своеобразна по стилю, по манере сказывания—исключительной медленности в разворачивании действия.

404. Как старик со старухой воспитали бычка. Записана там же Е. Г. Тейльман. По Указателю Андреева этот сюжет помещен в разделе анекдотов (1675).

Старички отдают бычка в ученье в город, их обманывают, показывают им адвоката Бычкова.

405. Фарафон. (Андреев, 1164; дополнительно—Карнаухова, 49, и 158). Записана в с. Мещерском, Сердобского района, в 1922 г. от Родина. Записали Е. Г. Тейльман и В. П. Никольская.

Широко распространенная тема о сварливой жене. Известно несколько разных сюжетов сказок и анекдотов на эту тему. В сказках Алешиной приводится две такие небольшие сказки: „Жена самолюбивая“ и „По вилюлькам“. По Указателю Андреева сюжет „Упрямая жена“ отмечен под № 1365 *Д.

Наш сюжет сильно отличается от этих, известных под названием „Кошено, стрижено“ и др. анекдотов, более сказочной основой и наличием фантастики. Жена попадает в болото к чертям и там их пугает. (См. комментарии в сб. Афанасьева, т. III, стр. 460).

406. Пряха. Записана в с. Б. Сестренки, Кистендейского района, в 1922 г. от Половой, 40 лет, неграмотной. Записала А. Земскова. Широко известный сюжет о ленивых женах. По Указателю Андреева *1370 I; Карнаухова, 35.

407. Про Петра 1-го. Записана в с. Трубетчино, Турковского района, в 1936 г. от Вьюнова Кирея Исаевича, 56 лет. Записала Т. М. Акимова.

К. И. Вьюнов кроме этого рассказал несколько исторических преданий, воспоминаний о 1905 годе, о 1917 годе и несколько исторических анекдотов.

408. Про охоту. (Андреев, 315 А, 300 А). Записана в с. Бельщино, Макаровского района, в 1937 г. от М. М. Данилина. Записали Т. М. Акимова и Н. Н. Мельников.

Сказка представляет собою известный вариант сюжета „Звериное молоко“. В Саратовской области этот сюжет был записан и в других местах.

Сказка М. М. Данилина очень сложная. Сюжет „Звериное молоко“, соединен с сюжетом „Победитель змея“ и дополнительными мотивами из других сказок.

Брат с сестрой изгнаны, по наговору мачехи. Живут в лесу, в избушке, питаюсь неубывающей краюшкой хлеба. Брат набирает себе разных зверей, „охоту“. По совету любовника-чудовища, сестра притворяется больной и просит достать ей чудесной мучицы. Брат выполняет просьбу. Но охота осталась за чугунными дверями, не успев выйти. Брат приносит муку и попадает в руки любовнику, который не успевает его съесть, так как прибегает охота и съедает нечистого духа. Брат оставляет сестру и, чтобы узнать, кого она больше будет оплакивать, ставит ей два чана для слез. Уйдя в другое государство, он освобождает с помощью охоты царевну от змея и женится на ней, обличив при этом попытавшегося обмануть его водовоза. Сестра, приехав на свадьбу, умерщвляет брата зубом своего любовника. Звери вылизывают зуб и оживляют его.

Стиль сказки типично волшебный. Эпизоды даны развернуто, в медленном повествовании. (См. комментарии в сб. Афанасьева, т. II, стр. 604).

Матвей Максимович Данилин—незаурядный сказочник, владеющий большим сказочным репертуаром. Являясь типичным мастером волшебной сказки, придерживается сказочной традиции и особенно детально вырисовывает все аксессуары волшебной сказки—сказочную обрядность, чудесные предметы, фантастические образы и т. д.

В 1938 г., когда мы записывали сказки, Данилину было 57 лет. Это уравновешенный, степенный человек, полная противоположность романтически настроенному Савихину. Данилину не чужды стремления приблизить события волшебной сказки к окружающей действительности. Иногда он вставляет в сказки юмористические или иронические замечания. В сказке „Охота“ Матвей Максимович рассказывает, как герой, придя в город, узнал, что царевна, которую он спас от змея, выходит замуж. „Разве ты не слыхал, что в колокола звонят? Королевская дочь за спасителя замуж выходит?“—говорит ему старуха. Он думает: „За каково же спасителя? Может за вышнего? Да тот далеко больно!“

К рассказыванию сказок для записи Данилин отнесся как к делу серьезному. Когда мы к нему пришли, он делал ларь для ссыпки получаемого в колхозе хлеба. Мы просили было его продолжать работать и рассказывать сказки во время работы. Но он категорически отказался. „Нет, так дело не пойдет. Тут напутаешь, никогда не разберешься. Что-нибудь одно надо“.— И начал рассказывать сказки, оставив на время свою работу.

Данилин знает сказки от отца, от деда и много слышал их во время различных поездок „по сторонам“, как он говорит. От М. М. были записаны сказки „Царевна-лягушка“, „Илюша и Полкан-богатырь“, „Про сокола и Гришку“, „Дядя и племянник“ (сказка про купцов), „Медный лоб“ (о борьбе со змеями). Этими записями репертуар Данилина далеко не был исчерпан. В нашем сборнике печатается лишь одна его сказка.

ДЕТСКИЕ СКАЗКИ

409. У ж. Сказка записана в д. Поник, Балтайского района, в 1926 г. от Галкина Ивана, 15 лет. Записала М. А. Ванюшина. По Указателю Андреева таких русских сказок не отмечено; несколько близок сказочный сюжет „Царевич-змея“, № 433. Очень близка наша сказка к № 107 сб. Д. К. Зеленина „Великорусские сказки Вятской губернии“ и сб. Эрленвейна, № 3.

Галкин—комсомолец, кончил начальную школу. Говорит ясно и отчетливо. Рассказал несколько фантастических сказок. Сказка „Уж“ известна и в других местах Саратовской области. В Хвалынском районе этот сюжет записан в ином варианте. Сказка в основе мифологическая. В последнее время в Саратовской области бытует лишь среди детей.

410. П р о д е в у ш к у и м е д в е д я. (Известный сюжет. По Указателю Андреева, 311). Записана в с. Ханеневке, Б. Карабулакского района, в 1925 г. от мальчика-школьника, 9 лет, который знал сказку со слов бабушки. Записала Т. М. Акимова.

411. П р о г о р о х. (Андреев, 2008*). Записана в с. Всеволодчино, Балтайского района, в 1925 г. Записала Т. М. Акимова от мальчика, 9 лет, неграмотного, который слышал сказку от деда. Сюжет представляет собою широко распространенный анекдот о слепом и глухом.

412. Л и с а - п л а ч е я. (Андреев, 37). Записана в Саратове в 1922 г. Т. М. Акимовой от Д. А. Земцовой, большой мастерицы-песенницы и сказочницы. Эта сказка, также как и другие некоторые ее сказки и побасенки, приводится в сб. „Сказки Саратовской области“, 1937 г.

413. Г о р о х. (Андреев, 1960 Д, *1425, 1930, *1885, *1900). Небылица. Записана в с. Зубриловке, Тамалинского района, ныне Пензенской обл., в 1937 г. от детей 9-10 лет. Записала Т. М. Акимова. (См. комментарии в сб. Афанасьева, т. III, стр. 468).

414. М у ж и к и л и с а. (Андреев, 37). Записана в с. Бельщино, Макаровского района, в 1937 г. от Миши Овсянникова, 11 лет. Записали К. Быкова и Н. Н. Мельников. Известно много вариантов этой сказки.

415. П р о п и р о ж о к. (По Указателю Андреева, *296, см. также 2025, так называемые цепочные сказки, построенные на нарастающем повторении). Записана в с. Бельщино, Макаровского района, в 1937 г. от Шуры Шалашовой 11 лет. Записала Т. М. Акимова.

Дед с бабой пекут пирожок, который от них убегает. Его съедает лиса. Лиса идет кур воровать, а пирожок ее выдает криком. Хозяева бегут с вилами. Лиса падает, пирожок выскакивает и возвращается к деду с бабой. (См. комментарии в сб. Афанасьева, т. I, стр. 533).

416. К о ч е т о к и к о т. (Андреев, *61, II). Записана в с. Поповка, Хвалынского района, в 1935 г. от Учзева, 12 лет. Записала Т. М. Акимова

Известный сказочный сюжет: „Кот, петух и лиса“. Наш вариант кончается тем, что лиса съедает петуха. (См. комментарии в сб. Афанасьева, т. I, стр. 354).

417. Лиса и скomorох. (Андреев, 20 А, 56 С*). Записана в с. Надеждино, Сердобского района, в 1938 г. от Забаевой Шуры, 11 лет. Записала Д. Бернер. (См. комментарии в сб. Афанасьева, 1936, т. I, стр. 530).

АНЕКДОТЫ, ПРИБАУТКИ, ПОГОВОРКИ И ПОСЛОВИЦЫ Я. Г. ПАРФЕНОВА

Яков Григорьевич Парфенов — известный сказочник, вернее даже анекдотист, с. Елшанки, Хвалынского района. Его сказки были записаны Т. М. Акимовой, М. П. Советовым и А. Н. Гурьевой в 1920 г., во время пребывания в с. Елшанке фольклорной экспедиции Б. М. Соколова. В то время Я. Г. Парфенову было 74 года.

Я. Г. Парфенов — живой, подвижный старичок, маленький юркий, говорил негромко и не очень быстро.

Речь свою Я. Г. постоянно пересыпает анекдотами, поговорками, присказами. Это типичный сказочник-балагур с репертуаром бытового анекдотного характера. У Я. Г. записано до 30 сказок, анекдотов, прибауток, легенд и т. д. и много пословиц и поговорок.

Парфенов — большой стилист, любитель звучной рифмы, острых словечек, которые, несомненно, он сам и создает. В живой непринужденной беседе он неожиданно вставляет в речь ловкую остроту, удачное слово или звучную рифму. В сущности все сказки Я. Г. рассказывает не как другие сказочники — одну за другой. У него сказки и анекдоты как бы напрашиваются сами собой, в связи с разговором, в ответ на вопросы. Подсмеиваясь над своими соседями, он к случаю развивает длинный рассказ; смотришь — это известная сказка. „У нас Лапины умываются чудно. Одной рукой лицо трут, как лапой. А это потому, что они, говорят, от медведя. У них предок-то медведь был“. И рассказывает дальше о том, как медведь девку утащил. Такие обороты, рассказы к слову, к случаю производят большое впечатление.

В напечатанном виде сказки Парфенова теряют свою живость и выразительность. О леших и домовых, например, Я. Г. рассказывал так, как будто он сам с ними встречался. Одновременно он высмеивал в этих рассказах старые верования. Много в репертуаре Парфенова сказок звукоподражательных — „Ваня и коза“, „Перепелка и дергун“.

В молодости Парфенов часто исполнял на свадьбах роль дружки, где особенно и применял свое остроумие, находчивость и знание поговорок и прибауток. Интересно, что Я. Г. не употреблял эти прибаутки только в известной всем трафаретной форме, как обычно в репертуаре дружек, наоборот, он переделывал их по-своему. Вместо обычного обращения дружек:

„Гости званы, гости браны,
Дочери отецки, жены молодецки...”

он говорил:

„Гости званы, гости браны,
Ступайте домой, пока не драны”.

Когда он пришел сватать невесту своему сыну, то, желая проверить, хорошая ли она работница и мастерица, сазал:

„Я, пожалуй, дам полста,
А невеста мне выткет на портянки холста?...”

Яков Григорьевич—хороший песенник. Он спел нам несколько исторических и старинных песен: о взятии Казани Иваном Грозным, об Аракчееве, „Соловей кукушку уговаривал”, „Стоит село новое, село разоренное” и другие. Некоторые из песен Я. Г. плохо уже помнил. „У меня песни-то все клочками изорваны, как мой бедуним” (верхняя одежда).

Сказки, вернее анекдоты, записанные от Парфенова, не имеют аналогий. Они обычно приурочиваются сказочником к какому-либо случаю, рассказываются для смеху во время беседы. Некоторые построены на удачной рифме, другие—звукоподражательные. Некоторые из его сказок были напечатаны в сб. „Сказки Саратовской области”, 1937 г. и в альманахе „Литературный Саратов”, 1940 г. В настоящем сборнике печатаются все его сказки и анекдоты, за исключением нескольких, записи которых неудачны.

418. К а л е н д а р ь. (Андреев, *2132). Среди саратовских записей варианта не имеется.

426. Мужик и чорт. (Андреев, 1030 и 1091). Мужик с чортом делят посев. (См. комментарии в сб. Афанасьева, т. I, стр. 523).

428. Как солдат смерть обманул. (Андреев, 330).

430. Перепелка и дергун. (Андреев, 122. См. комментарии в сб. Афанасьева, т. I, 1936, стр. 540).

431. С заднего колеса. (Андреев, 1885 и 1930). Небылица. (См. комментарии в сб. Афанасьева, т. III, стр. 454—457).

433. Как медведь девку утащил. Сюжет предания распространенный, международный. Обычно приурочивают его к известным для односельчан лицам. Старики в селе Елшанке рассказывают легенду тоже как о действительном случае далекого прошлого и упоминают род Лапиных.

В 1945 году нам пришлось записать три варианта этой легенды. К сожалению, записи не точны. Приводим одну из них в пересказе Фирстовой, старушки 80 лет, неграмотной.

„Дед Василий Игнатьевич Лапин всегда ходит в варежках. Это потому, что у них так и в роду пошло. У всех руки, как лапы, в шерсти. И на ногах тоже.

У его бабки была девка. И вот пошли бабы в лес. А здесь в старое время кругом на горе лес был большой, дремучий. Так от села туда в гору шел. Они жили, также как сейчас, на крайней улице. Ну, пошли они в лес за грибами. Ее мед-

ведь и поймал. Бабы-то испугались и убежали. А он ее сгреб и утащил в нору свою. Она с нѣм и прожила там всю зиму. Народ ходил ее искать. Ну, куда же? Искали, искали, так и не нашли. А она уже стала беременна. Тяжелая. И обносились вся как есть. Всѣ с нее сползло, оборвалось. А он ее уже стал почитать за хозяйку и вверился в нее. Уходил далеко, далеко.

И вот пришла весна. Она вздумала да убегла. Добегла она до озера и вздумала вымыться. Всю зиму не мылась, обросла вся. Ну, искупалась она и видит, свои елшанские едут. В лес за вениками ездили. Она им кричит, просит христа ради посадить и увезти. Посадили ее на воз и погнали. Сами гонят лошадь, а сами боятся, все оглядываются. Приехали в Елшанку, привезли ее прямо к родным. Они обрадовались. Батюшки, ну-кась всю зиму не видались! Отворили ворота, отворили калитку, а ее скорее в конюшню и втащили сразу на крышу, на подловку конюшни, и заложили. Чуют, что он придет.

А он пришел к себе домой, в нору, хватился... её нет. Искал, искал. Бросился за ней в погоню. Подошел к озеру, чует, что она тут купалась, и начал вокруг этого места кружить. Кружил, кружил и бросился в Елшанку.

А тут пришел к ее дому. Пришел и сразу в конюшню. Ну, а уж здесь-то его ждали. И закололи. Она родила девочку. И вот у ней руки-то, как лапы. С тех пор у них в роду такие лапы. И на ногах тоже бывает. Вот так эта природа-то и называется*.

Эта легенда интересна тем, что по ее вариантам, созданным в пределах одного села, можно наблюдать живое поэтическое творчество, с одновременным стремлением придать легенде местные черты. Молодежь этой легенды не рассказывает.

Литовский вариант такой легенды обработан А. Луначарским в его произведении „Медвежья свадьба“. (М. 1924), написанном на основании новеллы П. Мериме „Локис“.

434—467. Автобиографическое. Былички, анекдоты, прибаутки Я. Г. Парфенова.

449—анекдот-воспоминание был рассказан старушкой, дальней родственницей Я. Г. Парфенова, которая хорошо помнила некоторые его прибаутки. С ее слов записаны и прибаутки Парфенова на свадьбе, когда он бывал дружкой. Запись 1935 года.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ Я. Г. ПАРФЕНОВА

468—491. Записаны в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от Я. Г. Парфенова. Записали Т. М. Акимова и М. П. Советов.

Во всех беседах с Я. Г. Парфеновым принимал участие проф. Б. М. Соколов, руководивший экспедицией

ПРЕДАНИЯ

ОБ УРОЧИЩАХ И ЗАСЕЛЕНИИ НОВЫХ МЕСТ

492. Это было давно. Записано в вагоне ж. д. поезда, в пути, около г. Петровска в 1942 г. от красноармейца Петра Горшенина, быв. рабочего сланцевого рудника Пугачевского района. Записал В. П. Воробьев.

Предание рассказывает об одном из эпизодов частых столкновений первоначальников Заволжья с кочевниками. Имеются варианты этого предания.

В одной из пригородных деревень под Саратовом в 1918 году В. П. Воробьевым от крестьянина Петра Степанова, 45 лет, был записан несколько отличающийся вариант этой местной легенды. П. Степанов слышал эту легенду за Волгой, где батрачил у богатых мужиков.

„Подружился один киргиз с русским крестьянином за Волгой. И повадился он к нему ездить в гости. А у русского жена была, хорошая баба. Вот приехал как-то раз киргиз, а русского нет, баба одна была дома. Он ее схватил в охапку, на лошадь и увез. Приехал русский домой—жены нет. Где жена? Соседи рассказали (мальчишки всё видели). Русский в погоню. Догнал его. Стой! И стали они биться. А жена села и говорит: „Кто одолеет, тому я и жена“.

Киргиз был здоровый, повалил русского, начал уже душить его. Русский видит дело плохо. „Господи, помоги“,—подумал он. И вдруг собачонка его откуда ни возьмись. Она в дороге отстала, а тут как раз подоспела, вцепилась в киргиза и ну его рвать. Тут уж русский одолел киргиза и отнял жену“.

493. Караульная гора. Записано в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от школьного сторожа. Записал Б. В. Зайковский.

494. Катюшина гора. Записано в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от Попова. Записал Б. В. Зайковский.

495. Село Елшанка. Записано в с. Елшанке, Хвалынского района, в 1920 г. от Макарова Б. В. Зайковским.

О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ И ПУГАЧЕВЕ

496. Бугор Степана Разина. Записано на пристанях в 1918 г. от населения приволжских сел Б. В. Зайковским. Предание ярко характеризует не только образ Разина, защитника угнетенных, но и революционное настроение крестьянских масс.

Предание о том, что Степан Разин вернется, широко известно было среди саратовского крестьянства в дореволюционное время. В книге Лозановой „Песни и сказания о Разине и Пугачеве“ (М. 1935 г., стр. 158) приводится вариант этого же предания, записанный в Саратовской губ. в 1863 г. Костомаро-

вым. В этом же сборнике напечатаны и другие предания о Разине, известные в Саратовской области: о Разине-колдуне о заговоренных змеях, о неуязвимости Разина, о Разине-страда-
льце и грешнике, о кладях и др. (см. №№ 37, 38, 40, 47, 48, 49, 50, 51, 53).

497. Степан Тимофеевич Разин. Записано в с. Елшанке, Хвалынского района в 1920 г. Во время империалистической войны от жителей Крюкина и Сазонова это же предание записал Б. В. Зайковский.

498. Работал я в Чирикове. Записано в с. Баклуши, Кистендейского района, в 1936 г. от Вольнова, учетчика колхоза, 35 лет. Записали Т. М. Акимов и Е. С. Гурьянов.

499. Тут населения тогда не было. Записано в с. Чирикове, Турковского района, в 1936 г. от П. К. Артемьева, сторожа колхозного сада, известного сказочника. Записали Т. М. Акимов и Е. С. Гурьянов.

500. Пугачев год был. Записано в с. Потьма, Ртищевского района, в 1937 г. от Вачаевой, 85 лет, записала Т. М. Акимов.

501. Пугачев-то, он тут. Записано на х. Бадаевском, Сердобского района, в 1938 г. от колхозника П. Краснова, 68 лет. Записала Л. И. Баранникова. Предания о Пугачеве, бытовавшие в Саратовской губ. в дореволюционное время, приводит Лозанова в своей книге „Песни и сказания о Разине и Пугачеве“ (№№ 17, 18), имеются также предания в отдельных статьях Трудов СУАК. (См. вып. 24, стр. 146—7 „Предания о С. Разине и Е. Пугачеве“) и в работе А. Ф. Леопольдова „Исторический очерк г. Саратова и пугачевщины“.

О КРЕПОСТНИЧЕСТВЕ

502. Кудеяр-разбойник. Записано в с. Куракино, Сердобского района, в 1938 г. от Липатова. Записала С. В. Панина.

503. Когда князь Куракин. Записано в с. Надежино, ныне Пензенской обл. от Хрусталевой, 58 лет, в 1938 г. Т. М. Акимовой.

504. О 1861 годе. Записано в с. Куракино, Сердобского района, в 1938 г. от Ординарцевой. Записала С. В. Панина.

505. Пожар. Записано там же.

506. Куракин пьяный. Записано там же.

507. На фабрике. Записано в с. Зубриловке, Тамалинского района, в 1937 г. от Дорофеевой, 96 лет. Записала Т. М. Акимов.

508. Воля. Записано там же от Желуницына, 55 лет.

509. Случилась на ярмарке драка. Записано в с. Потьма, Ртищевского района, в 1935 г. Т. М. Акимовой.

510. Све кровь рассказывала. Записано в с. Бельщино, Макаровского района, от старушки в 1937 г. Записала Т. М. Акимов.

511. Барщина. Записано в с. Бодманово, Турковского района, в 1936 г. от Авдеевой. Записала Т. М. Акимов.

512. Петин барин. Записано в с. Ханеневка, Базарно-Карабулакского района, в 1925 г. от слепого старика, 85 лет. Записала Т. М. Акимова.

513. Вредный был барин. Записано там же.

514. Гаврила Егорыч у барина был мальчиком. Записано там же.

О 1905 ГОДЕ

515. Казнь лейтенанта Шмидта. Записано в Саратове от сторожа завода „Трактородеталь“ Кутясова в 1932 году М. П. Советовым. Сочинил он этот сказ после того, как прочитал в газетах о жизни Шмидта.

516. 1905 год в Куракине. Записано в с. Куракино, Сердобского района, от Липатова в 1938 г. С. В. Паниной.

517. В с. Бельщино. Записан в с. Бельщино, Макаровского района, от Маричевой, 60 лет, в 1937 г. Т. М. Акимовой.

518. В 1905 году громили дом помещика Зацепина. Записано в с. Зубриловке, Тамалинского района, от Бузинова в 1937. Т. М. Акимовой.

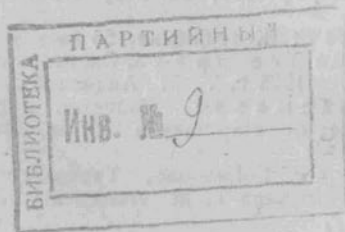
519. Столыпина хорошо помню. Записано в с. Трубетчино, Турковского района, от кузнеца Ужокина в 1936 г. Т. М. Акимовой.

520. Около Бодманова. Записано в с. Чириково, Турковского района, от Плетнева в 1936 г. Т. М. Акимовой.

521. Карательная экспедиция. Записано в с. Чириково, Турковского района, в 1936 г. от П. К. Артемьева. Записала Т. М. Акимова.

522. В селе Чирикове. Записано в с. Баклуши, Кистендейского района, от Вольнова в 1936 г. Т. М. Акимовой.

523. Я два года жил в кабале. Записано в с. Пристанном, Ворошиловского района, 24 мая 1941 г. от О. А. Беспалова, 86 лет, неграмотного. Записали Л. И. Барникова и В. П. Воробьев.

БИБЛИОГРАФИЯ САРАТОВСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Описания рукописных материалов

Акимова, Т. М., Советов, М. П., Цыганова, Н. М. — Описание этнографических записей, хранящихся в этнографическом музее Саратовского края. Саратовский этнографический сборник, 1922.

Зеленин, Д. К. — Описание рукописей архива Русского географического общества. I—II, Петрогр., 1914—1915.

Материалы народно-поэтического творчества, обзоры, исследования

Акимова, Т. М. — Саратовский сказочник Я. Г. Парфенов. Литературный Саратов, кн. 5-ая. Саратов, 1940, стр. 270.

Акимова, Т. М. Степанов, П. Д. — Сказки Саратовской области. Саратов, 1937.

Акимова, Т. М. — Фольклор хвалынских колхозов. Известия Нижне-Волжского института краеведения им. Горького, т. VII, 1936, стр. 9—19.

Арефьев, Н. — Новые народные песни. Деревенские думы и дела. „Саратовский дневник“, 1893, 285 и 286.

Аристов, Н. — Об историческом значении русских разбойничьих песен. „Филологические записки“, 1874, отд. оттиск. Воронеж, 1875.

Афанасьев, А. Н. — Народные русские сказки. Изд. 3-е, М., 1877 (напечатано 13 саратовских сказок: 2 е, 23 а, 62 а, 78, 137 в, 146 е, 150 е, 159, 183, 188 в, 192 е, 204 в, 209).

Бр-в, Н. Хвалынский. — О хороводах. „Саратовский справочный листок“, 1879, 76.

Бродский, Н. Л. — К воле. Изд. Универсальная библиотека, 1911. (Песня „Как за барамы житье было привольное“; перепечатана в его же статье „Крепостное право в народной поэзии“, сб. „Великая реформа“, т. IV, 1911).

Буш, В. В. — О современном состоянии устно-поэтического творчества в деревнях Вольского уезда. Ученые записки Саратовского университета, т. V, вып. 2, 1926, стр. 169—184.

Былинная традиция в Саратовской губернии. „Этнографическое обозрение“, книга 62-ая, 1904, № 3. (Рецензия на сб. М. Е. Соколова).

В а р е н ц о в, В. Г. — Сборник песен Самарского края. СПб, 1862. (Саратовские песни, стр. 222 и 224).

В л а д и м и р о в, М. М. — Первое столетие Вольска. Саратовский сборник, т. I, 1881, стр. 17. (Предания о Пугачеве).

В л а д и м и р о в, М. М. — Первое столетие Хвалынска. Саратовский сборник, т. II, 1882, стр. 165. (Исторические предания).

В о с к р е с е н с к и й, Н. В. — О Кудеяре-разбойнике и кладоискателях. Воронежский юбилейный сборник, т. I, Воронеж, 1886, стр. 727—741.

Г е н е р о з о в, Я. — Русские народные представления згробной жизни на основании заплачек, причитаний, духовных стихов и т. п. Саратов, 1883, стр. 48.

Г о р и з о н т о в, И. Д. — Слобода Самойловка, Три острова тож Балашовского уезда. Памятная книжка Саратовской губ. на 1872 год, стр. 28—43. (Предание о заселении).

Два выкопированных раскольниковых стиха. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 23, 1903, стр. 31—34.

Две народные былины. Саратовский сборник, т. I, отд. 2, 1881, стр. 14—20.

Дикий свадебный обычай. „Саратовский листок“, 1898, 219.

Е л а н с к и й, В. — О характере раскольников и их религиозных распевах и стихах. „Саратовские епархиальные ведомости“, 1884, 14, стр. 363—375. (6 духовных стихов последователей страннической секты).

Е л е о н с к а я, Е. Н. — Сборник великорусских частушек. Изд. комиссии по народной словесности при Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Москва, 1914. (Саратовская губерния—стр. 413—430).

Е - х - л, Ф. — Село Малая Сердоба, Петровского уезда. (Гадания и заговоры). „Саратовский дневник“, 1888, 119.

З а в а р и ц к о в, Г. К. — Из легенд и поверий Саратовской губернии о змеях. „Этнографическое обозрение“, кн. 107, 108, 1915, 3—4, стр. 77.

Заговор от лихорадки. Сообщил Ф. С. Голицын. Саратовский сборник, т. II, стр. 365.

З а й к о в с к и й, Б. В. — Бугор Стеньки Разина. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 23, 1903, стр. 44.

З а й к о в с к и й, Б. В. — Впечатления о поездке в Елань Аткарскую. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 25, 1909, стр. 228. (Предания о царевне Софье и о 1812 годе).

З а й к о в с к и й, Б. В. — Из легенд Девичьих гор. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 31, 1914, стр. 69.

Зайковский, Б. В. — Новый вариант царицынской легенды. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 23, 1903, стр. 144.

Зайковский, Б. В. — Сахарное озеро. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 31, 1914, стр. 73.

Зеленин, Д. К. — Один из саратовских фольклористов. „Живая старина“, 1910, вып. IV, стр. 353—355.

Ивановка (Матюшкино, Вольского у.). О суевериях. „Саратовский дневник“, 1893, 44.

Из села Мещерского Сердобского уезда. Свадьбы у мещеряков. „Церковно-общественный вестник“, 1881, 66.

Камышин. Описание нравов и обычаев. „Саратовский справочный листок“, 1879, 122.

Костомаров, Н. И. и Мордовцева, А. Н. — Русские народные песни, собранные в Саратовской губ. Летопись русской литературы и древностей, изд. Н. Тихонравовым, в. IV, М., 1862, стр. 3—111. (9 былин, 27 исторических песен с вариантами и 109 песен лирических, гл. об. разбойничьих, казачьих, солдатских).

Костомаров, Н. И. — Разбойничья песня, записанная в с. Волхонщине, Сердобского уезда. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, 1850, кн. 1-ая, стр. 39.

К. — Предрассудки и поверья крестьян в Петровском уезде, Саратовской губ. „Отечественные записки“, 1848, 2, стр. 200—206.

Краишевкз, Аткарского уезда. Старинный обычай — проводить молодой в прощенный день. „Саратовский дневник“, 1898, 46.

Кротков, А. А. и Шишкин, П. Н. — Об Усть-Курдюмском городище. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 26, 1910, стр. 91. (Предания о Степане Разине).

Крупин, К. А. — Из деревни. (Поверья). „Саратовский дневник“, 1893, 34.

Кучин, Я. — Путеводитель по Волге между Нижним и Астраханью. Саратов, 1865, стр. 225. (Много преданий и легенд).

Лажечников, И. — Несколько провинциализмов, употребительных в Саратовской губ. Труды об-ва Любителей российской словесности, 1824, ч. 5-ая, кн. 15. Летопись, стр. 308—311.

Ларионов, П. — Музыкальные арабески. По вопросу о влиянии народного творчества на искусство. „Саратовский листок“, 1887, 181.

Леопольдов, А. Ф. — Заговор от немощи лошадей. „Саратовский справочный листок“, 1868, 170.

Леопольдов, А. Ф. — Заговор от немощи людей. „Саратовский справочный листок“, 1868, 170.

Леопольдов, А. Ф. — Заметки по Приволжью. Предание об Алтынной горе. „Волга“, Астрахань, 1863, 100.

Леопольдов, А. Ф. — Исторический очерк г. Саратова и пугачевщины. (Предания о Пугачеве).

Леопольдов, А. Ф. (записал). — Небольшая сказка об Александре Македонском, слышанная в Саратовском уезде. „Волга“, Астрахань, 1863, 92.

Леопольдов, А. Ф. — Об увеселениях Саратова. „Дамский журнал“, 1832, часть 38, стр. 119—122.

Леопольдов, А. Ф. — Свадебные обряды крестьян Саратовской губ. „Московский телеграф“, 1838, 23, стр. 386—403.

Леопольдов, А. Ф. — Статистическое описание Саратовской губ. М., 1839. (14 песен).

Лозанова, А. Н. — Народные песни о Степане Разине. Саратов, 1928, стр. 198, 236 и 251. (Перепечатано ранее опубликованных 11 и напечатано вновь 7 саратовских песен о Степане Разине).

Лозанова, А. Н. — Отражение Октябрьской революции в устно-поэтическом творчестве. „Нижнее Поволжье“, 1927, 2, стр. 70.

Лозанова, А. Н. — Песни и сказания о Разине и Пугачеве. Academia, 1935.

Лунин, А. А. — Из народных преданий о Степане Разине. Саратовский сборник, т. 2, 1882, стр. 369—372. (2 песни).

Лядов, А. — Шуточная. (Саратовская губ., Аткарск. у.). Петрг. 1915, стр. 3.

Мадуев, А. С. — Вновь записанные легенды о Степане Разине. (Записано в деревне Усть-Курдюм, Саратовского уезда). Тверь, 1904, стр. 12.

Марков, Н. В. — Песня, записанная в д. Мустафинке Кузнецкого у. Саратовской губ. „Этнографическое“ обозрение, 1904, 4, стр. 64.

Марков, Н. — Волжская песня. „Саратовский дневник“, 1901, 66.

Медокс, К. — О прозвании „Леший земли“ и „Леший духа“. „Саратовский дневник“, 1892, 44 и 45.

Местные народные обычаи Саратовской губ. „Мирской вестник“, 1864, кн. V, отд. 2, стр. 43—48.

Миллер, В. Ф. — Исторические песни русского народа XVI—XVII в. М., 1915. (Тексты перепечатаны из других изданий. Саратовские тексты: 14—17, 81—82, 137, 151, 183—184, 223, 226, 322—327).

Минх, А. А. — Свадебные, хороводные плясовые и другие песни Подчаниновской волости Саратовского уезда. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 28, 1911, стр. 51—70 (приведено 68 песен).

Минх, А. Н. — Коленская волость. Саратовский сборник, т. I, 1881, стр. 65. (20 песен лирических и обрядовых и 30 пословиц).

Минх, А. Н. — Историко-географический словарь Саратовской губ. т. I, вып. 1, 1898. Балашовский у.; т. I, вып. 2—4, 1900—1902, уезды Камышинский и Царицынский. (Много преданий о селах и урочищах).

Минх, А. Н. — Легенды о Кудеяре в Саратовской губ. „Саратовский листок“, 1891, 99; 1894, 151.

Минх, А. Н. — Легенды о Кудеяре. „Этнографическое обозрение“, кн. 8, 1891, 1, стр. 255.

Минх, А. Н. — Народные обычаи, обряды, суеверия и предразсудки крестьян Саратовской губ. Собраны в 1861—1888 гг.

Записки географического общества по отделению этнографии, СПб., 1890, т. XIX, вып. 2, стр. 150.

Минх, А. Н.—Репей в народных обрядах и песнях. „Этнографическое обозрение“, 1893, 2, стр. 191—192.

Минх, А. Н. — Саратовский уезд. Саратовский сборник, т. II, 1882, стр. 203. (Приведено 40 песен, преимущественно обрядовых, и 26 пословиц).

Можаровский, А. — Духовные стихи старообрядцев Поволжья. „Этнографическое обозрение“, 1906, 3—4, стр. 242—302.

Можаровский, А. — Народное знахарство. Саратов, 1890.

Мордовцева, А. Н. — Былины и песни, записанные в Саратове. „Известия Академии наук“, 1855. Памятники и образцы народного языка и словестности, листы XX—XXI, стр. 317—328.

Мясоедова, В. Я. — Песня про Пугачева, записанная в Петровском уезде, Саратовской губ. „Русская старина“, 1873, XII, стр. 817.

Надеждинский, Г. — Село Голицыно. Саратовский сборник, т. I, 1881, стр. 249 (4 песни).

Народные верования, легенды и предания. „Саратовский справочный листок“, 1878, 198.

Отечественные записки, 1858, 1, стр. 308—319. (Саратовские песни).

Оригинальный народный обычай (битие новоженев). „Саратовский листок“, 1881, 20.

Пасхалова, А. Н. — Былины и песни, записанные в Саратовской губернии. Памятники великорусского наречия. „Известия 2 отделения Академии наук“, 1852—1853, 7, стр. 146.

П.-в.—Село Гусиная лапа. (О знахаре). „Саратовский справочный листок“, 1875, 173.

П., В. Н. (Поляк). — Опыт местной этнографии (народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губ.), А. Н. Минх, СПб., 1890. (Рецензия), „Саратовский листок“, 1890, 75.

Песни саратовского простонародья. „Саратовский справочный листок“, 1877, 205.

Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 1—10, М., 1862—1874. (Саратовские записи, вновь напечатанные, вып. I, стр. 22; вып. 3, стр. 159; вып. 6, стр. 129; вып. 8, стр. 117 и 158; вып. 10, стр. 48. Саратовские тексты, перепечатанные из других сборников: вып. 5, стр. 84, 86, 111, 125, 149 и 177; вып. 6, стр. 4, 25, 80, 129, 182, 206; вып. 7, стр. 109; приложение, стр. 7, 10, 118, 203; вып. 8, стр. 98, 109, 162, 174, 213, 276, 278, 286; приложение, стр. 307; вып. 9, стр. 247; вып. 10, стр. 43, 70, 92, 109, 112, 115. Песни взяты из сборников Н. И. Костомарова и А. Н. Мордовцевой, А. Н. Пасхаловой, М. Е. Соколова, А. Терещенко).

Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. 2, ч. 2, Лигр., 1929, 2495—2513.

Посад Дубовка. (О суевериях). „Саратовский листок“, 1881, 151.

Пословицы. Записаны в гор. Саратове Ф. Вольновым и М. К. Яковлевым. „Народное творчество“, 1938, 12.

Предания о Ст. Разине и Е. И. Пугачеве. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 24, 1908, стр. 146—147.

Просьба, принесенная от крестьян на земский суд. Сообщил С. А. Щеглов. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 25, 1909, стр. 342.

П р у г а в и н. — Песня о часовом и барине. Нижегородский сборник, 1905, стр. 276—282.

50 песен русского народа для мужского хора из собранных в 1902 г. в Саратовской губернии И. В. Некрасовым и Д. И. Покровским. Изд. Песенной комиссии при Русском географическом обществе, М., 1907, стр. 52. (Отзыв А. Сержпутовского, „Живая Старина“, 1907, вып. II, стр. 23—24).

Пыпин, А. Н.—Ложные и отреченные книги. Памятники старинной русской литературы, вып. III, 1862, стр. 167—168. (Заговоры).

Пыпин, А. Н.— Народные стихи и песни. (Перепечатано из кн. Костомарова и Мордовцевой). „Огочественные записки“, 1858, I, стр. 308, 309.

Работнов, Н. — Низовая частушка. „Живая старина“, 1906, вып. I, стр. 75—80.

Раскольниковый стих. Сообщил Ф. С. Голицын. Саратовский сборник, т. II, 1882, стр. 368.

Репинский, К. — Кудеяр и Бакур. Саратов, 1845, стр. 3.

„Русская старина“, т. IX, 1874, стр. 200. (Саратовские истор. песни).

„Саратовский справочный листок“, 1877, 205. (Песни).

Свадебные обряды крестьян с. Колено Аткарского уезда.

„Русские ведомости“, 1873, 75.

Свадебные обряды крестьян с. Бузовлево. „Северная пчела“, 1847, 181.

С.-в., Б. О хоровом пении и народной песне. „Саратовский дневник“, 1898, 102.

С.-в., Ф.—Пинеровка, Балашовского уезда. „Саратовский дневник“, 1902, 10.

Село Комаровка, Сердобского уезда. (Описание поверий). „Саратовский справочный листок“, 1873, 91.

Сидельников, В. М. — Красноармейский фольклор. М., 1938. (Саратовские песни и сказы о Чапаеве).

Сидельников, В. М. и Крупянская, В. Ю.— Чапаев в устном поэтическом творчестве. „Литературный критик“, 1936, 12, стр. 226.

Смирнов, А. М.—Родильные и крестильные обряды с. Голицыно, Сердобского уезда, Саратовской губ. „Этнографическое обозрение“, 1—2, 1911, стр. 252—256.

Смирнов, А. М.—Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества по отделению этнографии, т. X—IV. вып. 1—2, Пг., 1917. (Саратовские сказки 253 и 254).

Соболевский, А. И.—Великорусские народные песни, т. I—VII, СПб., 1895—1902. (Саратовские песни см. т. I, 21, 25, 41, 42, 94, 98, 120, 126, 145, 155, 165, 190, 192, 197, 221, 253,

269, 270, 286, 302, 327, 332, 366, 374, 405, 424, 443, 447; том II, 4, 131, 218, 442, 449, 465, 469, 519; том III, 20, 31, 59, 64, 76, 107, 193, 214, 267, 271, 272, 277, 425, 456, 499, 507, 512, 530, 562; т. IV, 22, 290; том V, 7, 45, 100, 103, 232, 324, 551, 738; том VI, 11, 17, 23, 50, 55, 148, 207, 247, 336, 369, 372; том VII, 7, 65, 266, 743.

Советов, М. П.—Современная частушка в Саратовском крае. Труды Н. В. Общества краеведения, вып. 34, ч. 4-ая, 1926, стр. 51—60.

Соколов, Б. М.—О былинах, записанных в Саратовской губернии. Научное приложение к журналу „Культура“, 1, 1922, стр. 2—17.

Соколов, Б. М.—По Петровскому уезду. Труды Нижне-Волжского общества краеведения, вып. 34, часть IV. Саратов, 1926, стр. 7—21.

Соколов, Б. М.—Этнографическое изучение Саратовского края. Саратовский Этнографический сборник, вып. 1, Саратов, 1922, стр. 3—49.

Соколов, М. Е.—Былины, исторические, военные, разбойничьи и воровские песни, записанные в Саратовской губернии. Петровск, 1896.

Соколов, М. Е.—Былины, предания и песни, записанные в Саратовской губ. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 25, 1909, стр. 244—265. (Былина, 3 историч. песни, 16 лирических песен).

Соколов, М. Е.—Великорусские весенние хороводные песни, записанные в Саратовской губ. Владимир, 1908. (104 песни).

Соколов, М. Е.—Великорусские песни, записанные фонетически. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 24, 1908, стр. 129—133. (2 былины, 3 исторических песни).

Соколов, М. Е.—Великорусские сатирические песни. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 26, 1910, стр. 124 (5 песен).

Соколов, М. Е.—Великорусские свадебные песни и причитания, записанные в Саратовской губ. Саратов, 1893. (Дано 95 песен).

Соколов, М. Е.—Великорусские свадебные песни Саратовской губ. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 29, 1912, стр. 129. (Приведено 29 свадебных песен).

Соколов, М. Е.—Великорусские шуточные песни, записанные в Саратовской губ. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 26, 1910, стр. 124. (5 песен).

Соколов, М. Е.—Исторические песни Саратовской губ. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 24, 1908, стр. 133—143. (14 исторических песен).

Соколов, М. Е.—Обряды, поверья и суеверия великорусов Саратовской губернии. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 33, 1916, стр. 97—105. (Приведено 12 обрядовых песен).

Соколов, М. Е.—Песни А. С. Пушкина и крестьян Саратовской губ. о Степане Разине, Саратов, 1902.

Соколов, М. Е.—Фонетическая запись сказаний об Илье Муромце. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 24, 1908, стр. 124—128.

Сон богородицы. Сообщил Ф. С. Голицын. Саратовский сборник, т. 1, часть 2-ая, 1881, стр. 32.

Старая учительница. Власть тьмы. Народные поверья и предрассудки, записанные в слободе Песчанке Балаховского у. „Саратовский листок“, 1898, 3—4.

Сухов, П. М.—К легендам и преданиям о табаке. „Этнографическое обозрение“, кн. 36, 1898, 1, стр. 156.

Сухов, П. М.—Несколько данных по народному календарю и о свадебных обычаях крестьян Саратовской губ. „Этнографическое обозрение“, книга 13—14, 1892, 2—3, стр. 239—245.

Сухов, П. М. — Песни и игры на „вечеринках“ в селе Нижне-Добринка, Камышинского уезда, Саратовской губ. „Этнографическое обозрение“, кн. 21, 1894, 2, стр. 162, 167.

S-б. Причитания невесты. „Саратовский справочный листок“, 1878, 62.

Теплов.—Два слова по поводу одной книги (А. Минх. Народные обычаи... Саратовской губ. Рецензия). „Саратовский дневник“, 1890, 85.

Терещенко, А. В. — Быт русского народа, часть II, М., 1848, стр. 288—372. Свадьба в Саратовской губ. (84 песни и причитания). Голосовые песни, употребляемые при свадьбах в Саратовской губ. (73 песни).

Труворов, А. Н.—О свадебных обрядах крестьян Сердобского уезда. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, 1859, кн. III, отд. VI, стр. 27—42.

Тулульников, И. Д. — Композиция напева былины об Иване Гостинном сыне. Труды Нижне-Волжского общества краеведения, вып. 35, часть этнографическая, 1928.

Турист.—Бугор Стеньки Разина. „Саратовский листок“, 1837, 150.

Хвалынский. — О свадебных обычаях. „Саратовский листок“, 1882, 32.

Хованский, Н. Ф. — Пугачев и пугачевщина в селах и деревнях Саратовской губернии. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 29, 1912, стр. 151—155.

Чапай. Сб. составил Паймен. М., 1938.

Шейн, П. В.—Русские народные песни. „Чтения в истории и древности российских“, 1877, кн. III, стр. 59—60.

Шейн, П. В.—Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях и т. п., т. I, вып. 1 и 2. (Приведено 32 песни Саратовской губернии: 543, 610, 696, 700, 719, 769, 770, 803, 805, 911 и с 2377 по 2398.

Шейн, П. В.—Песни былевые. „Чтения в истории и древности российских“, 1877, стр. 24, 43, 59, 67, 69, 95, 120, 121.

Щеглов, С. А. — Кладовая запись. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 30, 1913, стр. 251.

Щеглов, С. А. — Кладовая запись. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 33, 1916, стр. 106.

Щеглов, С. А. — Предварительные археологические разведки у селений Кошели и Березняки, Вольского уезда. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 29, 1912, стр. 93. (Предание о „перекати поле“).

Юдин, П. Л. — Жалоба крестьян „Царю небесному“ на земский суд. „Саратовский коммерческий вестник“, 1903, 32. Перепечатано „Русский архив“, 1908, 10, стр. 215—217.

Юдин, П. Л. — Кудеярова гора (Предания и легенды). „Приволжский край“, 1903, 10 декабря.

Юдин, П. Л. — Новые легенды о Стеньке Разине. „Знание и искусство“, иллюстрированный журнал при Биржевых ведомостях, 1903, 21, стр. 161.

Юрьев, В. П. — Пережитки старины (О кн. М. Е. Соколова „Песни Пушкина и крестьян Саратовской губ.“). „Саратовский дневник“, 1902, 9.

С Л О В А Р Ь МЕСТНЫХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

- баить — говорить, рассказывать
барбичи — видимо, искаженное французское слово барбет — земляная площадка для установки артиллерийских орудий
белуим (бедуин) — верхняя одежда
больнушки — болячки
браный — вытканый с узором
барок (жемчужный барок) — ожерелье, бусы
беседа (пир-беседа) — вечеринка; сяду на деревянную беседу — скамейку; смиренная беседа — разговор
брехать — лаять (о собаке), говорить неправду
венгерка — куртка с нашитыми поперечными шнурками
венцы — ряд бревен в срубе, четыре связанных бревна
взвеселитель — человек, радующий кого-либо
видки — пространство, которое можно окинуть взором
вилульки — повороты тропинки
винтовать — извиваться, вертеться
волынка — народный музыкальный духовой инструмент, состоящий из нескольких трубок, вделанных в кожаный мешок или пузырь, через которые вдувается воздух. Широко употреблялся скоморохами
вор — злодей, государственный преступник
всклянь — до краев
вспыхнуть — вспорхнуть
выходы (золотые были выходы) — двери
вяхать — лаять (о собаке)
гарнитуровый (платок) — из плотной шелковой ткани
гашник — шнурок или ремешок, поддерживающий шаровары
голышня — бедняк, оборванец
гудок — музыкальный инструмент с тремя струнами, род скрипки
девишник (девичник) — последний досвадебный обряд, вечер у невесты

дикарёчек — уменьшительное от слова дикарь — камень-песчаник для постройки и мощения улиц
 док (дока) — ловкач, знаток
 жегучая (жегучая крапива) — жгучая
 жупан — верхняя теплая одежда
 журушка — ласковое название журавля
 забрехать — налгать на кого-либо
 завалинка — земляная насыпь вдоль наружных стен избы
 загалдиться — захлюпотаться, говорить об одном и том же
 загануть — загадать
 замухряйка — неопрятная женщина
 заюжать — завизжать
 земчуг — жемчуг
 зипун — крестьянская верхняя одежда из грубого домашнего сукна
 злакументы — искаженное народное злокоманный — зловерный, зложелательный, злокоман — враг, недруг
 злыдарить — плакаться, жаловаться на судьбу
 ковырлы (лапти-ковырды) — лапти с подковыркою, т. е. двойные, проплетенные, с особой отделкой
 Козьма-Демьян — День Козьмы Демьяна — 1-ое ноября, осенний девичий праздник, на который к ним приходили парни в специально снятую для празднования избу
 кокошник — старинный головной убор замужних женщин и девиц
 корабль — корабль
 коркошкй — (посадить на коркошки) посадить себе на спину
 корбушка — короб, сундук, сшитый из луба
 коровушка или каравушка — коровы
 косная лодочка — легкая лодка на Волге для переездов (не для промысла) с большим количеством гребцов, со съемной мачтой для паруса
 косырь — большой толстый нож, употребляемый в хозяйстве
 кочет — петух
 коханочка — возлюбленная
 кружало — в данном случае гончарный круг
 куковёнок — птенец кукушки
 культюшки — руки с обрубленными кистями
 курник — свадебный пирог, украшенный бумажными цветами и лентами
 куртинка — уголок сада, островок леса
 куроход — хоровод, группа людей, компания
 лестунья — женщина, действующая притворной ласкою, лестью
 линуть — пролиться
 лытать — уклоняться от работы, ходить без дела
 марать — пачкать
 мерлюга — берлога
 мера печатная — мера, проверенная, с государственной печатью
 мыкальничек — уменьшительное от мыкальник, лукошко или корзинка, куда складывают „мочки“, приготовленную для прядения кудель (лен, коноплю)

наказывать — поручать
 нанковый (нанковы халаты) — халаты из нанки, бумажной
 ткани желтого цвета, нарядные халаты
 нахвастать — наговорить лишнего
 небуевая (дороженька небуевая) — печальная, горькая
 оборы — шнуры, особо сплетенные, для подвязывания лаптей
 образовать — дать образование, воспитать
 обратать — надеть на лошадь узду, оседлать
 обряда — наряд, одежда
 отерхаться — оборваться, обноситься
 отрока — торока, ремни у задней седельной луки для привя-
 зывания чего-либо
 отудобеть — очнуться, придти в себя
 панталы — фанталы—фонтан
 панталы — панталык—толк, сбить с панталы—сбить с толку
 Пари з — Париж
 паскуда — бранное слово,—негодяй, пакость, гадость
 передом почту (передом почтить) — оказать честь в пер-
 вую очередь
 перепархивать — перепархивать
 пехтель — пест, закругленный на концах шест для толчения
 в ступе
 плюха — оплеуха
 побанить—помыть, попарить в бане
 повойник — головной убор замужней женщины
 погасить — умертвить
 погатить (погатена роца) — сделать дорогу, вымостить
 подол (на опушку круг подолу) — нижний край одежды
 положок — уменьшительное от полог, занавес у дверей, у
 кровати
 помочь — помощь
 поставы — заставы, посты
 потанкивать — слегка погонять, покрикивать на лошадь
 потривецки, по-немецки—данное сочетание, видимо,
 представляет игру рифмою
 потухши (чуть не был потухши) — умирающий, чуть
 не умер
 пошабашить — прекратить работу, сделать перерыв
 в работе
 приглядчивый — такое, к чему глаз быстро привыкает
 пригунуть — вздремнуть, соснуть
 приветить — приютить, ласково встретить
 призагунуть — задремать
 причелинка — подоконник, верхний или нижний косяк
 в окне или двери
 прикрылышко — клирос, или народное „крылос“—место
 в церкви для хора
 прочутился — появился (неожиданно)
 прядево — конопля или лен в виде больших пучков,
 приготовленных для пряденья
 разбумажить (кудри разбумажила) — распушить, взбить
 развопливать — вопить, громко причитать

разгрублять — сердить, расстраивать
 разгрустить — печалить
 размазан (сазан-размазан) — повидимому, чисто звуковое сочетание
 раменный (стены раменные) — прилагательное от слова рамень--бревно определенного размера (5—7 сажен)
 рассусливать — рассуждать, церемониться
 растребушить — растрепать, растеребить
 репей — растение, чаще всего лопух
 решить — убить, покончить
 рушить (закон рушила) — нарушить
 сандал — краска, красящее дерево
 сарынь — толпа, ватага
 сарынь, на кичку! — бурлаки, на нос!
 сгорюхнуться — опечалиться
 свести дом (дом свёла) — создать хозяйство
 семик — седьмой после пасхи четверг считался девичьим праздником, когда совершались особые весенние обряды
 сень — тень
 сиденочки — посиделки
 сипеточка — труба
 сказка (скажи ей сказку, как я живу здесь...) — весть, сообщение
 скнипа — ругательство: попрошайка, человек, прикидывающийся бедняком
 скоморох — народный актер древней Руси
 скоморох — птица, один из видов дрозда
 скопидомница — женщина, заботящаяся о накоплении в хозяйстве
 смикитить — сообразить
 собраты — готовый, приготовленный
 сугробы — строгий
 судьба (мать судьбою наделила) — участь, доля
 судьба (ручка с ручкой сощеплялися и судьбою назывались)—предназначенный в супруги
 суженый-ряженый — жених, будущий супруг, „назначенный судьбой“
 ширнуть — столкнуть
 сырт — возвышенность, водораздел
 таратынский (дуб)—от слова таращить, дуб с широко раскинутыми ветвями
 торбочка—мешочек
 тряски—хорошая, курчавая черная овчина
 удить—бить, душить
 удобить—испугаться
 уимать—уговаривать
 улещать—склонять к чему-либо ласками, лестью, обещаниями
 утильный—маленький, крошечный
 утылда—образовано от утылый,—тучный, жирный
 халупа—небольшая бедная хата
 хлебово—похлебка, горячая пища.

х л у п—туловище птицы без конечностей и головы
х у н д ы р я — повидимому, то же, что гундырь — неуклюжий, толстый, тяжелый на подъем человек
ц а б л я — сабля
ц е в о ч к а — тонкая катушка в челноке для ткацкого станка
ч а д ы н ь к а — уменьшительное от чадо, дитя; иногда говорится взрослому в насмешку
ч а н о в ы в о р о т а — ворота со столбами и крышей, полотна обиты тесом и украшены резьбой
ч и р к у н — сверчок
ч и с т ы й п о н е д е л ь н и к — понедельник на первой неделе поста, с ним связано представление о похмелье, так как он идет вслед за масляницей
ч и щ а — место, освобожденное от леса для пашни
ч и щ у ч и с т и т ь — расчищать место от леса под пашню
ч у б а р ы й — масть лошади, с темными пятнами по светлой шерсти
ч у в а л — мешок
ч у л а н — здесь — место в избе около печи, отгороженное легкой перегородкой, где готовится пища
ш а б о л и к и — лохмотья, рваная одежда
ш а б р е н у ш к а — соседка (ласкательно)
ш а л е в ы й п л а т о к — нарядный шерстяной платок
ш а п к а - м а з а н к а — ямщицкая кожаная шапка
ш а р а б а н ч и к — легкая повозка
ш и б н у т ь — бросить, толкнуть
ш и р (щир) — название растения щирца (цыганка), иногда употреблялась в пищу
ш и р о в а я у л и ц а — заросшая щирцей, красной травой
ш и ш и м о р а — вор, разбойник
щ а п л и в ы й — щегольской, нарядный
щ и к а т у н к а — шкатулка.
щ е п е т н е е — изряднее

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ, ГДЕ БЫЛИ СДЕЛАНЫ ЗАПИСИ *

1. д. А б д у л о в к а, Базарно-Карабулакского района, б. Вольского уезда.
2. д. А г е е в к а, Турковского района, б. Балашовского уезда.
3. д. А п р я н и н о, Балтайского района, б. Вольского уезда.
4. х. Б а д а е в с к и й, Сердобского района, б. Сердобского уезда.
5. с. Базарный Карабулак, того же района, б. Саратовского уезда.
6. д. Б а к а л д ы, Ново-Бурасского района, б. Саратовского уезда.
7. с. Б а к л у ш и, Кистендейского района, б. Балашовского уезда.
8. с. Б а л т а й, того же района, б. Вольского уезда.

* Населенные пункты обозначены и по старому и по новому административному делению.

9. с. Б е л ь щ и н о, Макаровского района, б. Балашовского уезда.
10. с. Б е л ы й К л ю ч, теперь Пензенской области, б. Кузнецкого уезда.
11. с. Б е л ы й К л ю ч, Базарно - Карабулакского района, б. Вольского уезда.
12. д. Б е р е з о в к а, Турковского района, б. Балашовского уезда.
13. с. Б и к л е й, Базарно-Карабулакского района, б. Вольского уезда.
14. с. Б о ц м а н о в о, Турковского района, б. Балашовского уезда.
15. с. Б о л т и н о, теперь Пензенской области, б. Кузнецкого уезда.
16. с. Б. С е с т р е н к и (теперь Кр. Звезда), Кистендейского района, б. Балашовского уезда.
17. с. В с е в о л о д ч и н о, Балтайского района, б. Вольского уезда.
18. с. Е л ш а н к а, Хвалынского района, б. Хвалынского уезда.
19. с. Е л ш а н к а, Воскресенского района, б. Саратовского уезда.
20. с. Е р е м к и н о, Хвалынского района, б. Хвалынского уезда.
21. д. З и н о в ь е в к а, теперь Пензенской области, б. Петровского уезда.
22. с. З у б р и л о в к а, теперь Пензенской области, б. Балашовского уезда.
23. с. И в а н о в к а, Хвалынского района, б. Хвалынского уезда.
24. д. К а м е н к а, Вязовского района, б. Саратовского уезда.
25. с. К а р п о в к а, теперь Пензенской области, б. Сердобского уезда.
26. с. К и к и н о, Балтайского района, б. Вольского уезда.
27. с. К л ю ч е в к а, Ново-Бурасского района, б. Петровского уезда.
28. с. К о з л о в к а, теперь Пензенской области, б. Петровского уезда.
29. с. К у р а к и н о, теперь Пензенской области, б. Сердобского уезда.
30. с. К у т ь и н о, Ново-Бурасского района, б. Петровского уезда.
31. с. Л а п о т ь, Золотовского района, б. Саратовского уезда.
32. с. С т. Л е б е ж а й к а, Хвалынского района, б. Хвалынского уезда.
33. с. Л о х, Ново-Бурасского района, б. Саратовского уезда.
34. с. М а к а р о в о, того же района, б. Балашовского уезда.
35. с. М а к с и м о в к а, Куриловского района, б. Вольского уезда.
36. с. М. С е р д о б а, теперь Пензенской области, б. Сердобского уезда.
37. с. М е щ е р с к о е, Пензенской области, б. Сердобского уезда.
38. с. Н. Ж у к о в к а, Куриловского района, б. Вольского уезда.

39. с. Надеждино, Пензенской области, б. Сердобского уезда.
 40. с. Озерки, Ново - Бурасского района, б. Петровского уезда.
 41. с. Пилюгино, Балтайского района, б. Вольского уезда.
 42. д. Подлесное, Хвалынского района, б. Хвалынского уезда.
 43. д. Поздюневка, Балтайского района, б. Вольского уезда.
 44. д. Поник, Балтайского района, б. Вольского уезда.
 45. с. Поповка, Хвалынского района, б. Хвалынского уезда.
 46. с. Поселок, Черкасского района, б. Хвалынского уезда.
 47. с. Потьма, Ртищевского района, б. Сердобского уезда.
 48. с. Пристанное, Ворошиловского района, б. Саратовского уезда.
 49. с. Рудня, теперь Сталинградской области, б. Камышинского уезда.
 50. с. Русская Норка, теперь Пензенской обл., б. Петровского уезда.
 51. с. Садовка, Балтайского района, б. Вольского уезда.
 52. х. Синенькие, Ворошиловского района, б. Саратовского уезда.
 53. с. Соймино, теперь Пензенской области, б. Петровского уезда.
 54. с. Софьино, теперь Пензенской области, б. Сердобского уезда.
 55. с. Трубетчино, Турковского района, б. Балашовского уезда.
 56. с. Ханеневка, Базарно-Карабулакского района, б. Вольского уезда.
 57. с. Чардым, Воскресенского района, б. Саратовского уезда.
 58. Черемшаны, Хвалынского района, б. Хвалынского уезда.
 59. с. Чиганак, Ртищевского района, б. Сердобского уезда.
 60. с. Чириково, Турковского района, б. Балашовского уезда.
 61. с. Шаховское, теперь Ульяновской обл., б. Хвалынского уезда.
 62. с. Шиковка, теперь Ульяновской обл., б. Хвалынского уезда.
-

СОДЕРЖАНИЕ

Т. Акимова.—Устное поэтическое творчество саратовского Поволжья	3
---	---

Былины и побывальщины

1. Об Иване Гостином сыне	57 438
2. Ходил-то я гулял по диким степям	57 439
3. Сухманушка	58 440
4. Об Илье Муромце и Соловье-Разбойнике	58 440
5. Илья и Соловей-Разбойник	65 440
6. Жил Илья Муромец	66 441

Песни и причитания

Исторические песни

7. Как за реченькой, как за быстрою	70 442
8. Грозен царь Иван Васильевич	70 443
9. Над речкой над Казанушкой	71 443
10. Соловей кукушку уговаривал	71 443
11. Соезжались, ой как собирались добры молодцы	72 444
12. Во шестом году восьмой тысячи	73 445
13. Вниз по матушке по Волге	74 445
14. Вы пойдемте-ка, братцы	75 446
15. Шатрики	75 446
16. Эх, не сказать ли вам, братцы, про Тихий Дон	76 447
17. Нам не дорого хозяйско пиво пьяное	76 447
18. Пишет, пишет король шведский государыне в Москву	77 447
19. Как по морю, морю синему	77 447
20. У Платова казака	78 448
21. Какой нонешний денечек	79 448
22. Разорена путь-дорожка	80 450
23. Вы, кусты, мои кусточки	81 450
24. Вор на острове родился	81 450
25. Из-за лесу, лесу темного	82 452

Боевые солдатские песни

26. Было дело под Полтавой	83 453
27. Поле чистое, турецкое, мы когда тебя пройдем	83 453

28. Пишет, пишет к нам султан турецкий	84	453
29. Вспомним, вспомним-ка, братцы-ребята	85	453
30. Было дело в Порт-Артуре	85	453
31. На возморье мы стояли	86	453

Рекрутские и солдатские песни

32. Расхороша наша барыня	87	454
33. Заря моя, зоренька вечерняя	87	454
34. Мимо ельничку, мимо березничку	88	454
35. У нас нынешний денечек	88	454
36. Разливалась Воложка, во крутые бережки не уби- ралась	89	454
37. Не белы снежки	90	455
38. Соловей-соловушка, соловей молоденький	91	456
39. Дуйте, дуйте, ветерочки	91	456
40. Долина, ты, моя долинушка	92	456
41. Гулял Ванюшка неделюшку	93	456
42. По Елшанушке, по матушке	93	456
43. Прощай, город, еще прощай Вольский	94	456
44. Уж ты, свет, ты, мой свет	94	456
45. Чем ты, рощенька, разукрашена	95	457
46. Во поле елочка стоит	96	457
47. Эх вы, горы мои, да горы крутые	96	457
48. Уж ты, сад, ты, мой сад	97	459
49. Ой ты, сад, эх осыпашешься	97	459
50. Служил год, служил два	98	459
51. Ехали стрелочки	98	459
52. Выходила моя матушка	99	460
53. Раскалинушка-размалинушка	100	460
54. Разгневался батюшка на сыночка своего	101	460
55. Как сказали сырому дубочку	101	461
56. Спородила молода дивчина	101	461
57. Как за речкою за Невагою	102	461
58. Жавороночек размолоденький	102	461
59. Уж ты, поле мое, поле чистое	103	462
60. За Кубанью за рекой	103	462
61. Приехал гусарик к коханочке в гости	104	462

Ямщицкие и бурлацкие песни

62. Уж ты, степь моя, степь Саратовска	106	463
63. Извозчикам, хвалят, жизнь хороша	107	464
64. Мне не жаль-то платка, платка алого	107	465
65. Что на Ванюшку-дружка	108	465
66. Отрывки бурлацких песен	108	465
67. Как и в нынешнем годочке	109	465
68. Был на горке, да был я на горе	110	465
69. Разъезжает наш хозяин	111	465

Весенние хороводные и игровые песни

70. В сыром бору ёлынька, ёлынька	112	466
71. На улице дождик накрапает	112	466
72. Выходите вы, красны девушки	113	467
73. Выходили красны девушки	113	467

74. На леду голубь воркует	114	467
75. Уж ты, улица, улица моя	114	468
76. Как по морю, морю синему	115	468
77. Парашенька пашенку пахала	116	468
78. Как и стелется репей	116	468
79. По морю, морю по синему	117	468
80. Веселитесь, подружки	117	468
81. Не на месте саalik вырос	118	468
82. Не гуси, не лебеди	118	468
83. А мы чищу чистили, чистили	120	469
84. Селезень мой, селезень мой	121	469
85. Ходил Борис	121	469
86. Как у наших у ворот	122	469
87. Как со вечера цепочки горят	123	469
88. Солетались голубушки	123	469
89. Как по лугу, лугу, лугу зеленому	124	469
90. Уж вы, реки, мои реки	124	469
91. Как под белою под березою	125	470
92. Вдоль по речке	126	470
93. Уж ты, веснушка, моя весна	126	470

Свадебные песни

94. Залетела вольна пташечка	127	471
95. Разливается полая вода	127	471
96. Уж ты, свахынька приезжая	128	471
97. Сопровожамши меня, родна мамынька	128	471
98. Как у нашего князя-боярина	128	171
99. Что за ноченька, что за темная	129	471
100. Уж ты, сад, ты, мой сад	129	471
101. Бежит речка, не шелохнется	130	471
102. Полевая наша ягодка	130	471
103. Не знала я, не ведала	131	471
104. Отставала я, лебедушка	131	472
105. Вечор были на девишнике	132	472
106. Уж вы, речушки, речушки	132	472
107. Вы, цветы ли, мои цветики	133	472
108. Как во лугах, зеленых лугах	134	472
109. Недолго веночку	134	472
110. Затрубили трубоньки	135	472
111. На горе, горе на всей красоте	136	472
112. Вьюн над воллой увивается	136	472
113. Как и по лугу, лужочку	137	472
114. Долина, долинушка	138	472
115. Во палатах белокаменных	138	473
116. Пчела белая рябая была	139	473
117. Как во горенке лежат гусли	139	473

Свадебные причитания

118. Родной батюшка	140	473
119. Размилой ты, мой батюшка, лебедушка матушка	141	473
120. Уж вы, лебедушки мои	142	473
121. Подойди-ка, родной батюшка	142	473

122. Лебедушка моя матушка	142	473
123. Не красно солнце на закат всходит	145	473
124. Лебедушки мои белые, подруженьки любимые	145	473
125. Летела вольна птичка	146	473

Величальные песни

126. Как у чарочки у серебряной	147	473
127. Ах, кто у нас умея	147	473
128. Д' уж и нет у нас такого старика	148	473
129. У садовой сладкой яблоньки	149	473
130. Как у месяца, как у ясного	149	474
131. Как у сокола, как у ясного	150	474
132. Уж ты, трость моя, тростынька	150	474
133. По стулечку, стулечку рюмочки гремят	151	474
134. Чей березник кудреватый	151	474

Причитания и плачи

135. Кормилец ты-мой, сыночек	152	474
136. Родимый ты мой, сыночек	152	474
137. Не думала я разгорькая	153	474
138. Плач жены по мужу	154	474
139. Причитание дочери по матери	156	474
140. Кормилица ты моя, мамынька	157	474
141. На кого ты меня, матушка, покинула	157	474
142. Причитание замужней женщины по матери	157	474
143. Причитание по мужу	158	475
144. Причитание матери по сыну	159	475

Любовные, семейные и другие лирические песни

145. Можно, можно в роше разгуляться	160	476
146. Безо времечка снежки белы выпадали	161	476
147. Сижу я на лавочке	161	476
148. Чесал милый кудерьки	162	476
149. У ключа было, у ключика холодного	162	476
150. Не поучить ли тебя, Ванюшка	163	476
151. Тошно, скушно мне, красной девчонке	164	476
152. Стоит село новое	164	476
153. Подуй, подуй, погодушка	165	476
154. Калина с малиною	166	476
155. Затопила горенку	167	477
156. Затеяла баба хлеба	168	477
157. Чтой-то в поле за травынька	169	478
158. Черная ягодка-смородинка	169	478
159. Летал голубь, летал сизый	170	478
160. Из-под двух белых берез	170	478
161. Мужик пашенку пахал, он пахал	171	478
162. Как у наших у ворот	171	478
163. Дули ветры, дули буйны	171	478
164. На зореньке коровушку доила	172	478
165. Уж ты, Катя, Катюшенька	172	478
166. Рано Машенька вставала	173	478
167. Как по саду городскому мимо рубленых ворот	174	479

Старинные революционные песни

168. Ни кола, ни двора	176	479
169. Ах ты, доля, моя доля	177	479
170. Ночь темна, считай минуты	177	479
171. Орел молодой по воле летал	178	481
172. Солнце всходит и заходит	178	482
173. Голова ты моя удалая	179	482
174. От павших твердынь Порт-Артура	179	483
175. Уж ты, горе, мое горе	181	483
176. Голова ль ты моя удалая	182	483

Юмористические и плясовые песни

177. Что же ты, хмелюшка, не родишься	183	484
178. На горе калинушка стояла	184	484
179. Возле лесища	184	484
180. Уж ты, рак, родной брат	186	484
181. Не пора ли нам, ребята, чужо пиво пить	187	484
182. Я с комариком плясала	188	484
183. Как жена мужа продала	188	484
184. Рукавички заложу, а масляницу всё провожу	188	484
185. Подрались Катюха с Марюхой	189	484
186. Как покровский поп	189	484
187. Молодка, молодка молоденькая	190	484

Детские песни

Песни о жаворонке

188. Жаворонки, прилетите	192	485
189. Жаворонушки, на соломушке	192	485
190. Жавороночки	192	485
191. Жаворонушки, мои матушки	193	485

Колыбельные

192. А баю, баю, баю	193	485
193. Качу, баю за зыбою	193	485
194. А баю, баю, баю, живет Микон на краю	194	485
195. У кота-веркота	194	485
196. Прилетели галки	194	485
197. А ту-ту, ту-ту, ту-ту	194	485
198. А котики, котики	195	485

„Тутушкальные“

199. Тянушки-потянушки	195	485
200. Ах, милая моя	195	485
201. Летел петушок	195	485
202. Сорока, сорока	196	486
203. Посдем, хозяйюшка, со мной на базар	197	486

Песни-игры

204. Заинька, во кружок	198	486
205. Заинька, серенький, где ты был	199	486
206—207. Игра в прятки	200	486
208. Как, как утена по лугам ходила	200	486
209. Заинька, заинька, серенький	201	486

Считалки

210. У бы... у бы... у быка	201	486
211. Шла кукушки по мосту	202	486
212. Домик, домик двухэтажный	202	486

Песни-прибаутки

213. Болтушка	202	486
214. Белый зайчик	203	486
215. Летел, летел скворец	203	487
216. Ты пойдешь, моя радость	203	487
217. Да поехал мужичок	204	487
218. Туру, туру, пастушок	201	487

Частушки

219—253	209	487
-------------------	-----	-----

Загадки

254—282. О природе	212	487
283—302. О сельском хозяйстве	215	
303—348. Бытовые	218	
349—358. О человеке	224	

Народная драма

339. Как француз <u>Москву брал</u>	226	439
---	-----	-----

С к а з к и

М. В. Алешина

360. Петух и жерновы	233	492
361. Глинка	235	493
362. Снегурушка	235	493
363. Старик со старухой воевали	239	493
364. По вилюлькам	239	493
365. Жена самолюбивая	240	493
366. Мальчик с пальчик	241	493
367. Сыночек Ванюшка	244	493
368. Две дочери	246	494
369. Про Ванюшку-дурачка	248	494
370. Про полковника	252	494
371. Безручка	258	494
372. Про лягушку-царевну	267	495
373. Поргуней-прапорщик	273	495
374, 375, 376. Былички	283	495

П. К. Артёмьев

377. Жестокая барыня	286	497
378. Поп и работник	288	497
379. Про купцов	292	497
380. Ванюшка-дурачок	296	497
381. Про нужду	301	497

Сказочник Савихин

382. Два брата	304	498
383. Про царя и двух мастеровых	315	498
384. Как я служил у барыни кучером	323	498

М. Т. Сесин

385. Как львица воспитала царского сына	325	500
386. Про попа	335	501
387. Поп и мордвин-колесник	336	501
388. Про чистоту, красоту и высоту	336	501
389. Небылица	337	501
390. Небылица	337	501

Сказки разных сказочников

391. Антон—озорковатый кучер	339	501
392. Землевладелец	341	501
393. Барин и горшечник	342	501
394. Из сумки двое	344	502
395. Барин и кучер	347	502
396. Как барин телился	348	502
397. Про гуся	349	502
398. С того света	349	502
399. Про попа	350	503
400. Поп и работник	351	503
401. Бедняк Иван	355	503
402. Как бедный судился	359	504
403. Ерундовка	361	504
404. Как старик со старухой воспитали бычка	365	504
405. Фарафон	368	504
406. Пряха	371	504
407. Про Петра I	371	504
408. Про охоту	373	504

Детские сказки

409. Уж	384	506
410. Про девушку и медведя	385	506
411. Про горох	386	506
412. Лиса-плачя	386	506
413. Горох	388	506
414. Мужик и лиса	389	506
415. Про пирожок	390	506
416. Кочеток и кот	392	506
417. Лиса и скomorox	393	507

Анекдоты, прибаутки, поговорки и пословицы

Я. Г. Парфенова

418. Календарь	395	508
419. О попе	395	—
420. Поп и псаломщик	396	—
421. Как воры попа напугали	396	—
422. Попы в аду	397	—
423. О свекрови	397	—

424. Ленивая старуха	398	—
425. Две лени	398	—
426. Мужик и чорт	398	508
427. Как нашли вора	399	—
428. Как солдат смерть обманул	399	508
429. Ваня и коза	399	—
430. Перепелка и дергун	400	508
431. С заднего колеса	400	508
432. Присказка	401	—
433. Как медведь девку утащил	402	508
434—467. Автобиографическое	403	509
468—491. Пословицы и поговорки Я. Г. Парфенова	408	509

П р е д а н и я

Об урочищах и заселении новых мест

492. Это было давно	412	510
493. Караульная гора	413	510
494. Катюшина гора	413	510
495. Село Елшанка	413	510

О Степане Разине и Пугачеве

496. Бугор Степана Разина	415	510
497. Степан Тимофеевич Разин	415	511
498. Работал я в Чирикове	416	511
499. Тут населения тогда не было	416	511
500. Пугачев год был	417	511
501. Пугачев-то, он тут	417	511

О крепостничестве

502. Кудеяр-разбойник	419	511
503. Когда князь Куракин	420	511
504. О 1861 годе	421	511
505. Пожар	422	511
506. Куракин пьяный	422	511
507. На фабрике	422	511
508. Воля	423	511
509. Случилась на ярмарке драка	423	511
510. Свекровь рассказывала	424	511
511. Барщина	425	511
512. Петин барин	425	512
513. Вредный был барин	426	512
514. Гаврила Егорыч у барина был мальчиком	426	512

О 1905 годе

515. Казнь лейтенанта Шмидта	427	512
516. 1905 год в Куракине	428	512
517. В с. Бельщино	429	512
518. В 1905 году громили дом помещика Зацепина	429	512
519. Столыпина хорошо помню	430	512
520. Около Боцманова	431	512
521. Карательная экспедиция	432	512

522. В селе Чирикове	432	512
523. Я два года жил в кабале	433	512
1. Комментарий		435
2. Библиография Саратовского фольклора		513
3. Словарь местных и малоупотребительных слов и выражений		521
4. Алфавитный указатель населенных пунктов, где были сделаны записи		525

Художник *Б. Миловидов*

Редактор *В. Горбунова*

Корректор *Л. Семенова*

НГ23277. Подписано к печати 26/IX 1946 г. Тираж 10.000.
Объем: печатных листов 33¼; учетно-издательских листов 28.
Цена 14 р. Переплет 2 р.

Саратов. Типография № 1 Полиграфиздата. Заказ 1683.

